

СОВЕТСКИЕ СИЛОВИКИ

Леонид
Млечин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Всероссийскую чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и саботажем большевики создавали для того, чтобы справиться с армией чиновников, которые бойкотировали новую власть и саботировали распоряжения Совета народных комиссаров. Но руководители партии быстро поняли цену органам госбезопасности как важнейшему инструменту контроля над страной. Так появились силовики, которых в старой России не было. Новая книга Л. Млечина рассказывает о треугольнике власти: партийные секретари, военачальники, руководители спецслужб...

Во второй части книги отсутствует текст Главы "От матриархата до секретариата" в исходном pdf

-
- [Леонид Млечин Советские силовики](#)
 - [Вместо предисловия](#)
 - [Часть первая](#)
 - [ТРОЦКИЙ. НАШИ БОНАПАРТЫ](#)
 - [ФРУНЗЕ. СТРАННАЯ СМЕРТЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕВВОЕНСОВЕТА](#)
 - [ДЗЕРЖИНСКИЙ. «НЕТ ИМЕНИ СТРАШНЕЕ МОЕГО»](#)
 - [МЕНЖИНСКИЙ. АРМИЯ ПОД ПРИСМОТРОМ](#)
 - [ГОСБЕЗОПАСНОСТЬ И НОМЕНКЛАТУРА](#)
 - [Часть вторая. ВОЕННЫЕ И ЧЕКИСТЫ](#)
 - [ОТ МАТРИАРХАТА ДО СЕКРЕТАРИАТА](#)
 - [ЯГОДА, ТРОЮРОДНЫЙ БРАТ СВЕРДЛОВА](#)
 - [ВОРОШИЛОВ. «ПЕРВЫЙ КРАСНЫЙ ОФИЦЕР»](#)
 - [ОСОБИСТЫ И АРМИЯ](#)
 - [МЯТЕЖ В МОСКВЕ](#)
 - [ПОБЕГ КОМКОРА ГАЯ](#)
 - [ЕЖОВ. КРОВАВЫЙ КАРЛИК](#)
 - [ДЕЛО МАРШАЛА ТУХАЧЕВСКОГО](#)
 - [КРАСНАЯ ПАПКА ОБЕРГРУППЕНФЮРЕРА ГЕЙДРИХА](#)
 - [«Я СЛУЧАЙНО НЕ СГНИЛ»](#)
 - [КОНТРОЛЬ НАД ОРГАНАМИ](#)
 - [КАРЬЕРА ЛАВРЕНТИЯ ПАВЛОВИЧА](#)
 - [ТИМОШЕНКО. ОТЧАЯННЫЙ РУБАКА](#)

- [МЕРКУЛОВ. РАЗДЕЛ ЛУБЯНКИ](#)
 - [Часть третья](#)
 - [ЗА ЧТО РАССТРЕЛЯЛИ ГЕНЕРАЛА ПАВЛОВА?](#)
 - [САМЫЙ СТРАШНЫЙ ДЕНЬ](#)
 - [МАЛИНОВСКИЙ. МАРШАЛЫ И ДРАМАТУРГИ](#)
 - [АБАКУМОВ. КАРЬЕРА НАЧАЛЬНИКА СМЕРША](#)
 - [БУЛГАНИН. УКРОЩЕНИЕ ГЕНЕРАЛОВ](#)
 - [СТРАХ ПЕРЕД МАРШАЛОМ ЖУКОВЫМ](#)
 - [СУДЬБА ГЕНЕРАЛА ГОР ДОВА](#)
 - [БЕСКОНЕЧНАЯ ЧИСТКА НА ЛУБЯНКЕ](#)
 - [Часть четвертая](#)
 - [СВЕРЖЕНИЕ БЕРИИ. СИЛОВИКИ ПРОТИВ СИЛОВИКОВ](#)
 - [СЕРОВ. СОЗДАНИЕ КГБ](#)
 - [БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ И СИЛОВИКИ](#)
 - [СВЕРЖЕНИЕ МАРШАЛА ЖУКОВА](#)
 - [ШЕЛЕПИН И СЕМИЧАСТНЫЙ. СИЛОВИКИ СНЯЛИ ХРУЩЕВА?](#)
 - [ЕГОРЫЧЕВ. ХОЗЯИН МОСКВЫ ПРОТИВ ХОЗЯИНА ВПК](#)
 - [АНДРОПОВ. РАСЦВЕТ КОМИТЕТА](#)
 - [ФЕДОРЧУК. ОСОБИСТЫ НА ОЛИМПЕ](#)
 - [ЩЕЛОКОВ. ПРОТИВОСТОЯНИЕ КГБ И МВД](#)
 - [ЧЕБРИКОВ. ЧЕКИСТЫ И ПАРТСЕКРЕТАРИ](#)
 - [ИМПЕРИЯ МАРШАЛА УСТИНОВА](#)
 - [Часть пятая](#)
 - [ЯЗОВ. ПОСАДКА НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ](#)
 - [КРЮЧКОВ. ГЕНИЙ КАНЦЕЛЯРИИ](#)
 - [ИВАНЕНКО. ПРОВАЛ АВГУСТОВСКОГО ПУТЧА](#)
 - [Вместо послесловия.](#)
 - [Литература](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Леонид Млечин Советские силовики

Вместо предисловия

Вечером 10 ноября 1982 года спешно собрали Политбюро ЦК КПСС. Обычно заседания высшего органа власти проходили по четвергам и начинались в одиннадцать утра. Но тот день был особым. Ждали до вечера, чтобы в Москву успели прилететь спецрейсами входившие в политбюро руководители республик.

Политбюро заседало в Кремле в здании правительства на третьем этаже. На том же этаже располагался кремлевский кабинет генерального секретаря (второй, рабочий, находился в здании ЦК партии на Старой площади). Когда все собрались в так называемой ореховой комнате, где был огромный круглый стол, перешли в находившийся по соседству зал заседаний.

Открыл заседание Юрий Владимирович Андропов, фактически второй человек в партии (должности второго секретаря ЦК КПСС не существовало). Он сообщил о смерти Леонида Ильича Брежнева, который руководил страной восемнадцать лет.

Андропов сам выглядел неважно. Давно его не видевший старый знакомый отметил, что Юрий Владимирович сильно изменился: «Лицо бело, спорит в цвете с седыми волосами. Непривычно тонкая шея, окаймленная ставшим вдруг необъятным воротничком сорочки. Голова кажется еще более крупной. Глаза тоже другие».

Как положено, помолчали несколько минут.

Молчание прервал секретарь ЦК Константин Устинович Черненко, ведавший партийным аппаратом. Тяжело дыша, он скороговоркой напомнил о необходимости безотлагательно решить, кто возглавит партию, и добавил:

— Я предлагаю избрать генеральным секретарем ЦК КПСС Юрия Владимировича Андропова.

Министр обороны Дмитрий Федорович Устинов, не снимавший мундира с тех пор, как его произвели в маршалы, уверенно сказал:

— Армия поддерживает товарища Андропова.

На этом дискуссия завершилась, не начавшись. Мнение министра обороны, входившего в состав политбюро, стало решающим. Противоречить министру или даже выражать сомнение в правильности его действий было политически опасным. И некоторым наивным смельчакам стоило карьеры.

Андропов и Устинов дружили, были на «ты», обращались друг к другу по имени. Тем не менее Юрий Владимирович, став главой партии и государства, неожиданно перевел в Москву первого секретаря Ленинградского обкома Григория Васильевича Романова и сделал его секретарем ЦК по военно-промышленному комплексу.

Романов по распределению обязанностей в Секретариате ЦК руководил двумя ключевыми отделами ЦК — оборонной промышленности и машиностроения. Отделу оборонной промышленности подчинялся весь военно-промышленный комплекс. Иначе говоря, Романов получал определенную власть над министром обороны Устиновым.

Хитроумный Андропов, не переставая повторять, что Дмитрий Федорович ему товарищ и опора, что он ни в коем случае не должен обижаться, нашел министру обороны противовес в лице Романова, которому по случаю шестидесятилетия присвоил звание Героя Социалистического Труда.

Устинов был возмущен этим назначением, но поделаться ничего не мог. При Брежневем он в течение четырех лет не допускал избрания секретаря ЦК по военным делам. Сам руководил одновременно и вооруженными силами, и оборонной промышленностью. То есть был абсолютно бесконтролен.

Что же произошло?

Юрий Владимирович действительно находился в отличных отношениях с Устиновым. Они помогали друг другу. Но, став хозяином страны, Андропов решил на всякий случай ограничить влияние маршала Устинова и лишить Министерство обороны статуса неприкасаемого и неконтролируемого ведомства.

Человек крайне подозрительный, Юрий Владимирович боялся концентрации власти в чьих-то руках. Знал, вероятно, что военные не были особенно рады его назначению генеральным секретарем: у военных с Комитетом госбезопасности непростые отношения. Военных вовсе не радовало, что на Лубянке существовало целое управление, которое следило за вооруженными силами.

Андропов, недавний руководитель КГБ, одного из главных силовых ведомств, в роли хозяина страны исходил из того, что за силовиками надо присматривать, никому из них не давать монополии на власть, а, напротив, сохранять между ними конкуренцию. И ни в коем случае не терять бдительности...

Последнего русского императора Николая II и столетие спустя все еще судят за претензии на «самодержавность», а в реальности за слабость: не

удержал, не совладал, все потерял — и трон, и империю, и жизнь. «Слабая» власть — худшая из русских бед. На нее не перевалишь все заботы и проблемы. При такой власти приходится принимать на себя часть ответственности за устройство жизни...

Нет, покоряться можно только великому и ужасному! Это даже приятно. Те же люди, которые весной семнадцатого года топтали портреты свергнутого императора, осенью захотели восстановления сильной — то есть идеальной — власти. И поддержали большевиков, которые установили не сравнимую с царским самодержавием диктатуру.

Член ЦК кадетской партии, либеральной и интеллигентской, записал услышанные им в революционном году слова относительно большевиков:

— Народу только такое правительство и нужно. Другое с ним не справится. Вы думаете, народ вас, кадетов, уважает? Нет, он над вами смеется, а большевиков уважает. Большевик каждую минуту застрелить может.

Результатом революции становится еще большее укрепление государственного аппарата, против чего, собственно, и затевалась революция. Революция разрушает только фасад, а сама система мало меняется, архаика берет верх над модернизацией. Диктатура — самое простое устройство жизни. Вернулись на традиционный путь: царь или вождь всем руководит и объясняет: и как пахать, и как строить, и как пожары тушить. Все слушают, кивают, докладывают об исполнении. И всё делается через пень-колоду. С одной стороны, зачем проявлять инициативу, стараться, если на всё нужна команда сверху. С другой — исчезает способность к самостоятельности. А ненужные органы атрофируются.

Неуверенные в себе нуждаются во власти как покровителе и защитнике. Больше рассчитывать не на кого! Самим ни за что не справиться со множеством повседневных проблем. Не потянуть. Не осилить... При этом прекрасно понимают, что чиновники наобещают и не сделают, обманут и обведут вокруг пальца. Но у них и власть, и деньги. И люди вздыхают: «Плетью обуха не перешибешь».

Когда большевики взяли власть, это была не революция, а контрреволюция. Октябрь отменил демократические завоевания, которые дал России Февраль. Но демократией и свободой, похоже, никто и не дорожил. Страна, напуганная хаосом и анархией, приняла большевиков как сильную и уверенную в себе власть.

Октябрь знаменовал и отказ от обновления страны.

С семнадцатого года на все острые, болезненные и неотложные вопросы, возникающие перед обществом, даются невероятно примитивные

ответы. Что бы ни произошло в стране, реакция одна: запретить, отменить, закрыть. Усложняющийся и набирающий невиданный темп мир рождает страх. И звучит испуганный призыв: ничего не менять! Оставить как есть! Убежать от настигающих общество проблем. Максимально упростить реальность, то есть навести порядок!

«Против наших окон стоит босяк с винтовкой на веревке через плечо — “красный милиционер”, — записал в дневнике Иван Алексеевич Бунин. — И вся улица трепещет так, как не трепетала бы прежде при виде тысячи самых свирепых городских».

Так появились силовики, которых в старой России не было.

Силовики и силовые ведомства понадобились, когда политические вожди захватили власть и решили никому ее не отдавать. Нужны были структуры и ведомства, свободные от норм закона, правил и ограничений. Готовые исполнить любой приказ. Избавить от врагов, соперников и конкурентов.

Силовики — всего лишь инструмент. Но инструмент настолько мощный и опасный, что вожди сами их побаивались. Восхождение на Олимп стало немыслимым без поддержки силовиков. Ссора с ними вела к потере кресла.

Но эта зависимость вовсе не гарантировала комфортной жизни силовикам, которые сами постоянно становились жертвами политических интриг, ожесточенной борьбы за власть и прямых репрессий, лишались высоких званий и начальственных кресел, свободы, а то и жизни.

Вожди боялись излишнего укрепления госбезопасности. При советской власти сменилось семнадцать хозяев Лубянки, из них пятерых расстреляли — практически каждого третьего.

Часть первая
НОВЫЙ РЕЖИМ И НОВЫЕ
ИНСТРУМЕНТЫ

ТРОЦКИЙ. НАШИ БОНАПАРТЫ

«На вокзале в Москве ему была устроена торжественная встреча, — вспоминал один из руководителей Военного министерства летом 1917 года Федор Августович Степун. — На площадь он был вынесен на руках. Народ приветствовал его раскатистым “ура”... Когда в Большом театре появилась небольшая фигура Корнилова, вся правая часть зала и большинство офицеров встают и устраивают генералу грандиозную овацию. Зал сотрясается от оглушительных аплодисментов, каких в его стенах не вызывал даже Шаляпин».

Невероятная популярность сыграла с Лавром Георгиевичем Корниловым злую шутку. Самый знаменитый в ту пору генерал ощутил себя более значительной фигурой, чем был в реальности. А его окружали очень амбициозные люди, желавшие сменить правительство, взять власть и обосноваться в Зимнем дворце. Они внушали Корнилову, что только он способен спасти Россию, а стране нужна военная диктатура. Падкий на лесть генерал поверил, когда его назвали вождем. В нем проснулись невероятные амбиции.

Наполеон из Корнилова не получился. Как тогда говорили: Корнилов — солдат, а в политике младенец. Лавр Георгиевич, человек эмоциональный, импульсивный и прямолинейный, и мятежником оказался спонтанным. Многие офицеры, напуганные хаосом революции, его поддержали, но солдаты не приняли сторону генерала, потому что совершенно не хотели ни воевать, ни вновь становиться во фронт.

После октября семнадцатого генерал Корнилов возглавил только что зародившееся Белое движение и погиб в первом же большом сражении с большевиками под Екатеринодаром. А страх перед появлением военного, который возьмет власть и станет диктатором, сохранился.

Большевики помнили о Корнилове и всегда побаивались амбициозных военных. Опасность военного переворота казалась вполне вероятной.

Историк и публицист Николай Васильевич Устрялов, который присоединился к Белому движению и издавал газету в Омске, пока там стояли войска адмирала Александра Васильевича Колчака, писал, что большевики-то избавились от страха появления нового Наполеона, поставив во главе Красной армии Троцкого.

«А у нас, — сокрушался Устрялов, — нет своего “Троцкого”».

В отличие от большевиков мы были бы вполне удовлетворены, если

бы вопрос разрешился у нас явлением “Наполеона”. Однако, увы, и Наполеона у нас нет».

Кто сейчас поверит, что в годы Гражданской войны и сразу после нее политические занятия в Красной армии начинались с темы «Вождь и создатель Красной армии тов. Троцкий»? В казармах и красных уголках воинских частей висели портреты Льва Давидовича Троцкого, председателя Реввоенсовета Республики, наркома по военным и морским делам. Бойцы и командиры клялись Троцкому в верности и вечной любви.

15 января 1918 года Совет народных комиссаров (правительство Советской России) принял декрет об организации Рабоче-крестьянской Красной армии на добровольческой основе. Но солдаты царской армии, уставшие от Первой мировой войны, больше служить не желали. Советская власть висела на волоске.

13 марта Совет народных комиссаров назначил члена ЦК партии большевиков Троцкого народным комиссаром по военным делам. Ему предстояло создать новую армию. Казалось, Троцкий взялся за невыполнимое дело. Но он справился: в мае 1918 года Красная армия насчитывала триста тысяч бойцов, осенью — больше миллиона.

2 сентября 1918 года постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета (высший орган государственной власти) объявило республику военным лагерем: «Во главе всех фронтов и всех военных учреждений республики ставится Революционный военный совет».

Председателем Реввоенсовета назначили Льва Троцкого. Наступил его звездный час. На время Гражданской войны он получил диктаторские полномочия. Но диктатором не стал. И не только потому, что не стремился к единоличной власти. Вооруженные силы оказались под плотным контролем комиссаров и особистов.

Троцкий в армии не служил. О военном деле имел весьма относительное представление. Но сразу занял принципиальную позицию: военными делами должны заниматься профессионалы, то есть кадровые офицеры. Троцкий смело привлекал в Красную армию бывших офицеров, отдав им почти все высшие командные посты. Привечал людей талантливых, образованных, с боевым опытом, быстро выдвигал их, не обращая внимания, есть партийный билет или его нет.

Но само название — Рабоче-крестьянская Красная армия — подчеркивало классовый характер Вооруженных сил Советской России. И когда Троцкий ставил на высшие командные должности бывших генералов, он противопоставлял себя немалой части партии.

В Красной армии служило более шестисот бывших генералов и офицеров Генерального штаба. Из двадцати командующих фронтами семнадцать были кадровыми офицерами, все начальники штабов — бывшие офицеры. Из ста командующих армиями — восемьдесят два в прошлом офицеры.

Красным служило больше выпускников Николаевской академии Генерального штаба, чем белым. Выпускники академии получали прекрасное образование, считались элитой российской армии и быстро занимали высшие командные посты. Офицеры-генштабисты внесли заметный вклад в победу Красной армии.

Большевицкому руководству это решительно не понравилось. Одни считали, что Троцкий, продвигая бывших офицеров, отступает от принципов революции. Другие сами метили на высшие должности и хотели избавиться от конкурентов. На этой почве у Троцкого появилось много врагов.

Главным среди них стал Иосиф Виссарионович Сталин. Он, без сомнения, завидовал в ту пору безграничным полномочиям Троцкого, высокому положению председателя Реввоенсовета Республики, его ораторскому таланту и популярности. Он воспринял Троцкого как опасного конкурента.

Желание одолеть Троцкого — один из главных мотивов сталинской политики. Вокруг Сталина объединятся люди, обиженные Троцким, прежде всего красные командиры, не желавшие подчиняться военным профессионалам. Именно тогда, в годы Гражданской войны, вспыхнула вражда двух руководителей партии и государства, которая закончилась убийством одного из них.

На роль главкома Троцкий выбрал Иоакима Иоакимовича Вацетиса, бывшего царского полковника. Весной 1918 года он сформировал Латышскую советскую стрелковую дивизию, которая охраняла Кремль и в июле подавила мятеж левых эсеров. После этого Вацетис был назначен командующим Восточным фронтом, а в сентябре — главнокомандующим вооруженными силами республики.

Вацетис считал неправильным оскорбительное недоверие к бывшим офицерам, которые по своей воле пошли служить советской власти, а оказались под арестом. Он просил проверить правомерность действий начальника только что созданного Особого отдела ВЧК Михаила Сергеевича Кедрова.

Особый отдел доложил председателю Всероссийской чрезвычайной комиссии Феликсу Эдмундовичу Дзержинскому, что в Полевом штабе

Реввоенсовета, где служило много бывших офицеров, созрел белогвардейский заговор. Полевой штаб РВС руководил всеми боевыми операциями Красной армии, и служить там могли только профессионалы.

Председатель ВЧК информировал о заговоре председателя Совнаркома Владимира Ильича Ленина. Вацетиса сняли с должности и арестовали. А с ним и начальника Полевого штаба бывшего полковника и выпускника Академии Генштаба Федора Васильевича Костяева и еще нескольких ключевых штабистов. Аресты были проведены летом 1919 года, когда положение на фронтах было отчаянное!

Доволен был, кажется, один Сталин, который торжествующе писал Ленину: «Не только Всеросглавштаб работает на белых, но и Полевой штаб Реввоенсовета Республики во главе с Костяевым».

«Вацетиса, — вспоминал Троцкий, — обвинили в сомнительных замыслах и связях, так что пришлось его сместить. Но ничего серьезного за этими обвинениями не крылось. Возможно, что на сон грядущий он почитывал биографию Наполеона и делился нескромными мыслями с двумя-тремя молодыми офицерами».

Обвинения против Вацетиса и Костяева, как и следовало ожидать, оказались липовыми. Дело прекратили за отсутствием состава преступления. Ав 1938 году чекисты вспомнят о былой близости Вацетиса, который преподавал в Военной академии имени М. В. Фрунзе, к Троцкому, и бывшего главкома расстреляют. Костяев, который тоже преподавал в академии, ушел из жизни раньше, чем до него добрались.

В годы Гражданской войны Ленин полностью доверял Троцкому. Летом 1919 года Владимир Ильич сделал фантастический для такого хладнокровного человека жест. Он взял бланк председателя Совета народных комиссаров и написал на нем:

«Товарищи!

Зная строгий характер распоряжений тов. Троцкого, я настолько убежден, в абсолютной степени убежден, в правильности, целесообразности и необходимости для пользы дела даваемого тов. Троцким распоряжения, что поддерживаю это распоряжение всецело.

В. Ульянов-Ленин».

Глава правительства протянул подписанный бланк Льву Давидовичу:

— Я могу дать вам таких бланков сколько угодно, потому что я ваши решения заранее одобряю. Вы можете написать на этом бланке любое решение, и оно уже утверждено моей подписью.

Эту поразительную записку Троцкий после смерти Владимира Ильича, в 1925 году, сдал в Институт Ленина, и она сохранилась. Так что этот

пример невиданного доверия Ленина к Троцкому — не вымысел. В последние годы открылись не только записки, но и целые речи, произнесенные Лениным в поддержку и защиту Троцкого от критических нападок товарищей по партии. Владимир Ильич считал военное ведомство образцовым.

Нравились созданная им военная машина, дисциплина и четкость. Американец Арманд Хаммер, который в те годы часто бывал в России, надеясь устроить с большевиками выгодный бизнес, вспоминал, как он попал на прием к Троцкому.

Военное ведомство разительно отличалось от остальных советских учреждений: скучающие сотрудники не курили в коридорах, все заняты своим делом, чистота и порядок — ни окурков на полу, ни грязных стаканов на заваленных бумагами столах.

Арманда Хаммера пригласили к четырем часам дня. Без трех минут четыре секретарь наркомвоенмора сказал:

— Товарищ Троцкий ждет вас, следуйте, пожалуйста, за мной.

Художник Юрий Павлович Анненков тоже запомнил, как приехал в особняк Наркомата по военным и морским делам на Знаменке, 19. В бывшем дворце Апраксиных в 1917-м устроили Штаб Московского военного округа. В 1918-м в особняк переехал председатель Реввоенсовета Республики. Здание именовали «Первым домом Реввоенсовета».

Анненков описал, как познакомился с наркомом:

«Поднявшись на второй этаж и пройдя по ряду коридоров с расставленными у дверей молодеватыми подтянутыми часовыми, проверявшими пропуски с неумолимым бесстрастным видом, я очутился в приемной Троцкого.

Огромный высокий зал был наполнен полумраком и тишиной. Тяжелые шторы скрывали морозный свет зимнего дня. На стенах висели карты Советского Союза и его отдельных областей, испещренные красными линиями. За столом, у стены, сидели четверо военных. Зеленый стеклянный абажур, склоненный над столом, распространял по комнате сумеречный уют и деловитость. Как только я вошел в комнату, все четверо немедленно встали, и один из них, красивый и щеголеватый дежурный адъютант, поспешно подошел ко мне по малиновому ковру.

— Художник Анненков? — спросил он.

— Да, — ответил я, едва удержавшись, чтобы не сказать “так точно”.

— Лев Давидович вас сейчас примет.

Щеголеватый адъютант снял телефонную трубку и через несколько секунд снова обратился ко мне:

— Можете пройти в кабинет.

Он проводил меня до двери и, слегка приоткрыв ее, вполголоса прибавил:

— Налево, к окну...

Троцкий был хорошего роста, коренаст, плечист и прекрасно сложен. Его глаза, сквозь стекла пенсне, блестели энергией».

Знакомство с Троцким оказалось для Юрия Анненкова крайне полезным. Однажды художник забыл ключ от квартиры и полез в окно — он жил на первом этаже. Едва он стал карабкаться на подоконник, как появились два милиционера и потребовали объяснений.

«Рассказ о забытом ключе их не убедил.

— По ночам через окна порядочные не лазают! Предъявить документы!

Голос милиционера был неумолим. Ни “личной карточки”, ни иных документов у меня с собой не оказалось, но в бумажнике нашлась моя фотография с Троцким. Я показал ее милиционерам. Они сразу же узнали “любимого вождя”, и, возвращая мне карточку, один из них сказал изменившимся голосом:

— Ладно, лезьте!

— Молчи! — прервал его другой милиционер и, повернувшись ко мне, произнес:

— Мы приносим вам, уважаемый товарищ, наши извинения. Вы видели, как советская милиция бдительна.

Подтолкнув меня на подоконник и откозыряв, они твердым шагом удалились в бесфонарную ночную тьму тогдашней Москвы».

Лев Троцкий производил впечатление личной смелостью и хладнокровием в самые опасные минуты. Он не терял присутствия духа, даже когда в него стреляли. Всю Гражданскую войну он провел на фронтах. Ленин же ни разу не покинул Москву...

Когда арестовали вожака балтийских революционных матросов Павла Ефимовича Дыбенко — по обвинению в том, что он беспробудно пил и в таком состоянии сдал Нарву немцам, — матросы явились к Троцкому требовать освобождения товарища. Сотни моряков, выкрикивая угрозы и проклятия, собрались во дворе здания, где работал Троцкий. Они жаждали его крови. Секретарь вбежал в кабинет Льва Давидовича:

— Моряки хотят вас убить. Пока еще есть время, немедленно бегите через задний ход. Они не слушают часовых и клянутся, что повесят вас на фонарном столбе!

Храбрости Троцкому было не занимать. Он выскочил из-за стола и

сбежал вниз по парадной лестнице:

— Вы хотите говорить с Троцким? Я здесь!

И произнес речь, объяснив свою позицию относительно Дыбенко, которого считал дезертиром. Моряки успокоились и даже устроили ему триумфальный прием...

Храбрость Троцкого высоко ценил Ленин. Когда в Саратове восстала Уральская дивизия, Ленин и секретарь ЦК партии Яков Михайлович Свердлов попросили Троцкого немедленно отправиться туда: «...ибо ваше появление на фронте производит действие на солдат и на всю армию».

«Не будь меня в 1917 году в Петербурге, — записывал Троцкий в дневнике, уже находясь в изгнании, — Октябрьская революция произошла бы — при условии наличности и руководства Ленина. Если б в Петербурге не было ни Ленина, ни меня, не было бы и Октябрьской революции: руководство большевистской партии помешало бы ей совершиться. В этом для меня нет ни малейшего сомнения...»

Троцкий — при всем своем самомнении — не преувеличивал своих заслуг. 25 октября 1917 года большевики взяли власть в столице под руководством председателя Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов Троцкого. Равно как неизвестно, победила бы советская власть в Гражданской войне, если бы Троцкий за несколько месяцев не создал Красную армию и не руководил ею железной рукой.

Льва Давидовича Троцкого принято считать политическим соперником Иосифа Виссарионовича Сталина, претендовавшего на пост руководителя партии и главы Российского государства. Через призму их борьбы за Кремль, в которую втянули чуть не всю страну, рассматривают историю России двадцатых годов.

Между тем сам Троцкий никогда не стремился взять власть в партии. Люди тонкие и наблюдательные давно это поняли.

«О Троцком принято говорить, что он честолюбив, — писал нарком просвещения Анатолий Васильевич Луначарский. — Это, конечно, совершенный вздор. Я помню фразу, сказанную Троцким по поводу принятия эсером Черновым министерского портфеля:

— Какое низменное честолюбие — за портфель, принятый в неудачное время, покинуть свою историческую позицию!

Мне кажется, в этом весь Троцкий. Он совершенно не дорожит никакими титулами и никакой внешней властью. Ему бесконечно дорога, и в этом он честолюбив, его историческая роль».

И Луначарский вновь возвращается к этой мысли:

«Троцкий чрезвычайно дорожит своей исторической ролью и готов

был бы, вероятно, принести какие угодно личные жертвы, конечно, не исключая вовсе и самой тяжелой из них — жертвы своей жизнью, для того, чтобы остаться в памяти человечества в ореоле трагического революционного вождя».

Так и вышло.

Не было ни троцкизма — как организованного политического течения, ни троцкистов как верных сторонников Льва Давидовича. Пока еще в начале двадцатых годов была возможна какая-то дискуссия, образованное и думающее меньшинство партии большевиков пыталось предложить более мягкую модель развития. Троцкий как популярнейшая фигура в стране оказался неформальным лидером этого направления или, точнее, — выразителем его идей. Он даже не пытался создать некую оппозицию. Не вербовал себе сторонников. Ортодоксальный марксист, он всего лишь критиковал сталинскую командно-административную систему управления государством.

Почему Троцкий вел себя так вяло и безынициативно, когда Ленин фактически выталкивал его на первые роли?

Лев Давидович был необыкновенно яркой фигурой. Но ему не хватало того, что в избытке было у Ленина, а потом и у Сталина, — жажды власти. Председатель Реввоенсовета по-настоящему не стремился к первой роли. Он наивно полагал, что ему достаточно и того, что у него уже есть. Ему нравилась его роль мудреца, который с недостижимой для остальных вершины взирает на происходящее. Он не понимал, что борьбу за власть ведут до последнего смертного часа, а не только в годы революции и войны. Иначе потеряешь всё!

Если бы исполнилась воля Ленина — убрать Сталина с поста генерального секретаря, главой партии и государства оказался бы вовсе не Троцкий, а какой-то другой человек. Скажем, вполне разумный Алексей Иванович Рыков, который наследовал Ленину в роли главы правительства.

Лев Давидович полагал, что ему достаточно и того места в руководстве страны, которое у него уже есть. Он даже нарочито не желал участвовать в схватке за власть. Осенью 1923 года Троцкий говорил на пленуме ЦК:

— В такой ответственной в мировой истории момент тот, кто заподозрил бы меня в смешном стремлении взять на свои плечи всю громадную ответственность, взять только на себя, единолично, тот счел бы меня трижды подлецом и трижды сумасшедшим.

Но другие члены политбюро ему не верили. Троцкий был вторым человеком в стране, значит, решили они, после смерти Ленина будет

претендовать на первую роль. Да и в завещании Владимир Ильич назвал его «самым способным человеком в партии».

Когда Ленин заболел, а потом умер, положение Троцкого стремительно изменилось. Его сторонников убрали со всех ответственных постов. Пропагандистский аппарат предпринял особые усилия для того, чтобы превратить Троцкого из героя революции в ее врага. На это ушли годы. Борьба с троцкизмом, отмечают историки, была сначала чистой воды борьбой за власть, а затем поводом для массовых репрессий.

«Я вернулся домой из Западной Европы, — вспоминал нарком по иностранным делам Григорий Васильевич Чичерин. — В Москве все говорили о войне. Я пытался их разубедить. Никто не собирается нападать на нас, говорил я. Потом один сотрудник просветил меня. Он сказал: "Шшшш! Нам это известно. Но мы должны использовать эти слухи против Троцкого"».

Пленум ЦК в январе 1925 года освободил Троцкого от должности наркома по военным и морским делам и председателя Реввоенсовета. Но смена военного министра несколько не ослабила контроля над вооруженными силами. Совсем наоборот. И страх перед военными не исчез. Поэтому смерть следующего наркома показалась такой подозрительной.

ФРУНЗЕ. СТРАННАЯ СМЕРТЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕВВОЕНСОВЕТА

Зловещие слухи о том, что председатель Реввоенсовета СССР, нарком по военным и морским делам Михаил Васильевич Фрунзе, ставший после избрания кандидатом в члены политбюро крупной политической фигурой, умер в результате неудачно проведенной хирургической операции, сразу пошли по Москве. «Врачи зарезали...»

А вскоре заговорили уже о том, что Фрунзе вовсе не нуждался в хирургическом вмешательстве, что его, можно сказать, насильно уложили на операционный стол. И отнюдь не для того, чтобы он выздоровел, а совсем наоборот. Военный министр оказался жертвой жестокой политической борьбы в Кремле.

И двух лет не прошло после смерти Ленина. Вопрос о том, кто наследует вождю, кто станет главой партии и государства, еще не решен. Разные крупные политические деятели претендовали на первые роли. И вроде бы Фрунзе, в руках которого были вооруженные силы, или мешал кому-то, или сам претендовал на власть в Кремле. Вроде бы старые большевики именно Михаила Васильевича прочили в вожди партии.

Разговоры о неминуемом появлении русского Бонапарта продолжались. Разных людей примеривали на эту роль. Внимание публики привлекал то один, то другой жаждущий власти деятель бурной и кровавой эпохи. Ходили слухи, что тот или иной военачальник метит в Бонапарты и представляет угрозу для социализма.

Выступая в Военной академии, которая вскоре получит его имя, сам Михаил Васильевич Фрунзе пожелал положить конец этим разговорам:

— Многим уже наяву и во сне грезится близость советского термидора. Высказываются затаенные надежды на то, что Красная армия окажется ненадежным орудием в руках советской власти, что она не пойдет за политическим руководством той партии, которая руководит советским кораблем. Конечно, на все эти разговоры мы можем только улыбнуться...

Когда Михаил Васильевич упомянул термидор, все понимали, что он имеет в виду.

9 термидора по французскому революционному календарю (то есть 27–28 июля) 1794 года была свергнута диктатура якобинцев, что стало концом революции. Глава якобинцев Максимилиан Робеспьер и его соратники были казнены...

Страх перед термидором не покидал советское руководство. Военные казались реальной силой, способной сбросить большевиков. А что же сам Фрунзе? Был ли в нем темперамент молодого Бонапарта? Страсть в бою? Неутихающая жажда власти? Готовность к авантюрам, наконец?

В этом мире, говаривал когда-то сам Наполеон, есть только две альтернативные возможности — или командовать, или подчиняться. Михаил Васильевич Фрунзе, несмотря на его высокий пост, вовсе не принадлежал к тем, кто с детства мечтает командовать другими людьми. Он не наслаждался правом повелевать и приказывать, отправлять на смерть и миловать. Он не воспринимался как вождь, под знамена которого спешат построиться молодые честолюбцы, чувствующие будущего победителя.

Военному министру не доставало ауры властности и непобедимости. Даже в его облике и манерах не было ничего наполеоновского — апломба и надменной победительности, рождаемой полнейшей уверенностью в своей правоте.

Но вот другой вопрос: а политические амбиции у Фрунзе были? Он не принадлежал к когорте прирожденных военных и вовсе не собирался носить форму до самой пенсии. Пост председателя Реввоенсовета СССР и наркома по военным и морским делам — вершина карьеры? Или ступенька в восхождении на Олимп? Кем он сам видел себя в будущем? Не воспринимали ли Михаила Васильевича в Кремле как опасного конкурента?

Иначе говоря, стоило ли товарищам по партии, коллегам по политбюро опасаться влиятельного и популярного военного министра, разгромившего последнего командующего Белой армией барона Петра Николаевича Врангеля и вернувшего России Крым? И тем самым по существу закончившего Гражданскую войну?

У Сталина давно был свой кандидат на пост военного министра. Но генсек еще не настолько окреп, чтобы решать крупные кадровые вопросы единолично. Михаил Васильевич Фрунзе возглавил военное ведомство в результате политического компромисса. Сговорились Иосиф Виссарионович Сталин, генеральный секретарь ЦК ВКП(б), и Григорий Евсеевич Зиновьев, хозяин Петрограда и председатель Исполкома Коммунистического интернационала. После смерти Ленина Григорий Зиновьев считал себя преемником вождя и главой мирового коммунистического движения.

Он же произносил основной доклад на первом после смерти Ленина XIII съезде партии. Понимая, что он исполняет ленинскую роль, начал выступление очень благоразумно, процитировав стихи комсомольского

поэта Александра Ильича Безыменского, написанные к этому случаю:

Видно, у мыслей дрогнули колени.

В омуте глаз заблудилась тоска.

— Политотчет Цека... Читает... Читает...

Не Ленин...

Григорий Евсеевич Зиновьев самонадеянно считал себя наследником Ленина — ведь он столько лет был самым близким к нему человеком, самым давним его соратником.

Фрунзе воспринимался как сторонник Зиновьева, находившегося на вершине власти. Вдвоем с председателем Моссовета и членом политбюро Львом Борисовичем Каменевым они казались мощной силой. Некоторое время после смерти Ленина страной фактически правила тройка — Сталин, Зиновьев и Каменев.

Михаил Васильевич Фрунзе, человек вполне самостоятельный, мог мешать далекоидущим планам генсека. Его положение и авторитет позволяли ему претендовать на первые роли.

Бывший помощник Сталина Борис Георгиевич Бажанов, бежавший в 1928 году за границу, писал:

«Фрунзе Сталина не очень устраивал, но Зиновьев и Каменев были за него, и в результате длинных предварительных торгов на тройке Сталин согласился — назначить Фрунзе на место Троцкого наркомвоенном и председателем Реввоенсовета, а Ворошилова его заместителем...

Фрунзе был очень способным военным. Человек очень замкнутый и осторожный, он производил на меня впечатление игрока, который играет в какую-то большую игру, но карт не показывает. На заседаниях Политбюро он говорил очень мало и был целиком занят военными вопросами».

Бажанов, пожалуй, единственный, кто писал о замкнутости Фрунзе, кто увидел в нем политического игрока с собственной стратегией. Другие, кто знал Михаила Васильевича, напротив, вспоминали его открытость, дружелюбие и полное отсутствие интриганства. «Его любила, — мало любить, — его обожала Красная армия. Он пользовался колоссальным авторитетом и доверием», — писал один из военачальников той поры.

Может быть, на Бажанова повлияло то, что в окружении Сталина к Фрунзе относились несколько настороженно? Михаил Васильевич, возглавив военное ведомство, отменил институт военных комиссаров и поставил во главе военных округов и соединений командиров, «подобранных по принципу их военной квалификации, но не по принципу их коммунистической преданности».

Бывший сталинский помощник разглядел в этом далекоидущий

замысел:

«Глядя на списки высшего командного состава, которые провел Фрунзе, я ставил себе вопрос: “Если бы я был на его месте, какие кадры привел бы я в военную верхушку?” И я должен был себе ответить: именно эти. Это были кадры, вполне подходившие для государственного переворота в случае войны. Конечно, внешне это выглядело и так, что это были очень хорошие военные».

Бажанов пересказал свой разговор с другим помощником Сталина — Львом Захаровичем Мехлисом, который со временем станет заместителем наркома обороны и начальником политуправления Красной армии.

Бажанов осторожно поинтересовался у него: каково мнение генерального секретаря относительно новых назначений в армии?

— Что думает Сталин? — переспросил Мехлис. — Ничего хорошего. Посмотри на список: все эти Тухачевские, корки, уборовичи, авксентьевские — какие это коммунисты? Все это хорошо для 18 брюмера, а не для Красной армии.

18 брюмера 1799 года молодой генерал Бонапарт произвел во Франции государственный переворот и со временем стал императором Наполеоном. Брюмер — второй месяц (с 22 октября по 20 ноября) французского республиканского календаря, принятого после революции (иначе говоря, генерал Бонапарт взял власть 9 ноября).

— Это ты от себя, — уточнил Бажанов, — или это сталинское мнение?

Лев Мехлис, по словам Бажанова, надулся и с важностью ответил:

— Конечно, и его, и мое.

Мехлис в изображении Бажанова предстает несколько карикатурным персонажем. Но Лев Захарович, человек храбрый и мужественный, в Гражданскую воевал на Южном фронте, был комиссаром 46-й дивизии, поднимал бойцов в атаку, ситуацию в армии и самого Фрунзе знал неплохо. В ноябре 1922 года Сталин взял Мехлиса в свой личный секретариат. Через год повысил: Мехлиса утвердили первым помощником генсека и заведующим бюро Секретариата ЦК. В его руках оказалась вся канцелярия важнейшего партийного органа, ведавшего в первую очередь расстановкой кадров. Он же отвечал за подготовку материалов к заседаниям политбюро.

«Между тем Сталин вел себя по отношению к Фрунзе скорее загадочно, — писал Бажанов. — Я был свидетелем недовольства, которое он выражал в откровенных разговорах внутри тройки по поводу его назначения. А с Фрунзе он держал себя очень дружелюбно, никогда не критиковал его предложений.

Что бы это могло значить? Может, Сталин делает вид, что он против

зиновьевского ставленника Фрунзе, а на самом деле заключил с ним секретный союз против Зиновьева? На это не похоже. Фрунзе не в этом роде, и ничего общего со Сталиным у него нет.

Загадка разъяснилась только в октябре 1925 года, когда Фрунзе, перенеся кризис язвы желудка (от которой он страдал еще со времен дореволюционных тюрем), вполне поправился. Сталин выразил чрезвычайную заботу об его здоровье: “Мы совершенно не следим за драгоценным здоровьем наших лучших работников”. Политбюро чуть ли не силой заставило Фрунзе сделать операцию, чтобы избавиться от язвы...

Мои неясные опасения оказались вполне правильными. Во время операции хитроумно была применена как раз та анестезия, которой Фрунзе не мог вынести. Он умер на операционном столе, а его жена, убежденная в том, что его зарезали, покончила с собой...

Почему Сталин организовал это убийство Фрунзе? Только ли для того, чтобы заменить его своим человеком — Ворошиловым? Я этого не думаю: через год-два, придя к единоличной власти, Сталин мог без труда провести эту замену. Я думаю, что Сталин разделял мое ощущение, что Фрунзе видит для себя в будущем роль русского Бонапарта. Его он убрал сразу, а остальных из этой группы военных (Тухачевского и прочих) расстрелял в свое время».

Ученый — боевик — полководец

Михаил Васильевич Фрунзе родился 21 января 1885 года в городе Пишпеке Семиреченской области Туркестанского края. Этот город после смерти Михаила Васильевича несколько десятилетий носил его имя (ныне столица Киргизии переименована в Бишкек). Мать, Мавра Ефимовна, была русской. Отец, Василий Михайлович, — молдаванином. Они переехали в Туркестан из села Терновка, расположенного рядом с Тирасполем.

Его необычно звучащая фамилия — румынского происхождения.

И писалась несколько иначе — Фрунзеэ. Михаил Васильевич в 1919 году для простоты отбросил последнюю букву. О своих исторических корнях он вспомнит много позже, когда примет участие в создании Молдавской Автономной Республики.

Фрунзе всегда учился прекрасно. У будущего военного министра в юности обнаружили задатки настоящего ученого. Золотая медаль открывала дорогу в любое учебное заведение. Он выбрал экономическое отделение Петербургского политехнического института. Фрунзе был

человеком тонко чувствующим, равнодушным к страданиям других людей. Это вовлекло его в революционную деятельность, но помешало получить образование — он окончил только три курса института.

Из всего многообразия политических сил Фрунзе выбрал самых радикальных социалистов: в ноябре 1904 года вступил в партию большевиков. Как заправский охотник, с детства владевший оружием (первым оружием был самодельный пистолет, стрелявший дробью), организовал боевую дружину.

Важно отметить, как легко мягкий и чувствительный юноша, намеревавшийся стать кабинетным ученым, превратился в уличного революционера, собиратель гербариев для ботанического сада — в боевика, готового стрелять в людей. Революция ломала всё. В разгар первой русской революции с небольшим боевым отрядом Фрунзе прибыл в Москву и принял участие в перестрелках с полицией — возле Зоологического сада, в районе Ваганьковского кладбища.

В ночь на 24 марта 1907 года Фрунзе взяли с оружием в руках: при нем были маузер и браунинг, два карабина. После первой революции боевиков боялись. Поэтому полиция действовала грубо, при аресте ему изрядно досталось ружейным прикладом — удар пришелся прямо в лицо, повредив нос и зубы.

Самым опасным было обвинение в попытке убить полицейского урядника Никиту Перлова. Михаил Васильевич всячески отрекался, уверял, что вообще в тот день находился в Москве. Но следствие объяснения не приняло, и обвинение было переквалифицировано на более тяжкое. Фрунзе действительно стрелял в урядника, но плохо, неумело — промахнулся. Покушение на жизнь представителя власти каралось высшей мерой. Жестокостью надеялись остановить боевиков, которые охотились на своих врагов из охраны.

Военно-окружной суд Московского военного округа 27 января 1909 года вынес приговор: «Лишить всех прав состояния и подвергнуть смертной казни через повешение».

Семья — мать, сестры, брат — была буквально раздавлена. Михаила Васильевича заковали в кандалы. Ему стало по-настоящему страшно — жизнь кончалась. «Мы, смертники, обыкновенно не спали до пяти утра, — вспоминал он, — чутко прислушиваясь к каждому шороху после полуночи, то есть в часы, когда обыкновенно брали кого-нибудь и вводили вешать».

Но ему повезло с защитником. Тот нашел юридически убедительные основания и добился того, что главный военный суд удовлетворил кассационную жалобу — приговор отменили. Но 23 сентября 1910 года его

вновь приговорили к смертной казни — доказательств вины было предостаточно. Он опять по ночам со страхом прислушивался, не идут ли за ним. Днем, чтобы отвлечься, изучал итальянский язык. Но совсем еще молодого человека охватило отчаяние.

«Надежды на отмену приговора не было почти никакой, — рассказывал потом Фрунзе. — Бежать невозможно. И я решился уйти из рук палачей. По крайней мере, повесить себя не дам, сам повешусь, пускай найдут труп... И стал готовить из простыни веревку».

Но ему повезло. Командующий войсками Московского военного округа заменил Фрунзе смертную казнь шестью годами каторжных работ. Еще четыре он получил по делу иваново-вознесенской организации большевиков. Итого — десять лет в неволе. На свободу ему предстояло выйти только в феврале 1920 года.

Конечно же, годы в тюрьме, да еще в ожидании казни, не прошли даром. У него началась язвенная болезнь желудка. Медики полагают, что этот недуг чаще всего спровоцирован тяжелым стрессом. Стоит ли удивляться тому, что болезнь прицепилась к человеку, который столько времени провел в камере смертников?

В сентябре 1914 года приговор еще смягчили. Тюремный срок заменили вечным поселением в Сибири. Фрунзе провел за решеткой пять лет, у него открылось, как тогда говорили, кровохарканье, то есть он заболел туберкулезом. Отправили его в село Манзурка Верхоленского уезда Иркутской губернии.

В те годы Михаил Васильевич, как и многие другие социалисты, отошел от практической революционной деятельности. Недавние большевики занялись устройством личной жизни, они обзаводились семьями и находили работу. За этим стояло разочарование — первая русская революция закончилась неудачей. И мало кто верил, что очень скоро грянет вторая. Пользуясь этими настроениями, всего за несколько лет царским спецслужбам удалось подавить подполье.

В августе 1915 года Михаил Васильевич бежал из ссылки. Из Манзурки ссыльнопоселенцев этапировали в Иркутск. В пути он незаметно исчез. Давние знакомые отдали ему документы своего пропавшего без вести на фронте сына — Михаила Александровича Михайлова. Он привык к этой фамилии, носил ее до самой революции. Чувствовал себя уверенно, полиции совершенно не опасался.

В царские времена у спецслужб было множество недочетов, которые большевики учтут после революции. Например, сравнительно легко подделывались любые документы, и при обычной проверке полиция даже

не могла установить их подлинность. Ему подыскали хорошую работу — устроили статистиком от Всероссийского земского союза в Минске.

Его жизнь переменилась после Февральской революции. 4 марта 1917 года приказом гражданского коменданта Минска служащий Всероссийского земского союза М. А. Михайлов (Фрунзе все еще пользовался чужими документами) был назначен первым начальником городской милиции. Михаил Васильевич приказал разоружить полицейских и жандармов — они и не сопротивлялись. И выпустить из тюрьмы — Пицаловского замка — политических заключенных.

Фрунзе не остался в Минске. Перебрался в те края, где он участвовал в первой русской революции и где его хорошо помнили партийные товарищи. Здесь и началась его большая политическая карьера. В сентябре 1917 года Фрунзе избрали председателем Шуйского уездного Совета и уездным комиссаром юстиции (это неподалеку от города Иванова, который тогда назывался Иваново-Вознесенском). В марте 1918 года он управлял уже не одним городом, а крупной областью. Михаила Васильевича избрали председателем Иваново-Вознесенского губернского исполкома, затем еще и председателем губернского совета народного хозяйства. Собственно говоря, сама Иваново-Вознесенская губерния (ныне Ивановская область) появилась на карте России стараниями Фрунзе.

26 декабря 1918 года Троцкий принял неожиданное кадровое решение, оказавшееся очень удачным. Его приказом гражданский человек Фрунзе был назначен командующим 4-й армией Восточного фронта, которая последние месяцы действовала крайне неудачно. Троцкий, сменив двух командующих, остановил свой выбор на Фрунзе.

Человек, ни дня не служивший в армии, должен был руководить огромным военным коллективом и вести активные боевые действия против наступающего противника. Но Фрунзе, как и Троцкий, понимал, что сам не справится и нуждается в военных специалистах. Начальником штаба Михаил Васильевич взял понравившегося ему бывшего генерал-лейтенанта Федора Федоровича Новицкого (последняя должность в царской армии — командир 43-го армейского корпуса). Генеральские погоны Новицкого большевика Фрунзе не смущали. Бывший генерал и руководил военными действиями. У него в штабе служили выпускники Академии Генштаба, то есть опытные офицеры с прекрасным образованием. Михаил Васильевич научился ценить их опыт и знания. Обладая профессиональной командой, Фрунзе сделал минимальное число ошибок и быстро учился у своих военных наставников.

Его военная карьера увенчалась взятием Крыма осенью 1920 года, что

означало разгром Белой армии.

Ленин прохладно относился к Фрунзе, и при жизни Владимира Ильича особых перспектив у Михаила Васильевича не было. Но всё изменилось после смерти Ленина, когда началась атака на Троцкого. Михаил Васильевич держался в стороне от политической борьбы, но его вовлекли в эти интриги. Приблизив к себе Фрунзе, Зиновьев сделал всё, чтобы Михаил Васильевич возглавил военное ведомство.

Фрунзе пришлось противостоять врагу не внешнему, а внутреннему. Скажем, в августе 1924 года вспыхнули крестьянские восстания в Западной Грузии, Гурии и Мингрелии — это была вспышка возмущения, порожденная закрытием церквей и диктаторским поведением советской власти на территории республики. Восстание рабоче-крестьянская власть подавила с помощью армии.

В Кремлевской больнице

История смерти Фрунзе много десятилетий волнует историков и врачей. Версии гуляют разные. Одни полагают, что операция вовсе не была нужна. Другие настаивают, что хирурги действовали нарочито неумело. Третьи утверждают, что Михаилу Васильевичу сознательно ввели двойную дозу хлороформа, убийственную для его слабого сердца.

Разговоры о том, что Фрунзе убили врачи, возникли потому, что его оперировал в Солдатенковской (ныне Боткинской) больнице Владимир Николаевич Розанов, а тот был известен как сталинский врач. В начале двадцатых он сделал удачную операцию генеральному секретарю: в сложных условиях вырезал ему аппендикс. И вроде бы в марте 1923 года Сталин позвонил Розанову и попросил его участвовать в лечении Ленина, хотя тому не требовалось хирургическое вмешательство. В этом звонке увидели хитрый ход генсека, который желал держать доверенного врача возле больного вождя.

В реальности Владимир Розанов, старший врач хирургического отделения Солдатенковской больницы, еще с 1919 года служил консультантом Лечебно-санитарного управления Кремля. Розанов ассистировал во время операции, когда Ленину удаляли пулю, которая сидела в нем с 1918 года (после выстрела Фанни Каплан)...

Главный вопрос: нуждался ли Фрунзе в операции? Язвенную болезнь можно лечить и консервативно, не прибегая к оперативному вмешательству.

Константин Фрунзе, его старший брат, врач по профессии, нашел у

Михаила Васильевича желудочную болезнь еще в 1906 году, прописал строгую диету. Когда Михаил отбывал срок во Владимирском центральном, то жаловался на боли в желудке.

В 1916 году его оперировали по поводу острого аппендицита.

11 октября Фрунзе писал из Минска сестре Людмиле: «Завтра я ложусь в больницу. Делаю операцию аппендицита». Но операция была сделана не очень удачно и еще даст о себе знать.

Фрунзе много лет страдал от болей в желудке, у него диагностировали язвенную болезнь двенадцатиперстной кишки. Потом у него начались опасные кишечные кровотечения, которые надолго укладывали его в постель.

В годы Гражданской войны ему иной раз приходилось руководить боевыми действиями не вставая с постели. Лечиться он не любил. Когда мучили боли, глотал разведенную в воде пищевую соду. В 1922 году его хотели отправить пить лечебные воды на знаменитый курорт Карлсбад (ныне Карловы Вары), что помогает многим язвенникам.

Высших советских чиновников тогда часто отправляли лечиться за границу, не доверяя отечественной медицине. Большевистские лидеры, компенсируя себе трудности и неудобства былой, подпольной или эмигрантской жизни, быстро освоили преимущества своего нового высокого положения. Они не спорили, когда врачи, тонко чувствовавшие настроение своих высокопоставленных пациентов, предписывали им длительный отдых в комфортных условиях. Лечились за границей, в основном в Германии.

Михаил Васильевич наотрез отказался.

В 1925 году ко всем прочим неприятностям он трижды попадал в автомобильные аварии, что при скромном состоянии автопарка того времени представляется невероятным. Правда, и характер дорожно-транспортных происшествий был иным, нежели ныне. В начале сентября он выпал из машины на полном ходу и сильно ушибся.

Он взял отпуск. 7 сентября уехал в Крым. В Мухоматке отдыхали Сталин и командующий войсками Московского военного округа Климент Ефремович Ворошилов. Фрунзе намеревался ездить с ними на охоту. Надеялся, что на свежем воздухе все пройдет. Но у него открылось кровотечение. Врачи, боясь за жизнь высокопоставленного пациента, почти насильно уложили его в постель.

29 сентября все трое уехали в Москву. По дороге Михаил Васильевич еще и простудился. В Москве его сразу же отправили в Кремлевскую больницу.

8 октября под руководством наркома здравоохранения РСФСР Николая Александровича Семашко дюжина врачей осмотрела Фрунзе. Консилиум пришел к выводу, что существует опасность прободения язвы, поэтому показана хирургическая операция. Это мнение не было единодушным. Некоторые врачи высказывались за консервативное лечение. В необходимости операции сомневался и Владимир Николаевич Розанов.

Фрунзе не только не сопротивлялся операции, а, напротив, просил о ней. Об этом свидетельствуют письма жене, Софии Алексеевне, которая лечилась в Ялте от туберкулеза. По совету врачей Фрунзе отправлял ее и в Финляндию, и в Крым, но ничего не помогало. София Алексеевна чувствовала себя плохо, не вставала. Врачи рекомендовали ей с сыном Тимуром и дочкой Татьяной провести в Ялте всю зиму. Она тревожилась: хватит ли им денег?

Фрунзе старался ее успокоить:

«Советы врачей относительно Ялты считаю правильными. Попробуйте провести зиму там. С деньгами как-нибудь справлюсь. При условии, конечно, что ты не будешь оплачивать из своих средств все визиты врачей. На это никаких заработков не хватит. В последний раз взял из ЦК денег. Думаю, что зиму проживем. Лишь бы только ты прочно стала на ноги. Посылаю своего порученца — устроить все для жительства в Ялте».

20 октября 1925 года Фрунзе написал жене:

«От тебя что-то долго нет сообщений. Если верить телеграммам, то как будто бы температура нормальная и сон у тебя лучше. Ну, а как со всем остальным? Я все еще в больнице. В субботу будет новый консилиум. Я сейчас совсем здоров. Боюсь, как бы не отказались от операции».

В следующем консилиуме 24 октября приняли участие уже семнадцать специалистов. Они пришли к прежнему выводу: «Давность заболевания и склонность к кровотечению, могущему оказаться жизненно опасным, не дают права рисковать дальнейшим выжидательным лечением».

Врачи предупредили Фрунзе, что операция может оказаться трудной и серьезной и не гарантирует стопроцентного излечения. Тем не менее Михаил Васильевич, как рассказывал впоследствии профессор Иван Иванович Греков, «пожелал подвергнуться операции, так как считал, что его состояние лишает его возможности продолжать ответственную работу».

Работавший тогда в «Известиях» Иван Михайлович Гронский встретил Фрунзе в Кремлевской больнице, которая располагалась в Потешном дворце:

«Больница, несмотря на ее громкое название, была более чем маленькой. Да и больных в ней, как я узнал, было немного: всего лишь

человек десять-пятнадцать. В небольшой чистенькой комнате — палате на втором этаже, куда меня поместили, не было ничего примечательного: простая металлическая кровать, два или три венских стула, тумбочка и простой стол, вот, пожалуй, и вся обстановка. Поразили меня только, пожалуй, толстенные стены Потешного дворца...»

Сначала в Кремле установили два зубоорудобных кресла. Когда в 1918 году началась эпидемия сыпного тифа, нарком здравоохранения Николай Семашко и управляющий делами Совнаркома Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич подписали «План организации санитарного надзора Кремля», чтобы позаботиться о здоровье наркомов и членов ЦК.

Сразу после смерти Ленина, буквально через неделю, 31 января 1924 года на пленуме ЦК Климент Ефремович Ворошилов сделал доклад «О здоровье партверхушки». После этого началось создание особой, разветвленной системы медицины для высшей номенклатуры. Но к моменту операции Фрунзе Кремлевская больница пребывала еще в зачаточном состоянии.

Накануне операции Михаил Васильевич написал последнее письмо жене в Ялту:

«Ну вот, наконец, подошел и конец моим испытаниям! Завтра утром я переезжаю в Солдатенковскую больницу, а послезавтра (в четверг) будет и операция. Когда ты получишь это письмо, вероятно, в твоих руках уже будет телеграмма, извещающая о ее результатах.

Я сейчас чувствую себя абсолютно здоровым и даже как-то смешно не только идти, а даже думать об операции. Тем не менее оба консилиума постановили ее делать. Лично я этим решением удовлетворен. Пусть уж раз навсегда разглядят хорошенько, что там есть, и попытаются наметить настоящее лечение.

У меня самого все чаще и чаще мелькает мысль, что ничего серьезного нет, ибо, в противном случае, как-то трудно объяснять факты моей быстрой поправки после отдыха и лечения. Ну, уж теперь недолго ждать...»

Он был очень огорчен тяжелым состоянием жены:

«Твои письма получил. Читал их прямо с мукой. Что это, действительно, навалились на тебя все болезни! Их так много, что прямо не верится в возможность выздоровления. Ты даже и не ходишь. Никуда не годится, синьора дорогая.

Надо попробовать тебе серьезно взяться за лечение. Для этого надо прежде всего взять себя в руки. А то у нас все как-то идет хуже и хуже. От твоих забот о детях выходит хуже тебе, а в конечном счете и им. Мне как-то пришлось услышать про нас такую фразу: “Семья Фрунзе какая-то

трагическая... Все больны, и на всех сыпятся все несчастья!..” И правда, мы представляем какой-то непрерывный, сплошной лазарет. Надо попытаться изменить это все решительно. Я за это дело взялся. Надо сделать и тебе...»

Это письмо объясняет, почему Фрунзе сам хотел операции. Ему надоело числиться среди хворых и слабых. Он надеялся разом избавиться от своих недугов. Предсмертное письмо жена не успела получить. Быстрее пришла телеграмма о смерти Михаила Васильевича...

Оперировал наркома Розанов, ассистировали известнейшие хирурги Иван Иванович Греков и Алексей Васильевич Мартынов, наркоз давал Алексей Дмитриевич Очкин. За ходом операции наблюдали сотрудники Лечебно-санитарного управления Кремля.

Фрунзе с трудом засыпал, поэтому операцию начали с получасовым опозданием, пишет доцент Московской медицинской академии имени И. М. Сеченова Виктор Давидович Тополянский, предпринявший детальное медико-историческое исследование этой загадочной смерти. Вся операция продолжалась тридцать пять минут, а наркоз больному давали больше часа.

Судя по всему, сначала использовали эфир, но поскольку Фрунзе не засыпал, наркоз изменили. Прибегли к хлороформу — это очень сильное и опасное средство. Передозировка хлороформа смертельно опасна. Во время операции использовали шестьдесят граммов хлороформа и сто сорок граммов эфира. Это значительно больше, чем можно было давать Михаилу Васильевичу.

Выступая перед правлением общества старых большевиков, нарком здравоохранения Семашко прямо говорил, что причиной смерти Фрунзе стало неправильное проведение наркоза, и добавил, что если бы он присутствовал на операции, то, конечно же, прекратил бы наркоз...

Во время операции у Фрунзе стал падать пульс, ему начали вводить препараты, стимулирующие сердечную деятельность. В те годы таким средством считался адреналин. Кардиологам еще не было известно, что сочетание хлороформа и адреналина приводит к нарушению сердечного ритма. Сразу после операции сердце стало отказывать. Попытки восстановить сердечную деятельность не дали успеха.

Через тридцать девять часов, в пять тридцать утра 31 октября 1925 года, Фрунзе скончался от сердечной недостаточности.

Лучшие хирурги страны, оперировавшие Фрунзе, похоже, действительно допустили роковую ошибку, стоившую ему жизни. Но эта ошибка была следствием роковой случайности, врачебного недосмотра.

В семье Фрунзе мужчины как-то очень рано уходили из жизни. Отец

будущего военного министра умер, когда ему было сорок с небольшим. Самому Михаилу Васильевичу исполнилось всего сорок. Его сын лейтенант Тимур Фрунзе 19 февраля 1942 года погиб в воздушном бою под Москвой — в районе Старой Руссы. Посмертно удостоен звания Героя Советского Союза... В этой семье мужчины себя не жалели.

И потому остались в памяти благодарных потомков. За готовность жертвовать собой. За бескорыстие. И служение людям.

А новым военным министром стал глубоко преданный лично Сталину будущий маршал Климент Ефремович Ворошилов. Впрочем, и он находился под постоянным контролем других силовиков.

ДЗЕРЖИНСКИЙ. «НЕТ ИМЕНИ СТРАШНЕЕ МОЕГО»

Дзержинский и по сей день остается демонической фигурой, окутанной множеством мифов и слухов. В чем только его не подозревают! Даже в инцесте, запрещенной любви к самым близким родственникам.

Феликс Эдмундович родился 30 августа 1877 года в имении Дзержиново Ошмянского уезда Виленской губернии (ныне Столбцовский район Минской области) в семье мелкопоместного дворянина. У его матери Хелены было восемь детей — Альдона, Станислав, Казимир, Ядвига, Игнатий, Владислав, Феликс, Ванда.

Говорят, будто юный Феликс безумно влюбился в сестру Ванду, а девочка не отвечала ему взаимностью. Охваченный безумной ревностью, Феликс, страстный и импульсивный от рождения, застрелил ее из отцовского ружья. Есть и другая, не менее ужасная версия смерти девочки. Братья Феликс и Станислав решили пострелять по мишени. Вдруг на линии огня появилась сестренка Ванда... Ей было всего четырнадцать лет. Чья именно пуля ее убила — Феликса или Станислава, — осталось неизвестным.

Вот что точно известно, так это трагическая история Станислава Дзержинского. Он работал в банке, и в 1917 году его убили. Феликс Дзержинский, побывав в родных местах, писал о судьбе брата:

«Бедный Стась пал жертвой трусости других. Ему давали на сохранение деньги. Грабители знали об этом, знали также, что у него есть оружие и собака и что он отбил бы всякое открытое нападение. Но они обманули его. Они попросились, чтобы он предоставил им ужин и ночлег, и убили его. Им не удалось ничего украсть, так как служанка выскочила в окно, и ее брат пришел на помощь».

Дзержинский выкопал коробку с семейными ценностями, спрятанную старшей сестрой Альдоной, но оставить их у себя не решился, сдал в банк и вернулся в Петроград, чтобы принять участие в Октябрьской революции.

Теперь подозревают, что и к Альдоне Дзержинской Феликс относился подозрительно нежно, о чем вроде как свидетельствуют его письма, заботливо хранимые в партийном архиве. Старшая сестра была его наперсницей все предреволюционные годы, когда его сажали то в одну тюрьму, то в другую.

Вот одно из таких посланий, адресованных Альдоне:

«Я хотел бы увидеть тебя, и, может быть, лишь тогда ты почувствовала бы, что я остался таким же, каким был в те времена, когда я был тебе близок не только по крови...»

Впрочем, этим словам есть иное объяснение. Альдона, как старшая из детей, раньше всех стала самостоятельной, вышла замуж и заботилась о Феликсе, когда он находился в заключении. И близки брат с сестрой были не в интимном смысле, а в духовном.

Это письмо Дзержинский отправил сестре уже в роли председателя ВЧК, наводившего страх на всю Россию:

«Я остался таким же, каким и был, хотя для многих нет имени страшнее моего. И я чувствую, что ты не можешь примириться с мыслью, что я — это я, — и не можешь меня понять, зная меня в прошлом...

Ты видишь лишь то, что доходит до тебя, быть может, в сгущенных красках. Ты свидетель и жертва молоха войны, а теперь разрухи. Из-под твоих ног ускользает почва, на которой ты жила. Я же — вечный скиталец — нахожусь в гуще перемен и создания новой жизни. Ты обращаешься своей мыслью и душой к прошлому. Я вижу будущее и хочу и должен сам быть участником его создания...»

Письмо-оправдание. Руководитель карательного ведомства пытался объяснить сестре, почему он так жесток. И в самом деле: как идеалист и романтик, ненавидевший жандармов, провокаторов, фабрикацию дел, неоправданно суровые приговоры, пытки, тюрьмы, смертную казнь, как такой человек мог стать председателем ВЧК?

Непросто понять характер этого человека. Милый мальчик с тонкими чертами лица, натура открытая и благородная. Из хорошей дворянской семьи, очень любил своих братьев и сестер. И вдруг этот милый мальчик превращается в палача, которого ненавидит половина России.

Феликс учился в гимназии, но учебу не закончил. И на работу устраиваться не стал. В восемнадцать лет вступил в социал-демократический кружок, затем в партию «Социал-демократия Королевства Польского и Литвы». С этого момента и до 1917 года Дзержинский занимался партийной работой. Профессиональный революционер — так это тогда называлось. Для него существовала лишь революция, одна только революция и ничего кроме революции.

С того момента, как в семнадцать лет он пришел в революционную деятельность, на свободе он почти не был. Шесть лет провел на каторге и пять — в ссылке. Иногда в кандалах. Иногда в одиночке. Иногда в лазарете. Жандармы предлагали ему свободу в обмен на сотрудничество. Отказывался. Готов был к худшему. Явно не отрекся бы от своей веры и

перед эшафотом.

«Как я хотел бы, чтобы меня никто не любил, — писал экзальтированный юноша сестре Альдоне, — чтобы моя гибель ни в ком не вызвала боли; тогда я мог бы полностью распоряжаться самим собой...»

Его единомышленников пороли розгами, приговаривали к смертной казни и вешали. Они умирали от туберкулеза или в порыве отчаяния кончали жизнь самоубийством. Разве мог он об этом забыть? Или простить палачей?

«В ночной тиши я отчетливо слышу, как пилят, обтесывают доски, — записывал он в дневнике 7 мая 1908 года. — “Это готовят виселицу”, — мелькает в голове. Я ложусь, натягиваю одеяло на голову. Это уже не помогает. Сегодня кто-нибудь будет повешен. Он знает об этом. К нему приходят, набрасываются на него, вяжут, затыкают ему рот, чтобы не кричал. А может быть, он не сопротивляется, позволяет связать себе руки и надеть рубаху смерти. И ведут его и смотрят, как его хватает палач, смотрят на его предсмертные судороги и, может быть, циническими словами провожают его, когда зарывают труп, как зарывают падаль...»

Он полагал, что нет оснований быть снисходительным к тем, кто держал его и его единомышленников на каторге. Тем более в годы Гражданской войны. В борьбе не на жизнь, а на смерть он не считал себя связанным какими-то нормами морали. Это одна из причин, объясняющих, почему на посту главы ведомства госбезопасности Дзержинский был жесток и беспощаден.

Он сидел бы в тюрьмах вечно, но его, как и других политических заключенных, освободила Февральская революция. 18 марта 1917 года он писал жене из Москвы:

«Уже несколько дней я отдыхаю почти в деревне, в Сокольниках, так как впечатления и горячка первых дней свободы и революции были слишком сильны, и мои нервы, ослабленные столькими годами тюремной тишины, не выдержали возложенной на них нагрузки. Я немного захворал, но сейчас, после нескольких дней отдыха в постели, лихорадка совершенно прошла, и я чувствую себя вполне хорошо. Врач также не нашел ничего опасного, и, вероятно, не позже чем через неделю я вернусь опять к жизни...»

Дзержинский участвовал в историческом заседании ЦК партии большевиков 10 октября 1917 года в Петрограде, где было принято решение о подготовке вооруженного восстания. Он предложил «создать для политического руководства на ближайшее время политическое бюро из членов ЦК». Идея Дзержинского понравилась: политбюро существовало до

августа 1991 года. А в декабре Дзержинский получил свое главное задание — сформировать и возглавить ВЧК.

Почему выбрали именно его?

Наверное, исходили из того, что он человек надежный, неподкупный, равнодушный к материальным благам. Его считали аскетом, поразились его целеустремленности и принципиальности. При всей его порывистости и эмоциональности он старался обуздывать свою натуру.

После побега из ссылки записал в дневнике: «Жизнь такова, что требует, чтобы мы преодолели наши чувства и подчинили их холодному рассудку».

Были у него очевидный интерес к следственной работе и испепеляющая ненависть к предателям. В тюремной камере пометил в дневнике:

«Все сидящие рядом со мной попались из-за предательства... Шпионов действительно много. Здесь так часто сменяют товарищей по камере (редко кто сидит один, большинство сидят по два человека, а есть камеры, в которых сидят по трое и больше), что цель этого становится очевидной: дать возможность неразоблаченным шпиикам узнать как можно больше. Несколько дней тому назад я увидел в окно бесспорно уличенного в провокации на прогулке с вновь прибывшим из провинции. Я крикнул в окно: “Товарищ! Гуляющий с тобой — известный мерзавец, провокатор!”».

Еще в дореволюционные годы Дзержинскому товарищи по партии доверяли выявлять среди большевиков провокаторов, внедренных полицией. Он вел следствие методично и почти профессионально.

«На третий или четвертый день после Февральской революции на трибуну пробрался исхудалый, бледный человек, — вспоминал Вацлав Сольский, член Минского Совета рабочих и солдатских депутатов. — Он сказал: “Моя фамилия Дзержинский. Я только что из тюрьмы”... Дзержинский говорил, что для революционера не существует вообще объективной честности: революция исключает всякий объективизм. То, что в одних условиях считается честным, — нечестно в других, а для революционеров честно только то, что ведет к цели».

Кожаные люди

С началом Первой мировой войны в Российской империи ввели сухой закон — императорским указом от 18 июля 1914 года. Временное правительство 27 марта 1917 года подтвердило запрет на «продажу для

питьевого употребления крепких напитков и спиртосодержащих веществ». Но в Гражданскую войну недостатка в спиртном не было. Помимо шутовского коньяка пили политуру, кишмишевку, самогонку, вообще всё, что попадалось под руку. Алкоголем — единственный доступный в ту пору транквилизатор — снимали тревогу и беспокойство, говоря современным языком, стресс. Не помогало!

Множество людей не желали успокоения и замирения. Напротив, поднимали градус противостояния. Переговоры, компромиссы, взаимовыгодные договоренности — все это даже не обсуждалось. Уничтожить врага под корень! Не надо было приказывать убивать. Убивали по собственному желанию.

Масштабы террора в Гражданскую войну трудно установить. Своими подвигами все хвастались, но расстрельно-вешательной статистики не вели. Однако же разница между тем, что творилось при белых и при красных, конечно, была — в масштабе террора и в отношении к нему.

Белый террор — самодеятельность отдельных военачальников и ожесточившихся офицеров. Для советской власти уничтожение врагов — государственная политика.

Вот в чем было новаторство большевиков: обезличенное уничтожение целых социальных групп и классов. Через десять дней после октябрьского переворота в «Известиях ЦИК» появилась статья «Террор и гражданская война». В ней говорилось: «Странны, если не сказать более, требования о прекращении террора, о восстановлении гражданских свобод». Это была принципиальная позиция советской власти: переустройство жизни требует террора и бесправия.

Гражданская война не пугала.

«Был американский журналист, — записала в дневнике член ЦК партии Александра Михайловна Коллонтай. — Спрашивал: неужели я сторонница гражданской войны? Ответила ему напоминанием о лютой, жестокой, кровавой, беспощадной гражданской войне на его родине в 1862 году между северными, прогрессивными, и южными — хозяйственно-реакционными штатами. В глазах нынешних американцев “разбойники” того времени — истые “национальные герои”. Слушал, но, кажется, аналогия его не убедила».

На заседании ЦК Ленин недовольно заметил:

— Большевики часто чересчур добродушны. Мы должны применить силу.

14 ноября Ленин выступал на заседании столичного комитета партии:

— Когда нам необходимо арестовывать — мы будем... Когда кричали

об арестах, то тверской мужичок пришел и сказал: “всех их арестуйте”. Вот это я понимаю. Вот он имеет понимание, что такое диктатура пролетариата.

На третьем съезде Советов Ленин объявил:

— Ни один еще вопрос классовой борьбы не решался в истории иначе, как насилем. Насилие, когда оно происходит со стороны трудящихся, эксплуатируемых масс против эксплуататоров, — да, мы за такое насилие!

22 ноября Ленин подписал декрет № 1 о суде, который отменял все (!) старые законы и разгонял старый суд. Готовили его под руководством латышского революционера Петра Ивановича Стучки, который окончил юридический факультет Петербургского университета и до первого ареста работал помощником присяжного поверенного.

«Наш проект декрета, — вспоминал Стучка, — встретил во Владимире Ильиче восторженного сторонника. Суть декрета заключалась в двух положениях: 1) разогнать старый суд и 2) отменить все старые законы».

Заодно отменили институт судебных следователей, прокурорского надзора и адвокатуру. Восьмая статья декрета учреждала «рабочие и крестьянские революционные трибуналы» — «для борьбы против контрреволюционных сил».

В написанном Петром Стучкой «Руководстве для устройства революционных трибуналов» говорилось: «В своих решениях революционные трибуналы свободны в выборе средств и мер борьбы с нарушителями революционного порядка».

Трибуналы руководствовались революционным чутьем и социалистическим правосознанием. Если председатель трибунала считал, что перед ним преступник, значит, так и есть. Соратники и подчиненные Ленина по всей стране охотно ставили к стенке «врагов народа и революции».

Страна вступила в эпоху беззакония — в прямом и переносном смысле.

«В Интимном театре, — пометила в дневнике известная писательница Зинаида Николаевна Гиппиус, — на благотворительном концерте, исполнялся романс Рахманинова на (старые) слова Мережковского “Христос Воскрес”. Матросу из публики не понравился смысл слов (Христос зарыдал бы, увидев землю в крови ненависти наших дней). Ну, матрос и пальнул в певца, чуть не убил».

Ленинцы исходили из того, что правосудие служит государству. Политическая целесообразность важнее норм права. Власть не правосудие осуществляет, а устраняет политических врагов.

В сентябре 1918 года представители дипломатического корпуса

заявили протест против красного террора. Ответ наркома по иностранным делам Георгия Чичерина заложил традицию дипломатии — соединять лицемерие с бравадой:

«Нота, врученная нам, представляет собою акт грубого вмешательства во внутренние дела России. Во всем капиталистическом мире господствует режим белого террора против рабочего класса. Никакие лицемерные протесты и просьбы не удержат руку, которая будет карать тех, кто поднимает оружие против рабочих и беднейших крестьян России».

Приказом Наркомата просвещения закрыли все юридические факультеты. Приказ вошел в историю. «В бесправной стране права знать не нужно», — горько констатировал профессор-историк Юрий Владимирович Готье, запечатлевший в своем дневнике революционную эпоху.

Большевики не сомневались в том, что они умеют управлять и наукой, и просвещением. Вслед за юридическими факультетами ликвидировали и историко-филологические факультеты. Не то преподают! Отменили все ученые степени и звания. Произошло резкое падение уровня преподавания.

Ректор Московского университета известный биолог Михаил Михайлович Новиков, бывший депутат Государственной думы, поинтересовался у руководителей Наркомата просвещения, почему одного за другим арестовывают преподавателей, чего в истории России никогда не происходило.

— Вы как биолог должны знать, сколько крови и грязи бывает при рождении человека. А мы рожаем целый мир, — последовал хладнокровный ответ.

Михаил Новиков отказался от поста ректора МГУ.

1 февраля 1922 года Московский университет прекратил занятия. Это была своего рода забастовка профессоров. Они составили петицию в правительство:

«После разрушения средней школы теперь гибнет и высшая, почти лишенная материальных средств и отрезанная от мировой науки. Провинциальные университеты, десятки лет служившие с честью народу и науке, закрываются или превращаются в средние школы. Огонек науки едва теплится в столичных университетах...

Страна, раньше бедная научными силами, теперь ими обнищала. Московский университет не хочет вводить в обман ни представителей власти, ни учащуюся молодежь, ни народ. Надо решиться на одно из двух: или высшие учебные заведения закрыть, или прямо и решительно покончить с бывшим до сих пор отношением к высшей школе и преподавателям».

Скандал! Делегацию профессоров принял заместитель Ленина Александр Дмитриевич Цюрупа. Был крайне любезен. Утешал. Как недавний нарком продовольствия обещал им академические, то есть высшей категории, пайки. В голодное время это имеет значение! Делегацию профессоров пригласили на заседание Совета народных комиссаров в надежде найти общий язык.

От имени преподавателей речь держал декан физико-математического факультета Московского университета профессор Всеволод Викторович Стратонов. Он закончил описание положения высшей школы словами:

— Мы вам об этом говорим прямо и серьезно.

Его слова разгневали начальника госбезопасности Дзержинского:

— Значит, вы различаете — «мы» и «вы»? Значит, вы противопоставляете себя власти? Я знаю, что профессура бастовала по указанию из Парижа. У меня на это есть доказательства. Вас нарочно заставили забастовать, чтобы помешать советской власти...

Профессор Стратонов хладнокровно ответил Дзержинскому, что никаких указаний из Парижа они не получали и уж Феликсу Эдмундовичу по роду его профессии это должно быть прекрасно известно. И добавил:

— Вы обрушились на меня за якобы сделанное противопоставление «мы» и «вы». Но иначе я выразиться не мог. Если бы, обращаясь к членам правительства, я бы сказал «мы», можно было бы подумать, будто мы подозреваем министров в желании стать профессорами, тогда как эта карьера едва ли их соблазняет. Или можно было подумать, что мы мечтаем стать членами правительства, тогда как мы слишком скромны, чтобы мечтать о такой карьере...

В зале раздался смех.

Дзержинского вызвал Ленин. Получив указания вождя революции, Дзержинский приказал методично собирать сведения обо всех наиболее заметных представителях интеллигенции от писателей и врачей до инженеров и агрономов. Всю информацию он распорядился концентрировать в «отделе по интеллигенции»: «На каждого интеллигента должно быть дело».

Председатель Всероссийского союза журналистов Михаил Андреевич Осоргин был арестован. Следователь задал ему обычный в те годы вопрос:

— Как вы относитесь к советской власти?

— С удивлением, — ответил Осоргин, — революция выродилась в полицейщину.

Для того чтобы угрозы стали реальностью, не хватало только универсального инструмента для уничтожения всех, кого признают

врагами.

6 декабря 1917 года вечером Совнарком обсуждал вопрос «О возможности забастовки служащих в правительственных учреждениях во всероссийском масштабе».

Записали в постановлении:

«Поручить т. Дзержинскому составить особую комиссию для выяснения возможности борьбы с такой забастовкой путем самых энергичных революционных мер, для выяснения способов подавления злого саботажа. К завтрашнему заседанию представить списки членов этой комиссии и меры борьбы с саботажем».

Создать карательное ведомство? Даже среди активных большевиков не всякий взялся бы за такую задачу. Это эсеры легко брались за оружие, занимались террором, убивали министров и жандармов. Феликс Эдмундович от поручения не отказался.

7 декабря 1917 года он составил список комиссии. Вечером все собрались в Кремле у секретаря ЦК партии Якова Михайловича Свердлова: комиссар милиции Екатеринослава Василий Кузьмич Аверин, начальник Красной гвардии города Иванова Дмитрий Гаврилович Евсеев, председатель Слуцкого Совета солдатских депутатов и член ВЦИК Иван Ксенофонтович Ксенофонтов, член ЦК партии Григорий Константинович Орджоникидзе, член Петроградского военнореволюционного комитета Яков Христофорович Петерс, член президиума ВЦИКа Карл Андреевич Петерсон, член Главного штаба Красной гвардии Валентин Андреевич Трифонов (отец известного писателя Юрия Трифонова)...

Тогда же и название новому органу придумали: «Всероссийская чрезвычайная комиссия при Совете народных комиссаров по борьбе с контрреволюцией и саботажем». На заседании правительства название было утверждено.

Дзержинский обратился в Совнарком:

«Не имея собственной автомобильной базы, комиссия наша не в состоянии справиться хоть сколько-нибудь удовлетворительно с возложенной на нас задачей борьбы с контрреволюцией, саботажем и мародерством. Ордера наши остаются без исполнения, связь с органами Советской власти не может установиться. Наши требования в Смольный на автомобили почти всегда остаются без удовлетворения.

Необходимо нам поэтому иметь собственную базу, для этой цели предоставьте нам право реквизиции автомобилей, бензина, смазочного масла и других автомобильных принадлежностей».

ВЧК еще не приступила к работе, но методы брались на вооружение

беззаконные. Председатель ВЧК просил не выделить ассигнования на покупку автомобилей, а разрешить чекистам реквизировать, то есть отбирать машины.

Всероссийскую чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и саботажем большевики создавали для того, чтобы справиться с армией чиновников, которые бойкотировали новую власть и саботировали распоряжения Совета народных комиссаров. Но руководители партии быстро поняли цену органов госбезопасности как важнейшего инструмента контроля над страной.

Дзержинский не считал ВЧК контрразведкой или политической полицией: это особый орган, имеющий право самостоятельно уничтожать врагов.

«Работники ЧК это солдаты революции, — писал Феликс Эдмундович, — и они не могут пойти на работу розыска-шпионства: социалисты не подходят для такой работы. Боевому органу, подобному ЧК, нельзя передавать работу полиции. Право расстрела для ЧК чрезвычайно важно».

Он добился этого права для чекистов, и кровь полилась рекой. Страна с ужасом заговорила о «кожаных людях». Сотрудники ВЧК носили кожаные куртки: им раздали обмундирование, предназначенное для летчиков. Это был подарок Антанты, найденный большевиками на складах в Петрограде. Куртки чекистам нравились не потому, что они предчувствовали моду на кожу. В кожаных куртках не заводились вши. В те годы это было очень важно: вши — переносчики тифа, который косил людей и на фронте, и в тылу.

Большевики создавали атмосферу, в которой террор становится возможным. Они отменили все законы. В стране даже формально возник правовой беспредел. При этом чекисты не в состоянии были совладать с настоящей преступностью.

«В городе начались ограбления квартир и убийства, — вспоминала Ольга Львовна Барановская-Керенская, первая жена главы Временного правительства. — Прислуги почти никто уже, кроме коммунистов, не держал, дворники были упразднены, охранять дома и квартиры было некому... Мы понимали, что все идет прахом и цепляться за вещи незачем, что надо только стараться сохранить жизнь, не быть убитыми грабителями, не умереть с голоду, не замерзнуть... В течение нескольких месяцев, а может быть, и больше, пока дети не достали мне чугунную печку, я жила, не раздеваясь, и никогда не спала на кровати...»

В голове никаких мыслей и никаких желаний, кроме мучительных дум о том, что еще продать и как и где достать хоть немного хлеба, сахара или

масла... Тротуаров уже не было, и не было ни конного, ни трамвайного движения (лошади все были съедены), улицы не чистились, снег не сгребался, по улицам плелись измученные, сгорбившиеся люди. И как горькая насмешка на каждом шагу развевались огромные плакаты: «Мы превратим весь мир в цветущий сад»».

Новая власть решала экономические проблемы динамитом, социальные — арестами и голодом. Те, кто сопротивлялся, объявлялись врагами народа.

Дзержинский заложил основы кадровой политики в ведомстве госбезопасности, назвав главным качеством преданность. Феликс Эдмундович объяснял управляющему делами ВЧК Генриху Григорьевичу Ягоде:

«Если приходится выбирать между безусловно нашим человеком, но не особенно способным, и не совсем нашим, но очень способным, у нас, в ЧК, необходимо оставить первого...»

В аппарат госбезопасности нередко попадали весьма сомнительные люди, в том числе и совершенно малограмотные. В учетной карточке одного из председателей Петроградской ЧК Семена Семеновича Лобова в графе «Образование» было написано: «Не учился, но пишет и читает». Это не мешало его успешной карьере. Лобов пошел в гору после того, как в одну ночь арестовал в Петрограде три тысячи человек.

Ценились преданность и готовность не рассуждая выполнить любое указание власти.

17 декабря 1922 года торжественным заседанием отметили пятую годовщину ВЧК. Председательствовал Дзержинский. Он предоставил слово Льву Борисовичу Каменеву:

— Да здравствует новый председатель Московского Совета товарищ Каменев!

Каменев похвалил собравшихся:

— Мы не знаем ни одного отказа от исполнения какого бы то ни было приказания, которое пришло бы в ВЧК. Мы не видели ни разу колебания в рядах передовых бойцов ВЧК. Мы всегда могли рассчитывать, что любой приказ, переданный по этой боевой колонне нашей армии, будет исполнен и исполнен во что бы то ни стало и чего бы это ни стоило тем или другим бойцам ВЧК.

Феликс Эдмундович не получал удовольствия от уничтожения врагов, но считал это необходимым. Твердо был уверен, что уж он-то, прошедший через тюрьмы и ссылки, справедлив и зря никого не накажет. И, наверное, не думал о том, что, присвоив себе право казнить и миловать и позволив

другим чекистам выносить смертные приговоры, он создал систему полной несправедливости.

ВЧК превратилась в инструмент тотального контроля и подавления. Жестокость, ничем не сдерживаемая, широко распространилась в аппарате госбезопасности. Беспощадность поощрялась с самого верха. За либерализм могли сурово наказывать, а за излишнее рвение лишь слегка пожуричь.

Ленинская попытка построить коммунизм за несколько месяцев разрушила экономику и привела Россию к голоду. В странах с устоявшейся политической системой провалившееся правительство уходит, уступая место более умелым соперникам. Большевики нашли другой вариант: изобретали все новых врагов, на которых перекладывали вину за собственные неудачи.

21 февраля 1918 года Совнарком утвердил декрет «Социалистическое отечество в опасности!». Он грозил расстрелом как внесудебной мерой наказания «неприятельским агентам, германским шпионам, контрреволюционным агитаторам, спекулянтам, громилам, хулиганам». Важно отметить эту формулировку: внесудебная мера наказания!

Выходившая в Петрограде газета «Наш век» писала:

«Уничтожив именем пролетариата старые суды, г. г. народные комиссары этим самым укрепили в сознании “улицы” ее право на “самосуд”, звериное право. И раньше, до революции, наша улица любила бить, предаваясь этому мерзкому “спорту” с наслаждением. Нигде человека не бьют так часто, с таким усердием и радостью, как у нас на Руси. “Дать в морду”, “под душу”, “под микитки”, “под девятое ребро”, “намылить шею”, “накостылять затылок”, “пустить из носу юшку” — все это наши русские, милые забавы. Этим — хвастаются. Люди слишком привыкли к тому, что их “с измала походя бьют” — бьют родители, хозяева, была полиция. И вот теперь этим людям, воспитанным истязаниями, как бы дано право свободно истязать друг друга. Они пользуются своим “правом” с явным сладострастием, с невероятной жестокостью».

Расстрел по анкете

30 августа 1918 года в Ленина стреляли — во время его выступления на митинге в гранатном корпусе завода Михельсона. Охрана сплеховала. Он чудом остался жив.

Подозреваемую схватили на месте преступления. Это была 28-летняя

Фаня Ройдман, молодая женщина с богатой революционной биографией. В шестнадцать лет она примкнула к анархистам и взяла себе фамилию Каплан. В 1906 году была ранена при взрыве бомбы в Киеве, схвачена и царским судом приговорена к бессрочным каторжным работам. Потом присоединилась к эсерам.

История с Фанни Каплан по-прежнему вызывает сомнения. Полуслепая женщина, по мнению экспертов, не могла попасть в вождя.

Но, скорее всего, Фанни Каплан и в самом деле стреляла во Владимира Ильича.

После покушения на Ленина был провозглашен «красный террор». В Петрограде пятьсот человек расстреляли и столько же взяли в заложники. Списки заложников публиковались в «Красной газете» под заголовком «Ответ на белый террор».

Петроградский совет постановил:

«Довольно слов: наших вождей отдаем под охрану рабочих и красноармейцев. Если хоть волосок упадет с головы наших вождей, мы уничтожим тех белогвардейцев, которые находятся в наших руках, мы истребим поголовно вождей контрреволюции».

Нарком внутренних дел РСФСР Григорий Иванович Петровский разослал всем местным органам власти циркулярную телеграмму:

«Применение массового террора по отношению к буржуазии является пока словами. Надо покончить с расхлябанностью и разгильдяйством. Надо всему этому положить конец. Предписываем всем Советам немедленно произвести арест правых эсеров, представителей крупной буржуазии, офицерства и держать их в качестве заложников».

«Массовый террор» — не фигура речи, а прямое указание. Для расстрела было достаточно анкетных данных. По телефонным и адресным книгам составлялись списки капиталистов, бывших царских сановников и генералов, после чего всех поименованных в них лиц арестовывали.

Вождь анархистов князь Петр Алексеевич Кропоткин вспоминал о своем разговоре с Лениным в 1918 году: «Я упрекал его, что он за покушение на него допустил убить две с половиной тысячи невинных людей. Но оказалось, что это не произвело на него никакого впечатления».

Ленин был фанатиком власти. Он изучил недолгую историю Парижской коммуны и пришел к выводу, что без крови власть не сохранить. Еще до выстрелов Фанни Каплан, 9 августа 1918 года, телеграфировал председателю Нижегородского губисполкома:

«В Нижнем явно готовится белогвардейское восстание, надо напрячь все силы, составить “тройку” диктаторов, навести тотчас массовый террор,

расстрелять и вывезти сотни проституток, спаивающих солдат, бывших офицеров и т. и. Ни минуты промедления. Проведите массовые обыски. За ношение оружия — расстрел. Организуйте массовую высылку меньшевиков и других подозрительных элементов».

На следующий день приказал Пензенскому губисполкому:

«Восстание пяти волостей кулачья должно повести к беспощадному подавлению. Этого требует интерес всей революции, ибо теперь взят “последний решительный бой” с кулачем. Образец надо дать.

1) Повесить (непременно повесить, дабы народ видел) не меньше 100 заведомых кулаков, богатеев, кровопийц.

2) Опубликовать их имена.

3) Отнять у них весь хлеб.

4) Назначить заложников — согласно вчерашней телеграмме.

Сделать так, чтобы на сотни верст кругом народ видел, трепетал, знал, кричал: душат и задушат кровопийц кулаков... Найдите людей потверже».

Ленин оседлал идею строительства коммунизма, счастливого общества. Хотите быть счастливыми? Значит, надо идти на жертвы. Вот миллионы в Гражданскую и погибли. Ленин ввел заложничество: детей брали от родителей в заложники, нормальный ум может такое придумать?

Когда начались первые повальные аресты и хватали известных и уважаемых в России ученых и общественных деятелей, еще находились люди, взывавшие к Ленину с просьбой освободить невинных.

Владимир Ильич хладнокровно отвечал: «Для нас ясно, что и тут ошибки были. Ясно и то, в общем, что мера ареста кадетской (и околокадетской) публики была необходима и правильна».

Известная актриса Мария Федоровна Андреева, много сделавшая для большевиков, ходатайствовала об освобождении заведомо невинных. Ей Ленин откровенно объяснил: «Нельзя не арестовывать, для предупреждения заговоров, всей кадетской и околокадетской публики... Преступно не арестовывать ее».

Массовый террор оформило постановление Совнаркома 5 сентября 1918 года по докладу председателя ВЧК Дзержинского:

«Совет народных комиссаров, заслушав доклад председателя Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией о деятельности этой комиссии, находит, что при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью;

необходимо обезопасить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях;

подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским

организациям, заговорам и мятежам».

Невероятное озлобление и презрение к человеческой жизни, воспитанные Первой мировой войной, умножились на полную безнаказанность. Уничтожение врага — благое дело. Человек с винтовкой обрел настоящую власть.

Участник Гражданской войны, обращаясь с просьбой о приеме в Коммунистический университет имени Я. М. Свердлова, перечислял свои заслуги:

«Я безусым 18-летним мальчишкой с беззаветной преданностью добровольно бросился защищать завоевания революции... Нужно было во имя партии и революции производить массовые расстрелы — расстреливал. Нужно было сжигать целые деревни на Украине и в Тамбовской губернии — сжигал. Нужно было вести в бой разутых и раздетых красноармейцев — вел, когда уговорами, а когда и под дулом нагана».

Главный редактор «Правды» и будущий член политбюро Николай Иванович Бухарин, считавшийся самым либеральным из большевистских руководителей, писал:

«Пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как ни парадоксально это звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи».

В определенном смысле Николай Иванович оказался прав. Беззаконие, массовый террор, ужасы Гражданской войны — вот через какие испытания прошли советские люди. Тотальное насилие не могло не сказаться на психике и представлениях о жизни. Это помогает понять, какие методы решения споров и противоречий считались правильными. Как мало ценили человеческую жизнь. И сколь важной стала фигура силовика!

МЕНЖИНСКИЙ. АРМИЯ ПОД ПРИСМОТРОМ

Систему особых отделов в вооруженных силах страны сформировал Вячеслав Рудольфович Менжинский, который после смерти Дзержинского (с осени 1926-го до мая 1934 года) станет руководить всей госбезопасностью.

«Борьба с контрреволюционными элементами в армии» первоначально была поручена отделу по борьбе с контрреволюцией ВЧК. Потом возникли и фронтовые чрезвычайные комиссии.

А в Наркомате по военным и морским делам существовала своя контрразведка, именовавшаяся Военным контролем. Она была частью вооруженных сил и подчинялась военному министру. Задача — борьба с иностранным шпионажем. Так было в старой России, так принято и во многих странах. Начальником активной части отдела Военного контроля Реввоенсовета Республики был Артур Христианович Артузов, один из самых известных чекистов, будущий руководитель внешней разведки.

Но большевиков это не устраивало. Важнее всего надзор за политической благонадежностью вооруженных сил. 19 декабря 1919 года ЦК партии объединил Военный контроль и ведавшие армией подразделения ВЧК. Так появились особые отделы.

6 февраля 1919 года Всероссийский центральный исполнительный комитет (высший орган государственной власти, избираемый съездом Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов) утвердил Положение об особых отделах при Всероссийской Чрезвычайной Комиссии. Задача — бороться со «шпионажем, изменой Родине и другими контрреволюционными преступлениями в частях и учреждениях Красной армии». В каждом фронтовом управлении и в каждой армии создавался Особый отдел, в дивизиях — особые отделения.

Ввиду высокого положения и авторитета наркомвоенмора Троцкого тогда подчеркивалось, что особые отделы действуют под контролем Реввоенсовета Республики (это положение отменят в 1931 году, и с этого момента военная контрразведка окончательно выйдет из подчинения армии). За Реввоенсоветом Республики первоначально закреплялось право предлагать своих кандидатов на должности начальников особых отделов фронтов, армий и военных округов.

Военная контрразведка не только выявляла шпионов и предателей, но и следила за военачальниками, изучала настроения в армии. Главная забота

— бывшие офицеры, которые из Красной армии перебежали в Белую.

Троцкому постоянно предъявляли обвинения в том, что он назначает потенциальных предателей на высокие посты. Председатель Реввоенсовета ответил:

«У нас ссылаются нередко на измены и перебеги лиц командного состава в неприятельский лагерь. Таких перебегов было немало, главным образом со стороны офицеров, занимавших более видные посты. Но у нас редко пишут о том, сколько загублено целых полков из-за боевой неподготовленности командного состава... И если спросить, что причиняло нам до сих пор больше вреда: измена бывших кадровых офицеров или неподготовленность многих новых командиров, то я лично затруднился бы дать на это ответ».

Особый отдел возглавил Михаил Сергеевич Кедров, старый член партии с большими связями в высшем руководстве (в 1939 году его арестуют, а в 1941-м расстреляют). Но он не сработался с Реввоенсоветом Республики, и в августе 1919 года руководить Особым отделом Центральный комитет партии поручил самому Дзержинскому. Но уже 15 сентября Феликс Эдмундович переложил эти обязанности на Вячеслава Рудольфовича Менжинского. До конца своих дней он сохранил особый интерес к чекистской работе в армии и сам ее направлял.

Менжинский резко выделялся среди своих коллег. Мягкий по характеру, приятный, обходительный, скромный, бескорыстный, интеллигентный человек — такой образ утвердился в истории.

Менжинский родился 19 августа 1874 года в Петербурге в дворянской семье. Его отец преподавал историю в Петербургском кадетском корпусе. Гимназию Вячеслав Рудольфович окончил с золотой медалью. Поступил на юридический факультет Петербургского университета, работал адвокатом.

Жизнь его могла пойти иным путем. Летом 1902 года Менжинский поехал в Ясную Поляну на встречу с Львом Николаевичем Толстым, увлеченный его идеями непротivления злу насилем. Но в конечном счете присоединился к социал-демократам.

Страсть к революции соединялась в нем с любовью к литературе. Менжинский был одним из участников «Зеленого сборника стихов и прозы» (издан в 1905 году), где впервые напечатался популярный поэт, музыкант и певец гомосексуальной любви Михаил Алексеевич Кузмин, интимный друг Георгия Васильевича Чичерина, будущего наркома иностранных дел. Для сборника Менжинский написал «Роман Демидова». Вячеслав Рудольфович, опять же вместе с Михаилом Кузминым, принял участие и в сборнике «Проталина» (издан в Санкт-Петербурге в 1907 году).

25 октября 1917 года Менжинского назначили комиссаром Петроградского военнореволюционного комитета в Госбанке. Затем Ленин утвердил Менжинского заместителем наркома финансов РСФСР. Задача: заставить банки выдать деньги большевикам. Совнарком объявил государственную монополию на банковское дело. Частные банки были национализированы и объединены вместе с Госбанком в единый Народный банк. Банковские акции аннулировались, а сделки по ним объявлялись незаконными. Со всем этим Менжинский справился за несколько месяцев.

Но особого впечатления на Ленина он не произвел и высокой должности не сохранил. В апреле 1918 года, после заключения Брестского мира с немцами, его, как знающего иностранные языки и жившего за границей, отправили генеральным консулом в Берлин. Потом перебросили на Украину, где он несколько месяцев служил заместителем наркома советской социалистической инспекции. Осенью 1919 года Вячеслав Рудольфович вернулся в Москву. Дзержинский нашел ему работу в ВЧК.

Менжинский до работы в госбезопасности и во время этой работы — два разных человека. Не очень понятно: служба так меняет человека? Или же в нем проявились доселе скрытые черты характера?

Менжинский докладывал о работе особых отделов, о ситуации в армии (и не только в армии) и Дзержинскому, и Троцкому. Председатель Реввоенсовета был куда более важной фигурой, чем председатель ВЧК. Поэтому военные чувствовали себя уверенно и не боялись чекистов. После ухода Троцкого из армии ситуация радикально изменится. А в Гражданскую войну разгневанный командарм запросто мог арестовать начальника Особого отдела, если у них не складывались отношения.

Начальник Особого отдела Первой конной армии докладывал своему начальству:

«В армии бандитизм не изведется до тех пор, пока существует такая личность, как Ворошилов, ибо человек с такими тенденциями является лицом, в котором находили поддержку все эти полупартизаны-полубандиты».

Особиста убрали из Первой конной.

Летом 1920 года Фрунзе назначили командующим Южным фронтом. Михаил Васильевич, чьи войска взяли Бухару, приехал в Москву из Ташкента на спецпоезде. Когда состав прибыл на Казанский вокзал, появились чекисты и оцепили поезд. У чекистов был мандат на производство обыска и самого поезда, и помощников Фрунзе.

Красноармейские части разграбили Бухару. Чекисты предполагали, что поезд Фрунзе набит трофеями. Михаил Васильевич был разгневан,

жаловался Ленину. Оргбюро ЦК постановило все же провести обыск в поезде. Но в присутствии Дзержинского или начальника Особого отдела Менжинского.

Фрунзе написал в ЦК еще одно письмо, выражая возмущение относительно «способа произведения в его поезде обыска, после которого его сотрудники чувствуют себя морально оскорбленными». Оргбюро постановило: «Уполномочить т. Фрунзе выразить его сотрудникам доверие от имени ЦК».

Дзержинский настаивал: ВЧК должна иметь собственные боевые части. Нарком по военным и морским делам и председатель Реввоенсовета Республики Троцкий был против: он не считал, что нужно создавать какие-то отдельные армии, лично ему не подчиненные. Хотя Дзержинский в конце концов настоял на своем и войска ВЧК сформировали, но они находились под контролем Реввоенсовета, то есть Троцкого.

В 1921 году Дзержинский сформировал отряд особого назначения, охранявший Ленина, потом мавзолей Ленина, а также такие важнейшие объекты, как Народный комиссариат финансов, Госбанк... Впоследствии отряд преобразовали в дивизию особого назначения имени Ф. Э. Дзержинского, существующую и поныне.

Вячеслав Менжинский был исключительно лоялен по отношению к наркомпо по военным и морским делам.

Троцкий вспоминал:

«Он явился ко мне в вагон с докладом по делам особых отделов в армии.

Закончив с официальной частью визита, он стал мяться и переминаясь с ноги на ногу с той вкрадчивой своей улыбкой, которая вызывает одновременно тревогу и недоумение. Он кончил вопросом: знаю ли я, что Сталин ведет против меня сложную интригу?

— Что-о-о? — спросил я в совершенном недоумении, так как был далек тогда от каких бы то ни было мыслей или опасений такого рода.

— Да, он внушает Ленину и еще кое-кому, что вы группируете вокруг себя людей специально против Ленина...

— Да вы с ума сошли, Менжинский, проспитесь, пожалуйста, а я разговаривать об этом не желаю.

Менжинский ушел, перекосив плечи и покашливая. Думаю, что с этого самого дня он стал искать иных осей для своего круговращения».

На посту начальника Особого отдела Менжинского сменил Генрих Григорьевич Ягода, ему доверили следить за порядком в армии. Едкий в оценках наркомвоенмор так характеризовал приходившего к нему на

доклад нового главного особиста:

«Ягода очень точен, чрезмерно почтителен и совершенно безличен. Худой, с землистым цветом лица (он страдал туберкулезом), с коротко подстриженными усиками, в военном френче, он производил впечатление усердного ничтожества».

Лев Давидович, как это с ним часто бывало, недооценивал других. Генрих Ягода не был ничтожеством и со временем станет наркомом внутренних дел. А традиция докладывать высшему руководству о настроениях, поведении, симпатиях и антипатиях высших чиновников заложена была еще в те годы.

При Троцком вооруженные силы могли постоять за себя. 15 октября 1922 года комиссар морских сил республики Вячеслав Иванович Зоф пожаловался Троцкому, что ГПУ (так теперь именовались органы госбезопасности) ведет расследование по поводу контрреволюционных настроений на Балтийском флоте:

«Самый вопрос был внесен ГПУ в Политбюро во время Вашего отсутствия из Москвы и без всякого предварительно ознакомления Морского ведомства... Несмотря на все попытки с моей стороны в Москве и со стороны руководящих опытных работников Балтфлота в Петрограде установить постоянные нормальные отношения в работе Морведа с органами ГПУ, со стороны последних до сего времени наблюдается явно предвзятое отношение к флоту».

На следующий день Троцкий написал Дзержинскому о «ненормальности и неправильности работы органов», упрекнул: чекисты занимаются военным флотом «без участия наиболее авторитетных партийных работников морского ведомства»; это уже приводило к крупным ошибкам.

Дзержинский тут же ответил Троцкому:

«Происхождение дела о настроении кронштадтских моряков было согласовано ГПУ с секретарем ЦК т. Сталиным, у него можно будет узнать о причинах, побудивших дать то, а не иное направление дела».

Ссылкой на санкцию Сталина Феликс Эдмундович только обострил ситуацию. Троцкий в тот же день попросил обсудить работу чекистов на заседании политбюро, убедительно обосновал свою позицию и одержал полную победу. В 1937 году его бывшего подчиненного Вячеслава Зофа, в ту пору директора завода «Компрессор», расстреляют как антисоветчика-террориста...

9 марта 1922 года политбюро утвердило секретное положение об особых отделах, перечислив их задачи:

«а) Борьба с контрреволюцией и разложением в Красной армии и во флоте.

б) Борьба со шпионажем во всех его видах (разведывательным и вредительским), направленным против интересов РСФСР как со стороны окружающих республику государств и их отдельных партий, так и со стороны русских контрреволюционных партий и групп.

в) Борьба с открытыми контрреволюционными выступлениями и вспышками (бандитизмом) путем разведки сил противника и разложения его рядов.

г) Охрана границ РСФСР и борьба с политической и экономической контрабандой и незаконным переходом границ.

д) Выполнение специальных заданий Реввоенсовета Республики и Реввоенсоветов фронтов, армий и военных округов...»

В конце января 1925 года в Москве прошел второй съезд особых отделов. Выступали Дзержинский, его заместитель Генрих Ягода, начальник контрразведывательного отдела Артур Христианович Артузов, заместитель начальника Особого отдела Роман Александрович Пилляр (дальний родственник Дзержинского; его настоящее имя — Ромуальд фон Пильхау, но в юности он порвал с отцом-бароном).

На съезде обсудили вопрос о разграничении обязанностей с контрразведывательным отделом. Роман Пилляр объяснил коллегам: особисты должны сосредоточиться на изучении армейской среды и борьбе с контрреволюцией в армии. Поэтому за особистами и утвердилась репутация надсмотрщиков, и армейские офицеры их недолго любили.

Особым отделам предписали создавать «агентурно-осведомительный аппарат в армии, на флоте и среди гражданского населения, имеющего непосредственное соприкосновение с войсковыми частями». Сами особисты вели следствие «по делам о контрреволюции, шпионаже, диверсии, измене Родине, вредительстве в РККА и Военно-Морском флоте, войсках НКВД и среди указанного выше гражданского населения». Сами проводили обыски и аресты.

Особые отделы опутали соединения, части и подразделения вооруженных сил, красноармейские коллективы сетью негласных осведомителей. Информировали начальство не только о ходе боевой подготовки и учебы, но и о настроениях бойцов и командиров; в первую очередь их интересовали политические взгляды и жизненные устремления командного состава.

Уловив специфический интерес особистов, осведомители запоминали каждое сомнительное словечко своего командира. В результате

накапливался компрометирующий материал, который в любой момент можно было пустить в ход.

Военная контрразведка существует практически во всех странах, но как часть вооруженных сил, потому что защищает армию от вражеского проникновения. В Советской России военная контрразведка формировалась в составе органов госбезопасности как инструмент контроля над армией.

Особое подозрение вызывали те, кто послужил в Белой армии, а потом перешел на сторону Красной. Чекисты всегда рассматривали их как враждебный элемент. На Лубянке были озабочены «засильем старых офицеров» в армии.

«Среди комсостава из среды старого офицерства весьма распространены разного рода группировки (особенно в частях Западного фронта). Подобное объединение старого офицерства, составляющего значительный процент комсостава, представляет определенную опасность. Ряд группировок носит определенный монархический уклон. В некоторых случаях группировки комсостава стремятся парализовать действия политработников и краскомов или выживать их из частей», — говорилось в «Обзоре политико-экономического состояния СССР» за март 1924 года.

На оперативный (скрытый) учет как «неблагонадежные» были поставлены и военачальники, которые внесли решающий вклад в создание Красной армии и победу в Гражданской войне. В этот список включили Михаила Николаевича Тухачевского, бывших главнокомандующих Красной армией Иоакима Иоакимовича Вацетиса (после войны преподаватель Военной академии РККА) и Сергея Сергеевича Каменева (начальник Штаба РККА, заместитель наркома), Михаила Дмитриевича Бонч-Бруевича, который в 1918 году возглавил Высший военный совет республики, выдающихся военных ученых Андрея Евгеньевича Снесарева и Александра Андреевича Свечина...

Все эти люди отказались служить в Белой армии и присягнули на верность советской власти, но эта власть, многим им обязанная, все равно бывшим офицерам не доверяла. Военных постоянно подозревали в готовности перейти на сторону некоего врага.

В 1925 году один из агентов представил донесение, которое заботливо положили в личное дело будущего маршала Тухачевского: «В настоящее время среди кадрового офицерства и генералитета наиболее выявилось два течения: монархическое и бонапартистское, концентрация которого происходит вокруг М. Н. Тухачевского».

Липовое донесение — уже после смерти Фрунзе — будет иметь большие последствия не только для самого Тухачевского, но и для целой

группы отечественных военачальников.

ГОСБЕЗОПАСНОСТЬ И НОМЕНКЛАТУРА

6 февраля 1922 года президиум ВЦИКа утвердил декрет «Об упразднении Всероссийской чрезвычайной комиссии и правилах производства обысков, выемок и арестов».

Всероссийская чрезвычайная комиссия, которая подчинялась непосредственно правительству, была преобразована в Государственное политическое управление (ГПУ) при Наркомате внутренних дел. Понижение статуса карательного ведомства казалось логичным: Гражданская война закончилась, врагов стало меньше. За пару лет штат ведомства Дзержинского сократился втрое.

На положении самого Дзержинского это преобразование никак не сказалось, потому что он и был наркомом внутренних дел, так что в качестве начальника ГПУ подчинялся сам себе. А вот остальным чекистам, особенно работавшим далеко от Москвы, это не понравилось.

Ведомственный интерес взял верх, и через полтора года, в ноябре 1923-го, статус ГПУ повысили: преобразовали в Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) уже на правах самостоятельного наркомата.

В каждой республике было собственное ГПУ, которое подчинялось не местному правительству, а непосредственно Москве. Такова принципиальная линия: над госбезопасностью местные начальники не властны, и они всегда были этим недовольны. Партийным секретарям совсем не нравилось, что рядом с ними существует какая-то тайная сила, которая исполняет только команды из Москвы, не дает им отчета о своей деятельности да еще и присматривает за ними. Местная власть не раз пыталась подчинить себе чекистов. Но это почти никогда не удавалось, потому что вожди сразу осознали цену органам госбезопасности как важнейшему инструменту контроля над страной. Причем контроля тотального.

В протокол заседания политбюро № 28 (1922 год) записали: «Одобрить предложение ГПУ о создании во всех органах и учреждениях, где оно сочтет необходимым, по соглашению с партийными органами групп содействия органам ГПУ». Иначе говоря, осведомительная сеть должна быть повсюду, это общегосударственное дело.

Правда, чекистам внушали, что они не смеют ставить себя выше партийного аппарата.

19 марта 1920 года Менжинский и Ягода подписали приказ ВЧК № 55 «О взаимоотношениях с местными партийными организациями»:

«Приказываю работать в полном контакте с местными Комитетами РКП, опираясь на их авторитет, черпая в них силы и, по возможности, информируя их председателей о своей работе».

В декабре 1921 года заместитель председателя ВЧК Иосиф Станиславович Уншлихт, начальник секретно-оперативного управления Вячеслав Рудольфович Менжинский и начальник административно-организационного управления Станислав Францевич Редене подписали директиву, адресованную местным органам:

«Напоминаем, что всякая слежка за ответственными губернскими, областными и центральными партработниками строго воспрещается. Виновные в нарушении этого приказа будут строго караться».

Но ограничения были минимальными.

Ленинградское управление госбезопасности возглавил один из самых авторитетных чекистов — Станислав Адамович Мессинг. Ему трудно далось общение с хозяином Ленинграда членом политбюро Григорием Евсеевичем Зиновьевым.

Весной 1923 года он отправил заместителю председателя ГПУ Иосифу Станиславовичу Уншлихту рапорт с просьбой перевести его из Ленинграда:

«На экстренном заседании бюро Петроградского комитета при обсуждении вопроса об усилении мер борьбы против меньшевиков было указано на слабость работы ГПУ и лично Мессинга. Это подтвердил и в личной беседе Зиновьев».

Я не стараюсь бить меньшевиков широкими репрессиями, принимая во внимание, что мы живем в двадцать третьем году, а не в восемнадцатом... При сложившихся обстоятельствах считаю совершенно необходимым мою переброску».

Мессинга оставили в Ленинграде. Позиции руководителя питерской госбезопасности укрепили: ввели в коллегию ОГПУ и в состав Северо-Западного бюро ЦК партии.

В отношениях с другими ведомствами обитатели Лубянки не церемонились.

Здание Наркомата иностранных дел на Кузнецком Мосту находилось рядом с госбезопасностью. Дипломаты осторожно именовали чекистов «соседями». Это укоренилось. И в центральном аппарате МИДа, и в любом посольстве разведчиков называли соседями. Но отношения между ними не были соседскими.

Ведомство Чичерина пыталось поладить с иностранцами и расположить их к Советской России. Чекисты же исходили из того, что все приезжающие в страну иностранцы, особенно дипломаты, — шпионы и церемониться с ними незачем.

Скажем, в двадцатые годы военно-экономическое сотрудничество с Германией было выгодным для Красной армии: немцы, связанные ограничениями подписанного после поражения в Первой мировой войны Версальского договора, тайно создавали новые образцы оружия именно на территории Советской России. Но ведомство госбезопасности считало иностранных инвесторов и иностранных специалистов шпионами.

Нарком иностранных дел Чичерин летом 1922 года делился со своим заместителем Львом Михайловичем Караханом: «Тут мы наглупили больше, чем в чем-либо другом. Идиотское вмешательство Уншлихта (заместитель председателя ГПУ. — Л. М.) грозит уничтожением одному из главнейших факторов нашей внешней политики».

Нарком иностранных дел жаловался в ЦК:

«Руководители ГПУ были тем невыносимы, что были неискренни, лукавили, вечно пытались соврать, надуть нас, нарушить обещания, скрыть факты... Аресты иностранцев без согласования с нами вели к миллионам международных инцидентов, а иногда после многих лет оказывалось, что иностранца незаконно расстреляли (иностранцев нельзя казнить без суда), а нам ничего не было сообщено.

ГПУ обращается с НКВД как с классовым врагом... Внутренний надзор ГПУ в НКВД и полпредствах, шпионаж за мной, полпредами, сотрудниками поставлен самым нелепым и варварским образом».

Скандалы между двумя ведомствами возникали на каждом шагу, и Чичерин был возмущен тем, что чекисты не церемонятся с Наркоматом иностранных дел. В те времена с чекистами еще можно было спорить.

На очередную жалобу наркома Ленин ответил:

«Тов. Чичерин! Вполне с Вами согласен. Вы виноваты в слабости. Надо не “поговорить” и не только “написать”, а предложить (и надо вовремя это делать, а не опаздывать) Политбюро: арестовать паршивых чекистов и привезти в Москву виновных и их расстрелять. Надо уметь двигать такие дела побыстрее и поточнее. Горбунов должен вести это; он должен отвечать за это, а мы Вас всегда поддержим, если Горбунов сумеет подвести под расстрел чекистскую сволочь».

Павел Петрович Горбунов — управляющий делами и член коллегии Наркомата иностранных дел. Но, как правило, точка зрения чекистов брала верх. Главному дипломату оставалось только бессильно возмущаться и

жаловаться.

Когда чекисты арестовали сотрудника Наркомата иностранных дел, а Дзержинский даже не счел нужным сообщить об этом Чичерину, тот в полном отчаянии написал Феликсу Эдмундовичу: «Или надо окружить Россию китайской стеной, или надо признать, что ее международные интересы являются коренными и действия во вред им бьют по республике. Если это не останавливает некоторых Ваших агентов, не позволяйте им этого. Мы знаем их уровень».

После личного вмешательства Дзержинского обыкновенно наступало некоторое успокоение: органы госбезопасности вели себя осторожнее и незаметнее. Но это продолжалось недолго. Радикально изменить ситуацию было невозможно: чекисты и дипломаты смотрели на мир разными глазами.

Назначение того или иного сотрудника за границу решалось на совещании у «соседей», которое устраивалось на Лубянке раз в неделю. Председательствовал начальник Иностранного отдела ведомства госбезопасности или один из его помощников. Присутствовали представитель ЦК партии, он же заведующий бюро заграничных ячеек при ЦК, и представитель учреждения, которое командировало сотрудника. Решающее слово принадлежало чекистам...

Заблаговременно заполненная и присланная в Иностранный отдел ОГПУ анкета кандидата на выезд изучалась в аппарате госбезопасности. О нем наводили справки в архивах и в картотеке. Если его фамилия фигурировала в каком-нибудь донесении агента — без конкретных обвинений, без доказательств сомнительности его поведения, — ему отказывали в поездке и наркоминделу предлагали представить иную кандидатуру.

В конце 1923 года секретная экзаменационно-проверочная комиссия ЦК провела массовую чистку Наркомата иностранных дел, убирая всех «неблагонадежных». Комиссия рекомендовала ЦК ввести в штат загранучреждений законспирированных сотрудников госбезопасности для «внутреннего наблюдения» за дипломатами и их семьями. Такая практика существовала все годы советской власти.

Политическому руководству аппарат госбезопасности был важнее любого иного ведомства. Хотя тогдашний руководитель Наркомата юстиции Николай Васильевич Крыленко, которого никто не рискнет назвать большим гуманистом, писал: «ВЧК страшен беспощадностью своей репрессии и полной непроницаемостью для чьего бы то ни было взгляда». Крыленко предлагал включить органы госбезопасности в состав

Наркомата юстиции, чтобы и на местах чекисты были под контролем губернских юристов.

Дзержинский был, разумеется, категорически против:

«Отдача ВЧК под надзор Наркомата юстиции роняет наш престиж, умаляет наш авторитет в борьбе с преступлениями, подтверждает все белогвардейские рассказы о наших “беззакониях”... Это акт не надзора, а акт дискредитации ВЧК и ее органов... ЧК находится под надзором партии. Введение комиссара Губюста означает фактически перемену курса против ЧК, так как Губюсты это органы формальной справедливости, а ЧК органы дисциплинированной партийной боевой дружины».

Переподчинить Лубянку другому наркомату (министерству), поставить в какие-то рамки — лишить ведомство госбезопасности его особой роли. Чекисты, подчиненные юристам, — это уже не силовики.

В ведомственных стычках Дзержинский неизменно выходил победителем. Даже недовольство партийных начальников ему было не опасно, хотя он должен был как-то реагировать на критику. Но в большой политике Дзержинский не преуспел. Он так и не стал членом Политбюро ЦК, остался кандидатом. По непонятным причинам Ленин не особенно его жаловал и не выдвигал в первый ряд.

Часть вторая. ВОЕННЫЕ И ЧЕКИСТЫ

ОТ МАТРИАРХАТА ДО СЕКРЕТАРИАТА

Отсутствует текст в исходном pdf

ЯГОДА, ТРОЮРОДНЫЙ БРАТ СВЕРДЛОВА

30 июля 1926 года, через десять дней после смерти Дзержинского, Вячеслав Рудольфович Менжинский был назначен председателем ОГПУ.

Троцкий вспоминал:

«Никто не замечал Менжинского, который корпел в тиши над бумагами. Но Сталин поддержал Менжинского. Сталин вообще поддерживал людей, которые способны политически существовать только милостью аппарата. И Менжинский стал верной тенью Сталина в ГПУ».

Из всех руководителей госбезопасности Менжинский кажется самой незаметной фигурой, хотя он руководил Лубянкой восемь лет — дольше, чем Ягода и Ежов, вместе взятые, и разработал те методы, которыми в полной мере воспользуются его преемники. Он был гораздо умнее их и придумал то, на что сами они, лишь следовавшие предначертанным им путем, были бы не способны.

Менжинский тяжело болел, много времени проводил на даче, где разводил цветы и возился в химической лаборатории. Приезжая на Лубянку, принимал посетителей лежа. Никого это не удивляло. Однако рассказы о том, что за него все делал его заместитель Ягода, — миф. Именно Менжинский занимался ликвидацией кулачества как класса, отправлял боевые группы за границу для уничтожения врагов советской власти и подготовил первые московские судебные процессы, которые потрясли не только страну, но и весь остальной мир. Масштабы содеянного Менжинским не те, что у его преемников, но это лишь потому, что другого Сталин еще не требовал.

Сталина интересовали крупные фигуры. Менжинский знал, чего от него ждет Сталин. Следователи выбивали из арестованных нужные показания. Для начала на двух членов политбюро — председателя ЦИК СССР Михаила Ивановича Калинина и главу правительства Алексея Ивановича Рыкова. Калинин не имел никакого политического веса и Сталина не интересовал. А вот на Рыкова, пользовавшегося в стране уважением, Сталин уже стал копить материалы.

В частном разговоре Менжинский сказал наркому иностранных дел Чичерину:

— Мы обязаны знать всё, что происходит в Советском Союзе, начиная от политбюро и кончая сельским советом. И мы достигли того, что наш аппарат прекрасно справляется с этой задачей.

За восемь лет он создал разветвленную систему органов госбезопасности, подавил крестьянские волнения в период коллективизации и раскулачивания, что привело к уничтожению деревни, успешно провел громкие процессы над «вредителями» и сформировал сильную разведывательную сеть за рубежом.

Менжинский понимал, что надо служить лично генеральному секретарю. Руководящий состав Лубянки при назначении на должность утверждался в партийной канцелярии. Сотрудники госбезопасности тоже проходили чистку, как и все остальные члены партии.

Вячеслав Рудольфович Менжинский умер от сердечного приступа 10 мая 1934 года на даче «Шестые Горки» в Архангельском. Ему было шестьдесят лет. 14 мая под гром артиллерийского салюта урну с его прахом захоронили в Кремлевской стене.

Преемника Менжинскому Сталин выбирал необычно долго. Ходили слухи, что новым председателем ОГПУ станет кандидат в члены политбюро, нарком снабжения Анастас Иванович Микоян. Только через два месяца кресло получил Генрих Григорьевич Ягода. Это была последняя смена руководства органов госбезопасности, которая прошла спокойно и тихо. Впоследствии новый хозяин Лубянки уничтожал и своего предшественника, и его клеветов.

О Ягоде много чего написано, но по большей части это какие-то мифы. Его отец, Григорий Филиппович, был двоюродным братом Михаила Свердлова — отца Якова. Так что Генрих Ягода и Яков Свердлов, председатель ВЦИКа и предшественник Сталина на посту секретаря ЦК, были троюродными братьями. Яков Михайлович Свердлов умер в 1919 году и особенно помочь дальнему родственнику не успел. Но тот в протекции и не нуждался.

Ягода активно участвовал в октябрьском вооруженном восстании, которое позволило большевикам взять власть. В апреле 1918 года Ягоду направили в Высшую военную инспекцию Красной армии. Он часто бывал на фронтах. Рассказывают, что в Царицыне Ягода познакомился со Сталиным, который оценил энергию, инициативность и надежность молодого человека. Те, кто в Гражданскую войну находился рядом со Сталиным в Царицыне, потом пошли в гору. Среди них — Ягода и его будущий первый заместитель в Наркомате внутренних дел комиссар госбезопасности 1-го ранга Яков Саулович Агранов. На Лубянке Ягода стал правой рукой Дзержинского, который его отличал и отмечал.

Генрих Ягода подписал циркуляр, запрещающий публиковать сведения о маршрутах поездок и местах выступлений членов правительства и ЦК.

На Лубянке были недовольны тем, что некоторые редакции посылали не только репортеров, но и фотографов: «Появление заранее этих сведений в печати облегчало работу всякого рода шпионов и крайне затрудняло работу по охране членов правительства».

Приняли такое решение:

«Всякая посылка репортеров, фотографов и им подобных работников вслед за отъезжающими членами правительства, равно как и в месте пребывания их вне Москвы, без специальной визы ОГПУ (отдел политконтроля) запрещается. Редакции, посылающие своих работников без визы ОГПУ, будут подвергаться штрафу, а репортеры, фотографы и пр. аресту».

Ягода сделал приятное подчиненным: ввел специальные звания начальствующего состава Главного управления государственной безопасности — от сержанта госбезопасности до комиссара государственной безопасности 1-го ранга. По его указанию разработали форму и специальные знаки различия.

20 декабря 1927 года, когда отмечалось десятилетие органов ВЧК — ОГПУ, в лучших ресторанах Москвы — а ими считались «Националь», «Гранд-отель», «Савой» — гуляли различные подразделения госбезопасности. Ягода объехал рестораны и всех поздравил.

В 1934 году воссоздали распущенный четыремя годами ранее Наркомат внутренних дел, в состав которого включили чекистов. Оперативные отделы, на которые возлагались разведка, контрразведка, борьба с враждебными партиями и охрана высшего руководства страны, объединили в Главное управление государственной безопасности.

10 июля 1934 года наркомом внутренних дел назначили Ягodu. Это было повышение. Но он понимал, что не вправе позволить себе никакой самостоятельности — ни шага без санкции политического руководства! Убедился в том, что это непозволительно.

Ягода самолично, без санкции ЦК, распорядился создать в лагерях НКВД отделения областных и краевых судов для рассмотрения дел по преступлениям, совершаемым в лагерях. Андрей Вышинский от имени прокуратуры опротестовал его решение. Политбюро с ним согласилось и отменило решение Ягоды.

В июне 1935 года в Москву приехал известный французский писатель Ромен Роллан. Его принял Сталин. С ним беседовал и нарком Ягода, стараясь произвести выгодное впечатление. Роллан записал в дневнике:

«Загадочная личность. Человек по виду утонченный и изысканный... Но его полицейские функции внушают ужас. Он говорит с вами мягко,

называя черное белым, а белое черным, и удивленно смотрит честными глазами, если вы начинаете сомневаться в его словах».

Стали практиковаться совещания чекистов в Кремле под руководством Сталина, который тем самым подчеркивал личную роль в руководстве органами. Всему командному составу внушалось, что госбезопасностью лично руководит Сталин. Постепенно сотрудники органов стали пренебрежительно относиться к партийным и советским организациям, считать себя выше их.

Иван Иванович Акулов, бывший первый заместитель председателя ОГПУ, после перехода на другую работу сам оказался под надзором бывших подчиненных. В апреле 1935 года он написал короткую записку секретарю ЦК Ежову:

«Дорогой Николай Иванович!

Пересылаю тебе конверт полученного мною письма. Хочу обратить твое внимание на крайне небрежно проводимую органами НКВД перлюстрацию: конверт при вскрытии порван, печать почты при заклейке смещена. Уж если органы НКВД считают, что они вправе перлюстрировать письма, идущие к члену Бюро ЦКК и члену правительства, пусть хоть делают свою работу поаккуратнее».

Ежов в 1936 году станет наркомом внутренних дел.

Акулова в 1937 году расстреляют. Ежова, впрочем, тоже расстреляют — в 1940 году.

Сталин никогда и ни с кем не бывал откровенен. Не глупый и не наивный, он находил способ выразить свои пожелания чекистам. Три самых близких к Сталину человека — начальник охраны комиссар госбезопасности 2-го ранга Карл Викторович Паукер, затем сменивший его генерал-лейтенант Николай Сидорович Власик и помощник генсека Александр Николаевич Поскребышев (он тоже со временем получит генеральские погоны) — ловили каждое его слово и передавали главе ведомства госбезопасности.

Скажем, Сталин, садясь в машину, что-то произносил. Потом с начальником охраны встречался нарком, спрашивал, какое настроение у хозяина, о чем он говорил, какие высказывал пожелания...

1 декабря 1934 года в Смольном был убит член политбюро, секретарь ЦК, первый секретарь Ленинградского обкома и горкома партии, первый секретарь Северо-Западного бюро ЦК Сергей Миронович Киров.

Чекисты собирались обвинить в убийстве Кирова белую эмиграцию. Ягода отдал указание искать скрытых белогвардейцев. Но Сталин принял другое решение: Кирова убили Зиновьев с Каменевым и другие бывшие

оппозиционеры. В текст обвинительного заключения Сталин сам вписал, что Кирова убили «по прямому указанию Зиновьева и Троцкого».

И приказал Ягоде, не теряя времени, заняться именно ими.

— А то дам в морду, — с угрозой в голосе обещал Сталин.

Вождь часто так разговаривал с начальниками госбезопасности: чуть что — «дам в морду».

Доклад о роли зиновьевцев в убийстве Кирова делал не нарком Ягода, а первый замнаркома Яков Агранов. Он пользовался особым доверием Сталина и имел возможность встречаться с вождем в нерабочей обстановке. В кремлевском кабинете велась запись всех посетителей генсека. А наиболее доверительные беседы Сталин вел на даче, где посетителей никто не записывал. Агранов научился понимать намеки Сталина.

Убийство Кирова вождь использовал для того, чтобы убрать очень многих. Сталин хотел освободиться от тех, кто работал еще с Лениным, кто помог ему взять власть. Не любит диктатор, когда рядом остается человек, который ему когда-то помог. Вокруг Сталина уже появились молодые работники, которые воспринимали его как полубога, так что он постепенно осуществил смену поколений — причем по всей стране, до последнего сельского райкома.

До убийства Кирова партийные руководители могли свободно встречаться, приехав в Москву, что-то обсуждать в своем кругу. После убийства был установлен новый порядок: первый секретарь обкома или крайкома покидает границы своей области (края) и выезжает в Москву на пленум ЦК и в командировку, на отдых или лечение, только получив разрешение Сталина.

Всякое общение партийных секретарей между собой было перекрыто: оно ставило под сомнение верность Сталину. Встречи, разговоры — только с его санкции. Даже когда Сталин был в отпуске на юге, туда шли шифровки с просьбой разрешить выехать в Москву или в другой город и с объяснением зачем.

Политбюро решало, кому и куда ехать в отпуск. Так, например, командующего войсками Белорусского военного округа командарма 1-го ранга Иеронима Петровича Уборевича насильно отправили отдыхать за границу. Он не хотел, но его заставили ехать, а потом приписали ему работу на разведки тех стран, где он побывал.

У Сталина все было продумано до мелочей. Не случайно Ленин поставил его на пост генерального секретаря. Не понравилось Владимиру Ильичу, когда Сталин против него повернулся. А Зиновьев и Каменев тогда

уговаривали Ленина: он еще молодой, мы всё уладим. Уладили... Обоих расстреляли.

ВОРОШИЛОВ. «ПЕРВЫЙ КРАСНЫЙ ОФИЦЕР»

Климент Ефремович Ворошилов просидел в кресле наркома обороны почти пятнадцать лет. Не только он сам, но и вся страна привыкла считать, что во главе Красной армии стоит прославленный герой Гражданской войны, создатель непобедимых советских вооруженных сил, лучший друг великого Сталина, воспетый в песнях, «первый красный офицер» Клим Ворошилов.

Подчиненные и пропагандистский аппарат так долго восхищались его полководческими талантами, что он и сам в это поверил. Всё, что происходило в Красной армии, было связано с его именем. На любых торжественных собраниях по всей стране Климента Ефремовича выбирали в почетный президиум.

Не только красноармейцы, но и пионеры и комсомольцы слали ему свои рапорты и, маршируя, пели «Марш советских танкистов» — стихи Бориса Савельевича Ласкина, музыка братьев Даниила и Дмитрия Покрасс:

Гремя огнем, сверкая блеском стали,
Пойдут машины в яростный поход,
Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин
И первый маршал в бой нас поведет.

Появились «ворошиловские стрелки» — этим почетным званием и нагрудным значком награждали тех, кто выполнял установленные нормативы в стрельбе из винтовки. Говорили о «ворошиловском залпе», с гордостью называя общий вес снарядов, которые могли одновременно выпустить все артиллерийские орудия Красной армии. Существовали «ворошиловские завтраки» — установленное приказом наркома дополнительное питание для военных летчиков: кофе с молоком, булочка и шоколад, которыми в полдень угощали пилотов.

Климент Ефремович был очень гостеприимен. Дважды в год, после майского и ноябрьского парадов, устраивал у себя большие обеды, а уж маленькие ужины и вечеринки у него в кремлевской квартире и на даче происходили постоянно. Он рад был видеть и молодежь, которая собиралась у его сына Петра, приходила к детям покойного Фрунзе — Тимуру и Тане, которых он воспитывал после ранней смерти родителей.

Клименту Ефремовичу казалось, что его все любят. И он действительно был одним из самых популярных людей в стране. Нарком вел себя уверенно и непринужденно. Стоя на трибуне партийного съезда, шутил с залом:

— Я позволю себе, товарищи, назвать вам некоторые цифры, из которых вы мало что поймете (в зале взрыв смеха), но лучше сказать вам хоть что-нибудь, чем ничего.

Он приводил цифры быстрого роста военной промышленности. Зал, как положено, горячо аплодировал. Ворошилов продолжал шутить:

— Я прошу президиум засчитать мне время, идущее на хлопки: тут будут все время хлопать, а мне сказали, что я имею только полтора часа.

Зал восторженно смеялся.

Климента Ефремовича повсюду встречали с почетом. На съездах, митингах и собраниях, особенно в вооруженных силах, звучали призывы: «Да здравствует наш славный вождь, первый командир и красноармеец — товарищ Ворошилов!»

Климент Ефремович Ворошилов родился 4 февраля 1881 года в селе Верхнее Бахмутского уезда Екатеринославской губернии. Его отец служил сторожем на железной дороге. Человек крайне своевольный, с тяжелым характером, он нигде подолгу не удерживался, уходил с работы, поэтому семья нередко голодала. Будущий военный министр с сестрой не раз просили подаяние. Клименту Ефремовичу пришлось работать с ранних лет — пас скот, помогал в рудничных мастерских.

Мать хотела, чтобы Клим обучился грамоте и мог читать Псалтирь и Часослов. Он был певчим в церкви.

(Уже в советские времена, после обильного застолья, член политбюро и первый секретарь Ленинградского обкома Андрей Александрович Жданов садился за пианино, и Ворошилов начинал: «Да исправится молитва твоя...» Молотов и Сталин подхватывали.)

В двенадцать лет Ворошилов пошел в земскую школу в селе Васильевском, где проучился два года. На этом его образование завершилось. Больше он никогда и ничему не учился. И не подозревал, что нуждается в продолжении образования.

В пятнадцать лет начал работать на Юрьевском металлургическом заводе. В нем рано проснулась бунтарская натура. В восемнадцать лет устроил забастовку в чугунолитейном цехе. Темпераментный, умеющий ладить с людьми, Ворошилов стал заметной фигурой среди подпольщиков и в рабочем движении.

После Февральской революции Климент Ефремович был избран

председателем городского совета, городской думы и комитета партии в Луганске, где его хорошо знали. Затем перебрался в Питер. В январе 1918 года Ворошилов возглавил Чрезвычайную комиссию по охране Петрограда. Она разместилась в здании на углу Гороховой улицы и Адмиралтейского проспекта; до революции там располагался санкт-петербургский градоначальник. После Ворошилова здесь обоснуется Феликс Дзержинский, возглавивший ВЧК.

В столице Ворошилов не задержался. Его командировали на Украину. В марте 1918 года он организовал партизанский отряд. Намеревался сражаться с немецкими войсками и сторонниками независимости Украины. Но столкновения с немецкими войсками не выдержал. Его отряды стали поспешно уходить с Украины и вышли к Цдрицыну, куда приехал чрезвычайный уполномоченный ВЦИКа по заготовке и вывозу хлеба с Северного Кавказа в промышленные районы Иосиф Виссарионович Сталин.

Они сблизились. Порывистый, стремительный, резкий на слово Ворошилов был тем не менее человеком достаточно мягким. Федор Иванович Шаляпин так описал Ворошилова: «Добродушный, как будто слепленный из теста, рыхловатый».

Ворошилов охотно подчинился Сталину. Многие годы они были на «ты», называли друг друга по имени. Ворошилов держался со Сталиным на равных, и генсек не показывал своего превосходства, но неизменно заставлял Климента Ефремовича поступать так, как нужно было ему, Сталину.

21 декабря 1929 года широко отмечалось пятидесятилетие Сталина, первый крупный юбилей вождя. Готовя подарки имениннику, соратники старались перещеголять друг друга. В «Правде» появилась статья Ворошилова «Сталин и Красная Армия». В статье говорилось, что все основные победы в Гражданской войне были достигнуты под руководством Сталина. Это был полный пересмотр недавней истории, а ведь еще были живы люди, которые помнили истинную роль генсека в войне...

Предусмотрительный Ворошилов заранее отправил рукопись статьи Сталину. В рукописи были такие слова: «В гражданскую войну имелись ошибки и недочеты, у И. В. Сталина ошибок было меньше, чем у других». Эту фразу вождь вычеркнул красным карандашом и приписал: «Клим! Ошибок не было».

После того как Сталин одержал окончательную победу во внутриполитической борьбе, началось постепенное охлаждение и в отношениях с Ворошиловым. И Климент Ефремович все никак не мог

понять, куда же уходит их казавшаяся прочной дружба...

А жена Ворошилова в своем дневнике ностальгически вспоминала те времена, «когда приходилось запросто бывать на даче под Москвой у тов. Сталина. Вспомнилось гостеприимство И. В., песни, танцы. Да, да — танцы. Плясали все, кто как мог. С. М. Киров и В. М. Молотов плясали русскую с платочком со своими дамами.

А. И. Микоян долго шаркал ногами перед Надеждой Сергеевной (Аллилуевой), вызывая ее танцевать лезгинку. Танцевал он в исключительном темпе и азарте, при этом вытягивался и как будто становился выше и еще тоньше. А Надежда Сергеевна робко и застенчиво еле успевала ускользнуть от активного наступления А. И.

Климент Ефремович отплясывал гопака или же, пригласив партнершу для своего коронного номера — польки, танцевал ее с чувством, толком, расстановкой.

А. А. Жданов пел под собственный аккомпанемент на рояле. Пел и Иосиф Виссарионович. Были у И. В. любимые пластинки с любимыми ариями из опер и песнями. Пластинки И. В. сам сменял и занимал гостей. Особенно ему нравилось смешное...

Какое это было замечательное время! Какие были простые, по-настоящему хорошие, товарищеские отношения. И как со временем жизнь в партии стала сложной, порой до боли непонятной, и взаимоотношения наши тоже».

Необразованный и бездарный в военном деле, карьерой Ворошилов был полностью обязан своему высокопоставленному другу. Сталин заботливо следил за продвижением Ворошилова по службе и в партийной иерархии.

ОСОБИСТЫ И АРМИЯ

Военная контрразведка существует практически во всех странах, но как часть вооруженных сил, потому что защищает армию от вражеского проникновения. В Советской России военная контрразведка формировалась в составе органов госбезопасности, то есть политической полиции, как инструмент контроля над армией.

Сначала это казалось оправданным: новая власть не доверяла офицерам старой армии. Но прошли годы и десятилетия, сформировался новый офицерский корпус, преданный советской власти, а контроль над армией сохранялся — двойной! — со стороны комиссаров и особистов.

Это был принципиальный вопрос. После войны, инструктируя коммунистических руководителей Болгарии, Сталин писал им:

«Мы считаем нужным дать вам совет о необходимости передать особый отдел и его органы в Министерство внутренних дел, изъяв их из Министерства обороны. Органы особого отдела должны обеспечивать чекистскую работу в войсках и не могут успешно работать в отрыве от МВД. В Советском Союзе особые отделы подчинены Министерству государственной безопасности, а не Министерству вооруженных сил. Наш опыт подтверждает правильность такой организации особых отделов».

Особые отделы следили за всем, что происходило в вооруженных силах. В секретных донесениях фиксировали реальную картину жизни красноармейцев.

«Скрытое недовольство красноармейцев, — докладывали особисты высшему руководству страны, — проявляется во многих письмах в деревню. Жалобы на тяжелое материальное положение, строгую дисциплину и несправедливое к ним отношение со стороны комсостава являются основным мотивом красноармейских писем...

По-прежнему сильно отражается недовольство деревни тяжестью налогов. Письма из деревни в Красную армию на девяносто процентов наполнены жалобами на тяжесть налогов и бесчинства власти, характерны следующие выдержки из писем: “Предсельсовета, коммунист, обращается с нами как зверь, несмотря на то, что сам когда-то был дезертиром и бандитом” или “.. вас там укрощают словами, а с ваших отцов за продналог последнюю шкуру дерут”».

Во время призыва крестьянская молодежь громила торгующие вином магазины, рынки, захватывала поезда, на которых призывников везли к

месту службы. Выпив, новобранцы кричали: «Послужим царю-батюшке!», «Долой коммунистов!» Происходили настоящие побоища между деревенскими и городскими призывниками. Милиция не могла справиться, вызывали пожарных, которые водой из брандспойтов разгоняли дерущихся.

Рассекреченные документы органов госбезопасности рисуют малопривлекательную картину армейской жизни тех лет. Конечно, чекисты по долгу службы подмечали только худшее, но очевиден масштаб происходившего.

В сводках особых отделов сообщалось о недовольстве красноармейцев из-за грубого обращения с ними командного состава, прямого мордобития, а также отсутствия обмундирования, белья, обуви (иногда выдавалась обувь с картонными подметками). Казармы не оборудованы. В частях отключали электричество, и солдаты сидели без света.

«В Западном военном округе, — докладывали чекисты, — выдавалась солонина, которая была засолена с кишками и калом и издавала отвратительный запах. Во многих частях выдавался сырой хлеб с примесью песка, суррогатов, а часто и мусора».

Бич командного состава — поголовное пьянство. Причем политруки и комиссары составляли командирам компанию, пили вместе, чтобы некому было доложить начальству. Но действовала осведомительная сеть особых отделов.

«Пьянство в частях прогрессирует и становится характерным для быта комсостава армии в мирной обстановке, — докладывали особисты в Москву. — Во многих случаях оно сопровождается дебоширством и пьяным разгулом в ресторанах, вплоть до уличной стрельбы. В некоторых частях пьянство подрывает всякий авторитет комсостава и представляет серьезную опасность...

Отношение комсостава к своим обязанностям халатное. Командиры по несколько дней не посещают занятий и оторваны от красноармейской массы. Местами комсостав представляет касту, совершенно чуждую интересам красноармейцев...

Упадочность настроения среди политработников армии особенно наблюдается в частях Кавказской армии, где за последнее время участились случаи самоубийства. Из анонимной анкеты, проведенной партколлегией 3-й дивизии, выяснилось, что до тридцати процентов коммунистов дивизии думают или думали о самоубийстве как о выходе из тяжелого своего положения...

В Приволжском военном округе помощник командира роты в пьяном угаре разделся сам и раздел проститутку, с которой начал плясать русского.

Остальные подняли стрельбу из револьверов, подняв много шума...

В Уральском военном округе попойки носили характер оргии, где некоторые жены комсостава танцевали чуть ли не нагими. Была попойка специально женская, на которой присутствовали все жены комсостава 20-го полка. Попойка сопровождалась танцами, дебошами, руганью, и дошло до того, что случайно попавший командир был повален на пол, были спущены брюки, и ему стоило много трудов вырваться оттуда неизнасил ованным».

Из деревни в армию шли пугающие письма: родители жаловались на налоги, на бедность, на хлебозаготовки, на то, что отбирают хлеб и скот. Реакцию красноармейцев фиксировали особые отделы.

В «Обзорах политического состояния СССР», которые регулярно составлялись Информационным отделом ОГПУ, говорилось о настроениях в Красной армии.

Северо-Кавказский военный округ.

Письмо красноармейца 22-й дивизии гласит: «Налога ни черта не давайте. Если у вас лишнего хлеба нет, то и дела нет, а скотину продавать не имеют права. Так и говорите, что платить нечем, что хотите, то и делайте. А если что-нибудь конфискуют, тогда посмотрим. Этот номер не пройдет».

Красноармеец 28-й Горской дивизии: «Настроение красноармейцев плохое. Нам говорят, что наши семьи пользуются льготами, ни в чем не нуждаются. Оказывается наоборот — непосильный налог, для которого приходится последнюю корову или лошадь продавать. Мы ругаемся с политруками и командирами по этому поводу».

Сибирский военный округ.

Красноармеец 21-й дивизии пишет домой: «Еще раз прошу вас налога не платить. Укажите, что ваш сын служит в Красной армии. Пусть тебя (брата) садят в тюрьму, но налога не давай. Дай мне только приехать, всех ваших партийных перебью за то, что дерут с нас шкуру. Я решусь на все. Пусть умру в тюрьме, но счастья мало будет всем комячейкам, которые сейчас занимаются живодерством».

Западный военный округ.

Красноармеец 2-й дивизии, вернувшийся из отпуска, рассказывал, что «крестьян обирают всюду и при нем у одной вдовы отобрали последнюю корову. Мы здесь живем, как на даче, а что творится с крестьянами — один ужас».

Красноармеец полковой школы той же 2-й дивизии заявил военкому: «Вы мне говорите, что делается во Франции и Англии. Мне это неинтересно. У моей матери взяли тридцать рублей налога. Ей пришлось

продать последнюю корову, чтобы заплатить».

Московский военный округ.

Красноармеец 17-й дивизии говорил товарищам: «Мы, товарищи, молчим. Нас дома грабят беспощадно, дерут продналог. Давайте сорганизуемся и возьмем у них этот налог, пока есть винтовки в руках».

Несколько красноармейцев 6-й дивизии заявили, что «в случае войны они первые перейдут к белым».

В армии распространилось враждебное отношение к политработникам, которых сравнивают с попами: «При царе нас опутывали законом Божьим в школах. Сейчас стали опутывать политруки, которые рисуют нам картины, что везде хорошо, а придешь домой — жрать нечего».

Но эти картины реальной жизни вождей не интересовали.

МЯТЕЖ В МОСКВЕ

Удобным поводом для вмешательства чекистов в военные дела стала история, которая произошла летом 1934 года, когда Сталин, по обыкновению, отдыхал на юге.

5 августа 1934 года рано утром Артем Сергеевич Нахаев, начальник штаба артиллерийского дивизиона Осоавиахима, поднял по тревоге отряд курсантов, проходивших сборы в летнем лагере под Москвой.

Осоавиахим, то есть Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству — предшественник ДОСААФ. Военизированное общество занималось подготовкой молодежи к армейской службе.

Во главе отряда Нахаев прибыл в столицу и в восемь часов утра беспрепятственно прошел на территорию Краснопереконских казарм 2-го стрелкового полка Московской пролетарской дивизии на Сухаревской площади.

Нахаев выстроил своих курсантов и произнес перед ними горячую речь с призывом выступить против советской власти:

— Мы воевали в четырнадцатом году и в семнадцатом. Мы завоевали фабрики, заводы и земли рабочим и крестьянам, но они ничего не получили. Все находится в руках государства, и кучка людей управляет этим государством. Государство поработает рабочих и крестьян. Нет свободы слова, страной правят евреи. Товарищи рабочие, где ваши фабрики, которые вам обещали в семнадцатом? Товарищи крестьяне, где ваши земли, которые вам обещали? Долой старое руководство! Да здравствует новая революция! Да здравствует новое правительство!

Курсанты, которые пришли с Нахаевым, даже не имели оружия: на учебных сборах винтовок не выдавали. Он приказал занять караульное помещение 2-го стрелкового полка и вооружиться боевыми винтовками. Но его приказ никто не выполнил. Напротив, Нахаева схватили и арестовали.

На этом попытка мятежа закончилась. Но для членов политбюро эта история была исполнена зловещего смысла. Если один военный смог запросто поднять свою часть и выступить против советской власти — причем в самой столице! — то этому примеру могут последовать и другие в больших чинах и званиях. Осоавиахимовец оказался ни на что не годным мятежником, но найдутся и более умелые заговорщики...

В тот же день в обширном послании, адресованном в Сочи, секретарь

ЦК Лазарь Моисеевич Каганович, оставшийся в Москве за старшего, доложил Сталину:

«Сегодня произошел очень неприятный случай с артиллерийским дивизионом Осоавиахима. Не буду подробно излагать. Записка об этом случае короткая, и я ее Вам посылаю. Мы поручили Ягоде и Агранову лично руководить следствием.

Утром были сведения, что Нахаев, начальник штаба дивизиона, невменяем, такие сведения были у т. Ворошилова. Сейчас я говорил с т. Аграновым, он говорит, что из первого допроса у него сложилось впечатление, что он человек нормальный, но с некоторым надрывом. Показания он дает туго. Ночью будет протокол допроса, и я его Вам пошлю. Тут необходимо выяснить, один ли он, нет ли сообщников. Ясно одно, что Осоавиахим прошляпил».

Попыткой военного мятежа занимались сам нарком внутренних дел Генрих Ягода и его первый заместитель Яков Агранов.

5 августа в решении политбюро записали: «Поручить тт. Ягоде и Агранову лично тщательно расследовать случай в казарме второго полка Пролетарской дивизии и доложить ЦК».

Нарком обороны Ворошилов, ясное дело, не хотел раздувать неприятное для военного ведомства дело. В наркомате навели справки и установили, что тридцатилетний Нахаев был болезненным, нелюдимым — со множеством бытовых проблем. И на службе у него не ладилось.

Недовольный исключением из партии лидеров оппозиции в 1927 году, он тоже вышел из партии. Окончил Ленинградскую артиллерийскую школу имени Красного Октября, но демобилизовался из армии (см.: «Лубянка. Сталин и ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД. Документы»). Работы не нашел, поступил на вечернее отделение военной академии. Жить ему было негде. Вместе с женой он снимал угол у крестьянина в селе Жулебино, бедствовал. Нахаев намеревался в случае неудачи покончить с собой. Он заготовил пузырек с ядом, но не успел им воспользоваться.

Сталин не принял версию о человеке с психическими отклонениями. Он сразу назвал Нахаева иностранным шпионом и участником заговора, который чекистам следовало незамедлительно раскрыть. Этот случай подтверждал подозрения относительно ненадежности военных и доказывал необходимость еще большего контроля особых отделов над Красной армией.

Сталин инструктировал Кагановича:

«Дело Нахаева — сволочное дело. Он, конечно (конечно!), не одинок. Надо его прижать к стенке, заставить сказать — сообщить всю правду и

потом наказать по всей строгости. Он, должно быть, агент польско-немецкий (или японский).

Чекисты становятся смешными, когда дискутируют с ним о его “политических взглядах” (это называется допрос!). У продажной шкуры не бывает политвзглядов — иначе он не был бы агентом посторонней силы. Он призывал вооруженных людей к действию против правительства — значит его надо уничтожить.

Видимо, в Осоавиахиме не всё обстоит благополучно».

Указания вождя были приняты к исполнению.

Исполнительный Каганович из Москвы постоянно информировал Сталина о ходе расследования:

«Следствие о Нахаеве разворачивается туго. Он сам заболел, в связи с его попыткой отравления, и трудно поддается допросу. Завтра будут его допрашивать. Остальные показания пока связей не раскрывают.

Посылаю Вам две маленькие записочки Ник. Куйбышева, который по моему поручению занялся проверкой осоавиахимовских кадров. Они подтверждают крупнейшие дефекты».

Николай Владимирович Куйбышев прошел Первую мировую, в царской армии получил погоны капитана, трижды был ранен, в Гражданскую войну, командуя дивизией, участвовал в разгроме Врангеля. После войны руководил Высшей тактико-стрелковой школой «Выстрел», служил военным советником в Китае. В конце двадцатых Николай Куйбышев командовал войсками Сибирского военного округа.

Николай Куйбышев был братом Валериана Куйбышева, члена Политбюро и Оргбюро ЦК, одного из близких к Сталину людей. В 1930 году брат привлек его к партийной работе. Николая Куйбышева назначили членом коллегии Наркомата рабоче-крестьянской инспекции, в 1934-м сделали членом Комиссии партийного контроля при ЦК партии. Иначе говоря, он был партийным контролером по военным делам.

Ему и поручили выяснить, каким образом отряд Нахаева запросто мог пройти пол-Москвы и проникнуть в казармы Московской пролетарской дивизии.

Через несколько дней Каганович доложил Сталину:

«По делу Нахаева Вы совершенно правы в своей оценке и дела по существу, и слабостей допроса. Он пока настоящих корней не показывает. Все его поведение — это подтверждение того, что он иностранный агент. Через пару дней придется окончательно решить вопрос в духе Ваших указаний. Посылаю Вам на всякий случай справку наркомвнудела. Посылаю еще одну небольшую записку Ник. Куйбышева о казармах,

весьма существенная и интересная».

«Окончательно решить вопрос» с Нахаевым, видимо, означало выбить из него необходимые показания любыми средствами, что и было сделано...

Куйбышев сообщал о неудовлетворительном положении с охраной казарм войск Московского гарнизона.

Сталин скомандовал Кагановичу:

«Насчет Нахаева — нажимайте дальше. Вызовите Корка и его помполита и дайте им нагоняй за ротозейство и разгильдяйство в казармах. Наркомат обороны должен дать приказ по всем округам в связи с обнаруженным разгильдяйством. Контроль пусть энергичнее проверяет казармы, склады оружия и т. д.».

Нагоняй получил Август Иванович Корк, командовавший войсками Московского военного округа. Корк принадлежал к числу самых образованных и подготовленных командиров Красной армии.

22 августа 1934 года политбюро приняло постановление «О работе Осоавиахима». Все руководство организации, занимавшейся допризывной подготовкой молодежи, получило взыскания. В другом постановлении — «О состоянии охраны казарм Московского гарнизона» — говорилось о низкой дисциплине караульных служб расквартированных в столице войск. Нарком Ворошилов доложил политбюро, что еще 14 августа подписал директиву о приведении в порядок системы охраны казарм.

В тот же день Каганович докладывал Сталину:

«Приняли мы уже решение об охране казарм и об Осоавиахиме. Разослали также приказ т. Ворошилова. Не скажу, что это было принято без споров, но решение это дает сейчас возможность взяться по-настоящему за исправление вскрытых недостатков. Все Ваши указания учтены были нами. Завтра собираю верхушку военных Московского военного округа для разъяснения этого постановления».

Взыскания получили командование Московского военного округа, Московской стрелковой пролетарской дивизии и сотрудники Особого отдела Главного управления госбезопасности Наркомата внутренних дел.

Тем временем чекисты добились своего. 26 августа первый замнаркома Агранов телеграфировал Сталину:

«Арестованный начальник штаба артиллерийского дивизиона Осоавиахима Нахаев сознался, что свое выступление в Красноперекопских казармах он сделал по указанию своего бывшего сослуживца по Институту физкультуры бывшего генерала Быкова Леонида Николаевича.

Нахаеву было известно о связях Быкова через эстонское посольство в Москве со своим однополчанином по царской армии, ныне работающим в

качестве начальника эстонского генерального штаба. Особым отделом Быков разрабатывается по подозрению в шпионаже в пользу Эстонии. Последнее время Быков состоял заведующим сектором личного состава Института физкультуры.

Сегодня он нами арестован. Показания Нахаева направляю почтой».

28 августа Каганович со своей стороны информировал Сталина:

«При обсуждении вопроса об охране казарм т. Ворошилов поставил вопрос о снятии Корка. Сегодня т. Корк прислал мне лично письмо с просьбой поддержать его освобождение от поста командующего МВО. Я лично думаю, что вряд ли следует его освобождать. Очень прошу Вас сообщить Ваше мнение...

Как и следовало ожидать, Нахаев сознался в своих связях с генералом Быковым, работавшим в Институте физкультуры. А этот генерал является разведчиком, как пока установлено, эстонским. Надо, конечно, полагать, что не только эстонским. Это пока первые признания. О дальнейшем буду сообщать».

Вся история с мнимыми эстонскими шпионами позже оказалась полной липой. Осоавиахимовский командир пытался поднять мятеж в одиночку...

30 августа Сталин ответил Кагановичу:

«Корка не следует снимать. Дело не только в Корке, а прежде всего в благодушии и ротозействе, царящих во всех округах. Здесь округа подражают центру. Надо вздуть органы политуправления армии и особотдел, которые не подтягивают, а размагничивают людей».

Тем не менее 5 сентября 1934 года Августа Корка перевели на должность начальника Военной академии имени М. В. Фрунзе. Впрочем, пока его не трогали. В 1935 году он получил высокое звание командарма 2-го ранга. Его арестовали 12 мая 1937 года и расстреляли вместе с Тухачевским...

5 декабря 1934 года политбюро приняло решение передать дело о военном мятеже для закрытого слушания в Военной коллегии Верховного суда СССР. Данные о результатах судебного заседания пока не найдены. Известно, что бывшего генерала Быкова расстреляли. Надо полагать, что и Нахаев был казнен.

Нарком обороны Ворошилов был влиятелен и близок к Сталину, это несколько сковывало чекистов. Но дело о попытке мятежа в Московском военном округе развязало руки Особому отделу Главного управления государственной безопасности НКВД.

ПОБЕГ КОМКОРА ГАЯ

Настоящие репрессии против армии начались, когда Ягоду на Лубянке сменил Ежов. Ягодой Сталин был недоволен: Генрих Григорьевич слишком долго сидел в органах госбезопасности, потерял хватку, оброс связями, сроднился с аппаратом, успокоился, не видит, сколько вокруг врагов. Новый человек на этом посту проявит рвение и сделает больше.

Несколько эпизодов оказались для Ягоды роковыми.

За годы репрессий были арестованы десятки тысяч военнослужащих. Практически лишь один военачальник попытался бежать — легендарный герой Гражданской войны Гая Дмитриевич Гай (настоящее имя Гайк Бжишкянц), начальник кафедры военной истории Военно-воздушной академии имени Н. К. Жуковского.

Положенное ему звание «комкор» он получить не успел, потому что был арестован в июле 1935 года. Причина? «Будучи выпимши, в частном разговоре с беспартийным сказал, что “надо убрать Сталина, все равно его уберут”». Гая обвинили не только в антисоветской агитации, но и в подготовке террористического акта против вождя.

В Первую мировую Гай воевал на турецком фронте, за храбрость трижды награждался Георгиевским крестом и был произведен в прапорщики. В Гражданскую командовал 1-й сводной Симбирской пехотной дивизией, которая освободила от белых родной город Ленина — Симбирск и за храбрость, проявленную в боях у станции Охотничья, получила наименование Железной. Потом Гай командовал 1-й армией Восточного фронта, удостоился двух орденов Красного Знамени — редкость в ту пору. После Гражданской войны служил в Западном военном округе. Весной 1925 года Гай сдал командование 3-м кавалерийским корпусом будущему наркому Семену Константиновичу Тимошенко и прибыл в академию.

После вынесения приговора Гая Дмитриевич Гай, храбрый человек, пытался избежать неизбежного.

23 октября 1935 года перепуганный нарком Ягода телеграфировал Сталину, отдыхавшему на юге:

«22 октября с. г. в 19 часов пассажирским поездом № 64 в особом купе из Москвы был направлен в Ярославскую тюрьму осужденный Особым совещанием к пяти годам тюрьмы Гай Бжишкян Гай Дмитриевич.

Гая сопровождал специальный конвой в составе: комиссара

оперативного отдела ГУГБ НКВД Рязанова Е. П., члена ВКП(б) с 1932 г., сотрудника ГУГБ НКВД с 1923 г., и двух красноармейцев 3-го полка Отдельной дивизии особого назначения НКВД — Васильева и Середы (оба члены ВЛКСМ). Конвой в Москве был тщательно проинструктирован и предупрежден о возможных попытках Гая к побегу.

В 22 часа 35 минут 22 октября с. г. в трех километрах за станцией Берендеево Северных железных дорог (Иваново-Промышленной области) Гай из-под стражи бежал.

По получении в Москве сообщения о побеге на место выехала оперативная группа во главе с начальником Секретнополитического отдела ГУГБ тов. Молчановым и заместителем начальника Оперативного отдела ГУГБ тов. Воловичем.

По сообщению тов. Молчанова, допросившего конвоиров, Гай бежал при следующих обстоятельствах: не доезжая станции Берендеево, Гай попросился в уборную, куда был выведен в сопровождении конвоира и комиссара.

У двери уборной был поставлен конвоир Васильев, а комиссар Рязанов находился здесь же, в коридоре. Воспользовавшись тем, что конвой остался в коридоре вагона, Гай разбил плечом стекло, вышиб оконную раму и выпрыгнул на ходу поезда с такой быстротой, что конвоир не успел выстрелить.

Конвоим поезд был остановлен в 250–300 метрах от места побега, но Гая обнаружить уже не удалось. В район станции Берендеево выброшены оперативные группы, оцеплена местность и организованы заслоны, имеющие задачей задержать Гая. К участию в розыске Гая привлечены местные коммунисты и колхозный актив.

Ввиду того, что, по показаниям конвоя, Гай выбросился через окно из поезда, идущего со скоростью 40 километров в час, следов крови ни на стекле вагона, ни на раме окна, ни на вторых путях полотна железной дороги, куда он выпрыгнул, не обнаружено.

Мы считаем, что он бежал при иных обстоятельствах дела, чем это показывает конвой. Можно предположить, по обстоятельствам дела, что кем-либо из конвоя ему было оказано содействие при побеге.

Конвой арестован. Следствие ведется. По результатам принятых мер Гай должен быть задержан в ближайшее время. На место происшествия по моему заданию выехали также тов. Прокофьев и т. Фриновский».

Иначе говоря, побегом занималось все руководство Лубянки.

Георгий Евгеньевич Прокофьев был заместителем наркома внутренних дел, Михаил Петрович Фриновский — начальником Главного управления

пограничной и внутренней охраны НКВД, Захар Ильич Волович — заместителем начальника оперативного отдела Главного управления госбезопасности, который занимался обысками, арестами, наружным наблюдением.

Общими усилиями бежавший Гай был схвачен, о чем немедленно оповестили вождя. 24 октября в 23 часа 40 минут нарком Ягода отправил новую шифровку Сталину в Сочи, самым подробным образом отчитавшись о своих действиях:

«Сообщаю, что кроме посланных мною (на ст. Берендеево на территории Иваново-Промышленной области) тт. Молчанова и Воловича с группой оперативных работников, для широкого окружения места побега мною было выброшено девятьсот командиров Высшей пограничной школы во главе с тт. Прокофьевым и Фриновским, кроме того все сотрудники НКВД с задачей организовать членов ВКП(б), комсомольцев и колхозников и образовать широкое кольцо, обеспечивающее задержание Гая.

Также были закрыты все шоссейные и проселочные дороги, подступы к Москве и установлен строжайший контроль по линии железной дороги и водным путям. К 13 часам 24 октября с. г. кольцо, образованное в радиусе ста километров от места побега (из командиров Высшей пограничной школы, сотрудников НКВД, местных членов ВКП(б), комсомола и колхозников), сжималось в направлении к станции Берендеево.

В это время производящие проверку на линии железной дороги сотрудник транспортного отдела ГУГБ Демидов, Фриновский и Волович услышали крики и заметили в километре от себя человека верхом на лошади, жестами зовущего их к себе. Тт. Демидов, Фриновский и Волович быстро направились к нему.

Зовущим оказался колхозник села Давыдово Толков П. Г, он сообщил подошедшим к нему товарищам, что он встретил вышедшего из леса человека, схожего с приметамы разыскиваемого. Подозреваемый находится в настоящее время в трех километрах отсюда и охраняется учителем-директором Давыдовской школы Александровым Н. П., которого он, Толков, вызвал себе на помощь, заметив подозрительного.

Тт. Демидов, Волович и Фриновский быстро направились вместе с сообщившим тов. Толковым к месту нахождения заподозренного, находящегося под охраной учителя Александрова. Прибыв на место, опознали в нем Гая и немедленно по моему распоряжению препроводили Гая в Москву.

Из опросов, проведенных товарищем Молчановым и мною, как комиссара оперативного отдела Рязанова, конвоиров Васильева и Середы,

так и самого пойманного Гаю, обстановка его побега предварительно рисуется следующим образом:

Гай был по его просьбе конвоиром Васильевым и комиссаром Рязановым выведен в уборную в вагоне. Сейчас же после отхода поезда со ст. Берендеево конвоир Васильев, стоявший у дверей для наблюдения за Гаем, в нарушение правил конвоирования допустил, чтобы Гай для отправления естественных надобностей встал ногами на стульчак (а обязан был заставить Гаю сесть на стульчак).

Комиссар Рязанов также допустил нарушение правил конвоирования и не лично наблюдал за Гаем, а поставил у дверей уборной указанного конвоира, сам же остался в коридоре, охраняя выход из вагона.

Гай, установив невнимательность конвоирующих, использовал удобную позицию для прыжка и прыжком со стульчака, разбив два стекла, выбросился на ходу из поезда. При падении сильно ушиб левое бедро и левую ногу, быстро скрылся с насыпи в кустарник и небольшой лесок, находящийся рядом с полотном железной дороги.

Не будучи обнаружен после остановки поезда выскочившим комиссаром Рязановым и конвоиром Васильевым, ночью по болотистой местности скрылся в недалеко стоящем леске перед деревней Давыдово, стоящей от места побега в шести-восьми километрах.

Настоящее сообщение задержал в связи с проверкой данных о побеге и поимке Гаю, для чего мною были вызваны в Москву гг. Прокофьев, Молчанов, Фриновский, Волович и доставлен пойманный Гай».

Герой Гражданской войны Гай два года провел за решеткой, 11 декабря 1937 года был приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. Никто из гордившихся его поимкой чекистов не мог предположить, что со временем их всех тоже расстреляют — причем Прокофьева, Молчанова и Воловича даже на несколько месяцев раньше Гаю...

Возмущению Сталина не было предела. Разумеется, он сразу предположил предательство в НКВД — просто так убежать невозможно. Мысль о том, что побег стал возможен по причине обычного разгильдяйства (конвоиры нарушили служебную инструкцию, потому что мало приятно наблюдать за человеком в туалете), вождь отвергал. Вся его логика строилась на том, что любой недостаток объяснялся происками врага, которого следует найти и уничтожить.

Кроме того, ему было неприятно узнать, что на поимку одного-единственного арестанта пришлось бросить едва не весь огромный аппарат госбезопасности, да еще и привлечь широкие массы трудящихся. В этом

Сталин увидел очевидную неспособность Ягоды правильно организовать дело и не мог сдержать раздражения.

25 октября 1935 года Сталин писал Молотову, Кагановичу и Ягоде из Сочи:

«Из обстоятельств побега Гая и его поимки видно, что чекистская часть НКВД не имеет настоящего руководства и переживает процесс разложения. Непонятно, на каком основании отправили Гая в изолятор в особом купе, а не в арестантском вагоне? Где это слыхано, чтоб приговоренного к концлагерю отправляли в особом купе, а не в арестантском вагоне? Что это за порядки?

Версия побега через окно на полном ходу поезда, по-моему, маловероятна. Вероятнее всего, арестант переделся и вышел на станцию, пропущенный кем-то из конвоиров. У Гая и его друзей, мне кажется, есть свои люди в чека — они и организовали ему побег. Еще более чудовищна обстановка поимки Гая. Оказывается, для того, чтобы поймать одного сопляка, НКВД мобилизовал девятьсот командиров пограничной школы, всех сотрудников НКВД, членов партии, комсомольцев, колхозников и создал кольцо, должно быть, из нескольких тысяч человек радиусом в сто километров.

Спрашивается, кому нужна чека и для чего она вообще существует, если она вынуждена каждый раз и при всяком пустяковом случае прибегать к помощи комсомола, колхозников и вообще всего населения?

Далее, понимает ли НКВД, какой неблагоприятный для правительства шум создают подобные мобилизации? Наконец, кто дал право НКВД на самочинную мобилизацию партийцев, комсомольцев и колхозников для своих ведомственных потребностей? Не пора ли запретить органам НКВД подобные, с позволения сказать, мобилизации?

Важно заметить, что вся эта кутерьма была бы исключена, если бы Гай был отправлен в арестантском вагоне.

Я думаю, что чекистская часть НКВД болеет серьезной болезнью. Пора заняться нам ее лечением».

Его слова звучали как приговор. Эта история укрепила Сталина во мнении, что руководство госбезопасности пора менять. Но еще год он размышлял над тем, кто станет новым наркомом, пока не остановил выбор на расторопном и безукоризненно исполнительном Николае Ивановиче Ежове.

ЕЖОВ. КРОВАВЫЙ КАРЛИК

25 сентября 1936 года Сталин, находившийся на отдыхе, отправил в Москву телеграмму Кагановичу, Молотову и другим членам политбюро, которую вместе с вождем подписал его новый фаворит — кандидат в члены Политбюро и член Оргбюро ЦК Андрей Жданов:

«Первое. Считаю абсолютно необходимым и срочным делом назначение тов. Ежова на пост наркомвнудела.

Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздал в этом деле на четыре года. Об этом говорят все партработники и большинство областных представителей Наркомвнудела. Заком Ежова в Наркомвнуделе можно оставить Агранова.

Второе. Считаю необходимым и срочным делом снять Рыкова по Наркомсвязи и назначить на пост Наркомсвязи Ягоду. Мы думаем, что дело это не нуждается в мотивировке, так как оно и так ясно...

Четвертое. Что касается КПК, то Ежова можно оставить по совместительству председателем КПК с тем, чтобы он девять десятых своего времени отдавал Наркомвнуделу, а первым заместителем Ежова по КПК можно было бы выдвинуть Яковлева, Якова Аркадьевича.

Пятое. Ежов согласен с нашими предложениями.

Шестое. Само собой понятно, что Ежов остается секретарем ЦК».

Сталин, как всегда, стремился убить сразу несколько зайцев. Пересадив Ягоду в кресло наркома связи, он заодно лишал должности бывшего члена политбюро и главу правительства Алексея Рыкова, который занял пост председателя Совнаркома после смерти Ленина. Это был первый шаг к уничтожению. Больше никакой работы Рыков не получил, в феврале 1937 года его арестовали, а в марте 1938 года расстреляли.

Обречен был и Ягода. Но Сталин не спешил давать об этом понять. Он всегда боялся того момента, когда снимал с должности крупных военных или чекистов: а вдруг кто-то из них все-таки взбунтуется? У Ягоды, пока он сидит в своем кабинете на Лубянке, в руках весь аппарат госбезопасности, милиция, внутренние и пограничные войска. Ему подчиняется охрана членов политбюро — надо, чтобы он спокойно ушел из НКВД.

Поэтому на следующий день Сталин не счел за труд продиктовать личную и очень доброжелательную записку Ягоде. Сталинские слова записал находившийся при нем в Сочи сотрудник секретного отдела

аппарата ЦК Сергей Федорович Чечулин:

«Тов. Ягоде.

Наркомсвязь дело очень важное. Это Наркомат оборонный. Я не сомневаюсь, что Вы сумеете этот Наркомат поставить на ноги. Очень прошу Вас согласиться на работу Наркомсвязи. Без хорошего Наркомата связи мы чувствуем себя как без рук. Нельзя оставлять Наркомсвязь в нынешнем ее положении. Ее надо срочно поставить на ноги».

Чечулин, в свою очередь, продиктовал сталинскую записку в Москву по телефону. Ее тут же передали Ягоде. И каким бы опытным ни был Генрих Григорьевич, он не мог не ухватиться за сталинскую записку как за спасательный круг: получалось, что вождь не окончательно списал его со счетов. Напротив, просит (!) взяться за другое, тоже важное, дело и даже возлагает на него большие надежды...

А ведь Ягода должен был понимать, что его ждет. Он же знал излюбленный метод вождя. Сначала человека вырывали из привычной среды, переводили на другую, менее заметную должность. Потом его имя возникало в делах госбезопасности, чекисты отправляли собранные материалы Сталину, и политбюро принимало решение снять обвиняемого с должности, исключить из партии и передать дело в прокуратуру.

12 октября 1936 года Каганович писал Сталину:

«У т. Ежова дела идут хорошо. Взятся он крепко и энергично за выкорчевывание контрреволюционных бандитов, допросы ведет замечательно и политически грамотно. Но, видимо, часть аппарата, несмотря на то, что сейчас притихла, будет ему нелояльна. Взять, например, такой вопрос, который, оказывается, имеет у них большое значение, это вопрос о звании.

Ведутся разговоры, что генеральным комиссаром останется все же Ягода, что де Ежову этого звания не дадут и т. д. Странно, но эта “проблема” имеет в этом аппарате значение. Когда решали вопрос о наркоме, этот вопрос как-то не ставился. Не считаете ли, т. Сталин, необходимым этот вопрос поставить?»

Когда в 1935 году вводились специальные звания начальствующего состава Главного управления государственной безопасности, для себя Ягода придумал звание генерального комиссара государственной безопасности, приравненное по армейской табели о рангах к маршальскому.

Причем Ягода добился решения о том, что для начальствующего состава специальные звания будут пожизненными. Лишить специального звания имел право только суд. И ни одно лицо начальствующего состава

Главного управления госбезопасности не могло быть подвергнуто аресту без особого разрешения наркома. Наверное, Генрих Григорьевич наивно полагал, что позаботился о своем будущем...

Обращение Кагановича к Сталину возымело действие.

27 января 1937 года Ежов получил вождеденное звание генерального комиссара государственной безопасности и стал щеголять в новенькой форме с большой маршальской звездой на петлицах и на рукаве гимнастерки.

А через день, 29 января, отправили в запас генерального комиссара государственной безопасности Ягоду. Он больше не был защищен своим маршальским званием. Да и останься он генеральным комиссаром госбезопасности, это все равно не спасло бы его от расстрела, как не спасли маршальские звезды Михаила Николаевича Тухачевского.

Через полтора месяца, 18 марта, Ежов, выступая перед руководящими сотрудниками НКВД, поведал им, что его предшественник Ягода был агентом царской охранки, вором и растратчиком. 3 апреля «Правда» сообщила, что «ввиду обнаруженных преступлений уголовного характера» нарком связи Ягода отстранен от должности, его дело передано в следственные органы. На следующий день его арестовали.

Камеру Ягода делил с популярным в тридцатых годах драматургом Владимиром Михайловичем Киршоном, которого потом тоже расстреляют. У него было несколько пьес. Они шли по всей стране, самая известная из них — комедия «Чудесный сплав».

От несчастного Киршона потребовали доносить, о чем говорит в камере бывший наркомвнудел. Наверное, Киршон надеялся на снисхождение. С Ягодой они были знакомы: нарком любил общаться с творческими людьми.

Рапорты Киршона сохранились:

«Майору государственной безопасности
тов. Журбенко

Ягода часто говорит о том, как хорошо было бы умереть до процесса. Речь идет не о самоубийстве, а о болезни. Ягода убежден, что он психически болен. Плачет он много раз в день, часто говорит, что задыхается, хочет кричать, вообще раскис и опустил позорно...»

Сталин следил за допросами Ягоды. Ежов постоянно его информировал:

«Направляю протокол допроса ЯГОДЫ Г. Г. от 26-го апреля.

Настоящие показания получены в результате продолжительных допросов, предъявления целого ряда уликовых данных и очных ставок с

другими арестованными.

ЯГОДА до сего времени не дает развернутых показаний о своей антисоветской и предательской деятельности, отрицает свою связь с немцами и скрывает целый ряд участников заговора. Отрицает также свое участие в подготовке террористических актов над членами правительства, о чем показывают все другие участники — ПАУКЕР, ВОЛОВИЧ, ГАЙ и др.

Следует, однако, отметить, что на последних допросах, под давлением улики, ЯГОДА все же вынужден был признать, что о связи с немцами и подготовке терактов некоторыми участниками заговора он был осведомлен.

Допрос продолжается».

Недавние подчиненные предъявили бывшему наркому множество обвинений: в контрреволюционной троцкистской деятельности, в шпионаже в пользу фашистской Германии, в организации убийств Максима Горького, члена политбюро Куйбышева, руководителя ОГПУ Менжинского, в покушении на жизнь его преемника Ежова...

Главные показания против Ягоды дал старший майор госбезопасности Павел Петрович Буланов, бывший глава секретариата НКВД и первый помощник бывшего наркома, пользовавшийся полным его доверием. По отзывам коллег, Буланов был подхалимом и занимался распределением среди высшего руководящего состава перехваченной контрабанды и ценностей, конфискованных у арестованных.

На суде Буланов рассказал, что Ягода опасался, что новый нарком сможет выявить его роль в организации убийства Кирова, и решил отравить Ежова: уходя из НКВД, приказал опрыскать стены наркомовского кабинета сильнейшим ядом, испаряющимся при комнатной температуре.

Буланов:

«Когда Ягода был снят с должности наркома внутренних дел, он предпринял уже прямое отравление кабинета и той части комнат, которые примыкают к кабинету, там, где должен был работать Николай Иванович Ежов.

Он дал мне лично прямое распоряжение подготовить яд, а именно взять ртуть и растворить ее кислотой. Я ни в химии, ни в медицине ничего не понимаю, может быть, путаюсь в названиях, но помню, что он предупреждал против серной кислоты, против ожогов, запаха и что-то в этом духе...

Это поручение Ягоды я выполнил, раствор сделал. Опрыскивание кабинета, в котором должен был сидеть Ежов, и прилегающих к нему комнат, дорожек, ковров и портьер было произведено Саволайненом (сотрудник НКВД) в присутствии меня и Ягоды.

Я готовил большие флаконы этого раствора и передавал их Саволайнену. Распыскивал тот из пульверизатора. Помню, это был большой металлический баллон с большой грушей. Он был в уборной комнате Ягоды, заграничный пульверизатор».

Этот фантастический рассказ произвел сильное впечатление на современников. Михаил Афанасьевич Булгаков откликнулся в «Мастере и Маргарите». В главе «Великий бал у Сатаны», где описывается, как Маргарита вынуждена встречать всех самых отвратительных преступников, среди гостей появляется новенький, который получил «совет, как избавиться от одного человека, разоблачений которого он чрезвычайно опасался. И вот он велел своему знакомому, находящемуся от него в зависимости, обрызгать стены кабинета ядом».

Точка в этой истории с мнимым отравлением ртутью была поставлена только в наши дни. Генеральная прокуратура СССР в 1988 году установила: «Террористический акт в отношении Н. И. Ежова (ртутное отравление) был фальсифицирован им самим и бывшим начальником контрразведывательного отдела НКВД Николаевым.

Перед разработкой легенды Николаев получил консультацию об условиях возможного отравления ртутью у начальника Химакадемии РККА Авиновицкого, после чего в обивку мягкой мебели кабинета Ежова втер ртуть и дал на анализ.

Работник НКВД Саволайнен, имевший доступ в кабинет Ежова, в результате систематического избиения “сознался” в подготовке ртутного отравления Ежова. После ареста Саволайнена в подъезд его дома была подброшена банка с ртутью, которую потом обнаружили и приобщили к делу в качестве вещественного доказательства».

Выставленный безжалостным киллером-отравителем, Иван Михайлович Саволайнен был всего лишь беспартийным курьером-вахтером, уже немолодым. Его тоже расстреляли. Впоследствии реабилитировали...

А на суде Буланов говорил, что Ягода намерен был после государственного переворота возглавить страну:

«Он увлекался Гитлером, говорил, что его книга “Моя борьба” действительно стоящая... Он подчеркивал, что Гитлер из унтер-офицеров выбрался в такие люди... Он говорил, что Бухарин будет у него не хуже Геббельса... Он, председатель Совнаркома, при таком секретаре, типа Геббельса, и при совершенно послушном ему ЦК, будет управлять так, как захочет».

Люди, сидевшие в Колонном зале Дома союзов, да и вся страна,

которая читала стенограммы процесса, этому верили.

В последнем слове Ягода попросил о снисхождении: «Граждане судьи! Я был руководителем величайших строек. Я смею просить пойти работать туда хотя бы в качестве исполняющего самые тяжелые работы...»

Слова обвиняемых не имели никакого значения. Мера наказания была определена Сталиным еще до начала процесса. 13 марта 1938 года суд приговорил Ягоду к высшей мере наказания. Ему разрешили написать просьбу о помиловании:

«В Президиум Верховного Совета
от приговоренного к в. м. Г. Г. Ягоды
ПРОШЕНИЕ О ПОМИЛОВАНИИ

Вина моя перед родиной велика. Не искупив ее в какой-либо мере, тяжело умереть. Перед всем народом и партией стою на коленях и прошу помиловать меня, сохранив мне жизнь.

Г. Ягода
13.03.1938 г.»

Президиум Верховного Совета СССР прошение отклонил. В ночь на 15 марта бывшего главного чекиста расстреляли.

Вслед за ним на тот свет отправились и его подручные. Смена бригад станет традицией на Лубянке. Одна команда, выполнив свою миссию, сама попадала во внутреннюю тюрьму НКВД и приговаривалась к смертной казни. Другая рьяно принималась за дело, не зная, что и ее скоро сменят.

Первый замнаркома Яков Саулович Агранов, связанный со Сталиным особыми отношениями, был уверен, что его минует чаша сия: в должности понизят, но оставят на свободе. 16 мая 1937 года его отправили в Саратов начальником областного управления. На новом месте ему позволили поработать всего два месяца.

Бывшим заместителем наркома Георгием Евгеньевичем Прокофьевым занимался Особый отдел. Следователь сам написал показания, которые должен был подписать Прокофьев. Он отказался. Тогда пришел сам Ежов. Прокофьев по привычке вскочил и вытянулся перед наркомом в струнку. Николай Иванович по-свойски сказал ему:

— Надо дать показания.

Бывший заместитель наркома привычно щелкнул каблуками:

— Так точно!

И подписал — поверил, что Ежов его помилует.

Долго отказывался давать показания бывший начальник Особого отдела комиссар госбезопасности 2-го ранга Марк Исаевич Гай. При нем штатная численность отдела превысила двести пятьдесят человек.

Однако же Гая признали недостаточно решительным для проведения операций по аресту высшего командного состава армии.

— Что же еще сделать, — сказал сменивший его комиссар госбезопасности 3-го ранга Николай Галактионович Николаев-Журид, — набьем Гаю морду.

Арестованного привели на допрос. Следователь задал какой-то вопрос и, прежде чем Гай ответил, врезал ему по лицу. Но побои не помогли. Тогда с Гаем опять-таки встретился сам нарком Ежов и обещал сохранить ему жизнь:

— Пощажу.

Гай поверил и всё подписал.

И Агранов, и Прокофьев, и Гай отправились на тот свет.

Вслед за Ягодой были арестованы, а затем и расстреляны начальники ведущих отделов: Иностранного — Артур Христианович Артузов; Спецотдела (шифровальная служба) — Глеб Иванович Бокий; Транспортного (борьба с диверсиями на транспорте) — Владимир Александрович Кишкин (до ареста замнаркома путей сообщения) и Александр Михайлович Шанин; Экономического (борьба с диверсиями и вредительством в промышленности) — Лев Григорьевич Миронов; Секретнополитического (борьба с враждебными политическими партиями) — Георгий Андреевич Молчанов; Оперативного (охрана политбюро, наружное наблюдение, аресты и обыски) — Карл Викторович Паукер.

Паукер, охранявший генерального секретаря, разонравился Сталину. Карл Викторович попал в органы госбезопасности самым странным образом. Он родился во Львове, который до Первой мировой войны входил в состав Австро-Венгрии. Никогда не учился, работал в парикмахерской отца, затем на кондитерской фабрике.

В Первую мировую войну его мобилизовали в австро-венгерскую армию. В апреле 1915 года фельдфебель Паукер попал в русский плен. Приветствовал революцию, из военнопленного превратился в активного борца за советскую власть. Его взяли в Иностраннный отдел ВЧК, но быстро перевели в Оперативный отдел, которому поручили охрану руководителей партии и государства.

Карл Викторович, весельчак и балагур, веселил вождя. Сталин сделал его комиссаром госбезопасности 2-го ранга (это приравнивалось к армейскому званию генерал-полковник), наградил несколькими орденами. Но барская любовь рано или поздно заканчивается.

А Николай Иванович Ежов уже развернулся на новом поприще. Его имя гремело по всей стране. Его славили газеты. О нем слагали стихи:

Кто барсов отважней и зорче орлов?

Любимец страны, зоркоглазый Ежов.

Учился будущий нарком совсем мало: один класс начального училища (потом еще курсы марксизма-ленинизма при ЦК партии) и остался необразованным, малограмотным человеком, зато обладал каллиграфическим почерком.

Он начинал учеником в слесарно-механической мастерской, учился портняжному делу, трудился на кроватиной фабрике. Несколько лет прослужил в армии — в запасном полку, потом в артиллерийских мастерских. После Гражданской войны работал в Казани в обкоме партии. Женился на Антонине Алексеевне Титовой, которая не только окончила гимназию, но и поступила в Казанский университет. Она отправилась в Москву и нашла себе место заведующей культотделом профсоюза химиков.

Вслед за ней в столицу переехал и Николай Иванович. В ЦК обратили внимание на молодого партийца: через полгода, в феврале 1922-го, Оргбюро ЦК командировало его секретарем обкома в Марийскую автономную область. На решении подпись секретаря ЦК Вячеслава Михайловича Молотова.

Историки тщетно пытаются понять, кто ворожил Ежову, кто включил его в партийную элиту, кто давал ему высокие должности. Связи и знакомства, конечно, большое дело в карьере. Но в те времена ощущался очевидный голод на партийные кадры, не хватало элементарно грамотных людей. А Николай Иванович был толковым работником с организаторской жилкой.

Он трудился в Краснококшайске (ныне Йошкар-Ола), в Семипалатинске, Оренбурге, в Кызыл-Орде (тогда столица Казахской АССР). Писатель Юрий Осипович Домбровский, отбывавший ссылку в Казахстане, писал, что среди его знакомых «не было ни одного, который сказал бы о Ежове плохо. Это был отзывчивый, гуманный, мягкий, тактичный человек».

Летом 1927 года его вызвали в Москву: заведующий организационно-распределительным отделом ЦК Иван Михайлович Москвин предложил ему должность инструктора. Низший в цековской иерархии пост стал для Ежова трамплином. Москвин вскоре сделал его своим помощником, а затем заместителем. Николай Иванович приобрел славу человека, умеющего работать с людьми.

Тогда же Ежов по-новому устроил свою жизнь. С Антониной Алексеевной Титовой разошелся — впоследствии это спасет ей жизнь, ее не тронут. И женился на женщине, с которой познакомился на Кавказе. Для

Евгении Соломоновны Хаютиной-Гладун, общительной и веселой женщины, побывавшей с мужем за границей — в Лондоне — и работавшей в журнале «СССР на стройке», это был третий брак.

В ноябре 1930 года Ежов был назначен заведующим распределительным отделом ЦК, стал ведать всеми партийными кадрами страны. Подчинялся он непосредственно Сталину. Отдел вскоре переименовали в отдел руководящих партийных кадров.

Ежов, судя по воспоминаниям, вел себя скромно, казался доступным и приятным человеком, держался весьма демократично, любил выпить и погулять, хорошо пел и сочинял стихи. Бухарин считал его человеком «доброй души». Это потом Ежова назовут «кровавым карликом».

В 1933 году Николая Ивановича назначили председателем центральной комиссии по чистке партии. На XVII съезде избрали заместителем председателя Комиссии партийного контроля, а вскоре он сменил сталинского любимца Лазаря Моисеевича Кагановича на посту председателя Комиссии партконтроля.

24 ноября 1934 года Лиля Юрьевна Брик, в которую был влюблен покончивший с собой Владимир Владимирович Маяковский, отправила письмо Сталину. Она писала, что о Маяковском пытаются забыть, а это несправедливо.

Сталин написал на письме резолюцию, адресованную Ежову:

«Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи. Безразличие к его памяти — преступление... Привлеките к делу Таля и Мехлиса и сделайте, пожалуйста, всё, что упущено нами. Если моя помощь понадобится, я готов».

Лев Захарович Мехлис редактировал главную партийную газету «Правда». Борис Маркович Таль заведовал отделом печати и издательств ЦК.

Ежов позвонил Лиле Брик в Ленинград: не может ли она приехать в Москву?

— Четвертого буду в Москве.

— Нельзя ли раньше?

Лиля взяла билет и приехала днем раньше.

Ежов принял ее незамедлительно:

— Почему вы раньше не писали в ЦК? Я Маяковского люблю, но как гнусно его издают, на какой бумаге.

— На это-то я и жалуюсь, — сказала Лиля Брик.

Сталин попросил заняться этим делом именно Ежова, потому что точно знал: Николай Иванович делает все мыслимое и неммыслимое. Ежов

не подвел: принятых им решений о почитании Маяковского хватило до самой перестройки.

1 февраля 1935 года Ежова избрали секретарем ЦК.

Секретарей ЦК, помимо Сталина, было всего трое: Жданов, работавший в Ленинграде, Каганович, больше занимавшийся Наркоматом путей сообщения, и Ежов, который фактически и ведал всеми партийными делами. Сталин вызывал к себе Николая Ивановича чаще других членов партийного руководства, доверял ему, ценил его надежность, безотказность и преданность. Чаще Сталин принимал только Молотова, главу правительства и второго человека в стране.

Дмитрий Трофимович Шепилов, будущий министр иностранных дел и секретарь ЦК при Хрущеве, начинал в отделе науки ЦК. Однажды его вызвали к Ежову.

«И вот мы у грозного и всемогущего Ежова, — вспоминал Шепилов. — Перед нами — маленький, щуплый человек, к наружности которого больше всего подходило бы русское слово “плюгавый”. Личико тоже маленькое, с нездоровой желтоватой кожей. Каштаново-рыжеватые волосы торчат неправильным бобриком и лоснятся. На одной щеке рубец. Плохие, с желтизной зубы. И только глаза запомнились надолго: серо-зеленые, впивающиеся в собеседника буравчиками, умные, как у кобры... В ходе беседы он тяжело и натужно кашлял. Ходили слухи, что Ежов чахоточный. Он кашлял и сплевывал прямо на роскошную ковровую дорожку тяжелые жирные ошметки слизи».

Назначение в Наркомат внутренних дел в сентябре 1936 года вовсе не было для Ежова повышением. Его партийные должности — кандидат в члены политбюро, член оргбюро, секретарь ЦК и председатель Комиссии партийного контроля — неизмеримо выше. Политические решения принимались в ЦК, наркомов превратили в высокопоставленных исполнителей.

Вот такого суперреверентного исполнителя Сталин нашел в лице Ежова. Он был человеком со стороны, ни с кем на Лубянке не связанным, никому не обязанным. Он, по мнению Сталина, мог и должен был действовать в тысячу раз активнее Ягоды, который слишком врос в аппарат госбезопасности.

23 февраля 1937 года в Москве начал работу февральско-мартовский пленум ЦК, который декларировал необходимость массового террора.

— За несколько месяцев, — зловещим голосом сказал с трибуны Ежов, — не помню случая, чтобы кто-нибудь из хозяйственников и руководителей наркоматов по своей инициативе позвонил бы и сказал: «Товарищ Ежов,

что-то мне подозрителен такой-то человек, что-то там неблагополучно, займитесь этим человеком». Таких фактов не было. Чаще всего, когда ставишь вопрос об аресте вредителя, троцкиста, некоторые товарищи, наоборот, пытаются защищать этих людей.

Сталин на пленуме подвел идеологическую базу под террор:

— Чем больше мы будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее они будут идти на острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить Советскому государству, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы, как последнее средство «обреченных».

Служивший тогда в милиции Михаил Шрейдер вспоминал, как, собрав руководящий состав наркомата, Ежов сказал:

— Вы не смотрите, что я маленького роста. Руки у меня крепкие — сталинские. — При этом он протянул вперед обе руки, как бы демонстрируя их сидящим. — У меня хватит сил и энергии, чтобы покончить со всеми троцкистами, зиновьевцами, бухаринцами.

Он угрожающе сжал кулаки. Затем, подозрительно взглядываясь в лица присутствующих, продолжал:

— И в первую очередь мы должны очистить наши органы от вражеских элементов, которые по имеющимся у меня сведениям смазывают борьбу с врагами народа...

Сделав выразительную паузу, он с угрозой закончил:

— Предупреждаю, что буду сажать и расстреливать всех, невзирая на чины и ранги, кто посмеет тормозить дело борьбы с врагами народа.

Ежов рьяно взялся за дело. Допросы с пристрастием и пытки вождь считал необходимым делом. Ежов понравился Сталину тем, что не гнушался черной работы. Один из следователей Секретнополитического отдела рассказывал товарищам, как к нему в кабинет зашел нарком. Спросил, признается ли подследственный.

— Когда я сказал, что нет, Николай Иванович как развернется и бац его по физиономии. И разъяснил: «Вот как их надо допрашивать!»

Один из членов политбюро зашел в ЦК к Ежову, который только что вернулся с Лубянки, и увидел, что у того на гимнастерке пятна крови:

— Что случилось?

— Такими пятнами можно гордиться, — ответил Ежов. — Это кровь врагов революции.

В марте 1937 года на пленуме ЦК Ежов выступил с докладом, в котором жестко обрушился на работу НКВД, говорил о провалах в

следственной и агентурной работе. Ежов и начал с массовой чистки аппарата госбезопасности. Он привел туда новых людей, которые взялись за дело не менее рьяно, чем сам нарком.

Отдел кадров НКВД предписал «принимать на оперативную работу в органы ГУГБ только членов и кандидатов в члены ВКП(б) и членов ВЛКСМ, отслуживших в РККА и имеющих образование не ниже семилетки». Высшее образование в аппарате государственной безопасности имел один процент.

Ежов в те месяцы бывал в кабинете Сталина чаще любого другого руководителя страны. Под руководством вождя Ежов провел массовую чистку Красной армии. Она началась с расстрела маршала Тухачевского и еще семи крупных военачальников.

ДЕЛО МАРШАЛА ТУХАЧЕВСКОГО

Еще в 1924 году завели дело «Генштабисты» и собирали агентурные материалы на бывших офицеров царской армии. Чекисты были озабочены «засильем старых офицеров» в армии.

Бывшие белые офицеры находились на особом учете. Они обязаны были регистрироваться в органах милиции и периодически туда являться. До революции это называлось «гласным надзором полиции».

А на оперативный (скрытый) учет как «неблагонадежные» были поставлены военачальники, которые внесли решающий вклад в создание Красной армии и победу в Гражданской войне. Военная контрразведка очищала армию от выдвиненцев Троцкого. В значительной степени это были военные профессионалы, бывшие офицеры, которых первый председатель Реввоенсовета привлек на сторону советской власти.

Нарком обороны Ворошилов в марте 1937 года на пленуме ЦК говорил:

— За время с 1924 года, когда Троцкий был изгнан из рядов армии, мы вычистили большое количество командующего и начальственного состава. Пусть вас не пугает такая цифра. Мы вычистили за эти двенадцать-тринадцать лет примерно сорок семь тысяч человек.

Красная армия почти с самого начала оказалась заложницей взаимной ненависти Иосифа Сталина и Льва Троцкого. Почти все военачальники, выдвинутые Троцким в годы Гражданской войны, в первую очередь военные профессионалы, бывшие офицеры царской армии, были уничтожены Сталиным накануне Великой Отечественной...

Военная контрразведка подготовила так называемое дело «Весна», в рамках которого в 1930–1932 годах арестовали больше трех тысяч бывших офицеров царской армии, честно служивших в Красной армии. Им предъявили обвинения в участии в различных монархических или офицерских организациях, в реальности никогда не существовавших.

Многие арестованные были преподавателями. Начальником Управления военно-учебных заведений РККА был тогда Александр Иванович Тодорский, переживший годы репрессий.

«Мне особенно памятни эти трагические дни 1930 года, — вспоминал Тодорский, — когда обезумевшие от горя жены и дети арестованных бросались за защитой в секретариат наркома Ворошилова, а последний, не разбираясь в их просьбах, адресовал их ко мне как к начальнику

Управления военно-учебных заведений. Но что мог я — один из многих начальников управлений, когда эти аресты были произведены по решению Сталина и с санкции Ворошилова?»

Красная армия лишилась наиболее образованной своей части, что пагубно сказалось на уровне подготовки командных кадров: некому стало учить курсантов военно-учебных заведений.

Ряд руководителей госбезопасности открыто говорили в 1931 году, что арест военных — дутое дело. Даже им массовая акция против военных казалась бессмысленной и вредной. Против арестов выступил и руководитель военной контрразведки — начальник Особого отдела ОГПУ Ян Калистович Ольский (Куликовский).

Сталин приказал считать недовольство чекистов «групповой борьбой против руководства». 25 июля 1931 года политбюро произвело крупные перестановки в органах госбезопасности, а 6 августа утвердило проект директивного письма секретарям ЦК нацреспублик и обкомов.

Текст послали Сталину на юг — он уже уехал в длительный отпуск:

«Поручить секретарям национальных ЦК, крайкомов и обкомов дать разъяснение узкому активу работников ОГПУ о причинах последних перемен в руководящем составе ОГПУ на следующих основаниях:

Тт. Мессинг и Бельский отстранены от работы в ОГПУ, тов. Ольский снят с работы в Особом отделе, а т. Евдокимов снят с должности начальника секретно-оперативного управления с направлением его в Туркестан на должность полномочного представителя на том основании, что:

а) эти товарищи вели внутри ОГПУ совершенно нетерпимую групповую борьбу против руководства ОГПУ;

б) они распространяли среди работников ОГПУ совершенно не соответствующие действительности разлагающие слухи о том, что дело о вредительстве в военном ведомстве является “дутым” делом;

в) они расшатывали тем самым железную дисциплину среди работников ОГПУ...

ЦК отмечает разговоры и шушуканья о “внутренней слабости” органов ОГПУ и “неправильности” линии их практической работы как слухи, идущие, без сомнения, из враждебного лагеря и подхваченные по глупости некоторыми горе-“коммунистами”.

ЦК считает, что ОГПУ есть и остается обнаженным мечом рабочего класса, метко и умело разбившим врага, честно и умело выполняющим свой долг перед Советской властью».

Сталин проект утвердил. Последнюю фразу распорядился поправить:

ОГПУ — это меч, «не разбивший врага», «а разящий врага». Вождь знал, что все еще только начинается.

Одновременно политбюро лишило Реввоенсовет СССР (то есть Ворошилова) права давать задания Особому отделу ОГПУ и осуществлять контроль над военной контрразведкой. Характерно недоверие руководителей государства к собственной армии.

Страх перед военными был сильным.

Маршал Матвей Васильевич Захаров вспоминал, как в 1925 году он, молодой командир, поступал в Военную академию РККА. Председателем мандатной комиссии был Ворошилов. Один из членов комиссии, заместитель начальника политуправления Красной армии Михаил Маркович Ланда, спросил:

— Как может быть у нас в стране бонапартизм?

«Я был молодой, горячий, — вспоминал Захаров, — и на этот возмутительный вопрос буквально ударил кулаком по столу и резко ответил: какой может быть бонапартизм? У нас руководящей силой в стране является партия».

Климент Ефремович, повернувшись к Ланде, сказал:

— Что, съел?

В 1937 году армейского комиссара 2-го ранга Ланду, который к тому времени стал ответственным редактором газеты «Красная звезда», арестовали как участника антисоветского военно-фашистского военного заговора и на следующий год расстреляли. Но ни в 1925-м, ни в 1937-м военного заговора не существовало...

Кремль, где работали и жили вожди, охраняли воинские формирования. 9 февраля 1936 года политбюро приняло постановление: «Подчинить Комендатуру Кремля со всеми воинскими частями Наркомвнуделу».

Коменданта Кремля комдива Петра Пахомовича Ткалуна перевели в кадры госбезопасности. Заместителем Ткалуну прислали из Наркомата внутренних дел комбрига Сергея Игнатьевича Кондратьева, бывшего командира дивизии особого назначения имени Ф. Э. Дзержинского. Еще одним заместителем коменданта Московского Кремля — по внутренней охране — стал старший майор госбезопасности Александр Иванович Успенский.

Ткалуна освободили от должности в сентябре 1937 года, арестовали 8 января 1938 года и обвинили в подготовке заговора с целью арестовать членов политбюро и захватить Кремль. Коменданта здания правительства Павла Николаевича Брюханова обвинили в том, что он, дескать, по совету

Ткалуна женился на Александре Виноградовой, сотруднице особого сектора ЦК. Виноградова была официанткой и обслуживала кремлевскую квартиру Сталина. Она будто бы должна была отравить вождя.

Арестованного в апреле 1938 года комбрига Кондратьева заставили подписать показания, что он собирался захватить Кремль силами полка специального назначения и отряда специального назначения, которые охраняли въезды и входы в Кремль, правительственные учреждения и квартиры вождей...

Но главной целью был маршал Тухачевский.

На февральско-мартовском (1937 года) пленуме ЦК, где шла речь о борьбе с врагами народа, нарком обороны маршал Ворошилов заявил, что положение в армии не вызывает тревоги, потому что сторонников Троцкого уже изгнали из Красной армии.

Ворошилов с трибуны обратился к Кагановичу:

— Лазарь Моисеевич, перед тем как я пошел на трибуну, сказал мне: «Посмотрим, как ты будешь себя критиковать»... Я ему сказал, что мне критиковать себя очень трудно, и вовсе не потому, что я не люблю самокритики, — особенно больших любителей самокритики, впрочем, среди нас немного найдется... Но положение мое, Лазарь Моисеевич, несколько особое. И потому, что я представляю армию, — это имеет «кое-какое» значение, — и потому, что в армии к настоящему моменту, к счастью, вскрыто пока не так много врагов. Говорю «к счастью», надеясь, что в Красной армии врагов вообще немного. Так оно и должно быть, ибо в армию партия посылает лучшие свои кадры...

Ворошилову не хотелось давать в обиду вооруженные силы, которыми он руководил больше десяти лет. Он гордился Красной армией.

— Я лично подхожу всегда осторожно при решении вопроса об увольнении человека из рядов армии. Приходится быть внимательным, даже если человек в прошлом был замешан в оппозиции... Частенько бывают у меня разговоры с органами товарища Ежова в отношении отдельных лиц, подлежащих изгнанию из рядов Красной армии. Иной раз приходится отстаивать отдельных лиц. Правда, сейчас можно попасть в очень неприятную историю: отстаиваешь человека, будучи уверен, что он честный, а потом оказывается, что он самый доподлинный враг. Но, невзирая на такую опасность, я все-таки эту свою линию, по-моему, правильную, сталинскую линию, буду и впредь проводить...

С наркомом не согласился глава правительства и вообще второй человек в стране — Вячеслав Молотов. Он, пожалуй, единственный в политбюро понимал масштабность сталинских замыслов и полностью их

поддерживал.

Молотов с трибуны пленума обвинил Ворошилова в благодушии и предупредил наркома, что военное ведомство не останется в стороне от процесса массовых чисток:

— Военное ведомство — очень большое дело, проверяться его работа будет не сейчас, а несколько позже, и проверяться будет очень крепко... Если у нас во всех отраслях есть вредители, можем ли мы себе представить, что только там нет вредителей? Это было бы нелепо, это было бы благодушием...

Спокойное выступление Ворошилова резко выделялось на фоне речей других членов ЦК, докладывавших на пленуме о масштабах преступной работы окопавшихся повсюду троцкистов. Климента Ефремовича не поставили в известность о том, что нарком внутренних дел Ежов уже получил указание разобраться в армейских делах.

1 мая 1937 года, после военного парада на Красной площади, Ворошилов по традиции устроил у себя большой обед. Пришли члены политбюро и высшие командиры Красной армии. Во время этого обеда Сталин пообещал, что враги в армии скоро будут разоблачены, партия их сотрет в порошок, и провозгласил тост:

— За тех, кто, оставаясь верным партии, достойно займет свое место за славным столом в октябрьскую годовщину!

Слова эти прозвучали зловеще.

Далеко не всем, кто в тот день был в гостях у наркома, удалось остаться на свободе и через полгода отметить двадцатилетие Великого Октября...

Собственно, в мае 1937 года и началась большая чистка Красной армии. Для начала расстреляли самого крупного военного деятеля страны, который по праву должен был бы занимать пост наркома обороны, — маршала Михаила Николаевича Тухачевского, а с ним еще несколько крупных военачальников.

За два года до этого, 23 сентября 1935 года, «Правда» опубликовала постановление ЦК и Совнаркома «О введении персональных военных званий начальствующего состава РККА и об утверждении положения о прохождении службы командным и начальствующим составом РККА».

В Красной армии появились лейтенанты, старшие лейтенанты, капитаны, майоры, полковники и даже маршалы Советского Союза — звание, «персонально присваиваемое Правительством Союза ССР выдающимся и особо отличившимся лицам высшего командного состава».

20 ноября это звание получили первые пять военачальников:

командующий Особой Дальневосточной армией Василий Константинович Блюхер, инспектор кавалерии РККА Семен Михайлович Буденный, нарком обороны Климент Ефремович Ворошилов, начальник Генерального штаба Александр Ильич Егоров, заместитель наркома Михаил Николаевич Тухачевский.

Из пяти первых маршалов троих расстреляют, Сталин сохранит Ворошилова и Буденного: звезд с неба не хватают, но преданы вождю до мозга костей.

Есть люди, которые и по сей день считают, что маршала Тухачевского наказали не зря, что он действительно был врагом: поддерживал тесные отношения с изгнанным из страны Троцким, готовил государственный переворот и свержение Сталина, собираясь стать диктатором... Материалы инсценированного суда над маршалом и его товарищами они читают как подлинный документ. Многие полагают, что нет дыма без огня: наверняка амбициозный маршал строил какие-то политические планы.

Имели ли эти подозрения и предположения реальную основу?

Фамилия Тухачевского замелькала в делах госбезопасности задолго до его расстрела. С конца двадцатых годов Михаил Николаевич воспринимался как неформальный вождь советской военной элиты. Тухачевскому сразу приклеили ярлык «бонапартиста».

Разработка Тухачевского продолжалась годами. Его, как и других видных военачальников, плотно окружали осведомители. В одном из документов, отправленных руководству страны, говорилось:

«В РККА преимущественно в высших учреждениях на службе состоит значительное количество бывшего кадрового офицерства. Эта категория военспецов является по своему бывшему и социальному положению наиболее чуждой Советской власти... Все они ждут падения Советской власти».

Арестованные Особым отделом давали показания о том, что Тухачевский намерен в благоприятной ситуации захватить власть, убить Сталина и установить военную диктатуру... Почему арестованные ставили свои подписи под заведомой неправдой? У людей, которых посадили и которым грозит если не расстрел, то многие годы в лагерях, есть масса оснований сотрудничать со следствием, делать то, что от них хотят, в надежде на снисхождение. А чекисты действовали по установленной для них методологии: выбивали показания на всех, а Сталин выбирал, что ему нужно в данный момент. Ненужное ждало своего часа...

КРАСНАЯ ПАПКА ОБЕРГРУППЕНФЮРЕРА ГЕЙДРИХА

О красной папке рассказал первый секретарь ЦК Никита Сергеевич Хрущев в заключительном слове на XXII съезде партии в 1961 году. По его словам, Гитлер, готовя нападение на нашу страну, через свою разведку ловко подбросил Сталину фальшивку о том, что маршал Тухачевский и другие высшие командиры Красной армии — агенты немецкого Генерального штаба.

Тухачевский был германофилом, поклонником немецкой армии, как и почти все высшее руководство Красной армии того времени. В те годы германский военный опыт тщательно изучался советскими военачальниками.

Сменивший Троцкого на посту наркома по военным и морским делам Фрунзе, высоко ценивший Генеральный штаб немецкой армии, писал: «Германия до самого последнего времени была государством с наиболее мощной, стройной системой организации вооруженных сил».

Советским военачальникам нравился ярко выраженный наступательный дух немецкой армии. Историки говорят об уважительном отношении командиров Красной армии к немецкой армии.

В доверительных беседах советские и немецкие офицеры еще в середине двадцатых обсуждали вопрос о судьбе Польши. 15 января 1923 года член ЦК и Исполкома Коминтерна Карл Радек сообщал Сталину о беседе с командующим рейхсвером генерал-полковником Хансом фон Сектом:

«Главком спрашивал нас, как будет реагировать Советская Россия на германо-польскую войну. Мы ответили, что мы не в состоянии дать ему точного ответа. Мое мнение таково, что нам теперь нельзя воевать, но мы этого не можем заявлять и не можем быть уверены, что такая война оставила бы нас зрителями».

Назначенный заместителем наркома иностранных дел Николай Николаевич Крестинский в мае 1933 года напутствовал Льва Михайловича Хинчука, сменившего его на посту полпреда в Берлине:

«Мы не возражали, когда немцы говорили об общем враге, то же делали наши военные. Но никаких положительных заявлений с нашей стороны, которые давали бы им право надеяться на нашу активную помощь, никогда не было... Мы никогда не давали обещания поддерживать

германское правительство в его реваншистской войне против Польши».

Даже в 1933 году, уже после того, как немецкое правительство сформировал новый канцлер Адольф Гитлер, военное сотрудничество продолжалось. В мае на приеме в честь немецких гостей заместитель наркома обороны Тухачевский проникновенно сказал:

— Нас разделяет политика, а не наши чувства, чувства дружбы Красной армии к рейхсверу. Вы и мы, Германия и Советский Союз, сможем диктовать свои условия всему миру, если мы будем вместе.

Немецким офицерам сотрудничество двух армий пошло на пользу. Советским — во вред. Начиная с Тухачевского, многих офицеров расстреляли как немецких агентов.

Многие историки полагают, что если Тухачевский и не был шпионом, то уж точно пал жертвой немецкой разведки, которая подсунула чекистам умело сфабрикованную фальшивку, а подозрительный Сталин ей поверил... Эту версию изложил в своей книге руководитель гитлеровской политической разведки бригадефюрер СС Вальтер Шелленберг, известный по фильму «Семнадцать мгновений весны», где его блистательно играл Олег Николаевич Табаков.

Шелленберг, правда, знал эту историю из вторых рук: он сослался на убитого в 1942 году обергруппенфюрера СС Райнхарда Гейдриха, своего начальника, возглавлявшего Главное управление имперской безопасности. Поддельное досье Тухачевского переправили в Москву через тогдашнего президента Чехословацкой республики доктора Эдуарда Бенеша, который поддерживал доверительные отношения с советскими руководителями.

Вальтер Шелленберг воспринимается всеми всерьез. Но не надо забывать, что он рассказывал об этой истории с чужих слов. Мемуары Шелленберг писал, находясь в британском плену. Вышла книга в свет после его смерти, ее явно редактировали и дописывали. Досье, о котором пишет Шелленберг, не найдено ни в немецких, ни в советских архивах.

В июле 1942 года в ставке фюрера «Вервольф» («Волк-оборотень») под Винницей зашел разговор о судьбе Тухачевского, записанный Генри Пикером, одним из приближенных Гитлера:

«По поводу происходивших в свое время в СССР событий, и в частности произведенной Сталиным грандиозной чистки генералитета, Гитлер заметил, что до сих пор так и не выяснено, действительно ли разногласия между Сталиным, с одной стороны, и Тухачевским и его сообщниками, с другой, зашли настолько далеко, что Сталину пришлось всерьез опасаться за свою жизнь. Трудно представить себе более разных людей, чем Сталин и бывший царский офицер Тухачевский...»

Главный вопрос: куда же делась эта красная папка, если она существовала?

Решениями президиума ЦК от 5 января и 6 мая 1961 года была создана комиссия для изучения материалов о причинах и условиях возникновения «дела Тухачевского». Комиссия, в которую входили руководители Комитета партийного контроля, КГБ и союзной прокуратуры, работала долго и основательно.

Летом 1964 года член президиума ЦК и председатель Комитета партийного контроля Николай Михайлович Шверник представил результаты работы Хрущеву. Это объемный документ, основанный на всех материалах, которые в тот момент были найдены в советских архивах. «Дело Тухачевского» рассматривалось позднее, уже в новой России, президентской комиссией по реабилитации под руководством академика Александра Николаевича Яковлева.

Нигде, ни на одной странице этого многотомного дела нет и упоминания о том, что следствие в 1937 году располагало таким важнейшим доказательством, как «досье Тухачевского» из немецкого Генерального штаба. И в архивах нет и следа «папки Гейдриха».

Само предположение о том, что машина репрессий нуждалась в доказательствах, свидетельствует о непонимании сталинского менталитета. Для того чтобы провести гигантскую чистку армии, Сталин не нуждался в немецких подсказках!

Армия не могла избежать судьбы, уже постигшей все общество.

13 мая 1937 года сотрудники Особого отдела представили наркому Ежову справку по материалам, имевшимся в НКВД, на маршала Тухачевского.

Почему именно Тухачевский стал фактически первой жертвой массовой чистки Красной армии?

В Гражданскую войну Михаил Николаевич командовал армиями и фронтами, в том числе Западным — в неудачной войне против Польши в 1920 году, когда Красная армия дошла до Варшавы, а потом покатила на восток. Дискуссии о том, кто виновен в неудаче польской кампании, происходили в военной среде довольно бурно.

Тухачевский в 1923 году издал цикл лекций, прочитанных им в Военной академии под общим названием «Поход на Вислу». Из его лекций следовало, что за поражение Красной армии под Варшавой несут ответственность командующий Юго-Западным фронтом Егоров, член Реввоенсовета фронта Сталин, командующий Первой конной армией Буденный и член Реввоенсовета армии Ворошилов.

Сталин своей вины не признавал. Его сторону в историческом споре занял бывший командующий Юго-Западным фронтом Егоров, который в 1929 году издал книгу «Львов — Варшава», в которой возложил вину за неудачи на командовавшего Западным фронтом Тухачевского.

До поры до времени дискуссия велась на страницах книг и в учебных аудиториях военной академии, но свидетельствовала более всего о взаимной неприязни в высшем армейском эшелоне. Причиной были, конечно, не столько воспоминания о Гражданской войне, сколько борьба за влияние и должности в армии.

Военные таланты Тухачевского были очевидны и ценились политическим руководством. 7 ноября 1933 года именно заместитель наркома обороны Тухачевский удостоился высокой чести принимать военный парад на Красной площади — обычно это делает нарком. В 1935 году, когда было введено звание маршала, Тухачевский получил большие звезды в петлицы одним из первых.

Подлинную цену Тухачевскому Сталин знал и вскоре сделал талантливого военачальника первым заместителем наркома обороны и одновременно начальником Управления боевой подготовки РККА. На партийном съезде его избрали кандидатом в члены ЦК, что придало ему веса во взаимоотношениях с коллегами.

Конечно, Михаил Николаевич был военным до мозга костей. Его можно назвать милитаристом, то есть человеком, который считает, что все силы государства должны быть отданы вооруженным силам. Его вообще не следует идеализировать. Он, не колеблясь, подавил народное восстание в Кронштадте и в Тамбовской губернии. Но он был блестящим профессионалом. Одаренный от бога, он следил за развитием военного искусства и боевой техники в мире и сам постоянно учился.

Как стратег Тухачевский был на голову выше своих коллег по наркомату.

Маршала отличало честолюбие. Он хотел быть первым, лучшим. Он жаждал славы и побед, званий и отличий.

Его называли молодым Бонапартом. Может быть, он видел себя диктатором Советской России?

В руководстве Красной армии действительно существовали две группировки.

Ворошилов, Егоров, Буденный, Блюхер собирались воевать так, как воевали в Гражданскую, шашкой и винтовкой, и ни в коем случае не соглашались сменить коня на танк. На всех совещаниях Ворошилов начинал разговор с того, какое «огромное значение по-прежнему имеет

конь для армии»:

— И сейчас, и в будущем нашей армии лошадь понадобится, причем лошадь хорошая, лошадь, которая будет полностью соответствовать тому уровню развития наших вооруженных сил, на котором мы в настоящий момент находимся. Необходимо прежде всего раз и навсегда покончить с вредительскими «теориями» о замене лошади машиной, об «отмирании» лошади.

На совещании высшего командного состава командующий Среднеазиатским военным округом Павел Ефимович Дыбенко критиковал Тухачевского:

— Надо не хоронить конницу, а хорошенько ее оснастить техникой. Если взять нашу конницу, то среднеазиатская конница будет скорее ходить, чем твои десанты, которые ты высаживал (смех в зале).

В противоположность бывшим командирам Первой конной армии Тухачевский, заместитель наркома обороны армейский комиссар 1-го ранга Ян Борисович Гамарник, командующий войсками Киевского военного округа командарм 1-го ранга Иона Эммануилович Якир и командующий войсками Белорусского военного округа командарм 1-го ранга Иероним Петрович Уборевич следили за современной военной мыслью. Они были сторонниками внедрения новой боевой техники, танков, авиации, создания крупных моторизованных и воздушно-десантных частей.

Но спор двух групп не носил политического характера. Это была скорее профессиональная дискуссия.

Маршал Георгий Константинович Жуков рассказывал позднее писателю-фронтовику Константину Михайловичу Симонову:

— Тухачевский был эрудирован в вопросах военной стратегии. У него был глубокий, спокойный, аналитический ум. А Ворошилов был человеком малокомпетентным. Он так до конца и остался дилетантом в военных вопросах и никогда не знал их глубоко и серьезно. Практически значительная часть работы в наркомате лежала на Тухачевском.

Во время разработки нового боевого устава Тухачевский как председатель комиссии докладывал Ворошилову. Климент Ефремович выразил несогласие с одним из пунктов и стал что-то предлагать. Тухачевский, выслушав его, ответил своим обычным спокойным голосом:

— Товарищ нарком, комиссия не может принять ваших поправок.

— Почему? — спросил Ворошилов.

— Потому что ваши поправки являются некомпетентными, товарищ нарком...

Разве такое забывается?

Властный, резкий и даже высокомерный по характеру, Тухачевский мог быть обаятельным, но только с женщинами. Он не считался с чувствами и настроениями сослуживцев и быстро нажил себе влиятельных врагов. Буденный, Егоров и другие военачальники-рубачи терпеть не могли Тухачевского.

Максимум того, что Тухачевский и его друзья себе позволяли, это кухонные разговоры о том, что необразованный Ворошилов, который никогда и ничему не учился и считал, что опыта Первой конной армии хватит и на будущую войну, не годится в наркомы. Через три года к этому же выводу придет и сам Сталин. После неудачной и неумелой финской войны он снимет своего друга с поста наркома.

Судя по всем имеющимся документам, Тухачевский был чужд политики. Свои планы он связывал с чисто военной карьерой. Наркомом он хотел быть, главой страны — нет. Но Сталин серьезно отнесся к желанию Тухачевского и других сместить Ворошилова. Сейчас маршалы и генералы готовы сместить назначенного им наркома, а в следующий раз они пожелают сменить самого генерального секретаря... Можно ли им доверять? А ведь массовые репрессии 1936–1938 годов были нацелены на искоренение всех вызывающих сомнения.

Мог ли в такой ситуации уцелеть маршал Тухачевский, а с ним и большая группа высших командиров Красной армии? Раз Сталин решил, что Тухачевский готовит заговор, то задача следователей — найти правдоподобное обоснование и выбить из обвиняемых признания.

Михаила Николаевича допрашивал сам нарком Ежов, и маршал подписал показания о том, что он германский шпион и союзник Троцкого. Через неделю после ареста Тухачевского особисты обезглавили два главных приграничных округа — Киевский и Белорусский. Ими руководили Якир и Уборевич. В своих округах они показали, что такое современная армия.

Знаменитые маневры Киевского особого военного округа, организованные Якиром, проводились с 12 по 15 сентября 1935 года. В маневрах участвовали все рода войск и свыше тысячи танков, что произвело сильнейшее впечатление на присутствовавших там военных атташе разных стран.

На следующий год, в сентябре 1936-го, такие же крупномасштабные маневры с приглашением иностранных военных проходили в Белорусском военном округе у Уборевича. Козырными картами Иеронима Петровича стало десантирование двух бригад, которые захватили аэродром, населенный пункт и переправы через водный рубеж, а также ночной бой,

проведение которого требует высокой боевой выучки.

«При Уборевиче Белорусский округ, — писал Главный маршал авиации Александр Александрович Новиков, — стал огромной творческой лабораторией, где разрабатывались и проверялись в деле многие новшества военного искусства».

Кто мог тогда знать, что всего через год оба округа будут буквально разгромлены, а кадры, заботливо выращенные Якиром и Уборевичем, уничтожены...

Один из бывших чекистов уже в 1960-е годы рассказал:

«Я был очевидцем, когда привели в кабинет начальника Особого отдела Леплевского командующего войсками УВО Якира. Якир вошел в кабинет в форме, а был выведен без петлиц, без ремня, в расстегнутой гимнастерке, а вид его был плачевный. Очевидно, что он был избит Леплевским и его окружением».

Якир подписал то, что от него требовали:

«Осенью 1935 года при встрече моей и Уборевича с Тухачевским у него на квартире он развил перед нами вопрос о так называемом “дворцовом перевороте”. Он указал на то, что рассчитывает на совместные действия по организации переворота как чекистов, участвующих в охране Кремля, так и военной охраны. По времени переворот и захват руководящих работников партии и правительства происходит тогда, когда в основном будет закончена подготовка Гитлера к войне».

Когда после смерти Сталина начался процесс реабилитации, бывший помощник начальника Лефортовской тюрьмы 10-го отдела ГУГБ НКВД лейтенант госбезопасности Юрий Иосифович Харьковец рассказал: «Я однажды лично был свидетелем, как Берия с Кобуловым в своем кабинете избивали резиновой дубинкой заключенного Блюхера».

Допросили и бывшего начальника Лефортовской тюрьмы капитана госбезопасности Петра Алексеевича Зимина. Он рассказывал:

«Часто на допросы приезжали и наркомы НКВД, как Ежов, так и Берия, причем и тот, и другой также применяли избиение арестованных. Я лично видел... как Берия избивал Блюхера, причем он не только избивал его руками, но с ним приехали какие-то специальные люди с резиновыми дубинками, и они, подбадриваемые Берией, истязали Блюхера, на которого надели наручники. Причем он сильно кричал:

— Сталин, слышишь ли ты, как меня истязают?»

Через три недели избиений маршал не выдержал. 6 ноября 1938 года Блюхер дал показания, что был участником военного заговора.

Показания в буквальном смысле выбивали, и люди не выдерживали

пыткок, даже такие крепкие, как бывший балтийский матрос Павел Дыбенко или маршал Василий Блюхер, который умер в камере от избиений.

В шифротелеграмме секретарям обкомов, крайкомов, ЦК компартий национальных республик, подписанной Сталиным, говорилось:

«ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК... ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружившихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод».

В 1937–1938 годах избивали особенно жестоко. Это потом, в 1950-е годы, когда началась реабилитация, подтвердили бывшие работники НКВД, вызванные в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС. Они рассказывали, как это делалось. Следователь писал протокол допроса так, как ему было нужно, а потом заставлял арестованного его подписать. Тех, кто отказывался, били.

«Я СЛУЧАЙНО НЕ СГНИЛ»

После первой серии арестов Сталин и Ворошилов решили провести расширенное заседание военного совета при наркоме обороны. На заседании — с участием членов политбюро — выступили сорок два военачальника. Все они кляли арестованных врагов. Тридцать четыре из них вскоре были сами арестованы.

Все ждали выступления Сталина. Аресты военачальников были шоком для армии. Сталин чувствовал, что надо как-то объясниться с военным руководством, которое пребывает в растерянности:

— Я вижу на ваших лицах мрачность и какую-то растерянность. Понимаю, очень тяжело слушать о тех, с которыми вы десятки лет работали и которые теперь оказались изменниками родины. Но омрачаться не надо. Это явление вполне закономерное. Почему иностранная разведка должна интересоваться областью сельского хозяйства, транспорта, промышленностью и оставить в стороне Красную армию?

4 июня 1937 года в Грузии скончалась мать Сталина. На похороны он не поехал. Суд над военачальниками важнее.

5 июня Сталин совещался с Молотовым, Кагановичем и Ежовым. Они составили окончательный список тех, кто пойдет с Тухачевским по одному делу.

7 июня нарком Ежов и прокурор СССР Вышинский представили Сталину текст обвинительного заключения и порядок работы суда.

На Никольской улице, по левой стороне от Кремля, сохранилось неприметное здание в три этажа. 11 июня здесь собралось специальное судебное присутствие Военной коллегии Верховного суда Союза ССР. Судили восемь высших командиров Красной армии во главе с маршалом Тухачевским. Всех обвинили в измене родине.

Даже перед смертью осужденные военачальники продолжали считать, что зачем-то этот спектакль нужен партии и стране.

Заранее утвердив смертный приговор, Сталин подписал шифротелеграмму местным партийным органам:

«Нац. ЦК, крайкомам, обкомам.

В связи с происходящим судом над шпионами и вредителями Тухачевским, Якиром, Уборевичем и другими, ЦК предлагает вам организовать митинги рабочих, а где возможно и крестьян, а также митинги красноармейских частей и выносить резолюцию о необходимости

применения высшей меры репрессии.

Суд будет окончен сегодня ночью. Сообщение о приговоре будет опубликовано завтра, то есть двенадцатого июня».

Вождь всегда был точен.

В ночь на 12 июня, сразу после вынесения приговора, осужденных расстреляли там же, в подвалах дома на Никольской, где заседала Военная коллегия Верховного суда. До революции в этом доме располагалась текстильная компания. В подвалах хранились тюки с мануфактурой. Из подвалов на поверхность вели пандусы, по ним крючьями вытаскивали тюки и грузили на подводки. Пандусы пригодились, когда крючьями стали вытаскивать трупы расстрелянных.

На заседании Высшего военного совета Сталин объяснял сидящим в зале, что их арестованные сослуживцы — лишь часть большого заговора:

— Военные заговорщики нами разоблачены вовремя. Они корней вниз армии не пустили. Этот заговор является заговором верхушки. Но нельзя думать, что враги не пытались кого-нибудь из вас, сидящих здесь, завербовать и вовлечь в свои коварные замыслы. Имейте мужество подняться на трибуну и сказать об этом, вам будет дарована жизнь и сохранено положение в армии.

И вождь перешел к урокам, которые следовало извлечь всем присутствующим:

— Надо проверять людей. Надо иметь широко поставленную разведку, чтобы каждый партиец, особенно органы ГПУ, чтобы они свою сеть расширяли и бдительнее смотрели. Во всех областях разбили мы буржуазию, только в области разведки оказались битыми, как мальчишки, как ребята. Вот наша основная слабость. Разведки нет, настоящей разведки. Я беру это в широком смысле слова, в смысле бдительности, и в узком смысле слова также, в смысле хорошей организации разведки. Разведка — это та область, где мы впервые за двадцать лет потерпели жесточайшее поражение...

Упреки вождя учли.

В течение нескольких месяцев были арестованы начальники управлений Наркомата обороны, руководители Генерального штаба и командующие военными округами. Затем репрессии захватили армейский, корпусной, дивизионный уровень. Стали брать командиров более низкого уровня. Масштабы чистки постоянно расширялись.

В апреле 1938 года только что назначенному первым заместителем наркома обороны командарму 1-го ранга Ивану Федоровичу Федько устроили очную ставку с арестованными командирами, которые по

указанию следователей НКВД назвали его своим соучастником.

Ошеломленный Федько попросил Ворошилова организовать ему встречу с Ежовым, чтобы он мог убедить наркома внутренних дел в своей невиновности. Климент Ефремович искренне не советовал ему ходить на Лубянку:

— Вас там заставят написать на себя всякую небылицу. Не делайте этого.

Федько гордо сказал, что он никогда не подставит свою подпись под неправдой. Ворошилов посмотрел на своего заместителя с сожалением:

— Вы плохо знаете обстановку. Там все признаются. Не надо вам ехать туда...

7 июля 1938 года Федько арестовали. На третий день он подписал заявление на имя Ежова, «признав» свое участие в антисоветском заговоре.

Им занимался начальник Особого отдела ГУГБ НКВД комбриг Николай Николаевич Федоров. Он докладывал первому заместителю наркома внутренних дел Михаилу Петровичу Фриновскому:

«Последние дни у меня в работе особое напряжение — арестовали Федько, который только сегодня стал давать показания, и то у меня нет уверенности в том, что он от них не откажется...

10-го числа Николай Иванович (Ежов. — Л. М.) поднялся ко мне и провел у меня часов пять с половиной — допрашивали Федько, Егорова, сделали очную ставку между Федько и Ежовым. Позавчера я провел с Федько очные ставки, на которых арестованные изобличали Федько, но он от всего отказывался. Я ему набил морду, отправил в Лефортово, посадил в карцер. В своих сегодняшних показаниях он называет Мерецкова, Жильцова и еще нескольких человек».

Федько расстреляли. Выбитые из него показания на Кирилла Афанасьевича Мерецкова, который тогда был заместителем начальника Генерального штаба, пригодились позже. Санкцию на арест Мерецкова Сталин дал в июне 1941 года. Кирилла Афанасьевича чекисты взяли уже после начала войны.

К тому времени и допрашивавшего Федько начальника Особого отдела комбрига Федорова, награжденного орденом Ленина и избранного депутатом Верховного Совета СССР, и первого замнаркома внутренних дел командарма 1-го ранга Фриновского уже тоже расстреляли за участие в «троцкистско-фашистском заговоре».

Нарком обороны Ворошилов в буквальном смысле переступил через своих боевых товарищей, отвергая просьбы о помощи, которые исходили от людей, которых он прекрасно знал. Не пожелал за них вступиться, хотя

еще недавно красиво говорил, что надо защищать честное имя красноармейца.

Ему писали родственники арестованных командиров. Иногда они сами — из тюрем и лагерей. Некоторым удавалось сообщить, что их подвергают пыткам. Они напоминали наркому о совместной службе, просили помочь, выручить из беды. Так что Ворошилов хорошо понимал, что происходит.

Он дружил с Николаем Ивановичем Бухариным, который был членом политбюро, пока Сталин к нему не переменялся. Накануне ареста Бухарин послал Ворошилову письмо: «Знай, Клим, что я ни к каким преступлениям не причастен».

Испуганный Ворошилов, боясь, что его заподозрят в особо теплых отношениях с врагом народа, тут же ответил: «Прошу ко мне больше не обращаться. Виновны Вы или нет, покажет следствие».

Уже после смерти Сталина на пленуме ЦК Хрущев сказал Ворошилову:

— Тебе не надо говорить, что не боялся Сталина. Все, кто не боялся, были уничтожены. Они уже сгнили, их уже нет.

И тогда у Ворошилова вырвалось то, чего он никогда не говорил:

— Я случайно не сгнил...

Приказ наркома обороны от 3 февраля 1935 года устанавливал, что арест и предание суду начальствующего состава Красной армии от командира взвода и выше допускаются только с согласия наркома обороны. В его отсутствие санкцию давал первый заместитель наркома.

Целью приказа, казалось, было оградить командный состав от необоснованных арестов. Но НКВД получал от Ворошилова согласие на арест, не предоставляя никаких доказательств вины подозреваемого. Нарком не позволял себе сомневаться в правоте органов. Раз считают нужным арестовать, значит, есть основания. И санкция наркома уже сама по себе становилась признанием вины арестованного...

Ежов регулярно отправлял Ворошилову списки военных, которых чекисты хотели арестовать. На списках Ворошилов писал: «Тов. Ежову. Берите всех подлецов». Потом уже не нарком внутренних дел, а всего лишь начальник Особого отдела ГУГБ НКВД отправлял Ворошилову один список за другим. Нарком послушно писал: «Арестовать». И расписывался.

Расстреляли подряд пять руководителей Разведывательного управления Красной армии. За два года, с 1940-го по 1942-й, десять раз менялись начальники важнейшего, оперативного управления Генерального штаба. Некоторые из них работали всего месяц-полтора. В военном ведомстве царил чехарда. Работники Генштаба не успевали войти в круг

своих обязанностей, как их уже меняли другие офицеры, а тех — третьи. О каком управлении войсками можно было говорить в такой ситуации...

Такого планомерного уничтожения собственного офицерского корпуса история не знает. Аресты командного состава армии привели к тому, что некому было командовать войсками. Из ста восьми членов Высшего военного совета при наркомате обороны осталось десять. Причем репрессии в 1938 году не закончились. Целую группу командиров расстреляли осенью 1941 года, когда немецкие войска уже подошли к Москве. Сталин предпочел уничтожить военачальников, которых так не хватало на фронте... Своих боялся больше, чем немцев?

В 1937–1938 годах сменили всех командующих округами, девяносто процентов их заместителей, восемьдесят процентов командующих корпусами и дивизиями, девяносто процентов командиров полков и их заместителей (Военноисторический архив. 2001. № 17). К началу войны половина командиров дивизий находилась на своих постах меньше полугода.

Уровень боевой подготовки резко упал. Упала дисциплина, командиры были растеряны, не могли навести порядок. Самым слабым местом оказалось моральное состояние армии. Репрессии и раскулачивание (а красноармейцы были в основном крестьянскими детьми) подорвали моральный дух Рабоче-крестьянской Красной армии. Увеличилось число самоубийств, катастроф и аварий.

Политическое руководство во главе со Сталиным боялось собственных офицеров. В 1937 году командиров лишили личного оружия. Впервые об этом заговорили в апреле 1940 года, когда на совещании в ЦК обсуждали плачевные итоги финской войны.

Командарм 2-го ранга Владимир Николаевич Курдюмов, начальник Управления боевой подготовки Красной армии, заявил:

— Я считаю необходимым вооружить наш командный и начальствующий состав пистолетами-автоматами.

Сталин возразил:

— В городах с этой машиной ходить нехорошо.

Кто-то в зале напомнил:

— Был приказ наркома 1937 года... Командиры ходят без револьверов.

— Никакого оружия? — удивился Сталин, как будто не по его приказу офицеров лишили оружия.

— Никакого оружия, — подтвердил Курдюмов.

— По приказу наркома обороны и наркома внутренних дел в 1937 году они были изъяты и находятся на складах, — дал справку заместитель

наркома обороны командарм 1-го ранга Григорий Иванович Кулик.

— Разве это правильно? — задал вопрос Сталин, мастерски переложив ответственность на наркома Ворошилова...

Видя, как власть относится к офицерам, и рядовые красноармейцы переставали подчиняться своим командирам: кто нами командует? а вдруг они тоже враги народа?

Военные потеряли уверенность в себе. Никто не был застрахован от увольнения и ареста. Массовое уничтожение командного состава подрывало обороноспособность армии.

А Сталин считал, что незаменимых людей нет. Этих убрали, другие придут.

— В чем сила армии? — говорил Сталин в январе 1938 года, обращаясь к военным. — Иные думают, что сила армии в хорошем оснащении техникой, техника-де решает всё. Вторые думают, что армия крепка и вся сила ее в командном составе. Это также неправильно. Главная сила армии заключается в том, правильна или неправильна политика правительства в стране... При правильной политике даже средние командиры могут сделать гораздо больше, чем самые способные командиры буржуазных государств...

КОНТРОЛЬ НАД ОРГАНАМИ

Высшими командирами Красной армии должен был распоряжаться сектор военных кадров организационно-распределительного отдела ЦК партии. Но фактически даже всемогущий партаппарат был отстранен от армейских дел. Вооруженные силы оказались под полным контролем органов госбезопасности. Ни одно крупное назначение не могло состояться без санкции НКВД.

2 сентября 1937 года Ворошилов писал Сталину:

«Вчера т. Ежов принял тов. Грибова. После этого я говорил с т. Ежовым по телефону, и он заявил мне, что против Грибова у него нет никаких материалов и дел. Считаю возможным назначить т. Грибова командующим войсками Северо-Кавказского военного округа. Прошу утвердить».

Осознание своего особого положения повлияло на весь чекистский аппарат.

Ежов, принимая орден Ленина, говорил:

— Если человек работает в органах НКВД, значит, это наиболее преданный большевик, беспредельно предан своей родине, своему правительству, своей партии, вождю партии товарищу Сталину.

Кадровая работа всех партийных комитетов от райкома и выше шла в тесном сотрудничестве с чекистами. Была установлена практика получения партийными органами у чекистов справок на всех ответственных работников. Без санкции НКВД на высокие должности не назначали.

В декабре 1937 года на выборах в Верховный Совет СССР депутатами избрали начальников областных управлений внутренних дел, в республиканские верховные советы избирали их заместителей. Наркомы национальных республик и начальники областных и краевых управлений НКВД при Ежове превратились в главных людей в стране.

Нарком внутренних дел Казахстана комиссар госбезопасности 1-го ранга Станислав Францевич Редене, свояк Сталина, рассказывал, как после обильной выпивки на даче Ежов разоткровенничался с подчиненными:

— Чего вам бояться? Ведь вся власть в наших руках. Кого хотим — казним, кого хотим — милуем. Вот вы — начальники управлений, а сидите и побаиваетесь какого-нибудь никчемного секретаря обкома. Надо уметь работать. Вы ведь понимаете, что мы — это всё. Нужно, чтобы все, начиная от секретаря обкома, под тобой ходили. Ты должен быть самым

авторитетным человеком в области...

Если Николай Иванович действительно вел такие разговоры, то о них наверняка сразу же доносили Сталину, которого это могло убедить только в том, что нарком внутренних дел — очень неумный человек, раз говорит такие вещи. Никто, даже Лубянка, не может быть выше партии...

20 декабря 1937 года по случаю двадцатилетия ВЧК — ОГПУ — НКВД в Большом театре провели собрание актива партийных, советских и общественных организаций Москвы, которое превратилось в чествование Ежова. В президиуме собралось всё политбюро — кроме Сталина.

Доклад произнес член политбюро Анастас Микоян:

— НКВД — это не просто ведомство! Это организация, наиболее близкая всей нашей партии, нашему народу. Наркомвнудельцы во главе со сталинским наркомом Николаем Ивановичем Ежовым стоят на передовой линии огня, занимают передовые позиции в борьбе со всеми врагами нашей родины... Учитесь у товарища Ежова сталинскому стилю работы, как он учится у товарища Сталина! Сегодня НКВД и в первую очередь товарищ Ежов являются любимцами советского народа...

Микоян рассказал о том, как в различных уголках Советского Союза рабочие, колхозники, инженеры, взрослые и пионеры помогают чекистам распознавать врагов народа — подлых троцкистско-бухаринских фашистских шпионов, потому что у нас каждый трудящийся — наркомвнуделец!..

После Микояна выступали рабочий автозавода имени Сталина Максимов, мастер завода имени Менжинского Гожаев, работница Трехгорной мануфактуры Кондрашева. От имени чекистов выступил первый заместитель наркома Михаил Фриновский, который в Гражданскую служил помощником начальника Особого отдела Первой конной армии.

После перерыва начался концерт, на котором уже появился сам Сталин. В чествовании наркома Ежова он участвовать не захотел — много чести.

Николай Иванович отправил Сталину рукопись своего труда «От фракционности к открытой контрреволюции» с короткой запиской: «Очень прошу просмотреть посылаемую работу. Это первая глава из книги о “зиновьевщине”, о которой я с Вами говорил. Прошу указаний». Сталину писательские амбиции Ежова не понравились. Он не для того назначал Ежова наркомом, чтобы тот писал книги. Книги и без него есть кому писать.

Очевидно, Сталин был разочарован: и Ежов уже больше думает о своем положении, своем престиже, словом, о своих делишках, вместо того

чтобы полностью отдаться делу. Этот вывод не мог не привести к роковым для Николая Ивановича последствиям. Неумный Ежов стал его раздражать. Сталину нужен был новый человек. Столь же безжалостный, но более толковый.

В НКВД опять начались аресты: на этот раз брали людей, которых возвысил Ежов, его заместителей, начальников оперативных отделов. В аппарат наркомата для укрепления кадрового состава перевели группу инструкторов из отдела руководящих партийных органов ЦК. Сталин не хотел неожиданностей при смене власти в чекистском аппарате.

В августе у Ежова появился новый первый заместитель — Лаврентий Павлович Берия. В ноябре приказы по наркомату — невиданное дело! — издавались уже за двумя подписями — Ежова и Берии. Николай Иванович не был более властен даже над собственным аппаратом.

8 апреля 1938 года Ежова назначили по совместительству еще и наркомом водного транспорта. Так было и с Ягодой. Сталин действовал по испытанной схеме: отодвигал уже обреченного главного чекиста в сторону, готовя к аресту и суду.

Жену Ежова Евгению Соломоновну 29 октября 1938 года госпитализировали в подмосковный санаторий имени Воровского. У нее возникла тяжелая депрессия: жене наркома тоже шили дело. Несколько недель лечения ей не помогли. Она проглотила большую дозу снотворного — люминала — и 21 ноября умерла. Ежов на похоронах жены не присутствовал.

Из ее предсмертного письма мужу:

«Очень прошу тебя, Колюшенька, и не только прошу, а настаиваю, проверь всю мою жизнь, всю меня. Я не могу примириться с мыслью о том, что меня подозревают в двурушничестве и в каких-то несодеянных преступлениях... Я ни в чем не виновата перед страной и партией. За что же, Коленька, я обречена на такие страдания, которые человеку и придумать трудно. Остаться одной, запятнанной, опозоренной, живым трупом. Все время голову сверлит одна мысль:

“Зачем жить? Какую вину я должна искупить нечеловеческими страданиями?”

Если бы можно было хоть пять минут поговорить с этим дорогим мне до глубины души человеком (Сталиным. — Л. М.). Я видела, как чутко он заботился о тебе. Я слышала, как чутко он говорил о женщинах. Он поймет меня, я уверена, он не может ошибиться в человеке и дать ему потонуть».

А Сталин посоветовал Ежову развестись с женой, раз у нее подозрительные связи. Потом следователи придумают: жену наркома

завербовала английская разведка в 1926 году, потом и его завербовала. А Ежов ее отравил, чтобы она его не выдала.

Сталин заставил Николая Ивановича своей рукой написать, на кого из крупных работников, прежде всего членов политбюро, в НКВД есть доносы, кто в чем обвиняется, какие предположения есть у работников наркомата и так далее. Этот документ Сталин хранил в своем архиве до самой смерти.

В доносах на членов политбюро не было ничего особенного: какие-то сомнительные, двусмысленные высказывания, кем-то заботливо записанные и принесенные в НКВД. Но при необходимости все это легко обрастало другими такими же доносами и показаниями уже арестованных.

23 ноября 1938 года Ежова вызвали к Сталину. Он провел в кабинете генерального секретаря почти четыре часа — с четверти десятого вечера до часа ночи. Присутствовали также Молотов и Ворошилов, в то время главные доверенные лица Сталина.

Даже такому человеку, как Ежов, была свойственна некоторая наивность. Уж Николай Иванович должен был понимать, что его ждет. И все же верил, что его, такого преданного Сталину человека, пощадят. Ну снимут с должности, ну арестуют, но не расстреляют же! За что его расстреливать?

Но его оправдания никого не интересовали. Ежов и его команда были отработанным материалом. Наркомат внутренних дел уже поручили новым людям во главе с Лаврентием Павловичем Берией. И новая бригада старательно уничтожала своих предшественников.

10 апреля 1939 года Ежова вызвал к себе только что избранный секретарем ЦК и назначенный начальником Управления руководящих кадров Георгий Максимилианович Маленков. Он занял кресло, в котором в пору своего расцвета сидел Ежов. После короткого разговора бывшего наркома арестовали. Ордер подписал его сменщик Лаврентий Павлович Берия.

Когда арестовали Ежова, руководитель Советской Украины Никита Сергеевич Хрущев находился в квартире Сталина в Кремле. Вождь пригласил членов политбюро поужинать.

«Как только мы вошли и сели на место, — пишет Хрущев, — Сталин сказал, что решено арестовать Ежова, этого опасного человека, и это должны сделать как раз сейчас. Он явно нервничал, что случилось со Сталиным редко, но тут он проявлял несдержанность, как бы выдавал себя. Прошло какое-то время, позвонил телефон, Сталин подошел к телефону, поговорил и сказал, что звонил Берия: всё в порядке, Ежова арестовали,

сейчас начнут допрос».

Почему Сталин нервничал? Тревожился, что человек, которому еще недавно подчинялись все органы госбезопасности, в том числе и личная охрана вождя, может в последний момент выкинуть какой-нибудь фортель? А вдруг у Ежова остались на Лубянке преданные ему люди и они попытаются то ли отбить бывшего наркома, то ли вообще напасть на самого Сталина? Вот поэтому вождь так старательно готовил каждый арест, лишая будущую жертву поддержки и опоры.

Ежова отвезли в Сухановскую особую тюрьму НКВД. Там держали ограниченное число особо опасных политических заключенных.

Он написал Берии записку:

«Лаврентий!

Несмотря на суровость выводов, которые заслужил и принимаю по партийному долгу, заверяю тебя по совести в том, что преданным партии, т. Сталину останусь до конца.

Твой Ежов».

Ежов болел — у него был туберкулез, псориаз. В тюремной больнице он значился не под своей фамилией, а «пациент № 1». Когда после войны арестуют министра госбезопасности Виктора Семеновича Абакумова, его в тюремной больнице будут именовать примерно так же — «арестованный № 15».

Ежова обвинили в «изменческих, шпионских взглядах, связях с польской и германской разведками и враждебными СССР правящими кругами Польши, Германии, Англии и Японии», в заговоре, подготовке государственного переворота, намеченного на 7 ноября 1938 года, в подрывной работе. Ежов признал, что готовил теракт против вождя — в Сталина должны были стрелять на банкете или во время просмотра кинофильма...

Заодно обвинили его и по статье 154-а в мужеложстве, совершенном с применением насилия или с использованием зависимого положения потерпевшего. Но в приговоре эта статья не значилась. Сам Ежов признал свое «морально-бытовое разложение»: «Речь идет о моем давнем пороке педерастии». Рассказал, что «взаимоактивные связи» начались у него с молодости.

Его приговорили к смертной казни «за измену Родине, вредительство, шпионаж, приготовление к совершению террористических актов, организацию убийств негодных лиц». В решении суда говорилось: «Приговор окончательный и на основании постановления ЦИК СССР от 1 декабря 1934 года приводится в исполнение немедленно».

На следующий день, 4 февраля 1940 года, Ежов был расстрелян в подвале на Никольской улице. Вслед за Ежовым ликвидировали и его команду.

Жена первого заместителя наркома внутренних дел Михаила Фриновского на допросе рассказала: «Муж возвращался с работы очень поздно. Говорил, что тяжелое дело. Ночью не мог спать, выходил в сад и всю ночь гулял. Говорил: меня ждет та же участь». И не ошибся. Его расстреляли.

КАРЬЕРА ЛАВРЕНТИЯ ПАВЛОВИЧА

Лаврентий Павлович Берия родился 29 марта 1899 года в горном селе Мерхеули Сухумского района Абхазии. Рано потерял отца. Рос на руках матери, которая зарабатывала шитьем. Как лучший ученик на деньги односельчан поехал учиться. В 1919 году окончил Бакинское среднее механико-строительное техническое училище (специальность — гидротехник) и еще два года проучился в Политехническом институте. Довольно высокий образовательный ценз для партийно-чекистских кадров того времени.

Люди, которые интересовались его судьбой, говорят, что он любил музыку, пел, увлекался архитектурой. Но карьере в те времена можно было сделать в политике. Он присоединился к большевикам и по свойству характера занялся весьма деликатным, чтобы не сказать сомнительным, делом: по заданию товарищей проник в контрразведку независимого Азербайджана, где с 1918-го по весну 1920 года у власти находилась партия «Мусават» («Равенство»).

С осени 1919-го по март 1920 года Берия служил агентом Организации по борьбе с контрреволюцией (контрразведка) при Комитете государственной обороны Азербайджанской Республики. Впоследствии он объяснял, что исполнял задание партии. Но товарищей по партии эта история смущала.

В апреле 1921 года он, как опытный подпольщик, оказался на работе в ЧК. Человек грамотный, с быстрой реакцией и незаурядным умом, он быстро рос в должности. Потом Берия перевели на партийную работу. Своей карьерой Лаврентий Павлович был обязан не высоким покровителям, а своим талантам.

Он был некрасив, носил пенсне — тогда это было редкостью. Взгляд пронзительный, ястребиный. Бросались в глаза его уверенность в себе, внутренняя сила, какой-то неясный магнетизм. Таким его запомнила Нами Микоян, невестка Анастаса Ивановича. Похоже, им всегда двигало желание выдвинуться, стать первым любой ценой. Он заплывал дальше всех в бурном море, лучше всех играл в волейбол. Бог знает, кем бы он стал в другую эпоху... Что-то авантюрное было в его характере! Стремление к власти, желание повелевать окружающими.

Он показал, что способен выполнить задание любой ценой. А Сталин ценил точное выполнение его приказов. Люди, которые не справлялись с

делом по неумению или потому, что считали немислимым платить слишком высокую цену — иногда и человеческими жизнями, — у него долго не работали.

Берия выказал себя преданным человеком — летом 1933 года, когда на отдыхавшего в Абхазии Сталина вроде бы совершили покушение, Берия громко крикнул: «Защитим вождя!» — и прикрыл собой Сталина.

В роли руководителя Грузии и всего Закавказья Берия не отошел от чекистской работы. Иногда приезжал, чтобы самому допросить арестованных. Допрашивал тех, кто еще недавно был его начальником. Получал удовольствие. Полковник Сардион Николаевич Надарая, который возглавит охрану Берии, был в то время начальником внутренней тюрьмы НКВД Грузии. В 1953 году он описал, что там творилось:

— Арестованных избивали систематически и очень жестоко — ремнями, веревками и палками. Над арестованными издевались. По несколько суток заставляли стоять с тяжелым грузом, пока арестованный, изнемогая, не падает... Многих арестованных на длительное время сажали в холодный сырой карцер и морили голодом. Нередко арестованных избивали до того, что они потом умирали.

Однажды Сталин словно невзначай заметил:

— Надо бы подкрепить НКВД, помочь товарищу Ежову, выделить ему заместителя. — И обратился к Николаю Ивановичу: — Кого вы хотите в замы?

Тот ответил:

— Если нужно, то дайте мне Маленкова.

Сталин умел делать в разговоре паузу, вроде бы обдумывая ответ.

— Да, конечно, Маленков был бы хорош, но Маленкова мы дать не можем. Маленков сидит на кадрах в ЦК, и сейчас же возникнет новый вопрос: кого назначить туда? Не так-то легко подобрать человека, который заведовал бы кадрами, да еще в Центральном комитете. Много пройдет времени, пока он изучит и узнает кадры.

На этом разговор вроде закончился. А через какое-то время Сталин поставил перед Ежовым прежний вопрос:

— Кого вам дать в замы?

И сам предложил:

— А как вы посмотрите, если дать вам заместителем Берию?

Лаврентий Павлович находился там же, в кабинете Сталина.

Ежов встрепнулся, но сдержался и ответил:

— Хорошая кандидатура.

Хрущев после заседания подошел к Берии поздравить.

Тот ответил:

— Я не принимаю твоих поздравлений.

— Почему?

— Ты же не согласился, когда тебя прочили заместителем к Молотову. Так почему же я должен радоваться, что меня назначили заместителем к Ежову? Мне лучше было бы остаться в Грузии.

Назначение Берии в Наркомат внутренних дел было для него, судя по всему, малоприятным сюрпризом. Первый секретарь ЦК Грузии, он возглавлял крупную партийную организацию и при переводе в Москву мог рассчитывать на пост в аппарате ЦК партии, а не в отраслевом наркомате. Уход с партийной работы выглядел понижением. Тем более что утвердили его даже не наркомом, а всего лишь первым заместителем, хотя наверняка намекнули, что назначение с перспективой.

Берия засел на Лубянке вникать в дела и разбираться с кадрами. Он знал, что ему, как и всем его предшественникам, предстоит начать с чистки руководящего аппарата. Сталин позволил ему разместить в руководящих кабинетах всю свою команду, которую он привез из Тбилиси (в 1953-м их всех вместе и расстреляют).

Самым близким Берии человеком был Богдан Захарович Кобулов. Он быстро вырос до первого заместителя наркома. Кобулов ходил по коридорам Лубянки в одной рубашке с засученными рукавами, огромный живот колыхался. Все, кто шел навстречу, испуганно жались к стене.

Его младшего брата Амаяка, не имевшего разведывательного опыта, перед войной отправили в Берлин руководителем резидентуры внешней разведки. Он был высоким, стройным, красивым, с усиками, обходительным и обаятельным, душой общества и прекрасным тамадой. Но этим достоинства Амаяка Захаровича исчерпывались. Ни немецкого языка, ни ситуации в Германии резидент Кобулов, который начинал свою трудовую деятельность кассиром-счетоводом в Боржоми, не знал.

Немецкая контрразведка успешно подставила Амаяку Кобулову говоривших по-русски агентов-двойников. Кобулов легко глотал наживку. В этой большой игре участвовал даже Гитлер. Кобулов сам просматривал информацию, предназначенную для московского резидента. Немцы подсовывали ему успокоительную информацию: Германия не собирается нападать на Советский Союз.

А в Москве шифровки Кобулова докладывали Сталину. Скажем, 25 мая 1941 года наркомат отправил на имя Сталина, Молотова и Берии записку, построенную на донесениях агента советской разведки в Берлине по кличке «Лицеист», выходца из Латвии Орестеса Берлингса. В

реальности он был агентом немецкой контрразведки по кличке «Петер». Но ему верил Амаяк Кобулов.

«Лицеист» сообщал:

«Война между Советским Союзом и Германией маловероятна... Германские военные силы, собранные на границе, должны показать Советскому Союзу решимость действовать, если Германию к этому принудят. Гитлер рассчитывает, что Сталин станет более сговорчивым и прекратит всякие интриги против Германии, а главное, даст побольше товаров, особенно нефти».

И Сталин считал, что концентрация немецких войск — это война нервов, немцы готовят ультиматум, что Берлин потребует от Москвы присоединиться к войне против Англии. Вот почему Сталин сохранял спокойствие до самого 22 июня 1941 года... После массовых репрессий в составе берлинской резидентуры внешней разведки остался один оперативный работник, владевший немецким языком.

Массовый террор, последовавший за убийством Сергея Мироновича Кирова 1 декабря 1934 года, напоминал сход лавины. Она же не выбирает жертвы, а просто сметает все живое. Жертвами Большого террора стали и люди, невероятно далекие от политической и общественной жизни, — рабочие, крестьяне, мелкие служащие. И сами чекисты, которые отправлялись в топку вслед за своими жертвами.

И вот главный вопрос: зачем Сталин все это затеял?

Система живет по своим законам. Периоды умеренности — вынужденные и очень короткие. Вождю нужно вселить во всех страх, укрепить свою власть и сплотить народ. Без страха система не работает. Террор — самый действенный инструмент удержания страны в повиновении.

Страх выявил все дурное, что есть в человеке. Стало казаться, что удельный вес негодяев — выше обычного. Устоять было трудно потому, что перед человеком разверзлась пропасть. Результатом явились паралич всякой инициативы и нежелание брать на себя ответственность. Страх и недоверие сделались в советском обществе главными движущими силами. И страна стала другой.

Телевидение еще не появилось. Главный метод пропагандистских кампаний — митинги и собрания, на которых градус эмоций поднимали так, что люди сами начинали требовать крови. И выходило, что уничтожение врагов — воля народа. Целые поколения воспитывались в атмосфере ненависти и неустанного выявления пятой колонны.

В годы Большого террора высшая номенклатура сменилась на девять

десятих. Молодые люди без образования и особых достоинств совершали головокружительные карьеры. Конечно, они поддерживали репрессии! Всем обязанные Сталину, они спешили доказать свою верность вождю. Им ничего не надо было объяснять. Они не выражали сомнений и легко приспосабливались к любому повороту линии вождя.

В 1939 году из органов госбезопасности уволили каждого пятого. Аппарат на Лубянке обновился наполовину, абсолютное большинство новичков взяли из партийных и комсомольских органов. Берия сменил три четверти руководящих работников госбезопасности — видимо, получил от Сталина директиву радикально обновить аппарат за счет призыва партийно-комсомольских кадров. Чекистский аппарат значительно помолодел.

Сталин не доверял старому поколению и не считал его пригодным для работы. А чиновники нового поколения были всем обязаны Сталину, испытывали к нему признательность и желали доказать свою пригодность.

Изменился национальный состав руководства — исчезли поляки, латыши, немцы (представители «иностранных национальностей», как тогда говорили), резко сократилось число евреев. Кроме того, Берия убрал всех чекистов, которые в молодости состояли в каких-то других партиях — были эсерами или анархистами — или принадлежали к враждебным классам, то есть родились не в пролетарских семьях.

Берия представил Сталину проект приказа НКВД «О запрещении вербовок некоторых категорий работников партийных, советских, хозяйственных, профессиональных и общественных организаций»:

«1. Прекратить вербовки из числа ответственных руководящих работников партийных, советских, хозяйственных, профессиональных и общественных организаций.

2. Прекратить вербовки работников, обслуживающих аппараты ЦК нацкомпартий, краевых, областных, городских и районных комитетов партии.

3. Немедленно прервать связь со всеми ранее завербованными работниками перечисленных в пунктах 1 и 2-м категорий, о чем сообщить каждому завербованному агенту или осведомителю путем вызова его и отобрания соответствующей подписки.

Личные и рабочие дела агентов и осведомителей указанных выше категорий уничтожить в присутствии представителя райкома, горкома, обкома, крайкома или ЦК нацкомпартий, о чем составить соответствующий акт.

4. С настоящим приказом ознакомить весь оперативный состав

работников НКВД, УНКВД и горрайотделений, а также первых секретарей ЦК нацкомпартий, краевых, областных, городских и районных комитетов партии. Настоящий приказ в 10-ти дневный срок после получения его на местах провести в жизнь.

НКВД союзных и автономных республик и УНКВД краев и областей об исполнении сообщить в НКВД СССР специальной докладной запиской».

Политбюро утвердило проект 26 декабря 1938 года.

Считается, что с приходом Берии массовые ежовские репрессии прекратились и кое-кого даже выпустили из тюрем и лагерей. 9 ноября 1939 года новый нарком подписал приказ «О недостатках в следственной работе органов НКВД» с требованием строго соблюдать уголовнопроцессуальные меры. Несколько сотрудников наркомата арестовали за «неправильные» методы ведения следствия.

Репрессии с назначением Берии вовсе не закончились. А приказы об исправлении ошибок и увольнение из аппарата проштрафившихся были обычной практикой взваливания вины на предшественников. Людям показалось, что худшее позади, что пришли наконец справедливые люди и наведут порядок. Авральнo-штурмовая работа госбезопасности при Ежове сменилась планомерной чисткой при Берии.

В январе 1939 года один из основателей МХАТа народный артист СССР Владимир Иванович Немирович-Данченко обратился с письмом к вождю:

«Дорогой, горячо любимый Иосиф Виссарионович!

Музыкальный театр моего имени теряет великолепную артистку — певицу Галемба. Она выслана на вольное поселение, кажется, только за проступки мужа. Я не знаю точно, но, судя по легкости наказания и по характеру ее личности, вина ее не такая, чтобы стыдно было просить о полном помиловании.

Я решился на это. Уж очень досадно, если бы от резкой перемены климата и оторванности от родного театра пропала такая артистка. Простите меня за это письмо. Поверьте, что оно продиктовано преданностью театральному делу и глубочайшей верой в Вашу справедливость».

Сталину приятно было, что престарелый режиссер с мировым именем обращается к вождю в такой заискивающей форме, и ему ничего не стоило осчастливить благодеянием одного из отцов современного русского театра.

На письме Сталин написал: «Нужно, если можно, освободить и вернуть в Москву».

Его главный помощник Поскребышев переслал письмо Немировича-Данченко наркому внутренних дел Берии.

Через два дня Берия ответил Сталину:

«Галемба София Яковлевна была арестована 22 февраля 1938 года как жена изменника родины. Муж ее, Галемба А. Л., — бывший начальник отдела вооружений Инженерного управления РККА, в 1938 году осужден.

Следствием, продолжавшимся в течение двух месяцев, Галемба Софии никаких конкретных обвинений предъявлено не было; сама она виновной себя не признала. Других компрометирующих ее материалов у НКВД не было. Однако решением Особого совещания при НКВД от 13 октября 1938 года Галемба София была осуждена на пять лет ссылки.

После проверки дела Галемба Софии мною дано распоряжение о немедленном освобождении ее от отбывания наказания. Одновременно мной внесен вопрос на Особое совещание о пересмотре ее дела...»

Так спешили, что перепутали отчество певицы — она не София Яковлевна, как именовал ее Берия, а Софья Михайловна. Посадили ее ни за что, как признал нарком внутренних дел. Следователи даже не потрудились предъявить ей хотя бы какое-нибудь обвинение, а она на себя наговаривать не стала...

Вопиющее беззаконие Сталина несколько не беспокоило. Он сам знал, что арестованные ни в чем не виноваты. Для уважаемого им Немировича-Данченко было сделано исключение, певицу отпустили. Остальные, столь же невинные люди, должны были сидеть. И умирать.

Исполняя волю вождя, Берия телеграфировал наркому внутренних дел Казахстана:

«Немедленно освободить от отбывания ссылки осужденную Галемба Софью Михайловну в связи с прекращением дела с разрешением выехать в Москву. В случае надобности окажите содействие в выезде».

Сталину, должно быть, дико досаждали просьбы кого-то освободить, помиловать. Неужели его приближенные не понимали, что так надо? Что весь смысл репрессий, всесоюзной зачистки, говоря современным языком, заключается в тотальности? Никаких исключений! Дела есть на всех, скажем, на всех членов политбюро, в любой момент каждый из них может быть арестован. И нелепо задавать вопрос: почему именно он?

Заместитель главы правительства Анастас Микоян вспоминал, что без позволения Сталина нельзя было звонить в НКВД. Было принято решение, которое запрещало членам политбюро вмешиваться в работу Наркомата внутренних дел. Имелось в виду, что члены политбюро не смеют ни за кого вступаться.

Глава правительства Молотов приказал своим помощникам не включать письма репрессированных в перечень поступивших бумаг. Он не считал нужным кого-то миловать. Массовые репрессии не были для него ошибкой: это политика, нужная стране.

Старательный и изобретательный Лаврентий Павлович пришелся ко двору. В марте 1939 года Сталин сделал его кандидатом в члены политбюро, чтобы укрепить его аппаратные позиции.

ТИМОШЕНКО. ОТЧАЯННЫЙ РУБАКА

В конце ноября 1939 года Сталин начал войну с Финляндией. Финская война продолжалась сто пять дней и преподнесла массу неприятных сюрпризов.

Военачальники жаловались на то, что волю, самостоятельность командира сковывает огромное количество проверяющих.

Генерал-лейтенант Дмитрий Тимофеевич Козлов, командир 1-го стрелкового корпуса, нарисовал типичную картину:

— Командир полка принимает решение, а у него сидят в качестве контроля: представитель из корпуса, представитель из органов Особого отдела, представитель политуправления. Воля размагничивается...

Военачальники жаловались на то, что младшие офицеры приходят в войска неподготовленными:

— У нас в соединении есть молодые лейтенанты, только что окончившие училища, а стрелять они из личного оружия не умеют. Особо следует сказать о политработниках. У нас много этих товарищей с очень низким уровнем военных знаний...

Прорвавший линию Маннергейма (финские оборонительные сооружения) командующий 7-й армией командарм 2-го ранга Кирилл Афанасьевич Мерецков рассказал нечто невероятное:

— Мы все-таки просмотрели один вопрос — это социалистическое соревнование на лучшее выполнение приказа. Вот, скажем, два бойца заключили соревнование на взятие огневой точки. А потом начался бой, сильный огонь, один из них человек храбрый и лезет в бой, а другой думает — на этот раз пусть я соревнование проиграю, а он пусть наступает. Следующий раз, может, огонь противника будет слабее, тогда я пойду вперед и тоже выиграю соревнование, но с меньшим риском.

— Нужно с толком соревноваться, — защищал свое ведомство Лев Захарович Мехлис, заместитель наркома обороны и начальник Главного политического управления Красной армии.

— Нет, это вредно, — стоял на своем Мерецков. — Если соревнуются на лучшее выполнение приказа — то это неправильно. Приказ подлежит обязательному выполнению всеми. Кто его не выполняет — тот изменник... Между прочим, нас никто не может обвинить в том, что мы над соревнованием не работали. Можно привести такой пример, когда боец в атаке на соревнование доходил до ДОТа, ставил на него флаг, вставал во

весь рост и погибал. Пренебрегал своей жизнью...

Безумная идея — социалистическое соревнование на войне! — не вызвала у Сталина возражений. Избавить армию от особых отделов и политработников он тоже не хотел. Но все-таки 12 августа 1940 года — с учетом опыта боев в Финляндии — упразднил институт военных комиссаров. Командиры обрели чуть большую самостоятельность.

Маршал Александр Михайлович Василевский, который во время Великой Отечественной возглавил Генеральный штаб, говорил так:

— Без тридцать седьмого года, возможно, и не было бы вообще войны в сорок первом году. В том, что Гитлер решил начать войну, большую роль сыграла оценка той степени разгрома военных кадров, который у нас произошел. Да что говорить, когда в тридцать девятом году мне пришлось быть в комиссии во время передачи Ленинградского военного округа от Хозина Мерецкову, был ряд дивизий, которыми командовали капитаны, потому что все, кто был выше, были поголовно арестованы...

В мире сложилось дурное впечатление о боеспособности Красной армии. Командование вермахта пришло к выводу, что советские вооруженные силы более не представляют опасности.

Советский военный разведчик Рихард Зорге сообщал из Токио в Центр:

«Я беседовал с германским послом Оттом и морским атташе о взаимоотношениях между Германией и СССР... Немецкие генералы оценивают боеспособность Красной армии настолько низко, что они полагают, что Красная армия будет разгромлена в течение нескольких недель. Они полагают, что система обороны на германо-советской границе чрезвычайно слаба».

Эти оценки начальник Разведывательного управления Генштаба генерал-лейтенант Филипп Иванович Голиков вычеркнул своей рукой.

Начальник военной разведки знал, что нельзя раздражать Сталина, уверенного в превосходстве Красной армии.

После Финской кампании многое можно было изменить, исправить. Но Сталин предпочел освободить Ворошилова с поста наркома обороны.

Причем Сталин не позволил ему просто уйти с должности, а назначил его виновным во всех бедах Красной армии. Комиссия составила подробный «Акт о приеме Наркомата обороны Союза ССР от К. Е. Ворошилова».

В этом обширном документе говорилось:

«К моменту приема и сдачи Наркомата обороны оперативного плана войны не было, не разработаны и отсутствуют оперативные планы, как

общий, так и частные.

Генштаб не имеет данных о состоянии прикрытия границ...

Точно установленной фактической численности Красной армии в момент приема наркомат не имеет. Учет личного состава по вине Главного управления Красной армии находится в исключительно запущенном состоянии».

Выяснилось, что отсутствует мобилизационный план, что переучет военнообязанных запаса не проводился с 1927 года, что среди военнообязанных числится три с лишним миллиона человек, не обученных военному делу. В войсках не хватает командиров, особенно младших. Военные училища не способны восполнить некомплект...

Никто из членов комиссии не знал, чем закончится для маршала Ворошилова опала. Обычный путь таков: снятие с должности, составление списка ошибок, исключение из состава ЦК партии и передача дела в НКВД, где в умелых руках следователей «ошибки» превращаются в «преступления».

Комиссия составила документ, который носил уничтожающий по отношению к Ворошилову характер. Но Ворошилов не был репрессирован. Вождь сохранил Ворошилова с Буденным как символы Гражданской войны.

И сменил руководство вооруженных сил: доверил Красную армию тем, кого давно знал, и совсем молодым командирам, которые хорошо показали себя в Испании.

7 мая 1940 года Сталин сделал наркомом обороны маршала Тимошенко. Все знали, что Сталин особо выделяет Семена Константиновича: бывший пулеметчик, в Гражданскую войну тот был рядом с вождем в Царицыне.

Сталин уважительно говорил:

— В Гражданскую войну под Тимошенко было убито семнадцать лошадей.

Но назначение Тимошенко на пост народного комиссара обороны многих удивило. Конечно, его предшественник Ворошилов в военном деле звезд с неба не хватал. Климента Ефремовича давно следовало заменить человеком более одаренным, образованным, с большим кругозором. Но Семен Константинович Тимошенко, строевой командир, поклонник кавалерии, в прошлом отчаянный рубака, тоже безнадежно отстал от современной военной мысли и слабо ориентировался в стратегических вопросах. Зато был человеком не злым, в армии к нему относились хорошо.

Новый нарком производил внушительное впечатление. «Он отличался кавалергардским ростом и телосложением, говорил рокочущим баритоном

с заметным украинским акцентом» — так описывал его один из подчиненных.

Середина 1930-х — переломное время для военной теории и боевой техники. Именно тогда формировались новые представления о стратегии и тактике будущей войны. Иероним Уборевич и Иона Якир, под чьим командованием служил Тимошенко, сознавали масштаб происходящих перемен и старались не отставать от передовых европейских армий. Но их заместитель по кавалерии Тимошенко упустил то новое, что появилось в военной науке. Он видел свою задачу в том, чтобы доказать: в будущей войне конница сыграет еще более важную роль, чем в Гражданской.

Пропагандистский аппарат немедленно приступил к прославлению нового наркома. Александр Васильевич Александров, художественный руководитель ансамбля песни и пляски Красной армии, написал музыку «Песни о наркome Тимошенко» на слова поэта Василия Ивановича Лебедева-Кумача:

Мы идем вперед с боями,
И, куда ни погляди,
Тимошенко вместе с нами,
Тимошенко впереди.

Новый нарком решил изменить систему военной подготовки и учебы. Он пребывал в уверенности, что до него Красной армией руководили исключительно враги. Он уделял особое внимание подготовке пехоты и любимой кавалерии, пренебрегая танками и механизированными корпусами.

Начальник Генштаба маршал Борис Михайлович Шапошников считал необходимым проводить масштабные учения, как это происходило в 1935–1936 годах. Но Тимошенко с Шапошниковым не согласился. Отработка взаимодействия различных родов войск наркому казалась ненужной. В результате красноармейцев и командиров не готовили к тому, с чем им предстояло столкнуться летом 1941-го. Не учили обороняться, вести встречные сражения, отступать и вести бой в окружении.

В июле 1940 года Главное политическое управление Красной армии переименовали в Главное управление политической пропаганды. Начальником управления стал Александр Иванович Запорожец. До этого он был членом Военного совета Московского военного округа, членом бюро горкома партии и считался человеком вошедшего в силу хозяина столицы

Александра Сергеевича Щербакова.

Запорожец обратил на себя внимание Сталина на совещании в ЦК в апреле 1940 года, когда обсуждались итоги Финской кампании. Получив слово, профессиональный политработник Запорожец принялся обличать командиров, которые пытались что-то скрыть от высшего руководства:

— Я должен доложить, что на фронте творились дикие вещи. Если бы здесь было время, я бы обо всем этом доложил. Иногда было сплошное вранье.

Сталин его мягко поправил:

— Может быть, не так надо сказать, не вранье.

— А как надо сказать? — преданно поинтересовался Запорожец.

— Преувеличение, — предложил Сталин.

— Преувеличение, — охотно согласился Запорожец. — Никто из командиров, товарищ Сталин, не докладывал без преувеличения.

Запорожец критическим отношением к командным кадрам понравился Сталину (будет обо всем сообщать, ничего от вождя не скроет). Александр Иванович стал еще и заместителем наркома обороны. Осенью 1940 года Главное управление политической пропаганды выпустило льстивую книгу под названием «Школа боевой учебы. Народный комиссар обороны СССР Герой и Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко на тактических занятиях».

Сталин до конца жизни покровительствовал людям, которые были с ним в Царицыне и первыми признали его вождем. Выходцы из Первой конной армии руководили обороной страны в течение четверти века: маршал Ворошилов был наркомом обороны с 1925 по 1940 год, маршал Тимошенко возглавлял военное ведомство перед самой войной, в 1940—1941-м, маршал Андрей Антонович Гречко — в 1967–1976 годах.

В общей сложности из Первой конной вышли восемь маршалов Советского Союза, девять маршалов родов войск и генералов армии.

Конечно, в годы массовых репрессий пострадали разные люди. Но наиболее отсталая часть генералитета благополучно пережила эпоху массового террора. Выходцы из Первой конной Ворошилов, Буденный, Тимошенко, Кулик, Щаденко остались на своих постах или даже получили повышение.

В мае 1940 года Сталин поставил во главе Наркомата обороны исключительно тех, кто жил опытом Гражданской войны, ничего иного не знал и знать не хотел! Первым заместителем наркома обороны стал маршал Семен Михайлович Буденный. Заместителем наркома — еще один царицынский герой маршал Григорий Иванович Кулик, который отвечал за

артиллерийское и стрелковое вооружение. Кадры в Наркомате обороны поручили армейскому комиссару 1-го ранга Ефиму Афанасьевичу Щаденко, тоже конармейцу с двумя классами образования.

Когда началась чистка в армии, выходцы из Первой конной вышли на первые роли. Они с удовольствием избавлялись от конкурентов. Первая конная когда-то подчинялась Тухачевскому. Семен Михайлович Буденный его возненавидел. В основе, вероятно, лежала зависть человека, напроочь лишенного военных талантов, к одаренному полководцу.

Сталин распорядился избрать Буденного в ЦК, в 1940 году сделал первым заместителем наркома обороны. Маршал, правда, не знал тогда, что и на него в НКВД готовилось дело — на тот случай, если Сталин потеряет к нему интерес. Семену Михайловичу отводили роль руководителя антисоветского подполья среди казачества. Его предшественник на посту первого замнаркома маршал Александр Ильич Егоров, внезапно утративший расположение вождя и арестованный, дал показания, что Буденный — активный участник военного заговора.

Буденный был хороший рубака, храбрый командир, способный поднять бойцов в атаку. Этим его способности и исчерпывались. Маршал Жуков вспоминал, что Буденный, приезжая в войска, «занятий, учений или штабных игр с личным составом не проводил», интересовался только лошадьми. Как это отличалось от манеры командующего Западным округом Уборевича, который, приезжая в часть, поднимал ее по тревоге, а потом проводил тактические учения или командирскую учебу.

На партийном съезде инспектор кавалерии Красной армии Буденный завел разговор о конях:

— Мне хотелось бы остановиться на одном из больших вопросов нашего народного хозяйства — на коневодстве.

В зале радостные аплодисменты, смех, голоса:

— Даешь коня!

— Этот вопрос обходят как-то стороной, — продолжал Буденный, — и я, когда слушал отчет ЦК нашей партии, который делал товарищ Сталин, послал ему записку (смех в зале), чтобы он в заключительном слове коснулся этого вопроса (смех, аплодисменты). Товарищ Сталин в заключительном слове указал на то, что он получил записку. Но так как все делегаты съезда догадались, кто ее писал (смех), то все засмеялись. А в газетном отчете появилась совершенно нежелательная, по крайней мере для меня, формулировка: когда товарищ Сталин сказал, что подана записка о коневодстве, съезд засмеялся. Я думаю, что смеялись не потому, что будто бы лошадь нам совершенно не нужна, а потому, что догадались об авторе

записки...

Буденный жаловался на то, что «коневое хозяйство не совсем доступно для широких масс», поэтому его слова постоянно перевирают:

— Выступая на Московской областной конференции, мне пришлось отметить, что лошадь имеет значение как тягловая сила и как фактор в обороне страны, имеет еще и товарную продукцию. Мною было указано, что лошадь дает мясо, кожу, волос, копыта («рог»), кости.

А наша печать перепутала мои слова. Что они написали? Оказывается, Буденный заявил, что лошадь дает мясо, кожу, щетину (смех) и даже... рога (гомерический хохот).

Буденный уверенно говорил о значении конницы в будущей войне:

— Сейчас вся военная мысль склоняется к тому, что при наличии мотора в воздухе, а на земле — броневых сил, конница, опираясь на этот мотор, приобретает невиданную пробивную силу. Современная война будет маневренной. И одним из серьезнейших факторов этой маневренной войны является конница.

Новые руководители наркомата были на редкость амбициозны, но не получили полноценного военного образования. Стратегии как науке они никогда не учились. Да ее и не преподавали!

В 1935 году на военно-историческом факультете Военной академии имени М. В. Фрунзе запланировали курс лекций по теории стратегии. Заместитель начальника академии Ефим Афанасьевич Щаденко, будущий заместитель наркома обороны по кадрам, возмущенно сказал начальнику факультета:

— Это что еще за курс стратегии? Стратегией занимается лично товарищ Сталин.

Армейского комиссара 1-го ранга Ефима Щаденко утвердили начальником Управления по командному и начальствующему составу Наркомата обороны. Затем он стал еще и заместителем наркома. В Гражданскую он участвовал в обороне Царицына, служил членом Реввоенсовета Первой конной армии. Этим объяснялась его быстрая карьера.

Щаденко получил высокое звание генерал-полковника, четыре ордена Ленина, четыре ордена Красного Знамени, полководческий орден Суворова 2-й степени, высокое партийное звание члена ЦК и вишневый значок депутата Верховного Совета СССР.

«К концу жизни он стал совершенно ненормальным, — вспоминал главный военный прокурор генерал-лейтенант юстиции Николай Порфирьевич Афанасьев. — К чванству и кичливости прибавились какая-

то патологическая жадность и скопидомство. Щаденко остался один — жена умерла, детей не было. На собственной даче в Баковке он торговал овощами и фруктами и копил деньги.

Заболев, он повез в Кремлевскую больницу свои подушки, одеяла и матрацы. Когда он умер, в матраце оказались деньги — свыше ста шестидесяти тысяч рублей. На них он и умер. Знаю об этом потому, что о происшествии пришлось составлять акт и посылать для этого в больницу военного прокурора».

Сталин сделал заместителем наркома обороны Григория Ивановича Кулика. Тот получил еще и маршальские звезды, но все равно остался недоволен. Он пренебрежительно относился к наркому. В узком кругу раздраженно говорил, что Тимошенко не способен быть наркомом и во главе армии должны были поставить его, Кулика. Крамольные высказывания маршала были зафиксированы чекистами.

Впрочем, товарищи не слишком высоко ценили Григория Ивановича, с раздражением (и завистью!) рассматривали его маршальские звезды. Ефим Щаденко ядовито заметил:

— Ты теперь маршал, в больницу попадешь, так клизму ставить тебе уже не простого санитаря пришлют.

Накануне войны с заместителем наркома обороны и начальником Главного артиллерийского управления Григорием Ивановичем Куликом приключилась странная история. Его молодая жена Кира Ивановна, одна из признанных московских красавиц, пользовавшаяся большим успехом у мужчин, отправилась днем в поликлинику на мужниной машине, а домой не вернулась.

Кулик позвонил в Наркомат внутренних дел. Берия обещал помочь, сказал, что поднимет на ноги всю милицию. Кулик несколько дней вместе с адъютантом объезжал больничные морги, думая, что Кира Ивановна стала жертвой бандитов. Ее объявили во всесоюзный розыск. Но она исчезла.

Руководители НКВД извиняющимся тоном сказали Кулику, что найти следы его жены пока не удастся. А в служебной, секретной, переписке Наркомата внутренних дел о Кире Кулик говорилось совсем другое: что она работала на иностранную разведку и, боясь разоблачения, бежала за границу...

Григорий Иванович, тосковавший о жене, об этом и не подозревал. Тем более что отношение к нему Сталина не изменилось, хотя, казалось бы, как может — да еще в те времена! — муж шпионки оставаться заместителем наркома обороны? Но Сталин любил такие интриги. Он посадил жен членов политбюро Молотова и Калинина, жену своего бессменного

помощника Поскребышева. А к соратникам вроде никаких претензий.

Более того, в те годы вождь особо отличал и продвигал Кулика.

После революции Кулик сформировал в Полтаве красногвардейский отряд. Весной 1918 года познакомился с Ворошиловым, что во многом определило его дальнейшую судьбу. Они вместе оказались в Царицыне. Летом 1920 года Кулик командовал артиллерией в Первой конной под началом Буденного и Ворошилова.

Кулик под псевдонимом «генерал Купер» был главным военным советником в Испании и получил орден Ленина. 23 мая 1937 года его принял Сталин и предложил возглавить всю артиллерию Красной армии. Надо отдать должное Кулику, он отказывался от этого предложения. Но Сталин настаивал. Как раз в мае 1937 года в вооруженных силах начались массовые репрессии, нужно было заполнять вакансии. Кому же еще доверять высокие посты, как не проверенным людям из царицынской команды?

Сталин в январе 1939 года произвел главного артиллериста страны в заместители наркома обороны. Через год Кулик получил «Золотую Звезду» Героя Советского Союза за то, что советская артиллерия взломала финские укрепления и проложила путь пехоте.

Нарком Тимошенко и его окружение видели, как действовал вермахт в Польше в сентябре 1939 года и во Франции в мае 1940-го, но не сделали правильных выводов. Маршал Тимошенко в декабре 1940 года на совещании высшего командного состава, оценивая действия немцев во Второй мировой войне, пренебрежительно говорил:

— В смысле стратегического творчества опыт войны в Европе, пожалуй, не дает ничего нового.

Через полгода Тимошенко и его подчиненные увидят, как немецкие танки и штурмовая авиация пробивают брешь в позициях Красной армии и врезаются в эту пробоину, разрывая оборону на всю глубину. Стремительное продвижение немцев летом 1941 года просто не оставляло времени для развертывания, и целые соединения попадали в окружение.

МЕРКУЛОВ. РАЗДЕЛ ЛУБЯНКИ

В начале 1941 года нарком внутренних дел Лаврентий Павлович Берия был назначен по совместительству заместителем главы правительства. Формально это было повышением. Фактически Сталин отстранял его от руководства системой госбезопасности. Почему?

Массовые репрессии слишком укрепили позиции чекистов. Поставили Лубянку над всеми другими ведомствами. Этого Сталин не допускал. Главный силовик — он, а не нарком внутренних дел. Пусть на Лубянке вместо одного хозяина будет двое.

3 февраля 1941 года Сталин распорядился разукрупнить НКВД, превратившийся в гигантское ведомство. НКВД разделили на два наркомата — госбезопасности и внутренних дел. Разведка, контрразведка, все оперативные отделы перешли в НКГБ.

Берия остался наркомом внутренних дел. В его хозяйство вошли милиция, пожарная охрана, пограничные, внутренние и конвойные войска, а также ГУЛАГ, превращенный в строительно-промышленную империю. В качестве заместителя председателя Совнаркома он курировал наркоматы лесной промышленности, цветной металлургии, нефтяной промышленности и речного флота. С этого момента Сталин все больше переключает Берия на строительство и производство. Действовал Берия привычными ему чекистскими методами и широко используя осужденных — дармовую и бессловесную рабочую силу.

В качестве утешительного приза Берии присвоили звание генерального комиссара государственной безопасности (замененное в 1945 году на звание Маршала Советского Союза). Только трое носили это звание: Ягода, Ежов и Берия. Всех троих расстреляли.

Наркомом государственной безопасности Сталин сделал Всеволода Николаевича Меркулова.

В 1941 году драматург с пышным именем Всеволод Рокк закончил пьесу с простым названием «Инженер Сергеев». Автору не пришлось долго обивать театральные пороги, как его коллегам по творческому цеху, и уговаривать завлитов и режиссеров. На современную драматургию всегда был голод, и уже в 1942-м пьесу начали ставить то в одном, то в другом театре. Ее отметила вся советская печать. Театральные критики, резко писавшие о слабости современных драматургов, встретили пьесу Всеволода Рокка на ура. Хвалебные рецензии поместили и «Правда», и

«Известия», и тогдашний официоз Управления пропаганды ЦК «Литература и искусство».

В «Литературе и искусстве» особенно превозносился спектакль Малого театра: «Большая задача — сыграть образ инженера-патриота, всецело отдавшего себя на службу партии и народу. Пьеса Всеволода Рокка дает богатый и благодарный материал для проявления актерского мастерства... Беззаветно преданный делу своего народа, советский человек смело смотрит в глаза смерти и выполняет задание Родины, жертвуя жизнью».

Возможно, рецензентам действительно понравилась пьеса. А может быть, они просто знали, кто скрывался под псевдонимом Всеволод Рокк. Драматургом-любителем был комиссар госбезопасности 1-го ранга Всеволод Меркулов.

Меркулов был на четыре года старше Берии, но в их отношениях Лаврентий Павлович всегда был старшим. Меркулову не хватало решительности и безжалостности Берии, да и его организаторских талантов тоже.

Меркулов родился в 1895 году в городе Закаталы в Азербайджане. Окончил в Тифлисе мужскую гимназию. В отличие от Берии и его окружения продолжил образование. Поехал в столицу и в 1913 году поступил на физико-математический факультет Петербургского университета. Он был самым образованным в окружении Берии, если не во всем руководстве госбезопасности. Меркулов вообще сильно выделялся среди малограмотных товарищей. Сменивший его на посту министра госбезопасности Виктор Семенович Абакумов окончил четыре класса.

Меркулов успел послужить и в царской армии. После революции сидел без работы, нанялся учителем в школу для слепых. В октябре 1921 года его взяли в Грузинскую ЧК. Он стал верным помощником Берии. Нравился Лаврентию Павловичу не только образованностью и исполнительностью.

Меркулов написал о Берии брошюру под названием «Верный сын партии Ленина — Сталина». Берия забрал его с собой в Москву и сделал в НКВД своим первым заместителем. Меркулову сразу присвоили высокое звание комиссара госбезопасности 3-го ранга: в армейской иерархии — генерал-лейтенант. Высокое звание и любовь к литературе не мешали Меркулову самому избивать арестованных: вождь высоко ценил подручных, не чуравшихся черной работы.

Перед войной Сталин, практически полностью сменив верхушку вооруженных сил, решил продемонстрировать доверие новым

руководителям военного ведомства.

Двадцать с лишним лет военная контрразведка находилась в составе органов госбезопасности. И вдруг настоящая революция! 8 февраля 1941 года появилось совместное постановление ЦК партии и Совнаркома «О передаче Особого отдела из НКВД СССР в ведение Наркомата обороны и Наркомата Военно-Морского Флота СССР»:

«В связи с укреплением Красной армии и Военно-Морского флота, значительным усилением их мощи и боевой готовности, ростом хорошо подготовленных и преданных делу партии Ленина — Сталина кадров командного и политического состава ЦК ВКП(б) и СНК СССР считают целесообразным передать органы особых отделов из ведения НКВД в ведение Наркомата обороны и Наркомата военно-морского флота».

Особый отдел Главного управления государственной безопасности НКВД был ликвидирован (остался только небольшой Третий отдел, который контролировал пограничные и внутренние войска). При Наркомате обороны и Наркомате военно-морского флота создавались собственные третьи управления, которые подчинялись непосредственно наркомам.

Иначе говоря, военная контрразведка перешла в ведение самих военных.

Потом на Лубянке спохватились: выделение особых отделов из системы госбезопасности привело к тому, что нарком внутренних дел Берия и нарком госбезопасности Меркулов вовсе потеряли власть над вооруженными силами. Они даже не знали, чем занимаются их недавние подчиненные из военной контрразведки.

Руководители обоих наркоматов доложили в ЦК, что «не учтена необходимость взаимной информации органов госбезопасности и Третьих управлений НКО и НКВМФ и целесообразность единства действий этих органов против антисоветских элементов, подвизающихся одновременно как внутри системы Армии и Военно-Морского Флота, так и вне ее».

19 апреля 1941 года Сталин подписал еще одно постановление, в соответствии с которым во всей системе особых отделов сверху донизу вводились должности заместителя начальника, на которые назначались действующие сотрудники Наркомата госбезопасности. Они должны были информировать свое начальство обо всех делах военной контрразведки. Особистам было предписано «о всех произведенных ими арестах, а также результатах допросов арестованных немедленно сообщать органам госбезопасности».

Тем не менее передача особых отделов в военное ведомство преподносилось как знак доверия к военным. Арестовать военнослужащего

могли только с санкции нового наркома Семена Константиновича Тимошенко или его первого заместителя Семена Михайловича Буденного.

Шпионов и диверсантов в мирное время было немного, никакого вредительства не существовало вообще, и чекисты просто придумывали различные заговоры, шпионские организации и вредительские группы. Любые недочеты или крамольные разговоры вполне можно было приравнять к враждебной деятельности.

Волна арестов среди крупных военных за несколько дней до начала войны кажется абсурдом, нелепостью. Как можно подрывать оборону страны в решающий момент? Исследователи пытаются понять скрытую логику этих арестов.

«Аресты весны и лета сорок первого года, происшедшие после обострения ситуации, после нападения Германии на Югославию и после выявившейся уже совершенно четко опасности войны, видимо, носили тот самый превентивный характер, который носили и другие акции такого рода, — писал Константин Симонов. — Арестованы были Штерн, Смушкевич, Рычагов, ряд командующих авиационными округами, некоторые другие генералы. А ряд людей был подготовлен к аресту...

Видимо, цель этой акции — в предвидении войны ликвидировать еще каких-то недостаточно надежных, с точки зрения Сталина или не его прямо, а соответствующих органов и анкет, людей.

Вместо того чтобы в преддверии войны собрать армию в кулак и думать о действительной опасности, об опасности, надвигавшейся на границах, о приведении войск к предельной боевой готовности, думали о том, кто еще может оказаться изменником, кто еще может оказаться на подозрении, кого еще надо изъять до того, как немцы нападут на нас...»

Возможно, Константин Михайлович Симонов напрасно искал логику в действиях особистов. Сталин не верил, что война вот-вот начнется. И военная контрразведка продолжала рутинную работу. Причем нападение Германиинисколько чекистам не помешало.

Заместитель наркома обороны Герой Советского Союза генерал армии Кирилл Афанасьевич Мерецков 22 июня 1941 года по приказанию Сталина прибыл в Ленинград. На следующий день его срочно вызвали в Москву. 23 июня он был назначен постоянным советником при Ставке Главного командования. Ему предстояло ехать в Прибалтику, чтобы помочь командованию Северо-Западного фронта. Но 24 июня генерал Мерецков был арестован.

Ему предъявили стандартное обвинение в участии в военном заговоре. Держали в Сухановской особой тюрьме для опасных политических

заклученных. Следствие шло два месяца. Генерала армии нещадно избивали. Это признали в 1953 году арестованные Берия и Меркулов.

Берия: к Мерецкову как к «опасному запирающемуся заговорщику применялись беспощадные избиения. Это была настоящая мясорубка».

Меркулов:

«Мерецкова и Ванникова (нарком вооружения. — Л. М.) били — рукой по лицу и резиновой палкой по спине и мягким частям тела... Я лично тоже бил Мерецкова, Ванникова и некоторых других арестованных, но пыток к ним не применял».

Один из бериевских следователей признавался:

— Жестокие непрерывные истязания применяли к Мерецкову. Его били резиновыми палками. На Мерецкова до ареста имелись показания свыше сорока свидетелей о том, что он являлся участником военного заговора. В частности, были показания, что он сговаривался с Корком и Уборевичем дать бой Сталину.

Следователя спрашивали:

— Вы отдавали себе отчет в том, что избиваете крупнейшего военачальника, заслуженного человека?

— Я имел такое высокое указание, которое не обсуждается, — ответил бывший следователь.

Избитый генерал подписал всё, что от него требовали, — насчет «вражеской работы» и участия в «антисоветской организации». Но показаниями Мерецкова военная контрразведка воспользоваться не сумела.

Говорят, что о нем вспомнил назначенный начальником Главного политуправления Лев Захарович Мехлис, когда обсуждали кадровые дела. Понадобился боевой генерал, возник вопрос, кого назначать, и Мехлис предложил:

— Мерецкова!

В сентябре Кирилла Афанасьевича прямо из тюрьмы привезли в Кремль. Сталин как ни в чем не бывало любезно приветствовал генерала:

— Здравствуй, товарищ Мерецков! Как вы себя чувствуете?

Фарисейству вождя не было предела.

Почему Сталин передумал и вернул Кирилла Афанасьевича из тюрьмы прямо на фронт? Мерецков был арестован на второй день войны, и на него нельзя было свалить неудачи лета 1941-го. Особисты, видимо, сильно переживали: сколько страниц они исписали, придумывая «дело Мерецкова», и пропал их труд...

Кирилла Афанасьевича выпустили. Но за ним постоянно следили особисты, чтобы генерал не убежал к немцам... И Мерецков об этом знал.

Особенность арестов весной и летом 1941 года состояла в том, что в число врагов народа зачислили тех, кого совсем недавно вождь лично назначил на высшие должности. Более того: ставил их в пример, показывая, что большая чистка открыла дорогу настоящим военным талантам, которые приведут Красную армию к новым победам. И ведь многие верили сталинским словам. Теперь чекисты брали недавних сталинских любимцев одного за другим.

После ареста Тухачевского и других военачальников Сталин на заседании военного совета успокоительно вещал:

— Говорят, как же такая масса командного состава выбывает из строя. Я вижу кое у кого смущение, как их заменить. В нашей армии непочатый край талантов. В нашей стране, в нашей партии, в нашей армии непочатый край талантов. Не надо бояться выдвигать людей, смелее выдвигайте снизу... Мы послали в Испанию людей мало заметных, они же там чудеса творят. Кто такой был Павлов? Разве он был известен? Никто не думал, и я не слышал о способностях командующего у Берзина. А посмотрите, как он дело наладил. Замечательно вел дело.

Штерна вы знаете? Всего-навсего был секретарем у товарища Ворошилова. Я знаю, что Штерн не намного хуже, чем Берзин, может быть, не только не хуже, а лучше. Вот где наша сила — люди без имен... Вот из этих людей смелее выдвигайте, все перекроют, камня на камне не оставят. Выдвигайте людей смелее снизу...

Сталин внушал собравшимся военачальникам, что большая чистка в армии — не беда, вместо арестованных появятся другие. Вскоре вождь уничтожит и тех троих, которых недавно ставил в пример всей армии. Берзина и Штерна — за «шпионаж» и участие в «антисоветском заговоре», генерала Павлова — за «трусость, бездействие и развал управления войсками»...

Армейский комиссар 2-го ранга Ян Карлович Берзин (настоящее имя — Петерис Кюзис) погиб первым. В апреле 1924 года он стал начальником Разведуправления Штаба РККА. Успехи военных разведчиков в те годы связывают прежде всего с именем Берзина, он создал сильный коллектив в Центре и мощные резидентуры за рубежом.

В апреле 1935 года Сталин внезапно убрал его из Разведуправления и отправил к Блюхеру — заместителем командующего Отдельной краснознаменной Дальневосточной армией по политической части. Это было очевидной ссылкой. В 1936-м Берзин уехал в Испанию главным военным советником республиканской армии. Летом 1937 года его вернули в Москву. Через неделю после сталинской похвалы, 9 июня, Берзина вновь

поставили во главе военной разведки.

Казалось, справедливость восторжествовала — талантливый разведчик на своем месте. Но уже через два с половиной месяца его сняли с должности. В октябре арестовали. 29 июля 1938 года Военная коллегия Верховного суда вынесла ему смертный приговор, который в тот же день был приведен в исполнение...

Генерал-полковник Григорий Михайлович Штерн служил в Красной армии с 1918 года. Окончил Академию имени М. В. Фрунзе. В начале 1930-х годов состоял «для особых поручений» при наркоме обороны Ворошилове, иначе говоря, был помощником Климента Ефремовича.

С марта 1936 года Штерн командовал 7-й Самарской кавалерийской дивизией (он сменил будущего маршала Рокоссовского, в этой же дивизии служил и Жуков). С января 1937-го по апрель 1938 года Штерн был главным военным советником при республиканском правительстве Испании. Он сменил на этом посту Яна Берзина.

После возвращения из Мадрида Штерна отправили на Дальний Восток начальником штаба к Блюхеру. В августе 1938 года, поскольку Блюхер уже фактически был отстранен, именно Штерн руководил действиями в районе озера Хасан.

Когда Дальневосточный фронт разделили на две армии, 1-ю Отдельную краснознаменную возглавил комкор Штерн. При Штерне аресты прекратились, а кого-то даже выпустили, и офицеры-дальневосточники об этом знали.

«Штерн был симпатичен и сам по себе, — вспоминал генерал Петр Григорьевич Григоренко. — Высокий, красивый по-мужски, брюнет, ходил, немного клонясь вперед, как это делают спортсмены-тяжеловесы или борцы. Говорил слегка глуховатым голосом, напирая на “о”. За год совместной службы я ни разу не слышал, чтобы он повысил голос на кого-нибудь, чтобы он кого-то прервал или отнесся к сказанному как к глупости».

В 1939 году во время боев с японскими войсками на Халхин-Голе комкор Георгий Жуков подчинялся командарму 2-го ранга Григорию Штерну. Именно Штерну было предписано руководить оперативной деятельностью войск, хотя Жуков позднее утверждал, что Штерн ему только мешал. После Халхин-Гола Жуков и Штерн получили по звезде Героя Советского Союза «за героизм и мужество, проявленные в боях с японскими захватчиками».

Командуя Дальневосточным фронтом, Штерн сделал важное дело: добился приведения подчиненных ему войск в состояние высокой боевой

готовности. К концу 1940 года войска были отобилизованы, а к лету 1941-го обучены. Это те самые части, которые после начала войны были переброшены на запад и спасли столицу. Так благодаря Штерну были заложены основы победы под Москвой. Но сам он об этом не узнал.

19 марта 1941 года генерал-полковник Герой Советского Союза Григорий Штерн возглавил противовоздушную оборону страны. Это была его последняя должность в вооруженных силах. Его арестовали 7 июня, за две недели до начала войны, с санкции первого заместителя наркома обороны маршала Буденного — маршал расписался на постановлении об аресте.

Штерна пытали, и 27 июня следователь записал, что арестованный признался в работе на немецкую разведку. Малограмотному следователю и в голову не пришло, как глупо называть еврея Штерна агентом нацистской Германии. Штерна расстреляли без суда 28 октября, когда немецкие войска рвались к Москве. Его жену тоже арестовали. Выпустили после смерти Сталина.

И аресты военных летчиков продолжались и после нападения немцев. Война — войной, а у особистов своя работа. Сначала они сажали военных летчиков как участников мнимого военного заговора. Потом поступила новая разрядка — арестовать военных летчиков, на которых Сталин свалил вину за потерянную в первые дни войны авиацию.

Когда началась война, многие соединения вообще не успели получить никаких указаний — до того, как немцы начали их бомбить. Командующие округами просто не знали, что им следует делать, и не могли отдать конкретных указаний своим подчиненным. Каждый действовал в меру собственного разума.

Сказались годы репрессий, которые не только лишили вооруженные силы профессионалов, но и породили страх перед нарушением приказа. Генералов так долго учили не проявлять инициативу, что они терялись в горячке боя. Воинские звания присваивались не в соответствии с военными знаниями и успехами. Значение имели социальное происхождение и политическая преданность.

Когда началась война, Сталин оказался в отчаянном положении. Те, кого он вознес и поставил во главе армии, терпели поражение и отступали. Пытаясь спасти положение, он отправил на фронт своих главных маршалов, выходцев из Первой конной армии, — это Ворошилов, Буденный, Тимошенко, Кулик.

Часть третья
СТАЛИН — ГЛАВНЫЙ СИЛОВИК

ЗА ЧТО РАССТРЕЛЯЛИ ГЕНЕРАЛА ПАВЛОВА?

У Сталина давно день и ночь поменялись местами. Он бодрствовал ночью и ложился спать под утро. Стране пришлось приспособиться к его графику. И в мирное время это нарушало нормальный порядок работы государственного аппарата. А в войну дорого обошлось действующей армии.

Сталин просыпался поздно. Приезжал в Кремль только вечером. До его появления, то есть в течение всего дня, Наркомат обороны и Генштаб были фактически бессильны. Без разрешения вождя нарком обороны Тимошенко не мог отдать ни одного серьезного распоряжения.

Такой график не позволял руководству вооруженных сил нормально работать и вовремя принимать необходимые решения. Днем генералы ожидали появления Сталина, а ночью, когда он, отоспавшись, принимался за дело, падали с ног от усталости.

23 июня Наркомат обороны предложил сформировать Ставку Главного командования во главе с главнокомандующим Сталиным. Но он не спешил возглавить отступающие войска, поэтому председателем Ставки назначили наркома Тимошенко.

Но он был главнокомандующим лишь формально. Нарком все равно не мог принять ни одного решения без Сталина и должен был ждать аудиенции у вождя. Так что просто удлинилась цепочка принятия решений. Тратилось драгоценное время.

Жуков, тогда начальник Генштаба, жаловался:

«Сталин ежечасно вмешивался в ход событий, в работу главкома, по нескольку раз в день вызывал главкома Тимошенко и меня в Кремль, страшно нервничал, бранился и всем этим только дезорганизовывал и без того недостаточно организованную работу главного командования в тяжелой обстановке».

В первые же дни войны Сталин призвал на помощь своих любимцев из Первой конной армии. Маршалы Ворошилов, Тимошенко и Буденный возглавили Северо-Западное, Западное и Юго-Западное главные командования. Но они оказались лишним звеном в системе управления войсками. Три маршала не умели воевать по-новому. Да они, собственно, даже и не знали, что им делать. В их распоряжении не было ни полноценных штабов, ни серьезных резервов. Эти сталинские назначения были скорее жестом отчаяния.

Ни у одного из них ничего не получилось. Не только потому, что остановить немцев летом 1941 года было крайне трудно, но и потому, что сталинские выдвиженцы, выходцы из Первой конной, были необразованны, не представляли себе, что такое современная война, и начисто были лишены военных талантов.

Буденный в роли главнокомандующего Юго-Западным направлением должен был координировать действия Юго-Западного и Южного фронтов. Но он оказался просто лишним звеном в системе управления войсками, и его действия были совершенно беспомощными.

Один из киевских чекистов, переживших войну, рассказывал, как он докладывал обстановку Буденному. Закончил доклад.

Семен Михайлович сказал:

— Свободен. Иди.

Чекист продолжал стоять навтыяжку:

— Разрешите, товарищ Маршал Советского Союза, обратиться с вопросом.

Маршал весело посмотрел на него:

— Разрешаю.

— Киев удержим, товарищ Маршал Советского Союза?

Маршал гордо ответил:

— Пока у Семена Михайловича Буденного есть усы — Киев был и будет советским.

И подмигнул.

А на следующий день самолетом улетел в Москву. Немцы дошли уже до Киева.

Потом Сталин поставил Буденного во главе Резервного фронта. Командовал фронтом он всего двадцать семь дней. 2 октября немецкие части из группы армий «Центр» нанесли сокрушительный удар по войскам Буденного. Сталин срочно отозвал Буденного в Москву, а его войска распорядился передать в состав Западного фронта под командование Жукова. Не зная, чем занять Буденного, Сталин поручил ему принять парад на Красной площади 7 ноября 1941 года. Вот с этой задачей маршал справился.

Другой на его месте, вероятно, тяжело переживал бы неудачи, пытался понять причины своих провалов и промахов. Буденному эти интеллигентские рефлексии были чужды. Он никогда ни в чем не сомневался и своей вины ни в чем не признавал.

Сталин убедился в его полной неспособности к военному делу. Но ему нужен был национальный герой как символ. Да и ему просто нравился

Семен Михайлович. Он приглашал маршала на дачу, тот прихватывал с собой гармонь, чтобы сыграть вождю.

Специально для Буденного в январе 1943 года ввели должность командующего кавалерией Красной армии. Он больше ничем не командовал и не мог нанести ущерба фронту. При этом оставался на виду, символизировал продолжение традиций и всегда помнил, кому он обязан своей счастливой жизнью...

А новости с фронта в первые дни и недели войны становились всё менее утешительными. Хотя реальность была еще хуже! Привычка сообщать начальству только хорошие новости продолжала действовать и после начала войны. Кажется, что только в официальных сообщениях старались всё приукрасить — из политических и пропагандистских соображений. В реальности врал и Сталину, и самим себе.

«В Ставку поступало много донесений с фронтов с явно завышенными данными о потерях противника, — вспоминал Главный маршал артиллерии Николай Николаевич Воронов. — Может быть, это и вводило Сталина в заблуждение: он постоянно высказывал предположение о поражении противника в самом скором времени».

23 июня Сталин дважды требовал соединить его с командующим Западным фронтом генералом армии Павловым. Дежурный в штабе фронта отвечал:

— Командующий находится в войсках.

Управление войсками было утеряно в первый день войны. Штаб фронта не знал, где находятся части. Генерал Павлов ринулся в войска, надеясь, что все проблемы — в нераспорядительности его подчиненных. Но его появление не меняло ситуации. Немцы стремительно наступали на Минск.

26 июня Сталин услышал от первого заместителя начальника Генштаба генерал-лейтенанта Николая Федоровича Ватутина, что Западный фронт практически не существует. Часть войск попала в кольцо, часть отступает. Немецкие танки вышли к Минску.

Сталин просто не поверил Ватутину. Еще недавно он слышал успокоительные сообщения об успешных контрударах. Но вскоре убедился в том, что ситуация еще опаснее, чем он предполагал.

28 июня ударная сила вермахта, 2-я и 3-я танковые группы, соединились в районе Минска. Вечером советские войска оставили город. На следующий день об этом стало известно в Москве. Появление немцев в столице Белоруссии было шоком для Сталина.

Сталин позвонил Тимошенко:

— Что происходит?

Нарком, видимо, не решился сказать, что Минск потерян. Может быть, надеялся отбить город. Может, просто не нашел в себе сил признать совершившееся. Ответил уклончиво:

— Я не готов к докладу, товарищ Сталин. Нет связи с Западным фронтом.

Связи действительно не было. Офицеры Оперативного управления Генштаба обзванивали сельсоветы, спрашивали, нет ли в деревне немцев. Сталин в сопровождении Молотова, Маленкова и Берии приехал в здание Наркомата обороны на улице Фрунзе. Они поднялись в кабинет наркома на втором этаже, где находились Жуков, Ватутин, офицеры Генштаба.

Сталин был во взвинченном состоянии.

Нарком, побледнев, доложил:

— Товарищ Сталин, руководства наркомата и Генштаба изучают обстановку, сложившуюся на фронтах.

Сталин остановился у карты Западного фронта. Офицеры вышли. Остались Тимошенко, Жуков и Ватутин.

Сталин повернулся к ним:

— Мы ждем. Докладывайте обстановку.

Тимошенко так и не сумел собраться. Он заговорил, сильно волнуясь:

— Товарищ Сталин, мы не успели проанализировать все полученные от фронтов материалы. Много для нас пока что не ясно. Я не готов к докладу.

И вот после этих слов наркома, по словам очевидцев, Сталин сорвался:

— Да вы просто боитесь доложить нам правду! Потеряли Белоруссию и хотите поставить нас перед свершившимся фактом?

Он повернулся к Жукову:

— Вы управляете фронтами? Или Генеральный штаб только регистрирует поступающую информацию?

— Нет связи с войсками, — вслед за наркомом повторил Георгий Константинович.

Сталин взорвался:

— Что это за Генеральный штаб? Что это за начальник штаба, который в первый день войны растерялся, не имеет связи с войсками, никого не представляет и никем не командует?

После таких слов можно было ожидать чего угодно. Но Сталин не тронул ни Тимошенко, ни Жукова. Не решился. Он, видимо, осознал, что все висит на волоске...

Нам не дано узнать, о чем размышлял в те последние июньские дни

Сталин. Возможно, будущее рисовалось ему в самых мрачных тонах. Что мог предположить человек с таким складом ума? Если Красная армия не выдержит, немцы возьмут его в плен. Или собственные генералы арестуют его и выдадут Гитлеру в обмен на сепаратный мир... Вождь боялся своих генералов, не верил им, считал, что среди них полно скрытых врагов, способных предать его в любую минуту.

Вечером 30 июня Лаврентий Павлович Берия предложил создать чрезвычайный орган управления — Государственный Комитет Оборона и передать ему все права ЦК партии, правительства и Верховного Совета. Единый центр власти будет управлять и армией, и промышленностью, и всей жизнью страны.

Члены политбюро согласились. А кто станет во главе ГКО? Ответ напрашивался — разумеется, Сталин. Возникла идея тут же поехать к нему на Ближнюю дачу в Волынское. Вождь сидел в кресле в малой столовой. Увидев членов политбюро, явившихся без приглашения, он как бы вжался в кресло и недовольно спросил:

— Зачем приехали?

«Вид у него был настороженный, какой-то странный, не менее странным был и заданный им вопрос, — вспоминал Анастас Микоян. — Ведь по сути дела он сам должен был нас созвать. У меня не было сомнений: он решил, что мы приехали его арестовать».

Молотов успокаивающе объяснил Сталину, что они приехали с новой идеей:

— В ситуации войны необходимо сконцентрировать власть в одних руках и создать для этого Государственный Комитет Оборона.

— Кто во главе? — выдавил из себя Сталин.

— Сталин, — хором сказали все члены политбюро.

— Хорошо, — только и сказал вождь.

Этот эпизод навсегда врезался в память всех, кто ездил в тот день к вождю на Ближнюю дачу. Арестованный в июне 1953 года Берия написал из бункера, где его держали, записку товарищам по президиуму ЦК. Обращаясь к Молотову, он напомнил:

«Вы прекрасно помните, когда в начале войны было очень плохо, и после нашего разговора с т-щем Сталиным у него на ближней даче Вы поставили вопрос ребром у Вас в кабинете в Совмине, что надо спасать положение, надо немедленно организовать центр, который поведет оборону нашей страны, я Вас тогда целиком поддержал и предложил Вам немедля вызвать на совещание т-ща Маленкова, а спустя небольшой промежуток времени подошли и другие члены Политбюро, находившиеся в Москве.

После этого совещания мы все поехали к т-щу Сталину и убедили его о немедленной организации Комитета обороны Страны со всеми правами».

1 июля в «Правде» появилось сообщение об образовании Государственного Комитета обороны из пяти человек: Сталин (председатель), Молотов (заместитель председателя), Ворошилов, Маленков и Берия. В газетной заметке говорилось коротко:

«Сосредоточить всю полноту власти в государстве в руках Государственного Комитета обороны».

Характерен состав ГКО. Микоян в воспоминаниях утверждал, что пятерку предложил именно Берия. Молотов — второй человек в стране. Маршал Ворошилов все еще олицетворял Красную армию. Маленков уже стал для Сталина ближайшим помощником во всех организационнокадровых делах. Берия получил место в списке как автор идеи ГКО и как карающая рука государства.

Газеты сообщили, что Государственный Комитет обороны образован решениями Президиума Верховного Совета СССР, Совнаркома и ЦК партии. Но эти решения в архиве отсутствуют: их просто не было. Тогда же на сталинской даче всё и решили. В архиве ЦК хранится написанный красным карандашом проект постановления о создании ГКО. Почерк Маленкова. В его тексте Молотов поправил одно слово, и Сталин — два.

Увидев, что никто не собирается его свергать и что армия отступает, но упорно обороняется, вождь понемногу пришел в себя. 19 июля Сталин сам себя назначил наркомом обороны, Тимошенко перевел в заместители, потом лишил его и этой должности. 8 августа вождь сделал себя еще и Верховным главнокомандующим. Он занял все высшие посты в советской иерархии. И сам определял, какой орган управления оформит отданный им приказ — Государственный Комитет обороны, политбюро, правительство, Ставка. Все равно — решения принимал он один. Его подписи было достаточно.

Командующие войсками фронтов, флотов и армий назначались приказами Ставки Верховного главнокомандования. Члены военных советов утверждались постановлениями ГКО. Верховный Совет СССР не играл никакой роли и только штамповал уже принятые решения. За всю войну председатель Президиума Верховного Совета Михаил Иванович Калинин побывал у Сталина всего три раза.

Отправляя кого-то из партийных или хозяйственных руководителей с конкретным заданием, производили его в ранг уполномоченного ГКО и выдавали мандат, подписанный Сталиным. Сам институт уполномоченных отражал недоверие Сталина решительно ко всем — он рассылал повсюду

контролеров, которые обязаны были его лично информировать обо всех увиденных недостатках.

С той же целью Сталин создал институт представителей Ставки: он постоянно перепроверял самых доверенных военачальников. Если кто-то из представителей Ставки в течение дня не связывался со Сталиным, тот сам звонил по ВЧ и недовольно спрашивал:

— Вам что, сегодня не о чем доложить?

Осенью 1942 года Сталин отправил Жукова и Маленкова под Сталинград. В конце сентября вызвал обоих для доклада. Когда Жуков подробно изложил ситуацию на фронте, Сталин недовольно спросил Маленкова:

— А почему вы, товарищ Маленков, в течение трех недель не информировали нас о делах в районе Сталинграда?

— Товарищ Сталин, я ежедневно подписывал донесения, которые посылал вам Жуков, — недоуменно ответил Маленков.

— Мы посылали вас не в качестве комиссара к Жукову, а как члена ГКО, и вы должны были нас информировать, — наставительно заметил Сталин.

То есть он хотел, чтобы Маленков присматривал не только за фронтом, но и за самим Жуковым.

Будущий маршал Александр Василевский служил тогда заместителем начальника Генштаба и начальником важнейшего Оперативного управления. Он вспоминал, что встречал их Сталин не слишком доброжелательно:

— Не успевали мы переступить порог его кабинета, как он разражался гневными и к тому же грубыми упреками в адрес Генштаба, который якобы работает хуже самой захудалой конторы. Конечно, после грубых нападок, упреков и подозрительных вопросов типа «На кого вы работаете?» никакого дельного доклада не получалось.

20 июля 1941 года НКВД и НКГБ поспешно слили в один наркомат.

Меркулов вновь стал первым заместителем Берии. Военную контрразведку из Наркомата обороны Сталин передал назад в НКВД, где было создано Управление особых отделов. Видя, что армия отступает, вернул чекистам контроль над вооруженными силами. Начальником управления стал заместитель наркома внутренних дел Виктор Семенович Абакумов.

Начальники особых отделов фронтов назначались приказами Берии. Реорганизация сперва коснулась только сухопутных войск. Но в январе 1942 года Третье управление Наркомата военно-морского флота

преобразовали в 9-й отдел Управления особых отделов НКВД.

В подписанном Сталиным постановлении говорилось:

«Дать Особым Отделам право ареста дезертиров, а в необходимых случаях и расстрела их на месте. Обязать НКВД дать в распоряжение Особых отделов необходимые вооруженные отряды из войск НКВД».

На первом заседании только что созданного Государственного Комитета Обороны генерал армии Дмитрий Григорьевич Павлов был отстранен от командования Западным фронтом, от которого остались одни воспоминания.

Жуков рассказывал, что едва узнал бывшего командующего Западным фронтом — так Павлов изменился за восемь дней войны. Фронт был разгромлен, и о положении своих войск вызванный в Москву генерал Павлов сказать ничего не мог.

Целый день Дмитрий Григорьевич сидел в Генштабе, ждал вызова к Сталину. Но вождь не захотел его видеть. Павлову передали, чтобы он отправлялся назад. Он сказал жене, что его назначили к Тимошенко командовать танковыми войсками, а причины неудач Западного фронта позднее рассмотрят на заседании политбюро.

3 июля утром Павлов уехал в сторону Смоленска, где находился Тимошенко. Бодро сказал жене:

— Поеду бить Гудериана, он мне знаком по Испании.

— Положить тебе парадную форму? — спросила жена.

— Победим, приедешь в Берлин и привезешь!

4 июля в городе Довске генерала Павлова арестовали. Особисты забрали «Золотую Звезду» Героя Советского Союза, три ордена Ленина, два ордена Красного Знамени и депутатский значок. В постановлении на арест, составленном следственной частью 3-го управления (военная контрразведка) НКВД, Павлову предъявлялось традиционное обвинение как участнику «военного заговора». Постановление об аресте утвердил Тимошенко.

На первом же допросе, 7 июля, следователь потребовал от Павлова:

— Приступайте к показаниям о вашей предательской деятельности. Нами точно установлено, что вы еще в 1935 году стали участником заговора и тогда уже имели намерение в будущей войне изменить родине. Создавшееся на фронте положение только подтверждает следственные данные.

Павлова заставили подписать показания о том, что он был участником военного заговора и специально открыл фронт немцам...

Вождь, как обычно, искал «стрелочников» и успешно находил,

перекладывая на них ответственность за собственные неудачи. Ему нужно было срочно назвать виновных в беспорядочном отступлении. Поэтому казнь Павлова и еще нескольких генералов — не только с Западного, но и с других фронтов — станет показательной.

О степени виновности генерала Павлова историки спорят и по сей день.

Командование Западного фронта не сумело овладеть обстановкой и справиться с ситуацией. Павлов и его штабисты даже представить себе не могли, что командование вермахта способно проводить столь масштабные операции.

Но от кого генералы могли об этом узнать? Искусство стратегии они не изучали, иностранными языками не владели, зарубежной военной литературы не читали — она лежала за тремя замками в спецхране. А Сталин внушал им, что Красная армия лучше и сильнее немецкой.

Иероним Петрович Уборевич, который много лет командовал Белорусским округом, на месте Павлова действовал бы иначе. Но Уборевича, прирожденного военного, полководца с широким кругозором, следившего за современной военной мыслью, по приказу Сталина расстреляли.

Тремя военными округами, на которые пришелся немецкий удар, — Прибалтийским, Западным и Киевским, командовали неопытные генералы, которые даже не успели освоиться на своих должностях.

В 1936 году танкиста Павлова отправили в Испанию, где за храбрость он удостоился «Золотой Звезды» Героя Советского Союза. Сталин назначил его из командиров бригады сразу начальником Главного автобронетанкового управления Красной армии. А за год до начала войны танкист Павлов, не имевший опыта командования крупными общевойсковыми соединениями, получил второй по значению округ в стране. В подчинении у него оказались сорок четыре дивизии. Мог ли он за такой короткий срок овладеть полководческим искусством?

Беда постигла и Юго-Западный фронт, преобразованный из Киевского особого военного округа, которым командовал генерал армии Михаил Петрович Кирпонос.

Будущий маршал, а тогда генерал-майор Константин Константинович Рокоссовский вспоминал, как прибыл с докладом в Киев к Кирпоносу:

«Меня крайне удивила его резко бросающаяся в глаза растерянность. Мою сжатую информацию об обстановке на участке 5-й армии и корпуса он то рассеянно слушал, то часто прерывал, подбегая к окну с возгласами:

— Что же делает ПВО? Самолеты летают, и никто их не сбивает...

Безобразие!

Тут же приказывал дать распоряжение об усилении активности противовоздушной обороны и вызове к нему ее начальника. Да, это была растерянность, поскольку в сложившейся на то время обстановке другому командующему фронтом, на мой взгляд, было бы не до ПВО... Приказывая бросать в бой то одну, то две дивизии, командующий даже не интересовался, могут ли названные соединения контратаковать, не объяснял конкретной задачи их использования.

В эти минуты я окончательно пришел к выводу, что не по плечу этому человеку столь объемные, сложные и ответственные обязанности, и горе войскам, ему вверенным».

Рокоссовский был прав! Иона Ионович Якир, который командовал Киевским округом, будь он жив, никогда не позволил бы себе так растеряться. Под его командованием войска сражались бы иначе. Но Якир был расстрелян. Да и сам Рокоссовский лучше бы справился с этой должностью. Но Рокоссовский перед войной сидел в тюрьме, и другие люди быстрее поднимались по служебной лестнице.

В 1939 году Михаил Петрович Кирпонос был начальником Казанского пехотного училища имени Верховного Совета Татарской АССР. Оттуда его забрали на финскую войну. За успешное командование 70-й стрелковой дивизией получил звание Героя Советского Союза и в июне 1940 года принял Ленинградский округ. В январе 1941 года, за несколько месяцев до начала войны, Сталин перевел его в Киев. Кирпонос имел только опыт командования дивизией, а в Киевском округе ему подчинялись полсотни крупных соединений. Конечно, он не успел освоить округ за то время, что ему было отпущено до войны.

Немецкие танковые соединения обошли Юго-Западный фронт с флангов. 25 августа немецкие клинья соединились восточнее Киева. Юго-Западный фронт, в том числе штаб во главе с командующим войсками генералом Кирпоносом, оказался в гигантском котле. Не желая попасть в плен, командующий фронтом застрелился.

После гибели Кирпоноса Тимошенко возглавил войска Юго-Западного фронта, вернее то, что от них осталось. Штаб Тимошенко разместился в большом деревянном доме. Сам маршал вместе с членом Военного совета фронта Хрущевым расположился на втором этаже. Посередине стоял большой стол, на скатерти — ужин, у стены — другой стол с картами. Приехал заместитель военного прокурора диввоенюрист Николай Порфирьевич Афанасьев.

— А, прокуратура уже здесь, — сказал Семен Константинович. —

Садись, ужинать будем. Что, судить нас приехал за то, что вместо Берлина мы здесь, как в берлоге медведи, сидим?

Он налил прокурору водки. Афанасьев отказался, сославшись на язву желудка.

Тимошенко не поверил:

— Как хочешь. Знаю я этих юристов. Пьете не меньше других, но втихую.

Тимошенко сказал, что ситуация тяжелая, но некоторые части выходят из окружения.

Фактически фронт приходилось формировать заново.

А маршала Ворошилова вождь отправил защищать Ленинград.

9 сентября немецкие войска начали штурм города. Взяли Красное Село, Пушкин и Новый Петергоф. Ворошилов то и дело выскакивал из штаба и мчался на передовую, чтобы посмотреть, как идут бои. Он распекал своих подчиненных. Офицеры оправдывались: в их распоряжении одни необученные ополченцы, нет ни кадровых частей, ни танков, ни артиллерии.

Ворошилов злился:

— А мы в Гражданскую хорошо были обучены? И ничего — били белую сволочь.

В недостатке храбрости его бы никто не упрекнул. Маршал наблюдал за боем, не обращая внимания на огонь немецкой артиллерии и минометов. Начальник охраны пытался увести его в укрытие. Ворошилов зло отвечал:

— Если ты боишься, то можешь прятаться. Я не держу тебя.

Но личной храбростью военные достоинства Ворошилова и исчерпывались. Командовать фронтом ему было не под силу. Не хватало ни военного образования, ни организаторских способностей. Мало того что маршал не понимал, как надо воевать. Он смертельно боялся самостоятельно принимать решения. Подчиненные не могли добиться от него внятного ответа на свои вопросы. Все время уходило на бесконечные обсуждения.

Ворошилов командовал Ленинградским фронтом всего неделю. Правда, именно в эту неделю немцы окончательно блокировали Ленинград.

11 сентября в Москву вызвали командующего армиями Резервного фронта генерала армии Жукова. Вечером он был в Кремле. Начальник 1-го отдела НКВД (охрана руководителей партии и государства) комиссар госбезопасности 3-го ранга Николай Сидорович Власик отвел генерала на кремлевскую квартиру Сталина, где вождь ужинал с членами политбюро.

Вождь обратился к Жукову:

— Езжайте под Ленинград. Город почти в безнадежном положении. Немцы, взяв Ленинград и соединившись с финнами, могут ударить в обход с северо-востока на Москву, и тогда обстановка осложнится еще больше.

Сталин не верил, что город удастся удержать, и обреченно добавил:

— Видимо, пройдет еще несколько дней, и Ленинград придется считать потерянным.

Но Жуков не позволил немцам войти в город.

Вождь сделал Ворошилова ответственным за блокаду Ленинграда. Сталин умел находить виновных в собственных ошибках. Ворошилову было посвящено разгромное решение политбюро от 1 апреля 1942 года, с которым ознакомили партийно-государственный аппарат:

«ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Признать, что т. Ворошилов не оправдал себя на порученной ему работе на фронте.

2. Направить т. Ворошилова на тыловую военную работу».

Решение политбюро было крайне унижительным для маршала Ворошилова. Но он не смел ни возражать, ни спорить. Климент Ефремович каялся и благодарил за суровую критику. Унизив Ворошилова, Сталин на этом остановился и поставил маршала руководить партизанским движением.

В первый год войны вождь перепробовал двадцать восемь генералов на роль командующих фронтами. Каждый третий был выходцем из Первой конной армии. Через месяц-другой Сталин снимал их с должности. Все оказались непригодными для высоких должностей.

САМЫЙ СТРАШНЫЙ ДЕНЬ

Некоторые писатели и историки по сей день уверены, будто в решающий для судьбы Москвы день, 16 октября 1941 года, генеральный секретарь ЦК ВКП(б), председатель Государственного Комитета Оборона, Верховный главнокомандующий, председатель Совета народных комиссаров, нарком обороны Иосиф Виссарионович Сталин приехал на вокзал, где его ждал специальный состав, чтобы вывезти из города. Паровоз стоял под парами.

Аппарат ЦК партии и Верховного Совета, правительство и наркоматы, Генеральный штаб Красной армии и прочие многочисленные ведомства уже спешно покинули Москву. Немецкие войска стояли у ворот и вот-вот могли вступить в город. Возникло ощущение, что столица беззащитна.

Вождь обещал покинуть город последним. И вот будто бы Сталин, размышляя, ехать или не ехать, битых три часа ходил по платформе, но в вагон так и не поднялся, потом махнул рукой, сел в машину и вернулся в Кремль...

Это не более чем легенда. В тот день Сталин на вокзал вообще не ездил. Да и в любом случае из Москвы охрана вывозила бы его, конечно же, не днем, а ночью. Железнодорожный состав, даже прикрытый зенитными установками на платформах, мог попасть под губительный удар вражеских бомбардировщиков.

К тому же вождь вообще не собирался покидать город на поезде. Слишком мала скорость, а вдруг наступающие немецкие войска догонят?

Сталин собирался улететь из Москвы. На Центральном аэродроме дежурили транспортные самолеты «Дуглас» американского производства, чтобы в самый последний момент эвакуировать вождя и его окружение из столицы.

В Москве еще находилась группа офицеров Генерального штаба во главе с генерал-майором Александром Василевским. Ему разрешили оставить всего восемь человек. Василевский сказал, что этого недостаточно.

«Но Сталин стоял на своем, — вспоминал Василевский. — Оказывается, на аэродроме стояли в полной готовности самолеты... И на всю группу Генерального штаба было оставлено девять мест — для меня и моих восьми офицеров».

В Куйбышеве (ныне город вновь называется Самарой) под зданием

обкома партии спешно построили бункер для Сталина и сопровождающих его чиновников (рассчитывали примерно на сто пятнадцать человек). Бункер гарантировал защиту от авиационных бомб и отравляющих газов (опасались, что немцы применят химическое оружие). Разместили установку регенерации воздуха, создали давление, чуть превышающее атмосферное, так что бункер был герметичен. Завезли запас продуктов, баки с питьевой водой, баллоны с кислородом. В бункере можно было продержаться без связи с внешним миром пять суток.

Кабинет Сталину устроили на глубине тридцати четырех метров. Он был скопирован с кремлевского, площадью около пятидесяти квадратных метров. За кабинетом — личный туалет с канализационной системой. Основной вход в бункер находился в вестибюле обкома, там постоянно дежурил чекист. Местное начальство страшно нервничало, ожидая приезда вождя.

Решением политбюро выделили Лечебно-санитарному управлению Кремля пятнадцать вагонов для вывоза в Куйбышев врачей, необходимого медицинского оборудования и запаса лекарств, с тем чтобы в городе на Волге развернули поликлинику и больницу для высшего начальства и отдельно — поликлинику и больницу для руководства Наркомата внутренних дел.

Отсюда, с Волги, Сталин предполагал вести войну дальше. Его архив, книги, даже личные вещи уже были эвакуированы. Ближнюю дачу, где он жил все последние годы (в московской квартире даже не ночевал), заминировали. Ее собирались взорвать, чтобы немцы не устраивали экскурсий по личным покоем советского вождя.

Вождь задержался в столице всего на несколько часов, чтобы завершить последние дела. Он сказал членам политбюро, что уедет из Москвы вечером 16 октября.

14 октября на приеме у Сталина побывал нарком связи Иван Терентьевич Пересыпкин, он же заместитель наркома обороны и начальник Главного управления связи Красной армии. При разговоре присутствовали начальник Генерального штаба маршал Борис Шапошников и его заместитель (и будущий сменщик) генерал-майор Александр Василевский (см.: Военноисторический журнал. 2007. № 6).

Иван Пересыпкин просил определить местонахождение запасного пункта управления Ставки Верховного главнокомандования, чтобы он мог заблаговременно подготовить средства связи.

Сталин снял со стены карту европейской части Советского Союза, расстелил ее на рабочем столе и спросил:

— Что вы предлагаете?

Пересыпкин доложил, что самым удобным местом представляется Куйбышев. Сталину предложение не понравилось — там слишком много иностранцев. Куйбышев стал «запасной столицей», туда эвакуировали не только партийное руководство и наркоматы, но и дипломатические представительства.

— Какой еще пункт подходит для этой цели? — осведомился Сталин.

Пересыпкин назвал Казань, но добавил, что оттуда обеспечить связь с фронтами будет значительно труднее. Тогда вождь сам предложил город Арзамас. И потребовал:

— Надо уложиться в шесть-семь дней.

Пересыпкин не решился возразить вождю и объяснить, что Арзамас совсем для этой цели не подходит...

В Арзамасе было исключительно плохо и со связью, и с дорогами. Исполнение приказа вождя потребовало титанических усилий. Дорогу две недели ровняли местные колхозники, бросив свою работу, — лопатами и мотыгами. А сверхсекретный «Объект 808» на окраине города за месяц построили заключенные из соседнего лагеря. После чего — ради сохранения тайны — заключенных отправили на передовую в штрафные роты. Надо понимать, не без тайной надежды на то, что они будут убиты в бою и унесут тайну запасной Ставки с собой в могилу...

Протянули пятикилометровую железнодорожную линию. Перегнали два поезда связи. А рядом в своем спецпоезде разместился эвакуированный из Москвы Генеральный штаб. Отсюда операторы пытались управлять действиями Красной армии на огромном фронте от севера страны до юга. На тот случай, если и Сталин пожелает обосноваться в Арзамасе, вождю подобрали двухэтажный дом.

На первом этаже развернули станцию правительственной междугородней высокочастотной связи.

«Вместо того чтобы задолго до начала войны создать и хорошо оборудовать запасный пункт управления Ставки Верховного главнокомандования (и не один), — недоумевал нарком Пересыпкин, — приходилось это делать в тяжелейших условиях военного времени, в большой спешке, в трудной обстановке при отсутствии достаточного резерва сил и средств связи».

Обычно Сталин просыпался очень поздно. В ночь на 15 октября он, видимо, почти не спал. Ему предстояло принять решение, от которого зависела его собственная судьба. 15 октября Сталин распорядился собрать политбюро необычно рано. Охранникам пришлось поднять с постели

членов партийного руководства около восьми утра. В девять они собрались в кабинете вождя.

Обсуждался один вопрос: кому и когда покидать Москву. Вождь объявил, что всем нужно сегодня же, то есть 15-го вечером, эвакуироваться. Он сам уедет из города на следующее утро, то есть 16 октября.

Ночью он подписал постановление Государственного Комитета Оборона «Об эвакуации столицы СССР г. Москвы»:

«Ввиду неблагоприятного положения в районе Можайской оборонительной линии, Государственный Комитет Оборона постановил:

1. Поручить т. Молотову заявить иностранным миссиям, чтобы они сегодня же эвакуировались в г. Куйбышев (НКПС — т. Каганович обеспечивает своевременную подачу составов для миссий, а НКВД — т. Берия организует их охрану).

2. Сегодня же эвакуировать Президиум Верховного Совета, а также Правительство во главе с заместителем председателя СНК т. Молотовым (т. Сталин эвакуируется завтра или позднее, смотря по обстановке).

3. Немедля эвакуироваться органам Наркомата обороны и Наркомвоенмора в г. Куйбышев, а основной группе Генштаба — в Арзамас.

4. В случае появления войск противника у ворот Москвы, поручить НКВД — т. Берия и т. Щербакову произвести взрыв предприятий, складов и учреждений, которые нельзя будет эвакуировать, а также все электрооборудование метро (исключая водопровод и канализацию)».

Сталин исходил из того, что немцы прорвутся в столицу. Требовал удержать хотя бы часть города, чтобы иметь право сообщать: Москва держится. Когда заместитель главы правительства Микоян — он сам об этом вспоминал — зашел к вождю, Сталин с Молотовым изучали карту западной части Москвы, смотрели, что можно удержать в своих руках. Если и это не удастся, решил Сталин, город придется взорвать.

В одиннадцать утра в Кремль вызвали всех наркомов. Провели в зал заседаний Совнаркома. Вошел Молотов, второй после Сталина человек в правительстве. Он даже не сел в председательское кресло. Распорядился:

— Сегодня же все наркомы должны выехать из Москвы в места, установленные для размещения их наркоматов по плану эвакуации.

Кто-то переспросил: как быть, если наркомат еще не перебазировался на новое место?

— Все равно выехать сегодня, а эвакуацию наркомата поручить одному из заместителей.

Страна зависела от Сталина. Когда он объявил, что руководство страны покидает столицу, все, кто узнал об этом, поспешили исполнить

указание вождя. Они делились пугающей информацией со всеми знакомыми, и весть об оставлении Москвы мгновенно распространилась по городу. Началось нечто неопишное. На окраине слышна была артиллерийская канонада, и чиновники решили, что битва за Москву проиграна и немцы вот-вот войдут в город.

Стала ясна слабость системы, казавшейся столь твердой и надежной, безответственность огромного и всевластного аппарата, трусость сталинских выдвигенцев. Думали только о собственном спасении, бежали с семьями и личным имуществом и бросали столицу на произвол судьбы. Организованная эвакуация превратилась в повальное бегство.

Трусость начальников породила отчаяние в городе, и многие москвичи уходили пешком, без денег, теплых вещей, а то и без необходимых документов, плохо понимая, куда они направляются и что будут делать.

Ночь была мрачной и тяжелой. Шел снег с дождем. Когда рассвело, ситуация в городе стала еще хуже. Наступил самый страшный день в истории обороны Москвы.

«Город казался холодным, пустым, мертвым, — вспоминал тревожные ночи октября 1941 года полковник Юлий Юльевич Каммер, начальник инженерного отдела Штаба противовоздушной обороны Москвы. — Город в кромешной темноте. Не столько видятся, сколько угадываются окрашенные белым кромки тротуаров, столбы и другие препятствия на пути пешехода. Впереди машин бежит безжизненная полоска света, просочившаяся через узкую щелочку в “наморднике”, надетом на автомобильную фару. Ходишь, как в дремучем лесу, чуть ли не ощупью».

Утром 16 октября в Москве впервые за всю историю метрополитена его двери не открылись. Метро не работало. С третьего контактного рельса сняли напряжение. Поступил приказ демонтировать и вывезти все оборудование. Эвакуировали вагоноремонтные мастерские и примерно сто вагонов.

Закрытые двери метро сами по себе внушали страх и панику. Метро — самое надежное транспортное средство. Главное убежище во время ежедневных налетов авиации врага. Уж если метро прекратило работу, значит, город обречен...

Трамваи и троллейбусы тоже не вышли на линию. Директора трамвайных депо доложили своему начальству, что к ним прибыли военные саперы, чтобы минировать оборудование. Москва без метро, трамваев и троллейбусов производила пугающее впечатление. Словно она уже умерла и москвичи присутствуют на похоронах любимого города. Как водится, жителям никто не сообщал, что происходит.

«16 октября, — вспоминал второй секретарь Московского горкома партии Георгий Михайлович Попов, — мне позвонил Щербаков и предложил поехать с ним в НКВД к Берии. Когда мы вошли в его кабинет в здании на площади Дзержинского, Берия сказал:

— Немецкие танки в Одинцове».

Одинцово — дачное место на расстоянии всего двадцати пяти километров от центра Москвы. Нарком внутренних дел Берия и первый секретарь Московского обкома и горкома партии Щербаков бросились к Сталину за инструкциями. Попову приказали собрать секретарей райкомов партии. Вернувшись вскоре из Кремля, Александр Щербаков объявил своим подчиненным:

— Связь с фронтом прервана. Эвакуируйте всех, кто не способен защищать Москву. Продукты из магазинов раздайте населению, чтобы не достались врагу. Всем прекратившим работу выплатить денежное пособие в размере месячного заработка...

Начальство вовсе не собиралось отстреливаться до последнего, а действовало по принципу «спасайся, кто может». Многие руководители, загрузив служебные машины вещами и продуктами, пробивались через контрольные пункты или объезжали их и устремлялись на Рязанское и Егорьевское шоссе. Все остальные пути из Москвы или уже были перекрыты немецкими войсками, или обстреливались. По Рязанскому шоссе шли толпы. Начался исход из Москвы...

Облик города, оставленного властью, пораженного страхом и безнадежностью, мгновенно изменился. Это была уже другая Москва. Горожане видели, что начальники грузят свое имущество, берут семьи и бегут. Пришли к выводу, что Москву не сегодня-завтра сдадут. Приказ об эвакуации спровоцировал панику.

В Москве не топили. Кто не уехал, мерз. Закрылись поликлиники и аптеки. Самым тревожным было полное отсутствие информации. Власть, занятая собственным спасением, забыла о своем народе. Во второй половине дня в городе начался хаос. Разбивали витрины магазинов, вскрывали двери складов. Тащили всё под лозунгом: не оставлять же добро немцам. Анархия неминуема там, где нет власти. Но, вообще говоря, в Москве власть не менялась. Сколько бы чиновников ни сбежало, оставалось еще предостаточно. В городе полно было чекистов, милиции, войск. Но никто ни во что не вмешивался.

Система выдвигала и воспитывала таких людей, которые не были способны ни на инициативу, ни на самостоятельность — за то и другое вождь мог сурово наказать... Излишняя централизация управления, когда

высшее начальство руководило каждым шагом подчиненных, лишала привычки принимать решения. Все надо было согласовывать с руководством, любая самостоятельность могла обернуться начальственным недовольством.

— В октябре, в самые трудные дни боев под Москвой, — вспоминал маршал Жуков, — из Кремля валом шли различные запросы и часто не соответствующие обстановке указания Сталина. О том, что Верховный главнокомандующий находился в шоковом состоянии, можно судить хотя бы по постановлению ГКО об эвакуации столицы. По этому документу в случае появления войск противника у ворот Москвы Берия должен был взорвать свыше тысячи объектов в столице... К современной войне Сталин не был подготовлен, а отсюда и растерянность, и неумение оценить обстановку, и грубейшие просчеты и ошибки.

Маршал Иван Степанович Конев на склоне жизни вспоминал, что Сталин тогда растерялся. В один из октябрьских дней вождь позвонил в Штаб Западного фронта Коневу, находившемуся под Вязьмой. И вдруг стал оправдываться, говоря о себе в третьем лице:

— Товарищ Сталин — не предатель, товарищ Сталин — не изменник, товарищ Сталин — честный человек. Вся его ошибка в том, что он слишком доверился конникам. Товарищ Сталин сделает все, что в его силах, чтобы исправить сложившееся положение.

У Конева возникло ощущение, что Сталин не соответствует представлению о нем как о человеке бесконечно сильном и волевом. С ним разговаривал растерявшийся и ощущавший свою вину человек.

Под «конниками» вождь имел в виду своих любимцев, свою главную опору среди военных — выходцев из Первой конной армии, которых он поставил во главе вооруженных сил. Он испугался, что теперь его самого назовут предателем, как он назвал предателями командующего Западным фронтом генерала Павлова и других, и что его тоже могут арестовать и расстрелять.

Он никогда не верил ни своим подручным, ни личной охране.

Адмирал Иван Степанович Исаков рассказывал Константину Симонову, как удостоился чести ужинать у Сталина в Кремле:

«Шли по коридорам, на каждом повороте охранник, деликатно отступающий в проем, как бы упуская из глаз проходящих, но на самом деле передающий их за поворотом глазам другого охранника, который стоит у другого поворота и в свою очередь... Не по себе мне стало, я возьми и брякни:

— Скучно тут у вас...

— Почему скучно?

— Да вот — за каждым углом...

— Это вам скучно, а мне не скучно: я иду и думаю, кто из них мне в затылок выстрелит...»

Вождь сам жил в постоянном страхе. Сталин существовал в мире уголовных преступников. Если он убивал, то почему же его не могли убить? Вот Сталин и боялся покушений.

16 октября, колеблясь, решая для себя, что делать, Сталин потребовал ответа на главный вопрос у командующего Западным фронтом Жукова: смогут ли войска удержать Москву? Георгий Константинович твердо ответил, что он в этом не сомневается.

— Это неплохо, что у вас такая уверенность, — сказал довольный Сталин.

Он боялся уезжать из Москвы. Понимал, какое это произведет впечатление: многие и в стране, и за границей решат, что Советский Союз войну проиграл.

Тем не менее Сталин приказал Жукову:

— Все же набросайте план отхода войск фронта за Москву, но только чтобы, кроме вас, Булганина и Соколовского, никто не знал о таком плане, иначе могут понять, что за Москву можно и не драться.

Заместитель главы правительства Николай Александрович Булганин был у Жукова членом Военного совета фронта, генерал-лейтенант Василий Данилович Соколовский — начальником штаба. Составленный ими план Сталин утвердил без поправок.

Непоколебимая уверенность Жукова в том, что столицу удастся отстоять, подействовала на вождя. Когда бездарные и неудачливые сталинские выдвигенцы потеряли свои войска, когда большие начальники позорно бежали из столицы, когда одни готовились встретить немцев, а некоторые дамы устремились в парикмахерские — делать прически, другие сказали себе: «Это мой город, немцы войдут в него только через мой труп». Они занимали боевые позиции по всей Москве, в самом центре, на улице Горького...

Защищать свой город предстояло самим москвичам. Они собирались сражаться за каждый квартал, за каждую улицу, за каждый дом. Как это будет потом в Сталинграде. Выяснилось, что бежать нужды не было. Можно и нужно, выполняя свой долг, сражаться за город. Бойцы и офицеры регулярной армии, ополченцы, студенты и курсанты военных училищ, сами горожане умело и мужественно защищали Москву. Они сражались и умирали. И немцы просто не смогли их одолеть. Вот так и отстояли наш

город.

Битву за Москву выиграла такие полководцы, как Жуков, Рокоссовский, Василевский, Говоров. Путь этих талантливых профессионалов к высшим должностям не был ни простым, ни легким. Столицу обороняли полководцы, проявившие себя в упорных боях. Когда чиновники были готовы бежать из Москвы, военные профессионалы не сомневались, что победят немцев...

Когда немцев под Москвой разгромили, Сталин, который никому и ничего не прощал, по существу, повелел забыть октябрьский позор. Иначе пришлось бы признать, что знаменитых сталинских наркомов как ветром сдуло из города, что партийные секретари праздновали труса, что вознесенные им на вершину власти чиновники оказались ни на что не годными, что вся созданная им система едва не погубила Россию...

Большинство документов, посвященных осени сорок первого, даже протоколы заседаний бюро горкома и обкома партии, в московском партийном архиве все еще не рассекречено.

МАЛИНОВСКИЙ. МАРШАЛЫ И ДРАМАТУРГИ

Маршала Тимошенко отозвали в Москву. Три месяца, до октября 1942 года, Семен Константинович сидел без дела. У недавнего наркома обороны появилось время для знакомства с литературными новинками, до которых на фронте руки не доходили.

В четырех номерах «Правды» (24–27 августа) печаталась новая пьеса популярного тогда драматурга Александра Евдокимовича Корнейчука «Фронт». Это были те самые дни, когда немецкие войска подошли к Сталинграду. И вдруг в главной газете страны появилась пьеса Корнейчука. Содержание пьесы — конфликт между старым и недалеким командующим фронтом генерал-лейтенантом Г. Орловым и молодым генералом Огневым.

Горлов — герой Гражданской войны, но он ничему не научился и учиться не желает, поэтому безнадежно отстал от современной военной науки. Огнев, напротив, получил хорошее военное образование и сражается по-современному.

На следующий день после окончания публикации, 28 августа, маршал Тимошенко, вероятно, узнав себя в образе генерала Горлова, отправил вождю малограмотную, но возмущенную телеграмму:

«Тов. Сталину.

Опубликованная в печати пьеса тов. Корнейчука “Фронт” заслуживает особого внимания. Эта пьеса вредит нам, ее нужно изъять, автора привлечь к ответственности. Виновных в связи с этим следует разобрать».

Сталин ответил Семену Константиновичу в тот же день:

«Маршалу Тимошенко

Вашу телеграмму о пьесе Корнейчука “Фронт” получил.

В оценке пьесы Вы не правы. Пьеса будет иметь большое воспитательное значение для Красной Армии и ее комсостава. Пьеса правильно отмечает недостатки Красной Армии, и было бы неправильно закрывать глаза на эти недостатки. Нужно иметь мужество признать недостатки и принять меры к их ликвидации. Это единственный путь улучшения и усовершенствования Красной Армии».

Сталин переслал автору пьесы и телеграмму Тимошенко, и свой ответ маршалу. Драматург был счастлив:

«Дорогой Иосиф Виссарионович!

Сердечно благодарю Вас за внимание.

Прочитал телеграмму и Ваш ответ. Насколько я понял, тов. Тимошенко

требует, чтобы меня судили за пьесу. Это еще не так страшно, так как неизвестные “благородные” читатели дают мне клятвенное обещание по телефону, что обязательно поломают мне кости. Живу надеждой, что они не набросятся на меня все вместе, а поодиночке. С божьей помощью выдержу. Запорожский дух у нас еще не погас».

Маршал Тимошенко, конечно, не знал, что Сталин читал пьесу до публикации и сам правил текст. Сообщая молодому генералу Огневу, что он поставлен командовать фронтом, член Военного совета фронта произносит монолог, почти полностью написанный Сталиным:

— Сталин говорит, что нужно смелее выдвигать на руководящие должности молодых, талантливых полководцев... Надо бить самовлюбленных невежд, бить в кровь, вдребезги и поскорее заменить их другими, новыми, молодыми, талантливыми людьми, иначе можно загубить наше великое дело...

По распоряжению Сталина за постановку пьесы взялись сразу несколько театров. Начались и съемки кинофильма «Фронт». Новый начальник Главного политического управления Красной армии Александр Щербаков отправил Сталину проект рецензии на пьесу Корнейчука с припиской:

«Рецензию прошу разрешить напечатать без подписи в газетах “Правда”, “Известия”, “Комсомольская правда”, “Красная звезда” и во фронтовых газетах».

Публикация пьесы имела для вождя большое значение. Разговаривая с военачальниками, Сталин интересовался их мнением относительно «Фронта».

Генерал-полковник Иван Степанович Конев, не зная, что Сталина можно по праву назвать соавтором Корнейчука, искренне ответил:

— Очень плохое. Когда командующего фронтом шельмуют, высмеивают в «Правде», это имеет не частное значение. Речь идет о ком-то одном, а это бросает тень на всех.

Сталин сделал ему выговор:

— Ничего вы не понимаете. Это политическая необходимость. В этой пьесе идет борьба с отжившим, устарелым, теми, кто тянет нас назад. Это хорошая пьеса. В ней правильно поставлен вопрос.

Конев продолжал настаивать, что в пьесе много неправды:

— Я не защищаю Горлова, я скорее из людей, которых подразумевают под Огневым, но в пьесе мне все это не нравится.

Тут уже Сталин врезал генералу:

— Вы Огнев? Вы не Огнев. Вы уже тоже зазнались. Вы зарвались,

зазнались. Вы, военные, вы все понимаете, вы все знаете, а мы, гражданские, не понимаем. Мы лучше вас понимаем, что надо и что не надо.

Сталин повернулся к Жукову:

— А вы какого мнения о пьесе Корнейчука?

Жуков ответил, что еще не читал.

Сталин распорядился, чтобы члены военных советов фронтов опросили всех высших генералов. Командующий артиллерией Западного фронта генерал-майор Иван Павлович Камера сгоряча сказал члену Военного совета фронта Николаю Булганину:

— Я не знаю, что бы сделал с этим писателем. Я бы с ним разделался за такую пьесу.

Его слова включили в донесение, и только заступничество Конева спасло генерала артиллерии от больших неприятностей.

Не только Тимошенко с Коневым, но и многие другие генералы обиделись на то, что их изобразили отсталыми и неумелыми. Они считали, что драматург порочит высшее командование и подрывает боевой дух армии.

Они не понимали, что на карту поставлено нечто большее, чем репутация военачальников, — авторитет самого Сталина. Ему требовалось алиби, полное оправдание, и он нашел его — обвинил во всем старых и неумелых генералов, поэтому поддержал драматурга Корнейчука, поэтому расстрелял генерала Павлова и многих других.

Но остался без ответа главный вопрос — кто же назначил на высшие посты маршалов и генералов, которые не умеют воевать и которых пришлось срочно менять? Кто же им доверил армию? Кто как не Сталин?

Двадцать с лишним лет спустя Александр Трифонович Твардовский работал над поэмой «По праву памяти». И у него родились такие строки о Сталине:

Ох, он умел без оговорок,
Когда не в шутку припечет,
Своих просчетов грозный ворох
Вдруг отнести на чей-то счет.
На чье-то недопостиженье
Того (в чем дела весь секрет),
На чье-то головокруженье
От им предсказанных побед^[1].

Сталинский расчет оказался правильным. В стране приняли пьесу, читатели и зрители согласились со сталинско-корнейчуковской трактовкой причин неудач и поражений.

Развитие науки и техники открыло перед вождем дополнительные возможности для присмотра за военачальниками, вообще за силовиками. Всех высших руководителей подслушивали. Один неосторожный разговор мог стоить карьеры и даже жизни. Знали об этом немногие. Скажем, Берия знал. Лаврентий Павлович, разговаривая по телефону, отделялся односложными фразами, боялся лишнее слово произнести.

Впоследствии на одном из пленумов ЦК Маленков, выставя себя жертвой, говорил, что госбезопасность его подслушивала. Хрущев возразил, что это его подслушивали. Они прекрасно знали, что подслушивали обоих.

Маршала Ворошилова подслушивали с 1942 года, когда Сталин разозлился на него за провалы на фронте и перевел на незначительную для бывшего наркома обороны должность главнокомандующего партизанским движением.

После ареста Берии в июне 1953 года в материалах 2-го спецотдела Министерства внутренних дел обнаружались документы, касающиеся установки оперативной техники на квартирах маршалов Буденного, Ворошилова, Жукова, Тимошенко...

План установки аппаратуры прослушивания в квартире Буденного в доме для начальства на улице Грановского, 3, одобрил осенью 1942 года заместитель наркома внутренних дел Богдан Кобулов. В июне 1943-го в маршальской квартире установили дополнительную технику — на сей раз по указанию начальника Главного управления военной контрразведки «Смерш» комиссара госбезопасности 2-го ранга Виктора Абакумова. Такое распоряжение мог дать только Сталин.

Вождь хотел знать, о чем в домашнем кругу говорит главный конник. Наверное, Буденный — как и другие военачальники — об этом догадывался, но это его совершенно не беспокоило. По-настоящему его интересовали только лошади. Вот их он любил искренне и бескорыстно всю свою жизнь.

В апреле 1973 года маршалу исполнилось девяносто лет. Случилось так, что за несколько недель до юбилея я побывал у Буденного на даче. Я еще учился в школе, для меня это было большое событие.

Для своего возраста маршал находился в завидной форме. В нем ощущалось чувство превосходства над окружающими. В определенном смысле, у него были для этого основания. Сколько вокруг было ярких,

блестящих и умных людей, которые за ним не признавали никаких талантов. И где они? В большинстве сгнули в братских могилах, убитые своими или немецкими пулями. Чувство сожаления по поводу того, что он приложил руку к гибели стольких прекрасных людей, что он тоже виновен в трагедии 1941 года, маршал никогда не испытывал.

В 1960-е годы в военной санатории «Архангельское» кто-то спросил Буденного, как он относится к военачальникам, расстрелянным в тридцать седьмом (см.: Красная звезда. 2003. 26 апреля).

— Да правильно их всех расстреляли! — ответил Буденный не раздумывая.

Присутствовавший при разговоре генерал-лейтенант Степан Ефимович Попов рассказывал потом, что ему было неприятно это слышать и он отошел в сторону.

В октябре 1973 года Семен Михайлович скончался от кровоизлияния в мозг. В больнице Буденный говорил врачам, что в юности мечтал стать коннозаводчиком...

Отношение Сталина к генералам зависело от ситуации на фронте.

Центральный фронт принял генерал-лейтенант Михаил Григорьевич Ефремов, подготовленный и талантливый военачальник. Ефремов пытался наладить нормальную работу. Это почему-то возмутило политработников.

Член Военного совета Центрального фронта Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко (он же первый секретарь ЦК компартии Белоруссии) обратился к Сталину:

«В штабах, несмотря на усложняющуюся обстановку, наступило успокоение. Стали нормально, а то и больше спать и ничего не знать. Звонки почти прекратились. Руководство переведено, главным образом, на бумагу и поспекает в хвосте событиям. Положение на фронте перестает чувствоваться, а поток необоснованных хвастливых заявлений увеличивается...

Товарищ Сталин, глубоко чувствуя свою ответственность, заявляю, что с Ефремовым не выйдет дело. Он хвастун и лгун, я это могу доказать. Сейчас дело с руководством стало в несколько раз хуже, и это все чувствуют».

Сталин на следующий день ответил:

«Ваше поведение непонятно. Всего через несколько дней после назначения Ефремова вы сразу определили, что он лгун, хвастун и что у него ничего не выйдет.

Вы член Военного Совета, а не наблюдатель, и обязаны добиться повышения требовательности к командирам армий и дивизий со стороны т.

Ефремова, добиться непрерывной связи с армиями, дивизиями, знать оперативную обстановку и своевременно реагировать на нее. Вы обязаны и имеете возможность заставить Ефремова работать по-настоящему.

Предлагаю Вам начистоту объясниться с Ефремовым по существу содержания вашей шифровки, с которой я знакомя Ефремова. К вашему сведению сообщаю, что в ЦК имеются очень благоприятные отзывы о Ефремове».

Сталин действительно отправил телеграмму генералу Ефремову:

«Я получил от Пономаренко шифровку, где он плохо отзывается о вашей работе и думает, что вы не сумеете руководить фронтом, так как вы не требовательны к своим подчиненным и не умеете их подтягивать, как этого требует обстановка. Прошу вас лично объясниться с Пономаренко и принять решительные меры к исправлению недостатков, имеющих в вашей работе».

Тем не менее мнение члена Военного совета фронта, к тому же не простого, а первого секретаря ЦК компартии Белоруссии, перевесило. Ефремов командовал Центральным фронтом всего восемнадцать дней. Фронт расформировали. Ефремов получил под командование 13-ю армию.

В 1942 году Сталин, получив информацию о неблагополучии в армии Родиона Яковлевича Малиновского, собирался отдать генерала своим чекистам.

Дочь Малиновского рассказывает, что судьба отца — это судьба героя авантюрного романа. В его жизни было все, что свойственно этому жанру, начиная с таинственного рождения, тяжелого детства и скитания по всему свету.

Своего отца Малиновский действительно не знал. В метрике у него было записано «незаконнорожденный». Его мать потом вышла замуж. Малиновский возненавидел не только отчима, но и мать. Ушел из дома, батрачил, потом уехал к тетке в Одессу, где поступил в галантерейный магазин. Но заболел скарлатиной, долго провалялся в больнице, потерял место и заработок.

Это было лето 1914 года. С одним из эшелонов Малиновский уехал на фронт Первой мировой войны. Солдатом он оказался умелым. Получил Георгиевский крест и был зачислен в 1-ю Особую бригаду, куда отбирали физически подготовленных и грамотных солдат, только православных. Бригаду отправили во Францию. Российское правительство откликнулось на просьбу Парижа компенсировать потери французских войск в боях с немецкими войсками. Российских солдат французы принимали с почетом и уважением, благодарили и обильно награждали. Пока в России не грянула

Февральская революция.

Среди русских солдат начались разброд и шатания. Военный министр Жорж Клемансо распорядился тех, кто вообще ничего не желал делать, отправить в Алжир, где они оказались на положении осужденных преступников. Тех, кто готов хотя бы работать, свести в трудовые батальоны. А из тех, кто изъявил желание сражаться с немцами, в декабре сформировали русский легион.

Ефрейтор пулеметной роты Малиновский предпочел воевать. Но годы во Франции не были худшими в его жизни. Малиновский вернулся на родину только после окончания Первой мировой. В начале октября 1919 года он сошел с французского судна во Владивостоке. Часть Сибири еще находилась под властью адмирала Александра Васильевича Колчака, но его войска отступали под напором Красной армии.

Малиновский ловко избежал мобилизации в колчаковскую армию и стал пробираться домой. Он больше не хотел воевать, но от судьбы не уйдешь. Будущий маршал попал в руки наступавших красноармейцев. В нем заподозрили бывшего офицера и хотели сразу расстрелять, но потом все-таки отвели в штаб.

Родион Яковлевич понял, что единственный выход — вступить добровольцем в Красную армию. Но боевые действия уже заканчивались. Он счастливо избежал участия в Гражданской войне, чем коллеги-маршалы всегда будут укорять его: «Мы тут революцию делали, с белыми рубились, а ты во Франции отсиживался».

В Красной армии шла массовая демобилизация, но опытного солдата оставили в кадрах. В 1927 году ему удалось поступить в Военную академию имени М. В. Фрунзе. Он рассказывал дочери, что к экзаменам в академии готовился буквально как к бою:

— Я тогда решил, что, если не сдам экзамены, застрелюсь. Потому что те экзамены многое решали в моей жизни.

После академии его распределили в кавалерию. Он стал начальником штаба 3-го кавалерийского корпуса, которым командовал Георгий Константинович Жуков. Тогда еще будущие министры обороны ценили друг друга. Это потом между ними пробежала черная кошка.

Малиновского в 1937 году отправили в Испанию военным советником. Испанию он всегда вспоминал с удовольствием. Все-таки это была не такая страшная война, как Великая Отечественная. И он подпал под обаяние веселых и жизнерадостных испанцев, которые всё способны превратить в праздник.

А вот возвращение домой было страшным. В Красной армии полным

ходом шла большая чистка. За Испанию Малиновский получил сразу два ордена — Ленина и Боевого Красного Знамени. Но он понимал, что никакие ордена от расстрела не спасут. И исчез на целый год. В документах Малиновского нет никаких сведений о том, где он находился с осени 1938-го по осень 1939-го. Рассказывают, будто бы, возвращаясь из Испании, Родион Яковлевич сел в Мурманске на поезд, но до Москвы не доехал. Вылез из поезда в небольшом городе и несколько месяцев где-то работал.

А в 1939 году Большой террор закончился. В сентябре Малиновского назначили старшим преподавателем в Академии Фрунзе, и он сел писать диссертацию о гражданской войне в Испании. Но работу не закончил. В марте 1941 года принял стрелковый корпус в Одесском военном округе.

Малиновский с его боевым опытом выгодно отличался от молодых командиров, которые, не понюхав порошу, получили большие должности из-за того, что сталинский террор обезглавил армию. В первые и самые трудные месяцы войны Малиновский не растерялся. Отступал, как и все, но сохранил свой корпус. Его умелые действия были отмечены Москвой, и через два месяца под Днепропетровском он уже принял 6-ю армию.

Бои 1941 года сделали Малиновского одним из самых заметных командиров Красной армии, которых Сталин приметил и судьбу которых решал сам. В декабре 1941 года Сталин назначил его командующим Южным фронтом, то есть всего за полгода Малиновский совершил фантастический взлет.

Однако летом 1942 года военное счастье ему изменило. Немцы, наступая, смяли Южный фронт и заняли хорошо укрепленный Ростов без боя. Сталин был вне себя. Малиновского сняли с должности. Но дальнейшие репрессии не последовали из-за тяжелого положения на фронте. Малиновского поставили командовать армией. В ноябре 1942 года он оказался под Сталинградом.

Гитлер запретил окруженной под Сталинградом 6-й армии Фридриха Паулюса, которому присвоил высшее звание генерал-фельдмаршала, прорываться из окружения. И отправил спасать Паулюса генерал-фельдмаршала Эриха фон Манштейна. Нажим танковых частей Манштейна был сильным. Возникла реальная угроза, что Манштейн прорвется к Паулюсу.

Против наступавших немцев бросили 2-ю гвардейскую армию Малиновского. Это были свежие, хорошо обученные части. Немцы остановились, а затем и покатились назад. Малиновский мог рассчитывать на то, что Сталин сменит гнев на милость. Но начались новые неприятности.

Адъютант Малиновского исчез, и это взяли на заметку: а не к немцам ли сбежал? А 25 декабря 1942 года покончил с собой генерал-майор Илларион Иванович Ларин, член военного совета 2-й гвардейской армии. Он был другом Малиновского с довоенных времен, и воевали они все время вместе.

Рассказывали разное. Ларин вроде бы искал смерти. Выехал на передовую и даже не пытался укрыться от пуль. Он был ранен, а потом застрелился. Ларин оставил записку, которая заканчивалась словами: «Да здравствует Ленин!» И в Москве заинтересовались, а почему генерал Ларин написал: «Да здравствует Ленин!», а не «Да здравствует Сталин!».

Один из высших чиновников произнес зловещую фразу:

— Может быть, он против товарища Сталина?

Самоубийство видного армейского политработника вызвало подозрение у вождя:

— Что-то у Малиновского не так. Надо проверить. Так все просто не бывает.

Но Никита Сергеевич Хрущев поручился за Малиновского. Тогда Сталин фактически отозвал Хрущева с фронта и отправил проверять, что происходит у генерала. В январе 1943 года продиктовал записку Никите Сергеевичу:

«Тов. Хрущеву

Получил Вашу шифровку насчет Вашего выезда во 2-ю гвардейскую армию для работы там. Я считаю, что Вам придется в ближайшие два месяца остаться там, в Военном Совете 2-й гвардейской армии, и иметь серьезное наблюдение за работой Малиновского.

Не случайно, что во время отступления Южного фронта личный адъютант Малиновского покинул наш фронт и ушел будто бы в партизаны, а на деле, видимо, ушел к немцам. Не случайно также, что член Военного Совета 2-й гвардейской армии и личный друг Малиновского Ларин кончил самоубийством, оставив записку непонятного, странного содержания. Что должна означать в записке Ларина фраза "я ни при чем"? В чем он здесь оправдывается? Почему Ларин мог думать, что мы тронем его семью, тоже непонятно. Почему в записке Ларина говорится о Родионе как об умном человеке?

А Малиновский набрал в рот воды и молчит, как будто это его не касается. Порасспросите обо всем этом Малиновского, а также об его личном адъютанте, — посмотрим, что скажет. Заберите к себе несколько человек, опытных особистов, и с их помощью организуйте строжайшее наблюдение за Малиновским.

Если вскрыется какая-либо фальшь в поведении Малиновского, немедленно сигнализируйте мне, чтобы сразу освободить его под тем или иным благовидным предлогом и заменить другим. Соберите данные о Крейзере, возможно, что вполне подойдет для замены Малиновского, если эта замена окажется необходимой.

Регулярно информируйте меня о результатах Вашего наблюдения».

Упомянутый Сталиным генерал Яков Григорьевич Крейзер отличился на поле боя и был отмечен «Золотой Звездой» Героя Советского Союза.

Хрущев выполнил поручение. Он неотлучно находился у Малиновского. Они сдружились. Малиновский вытащил счастливый билет — он понравился Хрущеву, и это определило всю его будущую жизнь.

Никита Сергеевич целый год опекал Родиона Яковлевича. Когда жена покойного члена Военного совета Ларина прислала письмо с обвинениями в адрес Малиновского, Хрущев переслал письмо Сталину с рекомендацией арестовать ее и допросить, что и было сделано.

Все подозрения с Малиновского были сняты. Словом, спас его Никита Сергеевич. Благодаря Хрущеву его назначили командующим Южным фронтом. В начале 1943 года Малиновский взял Ростов, который оставил в 1942-м. Взятие Ростова означало реабилитацию Малиновского.

В военную историю маршал Малиновский вошел как полководец, осуществивший Яско-Кишиневскую военную операцию — одну из самых крупных во Второй мировой войне. Она закончилась разгромом большой немецкой группировки. Это открыло советским войскам возможность полностью очистить от немецких войск Румынию и Венгрию.

Тяжелые бои развернулись и в районе озера Балатон, где немецкие танковые части, в том числе войска СС, дрались очень упорно. Потери были большими. После Венгрии войска Малиновского развернули на Вену. 13 апреля он взял столицу Австрии.

Маршал Тимошенко писал Сталину:

«Наблюдая искусное руководство войсками... считаю своим долгом просить Вашего ходатайства перед Президиумом Верховного Совета СССР о присвоении военного звания “Маршал Советского Союза” генералу армии Малиновскому...»

Хрущев думал, что этот человек будет предан ему до гроба, потому что он всем был обязан ему. Впоследствии Хрущев сделает его министром обороны. Но сильно ошибется на его счет...

В войну Сталин стал больше ценить своих полководцев.

60-й армией командовал генерал Иван Данилович Черняховский, а членом Военного совета был у него бывший главный политработник

Красной армии Александр Запорожец. Пониженный в должности, Запорожец все равно вел себя начальственно. У них были стычки с молодым командармом.

Командующий фронтом Рокоссовский доложил Сталину, что в военном совете армии сложилась ненормальная ситуация.

Вождь подумал и согласился:

— Да, их надо развести.

Через два дня Запорожца отозвали в Москву. Сталин сделал выбор в пользу Черняховского, который вскоре получит погоны генерала армии и будет командовать фронтами.

К Сталину обратился член военного совета 13-й армии, секретарь ЦК Белоруссии бригадный комиссар Иван Петрович Ганенко (см.: Военноисторический журнал. 2001. № 6):

«Находясь на передовой линии фронта истекшей ночью, я с генералом Ефремовым вернулись в опергруппу штаба армии для разработки приказа о наступлении. Сюда прибыли командующий фронтом Еременко с членом Военного Совета Мазеповым. При них разыгралась следующая сцена: Еременко, не спросив ни о чем, начал упрекать Военный Совет в трусости и предательстве Родины.

На мои замечания, что бросать такие тяжелые обвинения не следует, Еременко бросился на меня с кулаками и несколько раз ударил по лицу, угрожая расстрелом. Я заявил — расстрелять он может, но унижать достоинство коммуниста и депутата Верховного Совета он не имеет права. Тогда Еременко вынул маузер, но вмешательство Ефремова помешало ему произвести выстрел. После этого он стал угрожать расстрелом Ефремову.

На протяжении всей этой безобразной сцены Еременко истерически выкрикивал ругательства. Несколько остыв, Еременко стал хвастать, что он, якобы с одобрения Сталина, избил несколько командиров корпусов, а одному разбил голову.

Сев за стол ужинать, Еременко заставлял пить с ним водку Ефремова, а когда последний отказался, с ругательством стал кричать, что Ефремов к нему в оппозиции и быть у него заместителем больше не может, тем более что он не может бить в морду командиров соединений.

Прошу принять Ваше решение».

Будущий маршал Андрей Иванович Еременко был стойким и упорным командиром, но излишне самоуверенным, непомерно честолюбивым и неисправимо грубым. Он нравился Сталину.

Еще 4 октября 1941 года появился приказ наркома обороны № 0391 «О фактах подмены воспитательной работы репрессиями», который запрещал

самосуд, рукоприкладство, запрещал командирам бить рядовых. Но этот приказ, составленный по предложению Главного политуправления, мало что изменил.

Тем более что вождь вовсе не считал кулак предосудительным аргументом. Еременко не случайно ссылаясь на сталинское одобрение.

«Это, правда, в то время считалось в какой-то степени положительной чертой командира, — вспоминал Хрущев. — Сам Сталин, когда ему докладывал о чем-либо какой-нибудь командир, часто приговаривал:

— А вы ему морду набили? Морду ему набить, морду!

Одним словом, набить морду подчиненному тогда считалось геройством. И били!

Потом уже я узнал, что однажды Еременко ударил даже члена Военного совета. Я ему потом говорил:

— Андрей Иванович, ну как же вы позволили себе ударить? Вы ведь генерал, командующий. И вы ударили члена Военного совета?!

— Знаете, такая обстановка была.

— Какая бы ни была обстановка, есть и другие средства объясняться с членом Военного совета, нежели вести кулачные бои.

Давал в морду и Буденный. Бил подчиненных и Георгий Захаров».

Генерал-лейтенант Георгий Федорович Захаров окончил две академии (в том числе Академию Генштаба), перед войной был начальником штаба Уральского военного округа. В войсках был известен самоуверенностью, раздражительностью, грубостью. Даже с равными по званию вел себя крайне сурово.

Однажды Сталин не выдержал и перед началом наступления под Сталинградом, позвонив Хрущеву, вдруг добавил:

— Вы предупредите генерала Захарова, чтобы он там не дрался.

Хрущев стал советоваться с представителем Ставки Василевским, как повежливее передать слова вождя генералу Захарову, начальнику штаба фронта. Решили, что это должен сделать командующий фронтом Еременко... Но у него язык не поворачивался выговаривать начальнику штаба за то, что сам не считал чем-то дурным.

Хрущев не выдержал:

— Андрей Иванович, следует сказать товарищу Захарову, так?

Еременко официально повернулся к Захарову:

— Смотрите, товарищ генерал, вот вы поедете в 28-ю армию, так не позволяйте себе бить там людям морды. Иначе дело для вас плохо обернется.

Захаров глаза опустил:

— Да что же я, уговаривать буду, что надо наступать?

Еременко прикрикнул на него:

— Товарищ генерал!

Тут и Хрущев, и Василевский сказали, что генералу следует вести себя сдержанно, иначе это обернется для Захарова большими неприятностями. Генерал вместо ответа пробурчал нечто невнятное.

Маршал Филипп Иванович Голиков, еще будучи генералом, откровенно писал Сталину, что ему «приходилось, и не раз, и не хуже кого другого, применять и мат, и брать за ворот».

Генеральный штаб 3 июля 1943 года был вынужден обратиться к командующему Центральным фронтом относительно грубого обращения с подчиненными командира 24-го стрелкового корпуса:

«По имеющимся данным, в среде руководящего состава 24-го стрелкового корпуса сложилась нездоровая обстановка в результате чрезвычайной грубости со стороны командира корпуса генерал-майора Кирюхина.

Постоянная ругань, угрозы расстрела и оскорбления своих заместителей и начальника штаба вошли в систему. Прошу указать генерал-майору Кирюхину на необходимость немедленного изжития подобного отношения к своим подчиненным».

Но в сентябре его корпус успешно форсировал Днепр и захватил плацдарм на другом берегу. Николай Иванович Кирюхин получил «Золотую Звезду» Героя Советского Союза, на следующий год был произведен в генерал-лейтенанты и повышен в должности.

Так что и Еременко рукоприкладство сошло с рук, хотя на него жаловался не последний человек — член военного совета армии и секретарь ЦК компартии Белоруссии Ганенко, которого ценили: после войны его заберут в Москву в аппарат ЦК КПСС.

В спорах между членами военных советов и командующими фронтами Сталин становился на сторону командующих. Он понял ценность и незаменимость генералов и дорожил ими больше, чем партийными работниками. Этих-то много, а умелых полководцев, способных командовать фронтами, оказалось всего десятка полтора.

Но снисходительным он был с немногими.

Однажды в разгар боевых действий на месте не оказалось ни одного из руководителей военно-воздушных сил, и к Сталину привели оказавшегося старшим среди авиаторов генерал-лейтенанта Николая Александровича Соколова-Соколёнка.

Он попал в сталинский кабинет в первый раз и рапортовал

Верховному главнокомандующему, как положено по уставу. А Сталин этого не любил. Оглядев вытянувшегося в струнку генерала, Сталин стал задавать вопросы, на которые Соколов-Соколёнок ответов не знал, поскольку был в тот момент начальником Военно-воздушной академии имени Н. Е. Жуковского.

— Как это «не знаю»! — возмутился Сталин. — Как вы можете приходиться ко мне и отвечать на мои вопросы «не знаю»! Да я вас немедленно арестую! Через два часа чтобы все сведения были у меня в письменном виде.

Начальник академии вылетел из сталинского кабинета бледный как мел. Изумленно спросил у знакомого:

— Он что, действительно прикажет меня арестовать?

— А ты что думал? Давай скорее собирай людей и готовь справку...

Общение с генеральным секретарем вселяло в людей тревогу. Всякий раз, когда надо было ему докладывать, становилось страшно. Сталин производил такое впечатление не только на своих подчиненных, которые были полностью в его власти.

Когда в августе 1942 года в Москву прилетел британский премьер-министр Уинстон Черчилль, устроили прием. Представляя Черчиллю наркома авиационной промышленности генерал-полковника Алексея Ивановича Шахурина, вождь заметил:

— Он отвечает за обеспечение фронта боевыми самолетами. Если он этого не сделает, мы его повесим.

И подтвердил свои слова выразительным жестом.

Шахурин писал в воспоминаниях, как он сделал вид, будто оценил юмор вождя, и весело смеялся. На самом деле нарком вполне представлял себе, что вождь запросто может свою «шутку» превратить в реальность. Так и произойдет! В 1946 году Шахурин посадили за «выпуск нестандартной, недоброкачественной и некомплектной продукции». Выпустили после смерти Сталина...

Но во время войны вождь бывал даже снисходителен к военным. Начальник Главного артиллерийского управления маршал артиллерии Николай Дмитриевич Яковлев присутствовал в кабинете вождя, когда его помощник Поскребышев доложил, что прибыл вызванный Сталиным генерал.

— Пусть войдет, — распорядился вождь.

Появившийся в кабинете генерал с трудом держался на ногах — выпил лишнего. Он был смертельно бледен, понимая, какое ужасное преступление совершил. Ухватившись за край стола, пробормотал, что явился по

приказанию. Все затаили дыхание, ожидая невероятной вспышки гнева.

Но Сталин неожиданно мягко спросил:

— Вы как будто сейчас нездоровы?

— Так точно, — выдавил из себя генерал.

— Тогда мы встретимся с вами завтра, — сказал Сталин.

Когда генерал вышел, Сталин заметил:

— Товарищ сегодня получил орден за успешно проведенную операцию. Что его вызовут в Ставку, он, естественно, не знал. Ну, и отметил на радостях свою награду. Так что особой вины в том, что он явился в таком состоянии, считаю, нет...

Даже если это апокриф, то близкий к истине.

После того как Красная армия перешла в контрнаступление и начала громить врага, Сталин окончательно пришел в себя и обрел прежнюю самоуверенность. И к своим полководцам стал относиться иначе. Он больше от них не зависел. И спешил напомнить им, насколько они зависели от него.

Однажды Сталин вызвал к себе того же Яковлева и командующего артиллерией Красной армии Главного маршала артиллерии Николая Николаевича Воронова.

Появление бравого маршала Воронова обыкновенно вызывало у Сталина доброжелательную реакцию (см.: Военноисторический журнал. 2002. № 12). А тут, держа потухшую трубку в руке (это, как все знали, безотказный барометр дурного настроения), он молча прохаживался по кабинету.

Яковлев и Воронов стояли по стойке «смирно». Суровый взгляд Сталина уперся в грудь высокого Воронова и, естественно, в ордена начальника артиллерии Красной армии. И вождь вдруг недовольно произнес:

— Зазнались, орденов нахватили!..

Фраза показалась неуместной, как будто не он сам раздавал ордена своим маршалам.

Маршала артиллерии Яковлева после войны арестовали...

Сталин не упускал возможности напомнить, что без его ведома ничего делать нельзя.

Леонид Ильич Брежнев участвовал в Параде Победы в июне 1945 года на Красной площади в качестве комиссара сводного полка 4-го Украинского фронта. Через много лет, отмечая свой день рождения в охотничьем хозяйстве в Завидове, Брежнев рассказал несколько смешных эпизодов того памятного дня.

Генерал Брежнев раньше других приехал в банкетный зал, стал пробираться поближе к тому месту, где должен был появиться Сталин, и опрокинул стопку чистых тарелок. После банкета они с трижды Героем Советского Союза полковником (будущим маршалом авиации) Александром Покрышкиным выпивали в гостинице «Москва». После полуночи их попросили уйти. Покрышкин вытащил пистолет и начал стрелять в воздух.

На следующий день об этом доложили Сталину. Тот благожелательно сказал:

— Герою можно!

Высшим офицерам было разрешено устроить жизнь со всеми удобствами. Фотографии полководцев, на которых по всем швам трещат сшитые на заказ кителя, свидетельствуют о том, что и во время войны они питались настолько усиленно, что это было вредно для их здоровья. И не из солдатского котла. Маршалы и генералы устраивали себе более чем комфортную жизнь, многие из них вели себя просто по-барски.

Красная армия отличалась тем, что в ней кормили в соответствии с должностью. Начиная с командира взвода, офицерам полагался дополнительный паек. Правда, известный писатель Григорий Яковлевич Бакланов, лейтенантом-артиллеристом прошедший всю войну, говорил мне, что не видел в этом ничего дурного. Он своим допайком делился с солдатами. Но дело не в окопных лейтенантах, которые не ели в одиночку.

При полевом управлении фронта открывалось несколько столовых: Военного совета, политуправления и просто военоторговская — для низовых работников. Кормили там не так, как в окопах, где часто просто не хватало еды. Офицеры добивались права обедать в столовой более высокого ранга, где кормили лучше и обильнее. Система дополнительных пайков, специальных столовых и других привилегий для начальства подрывала дух солдатского товарищества.

29 сентября 1941 года секретарь Военного совета Западного фронта батальонный комиссар Астапов обратился к начальнику Главвоенторга Зайцеву:

«Для проведения ряда мероприятий Военным Советом Западного фронта прошу Вашего распоряжения об отпуске:

Первое. Фруктов разных (виноград, груши, яблоки, апельсины, мандарины и консервированные фрукты).

Второе. Рыбных изделий (балык, семга, тешка, севрюга), икры.

Третье. Консервов рыбных (шпроты, сардины, кильки, бычки).
Четвертое. Винно-водочных изделий на 3000 рублей.

Пятое. Кондитерских изделий в ассортименте.

Шестое. Пива и фруктовых вод».

Виноград, икра и коньяк в больших количествах потребовались командованию Западного фронта в сентябре сорок первого, когда судьба Москвы висела на волоске, когда части фронта отходили назад, когда рядовых красноармейцев не во что было одеть и нечем было кормить...

В дни боев за Москву командующий 43-й армией генерал Константин Дмитриевич Голубев, жалуясь на Жукова, переслал письмо Сталину:

«Армия перестала бежать и около двадцати суток бьет морду противнику; на Подольск его не пускает и не пустит. Пришлось в гуще боя человек тридцать расстрелять, кого надо — обласкать, и до шестисот человек приставили к правительственным наградам...

Просьба:

перестать применять ко мне, как к командующему, политику кнута, как это имело место в первые пять дней. На второй день по приезде меня обещали расстрелять, на третий день отдать под суд, на четвертый день грозили расстрелять перед строем армии.

Тов. Сталин! Мне ясна обстановка, задачи, ответственность, мне не менее, чем старшим начальникам, дорога партия, родина. Я в лепешку расшибусь, чтобы выполнить задачу, не боясь ничего, с группой работников подавал пример в бою, и голая ругань, угрозы расстрела, ненужное дерганье по мелочам способны только выбивать почву из-под ног, создают обстановку, когда стыдно смотреть в глаза подчиненным, которые читают эти документы... Сейчас стало лучше. Я бы не хотел, чтобы это было понято как жалоба на Военный совет фронта, отношение которого сейчас ко мне стало нормальным».

Генерал Голубев в самом начале войны попал в окружение, но сумел выйти к своим и продолжал воевать. Будущий маршал Андрей Иванович Еременко, когда стал командующим войсками Калининского фронта, записал в дневник впечатления от посещения командующего 43-й армией Голубева (см.: Независимое военное обозрение. 2000. № 15):

«Вместо заботы о войсках занялся обеспечением своей персоны. Он держал для личного довольствия одну, а иногда и две коровы (молоко и масло), три-пять овец (для шашлыков), пару свиней (для колбас и окороков) и несколько кур. Это делалось у всех на виду, и фронт об этом знал».

Еременко генерала Голубева не любил и возмущался жизнью командарма:

«Командный пункт генерала Голубева — новенький, рубленый с русской резьбой пятистенки, прямо-таки боярский теремок. Кроме того,

построен домик для связных, ординарцев, кухни и охраны. Подземелье и ход в него отделаны лучше, чем московское метро. Построен маленький коптильный завод. Голубев очень любит копчености: колбасы, окорока, а в особенности рыбу; держит для этого человека, хорошо знающего ремесло копчения. Член военного совета армии не отставал от командующего».

Генерала Голубева, который устроился на войне с таким комфортом, в конце концов забрали с фронта и назначили заместителем уполномоченного Совнаркома по делам репатриации советских граждан...

Маршал Кулик из Ростова отправил свой самолет (американский транспортный «Дуглас») в Свердловск к жене с запасом продуктов, полученных через начальника Краснодарского военторга. Остальные продукты он послал в личном вагоне в Москву, и адъютант доставил всё в целости и сохранности на квартиру маршала.

В самолет погрузили ящики с яблоками, колбасу, рыбу, муку, масло, сахар. В вагон влезло побольше: несколько мешков муки, риса, гречки, сахара, сорок ящиков мандаринов, тысяча лимонов, двести бутылок коньяку, десятки килограммов икры, килограммы конфет, чая, варенья... Это были не запасы на голодную зиму, которые с большим или меньшим успехом пытались делать все советские люди. Маршал готовил выпивку и закуску для приятных вечеров в компании сослуживцев. Напрасным будет предположение, что так вел себя один лишь Григорий Иванович Кулик.

Сталин снисходительно относился к похождениям военных. Оторванные от семей солдаты и офицеры оставались мужчинами. Они жаждали женского внимания, ласки, нежности. На фронте родилось такое понятие — «походно-полевая жена». Как правило, это были медсестры и врачи, других женщин на фронте не было.

6 июля 1942 года начальник Главного политуправления армии Александр Щербаков выступал на совещании политсостава. Говорил о моральном облике командира и политработника:

— Половая распущенность, разврат и нормальные человеческие отношения — вещи разные. Отрываться от земли и витать в облаках не следует. Если же сойдутся люди — командир с женщиной, чего здесь особенного? К чему устраивать переполох, зачем следить, а потом писать, заседать, преследовать? Надо строго следить за тем, чтобы не попала в среду командиров стерва-шпионка. Таких надо разоблачать и гнать. А если случилось — люди сошлись, незачем шумиху поднимать.

В войну вся система привилегий начальства сохранилась в неприкосновенности. Заместитель начальника Генерального штаба 20 июня 1943 года обратился к начальнику штаба Дальневосточного фронта:

«В личном пользовании командующего 25-й армией содержатся семь легковых машин, семь шоферов, пять поваров. У членов Военного совета 25-й армии по три машины и по три шофера. Помимо этого содержится нештатная конюшня в составе 9 лошадей и 7 коноводов. В штабах фронта и армий на должностях шоферов, как правило, вместо рядового состава содержится младший начсостав. Предлагаю ликвидировать обнаруженные нарушения штатной дисциплины».

О наказании командующего армией за непозволительное барство и речи не шло...

Генерал Давид Иосифович Ортенберг, бывший ответственный редактор «Красной звезды», затем начальник политотдела 38-й армии, знал Брежнева с довоенных времен. Да и жена Ортенберга училась с Леонидом Ильичом в Днепродзержинском металлургическом институте. Когда Ортенберг после войны возвращался домой, заглянул к Леониду Ильичу. Постановлением Ставки в июле 1945 года 4-й Украинский фронт расформировали. На базе штаба и частей образовали Прикарпатский военный округ. Командование округа разместилось в Черновцах. Брежнев был назначен членом военного совета округа.

Леонид Ильич дружески спросил:

— Что ты везешь жене?

Ортенберг сильно удивился словам Брежнева: он ничего и не собирался везти жене. Не из заграничной командировки возвращался, а с войны... Но опытный Леонид Ильич отвез его на склад и сам выбрал для генеральской жены меховую шубу.

АБАКУМОВ. КАРЬЕРА НАЧАЛЬНИКА СМЕРША

11 июля 1945 года в «Правде» появился указ Президиума Верховного Совета СССР, отменивший специальные звания для начальствующего состава органов госбезопасности. На сотрудников НКВД и НКГБ распространили воинские звания, установленные для офицерского состава и генералов Красной армии, ту же форму одежды и те же знаки различия.

На первой полосе «Правды» были напечатаны роскошный портрет наркома внутренних дел Берии и указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении ему звания Маршала Советского Союза. Указ подписали председатель президиума Калинин и секретарь президиума Александр Федорович Горкин. Чуть ниже были помещены фотография наркома госбезопасности Меркулова и указ о присвоении ему звания генерала армии. Этот указ подписали Сталин как председатель Совета народных комиссаров СССР и управляющий делами правительства Яков Ермолаевич Чадаев.

Рядом был помещен также подписанный Сталиным длинный список чекистов, которым присвоили общевойсковые звания.

Звание генерал-полковника получили: начальник военной контрразведки «Смерш» Абакумов, первые заместители наркомов внутренних дел и госбезопасности: Сергей Никифорович Круглов, Иван Александрович Серов, Богдан Захарович Кобулов, Василий Васильевич Чернышов, уполномоченный НКГБ по Дальнему Востоку Сергей Арсеньевич Гоглидзе, начальник Главного управления строительства шоссейных дорог НКВД Карп Александрович Павлов.

Звание генерал-лейтенанта получил пятьдесят один человек. Среди них такие заметные люди, как начальник сталинской охраны Николай Сидорович Власик, начальник следственной части по особо важным делам НКГБ Лев Емельянович Влодзимирский, начальник Управления НКГБ по Приморскому краю Михаил Максимович Гвишиани (его сын станет зятем главы правительства Алексея Николаевича Косыгина), первый заместитель начальника Главного управления по делам военнопленных и интернированных Амаяк Захарович Кобулов (младший из братьев), нарком госбезопасности Казахстана Сергей Иванович Огольцов, начальник 4-го управления НКВД Павел Анатольевич Судоплатов, начальник внешней разведки Павел Михайлович Фитин, нарком госбезопасности Белоруссии

Лаврентий Фомич Цанава...

Звание генерал-майора получили почти полтора десятка чекистов. В этот день на Лубянке был большой праздник — Сталин уважил своих чекистов.

При этом он по-прежнему никому не доверял. Как только стало ясно, что война будет выиграна, вождь вновь разделил единый Наркомат внутренних дел на два: ему не нужны были люди, наделенные слишком большой властью.

14 апреля 1943 года, после нового разделения Наркомата внутренних дел, Меркулов опять возглавил Наркомат госбезопасности. Вождь постоянно менял структуру органов госбезопасности и переставлял чиновников на Лубянке. Только со стороны это кажется проявлением страсти к экспериментам. Реальная причина иная: Сталин тасовал кадры, чтобы чекисты не засиживались, не обзаводились связями, не теряли хватки.

Страшноватая практика работы чекистов при Сталине строилась на вахтовом методе. Формировалась команда, которая выполняла свою часть работы. На это время они получали всё — материальные блага, звания, должности, ордена, почет, славу, право общения с вождем. Ценные вещи, конфискованные у арестованных, передавались в спецмагазины, где продавались сотрудникам Наркомата внутренних дел. Служба не просто предоставляла средства к существованию, но и создавала привилегированный образ жизни и сознание особой роли в жизни страны.

Когда они свою задачу выполняли, команду уничтожали...

На Лубянку приходили новые люди. Наступала очередь следующей бригады, ей доставались все блага. Молодые люди, не получившие образования, совершали головокружительные карьеры. Принцип «кто был ничем, тот станет всем» реализовывался на практике. Люди назначались на высокие посты, оставаясь малограмотными.

Сталин нужных ему людей выдвигал и окружал заботой. Когда надобность в них проходила, без сожаления отказывался от их услуг. Часто за этим следовал расстрел.

15 марта 1946 года Верховный Совет принял закон «О преобразовании Совета Народных Комиссаров СССР в Совет Министров СССР и Советов Народных Комиссаров союзных и автономных республик в Советы Министров союзных и автономных республик». Наркоматы переименовали в министерства.

Через неделю НКГБ стал Министерством государственной безопасности. Но Меркулов пробыл министром всего лишь полтора года. 4 мая 1946 года его сместили с поста министра госбезопасности. Нелепо

даже задаваться вопросом, почему Сталин его убрал. Он никогда не давал одному чиновнику слишком много власти.

Рано или поздно наступал момент, когда он приходил к выводу, что нужен новый человек. Генрих Ягода был хозяином Лубянки два года. Лаврентий Берия руководил госбезопасностью чуть больше двух лет, пока наркомат не поделили. Еще около двух лет командовал всеми чекистами во время войны — и вновь Сталин отставил Берия от госбезопасности, перевел на хозяйственные дела. А в конце 1945 года Берия и вовсе перестал быть наркомом внутренних дел.

Всеволод Меркулов, в свободное время писавший пьесы, продержался в роли хозяина Лубянки около трех лет, а для такой должности это большой срок. К тому же его не арестовали. Он ушел с Лубянки на своих ногах и свободным человеком.

Новый министр государственной безопасности генерал-полковник Виктор Семенович Абакумов любил вечерами прогуливаться по улице Горького, со всеми любезно здоровался и приказывал адъютантам раздавать старушкам по сто рублей. Они крестились и благодарили. Абакумов любил также фокстрот, футбол и шашлыки — их ему привозили из ресторана «Арагви».

Когда его арестуют в июле 1951 года, то при обыске у бывшего министра найдут 1260 метров различных тканей, много столового серебра, шестнадцать мужских и семь дамских часов, сто пар обуви, чемодан подтяжек, шестьдесят пять пар запонок... Пока Виктор Семенович был на свободе, он наслаждался жизнью — насколько это было возможно по тем временам. Вероятно, это была компенсация за невеселое и несытое детство.

Абакумов родился в Москве в 1908 году. Сын больничного истопника и прачки, он проучился в школе всего четыре года. После армии был разнорабочим, упаковщиком, грузчиком, стрелком военизированной охраны. Жизнь началась, когда его сделали заведующим военным отделом и членом бюро Замоскворецкого райкома комсомола. А в январе 1932 года по партийной путевке Абакумова перевели в ведомство госбезопасности.

Его первые начальники в ОГПУ Московской области презрительно называли новичка «фокстротчиком». Будущий министр и в самом деле увлекался танцами и больше всего любил модный тогда фокстрот — танец, пришедший из Америки. Еще больше он увлекался женщинами и пользовался взаимностью. Он вербовал молодых женщин и развлекался с ними на конспиративных квартирах, а потом писал от их имени донесения с обвинениями врагов народа.

В 1938 году его взяли во 2-й (оперативный) отдел ГУГБ,

занимавшийся обысками, арестами, наружным наблюдением и установкой подслушивающей техники. Физически очень крепкий, Абакумов идеально подходил для такой работы. А через несколько дней после утверждения Берии наркомом внутренних дел и начавшейся чистки аппарата Абакумов получил первое самостоятельное назначение.

5 декабря 1938 года он поехал начальником управления в Ростов. В те годы начальники областных управлений, с головокружительной быстротой взлетавшие вверх по служебной лестнице, делали свою карьеру с помощью больших кулаков и бесконечного цинизма.

3 февраля 1941 года НКВД поделили на два наркомата — внутренних дел и госбезопасности — понадобилось вдвое больше высших чиновников. Берия вызвал Абакумова в Москву. 25 февраля он был назначен заместителем наркома внутренних дел. А после начала войны, 19 июля 1941 года, Сталин поставил Абакумова во главе Управления особых отделов НКВД СССР — военной контрразведки.

Статный и уверенный в себе Виктор Семенович Абакумов приглянулся Сталину.

Положение о военной контрразведке перечисляло задачи особистов: пресекать шпионаж и попытки диверсий, вскрывать вредительство, ликвидировать «всякого рода антисоветские проявления в Красной армии (контрреволюционная агитация, распространение антисоветских листовок, провокационных слухов)»: предупреждать «контрреволюционные проявления по всем линиям», «систематически очищать ряды армии от проникших социально опасных лиц». Это была не контрразведка в обычном понимании, а аппарат контроля над вооруженными силами.

19 апреля 1943 года вождь вывел особые отделы из состава Наркомата внутренних дел. На их основе создал Главное управление контрразведки «Смерть шпионам» (Смерш) Наркомата обороны и Управление контрразведки «Смерш» Наркомата военно-морского флота.

Начальником Смерша был назначен комиссар госбезопасности 3-го ранга Виктор Абакумов. По должности он стал одновременно заместителем наркома обороны и подчинялся напрямую самому Сталину. Впрочем, через месяц, 25 мая, он перестал быть заместителем наркома, но подчинялся все равно только Верховному главнокомандующему. Смерш обладал собственной следственной частью и благодаря широким полномочиям и личному покровительству Сталина превратился в мощное ведомство.

В центральном аппарате Смерша служило 646 человек. Размещались сотрудники в доме номер 2 на площади Дзержинского на четвертом и

седьмом этажах. Офицеры Смерша получали такие же продовольственные и промтоварные карточки, как и армейские офицеры, вспоминает генерал Борис Васильевич Гераскин, начинавший службу под началом Абакумова. Карточки отоваривались в магазинах на Кузнецком Мосту и на улице Горького. Обедали офицеры по талонам в ведомственной столовой.

В конце войны Смерш занялся солдатами Красной армии, попавшими в немецкий плен, и советскими гражданами, оказавшимися на территории Германии то ли по своей воле, то ли по принуждению. Почти все они прошли через фильтрационные лагеря. Бывших военнопленных отправляли на самые тяжелые работы.

Аресты военных по выдуманным обвинениям продолжались всю Великую Отечественную, несмотря на то что шла жестокая война и каждый человек был нужен на фронте. Масштабы арестов среди генеральского состава свидетельствуют о том, каким большим осведомительным аппаратом была пронизана военная среда.

Обвинительные заключения по делам арестованных генералов свидетельствуют о том, что многие военачальники в своем кругу откровенно говорили о причинах катастрофы лета сорок первого и о роли самого Сталина в подрыве обороноспособности страны. Значит, такие настроения в офицерской среде были достаточно распространены. Но большинство из осторожности держали подобные мысли при себе.

4 мая 1946 года Абакумов сменил Меркулова на посту министра госбезопасности. Главное управление контрразведки «Смерш» включили в состав министерства на правах Третьего главного управления.

Личный состав Смерша, вспоминает генерал Гераскин, собрали в актовом зале дома номер 2 на площади Дзержинского. Выступал заместитель Абакумова генерал-лейтенант Исая Яковлевич Бабич. Он сказал, что военная контрразведка нанесла поражение немецко-фашистским спецслужбам. За годы войны немцам не удалось ни одно сколько-нибудь значительное разведывательное мероприятие. ЦК и правительство высоко оценивают деятельность военных чекистов. Но в мирное время необходимость в органах «Смерш» отпала и партия приняла решение об их реорганизации. Учитывая заслуги Абакумова в руководстве военной контрразведкой, он по личному предложению Сталина назначен министром госбезопасности. Зал громко зааплодировал.

Считается, что этим назначением вождь создавал противовес Берии. Но Сталин был всевластен и не нуждался в противовесах... Отодвинув другие дела, вождь все больше погружается в дела чекистские.

Генерал-лейтенант Павел Гаврилович Дроздецкий вспоминал:

«С июля 1946-го по март 1948 года я работал начальником Пятого управления МГБ СССР. Нам тогда было объявлено, что непосредственное руководство над МГБ осуществляет лично И. В. Сталин и все документы оперативного характера составляются только в его адрес».

Лаврентий Павлович Берия уже был отстранен от госбезопасности. В результате разделения единого НКВД на два наркомата ему досталось ведомство внутренних дел, занятое в основном использованием труда заключенных в промышленности.

Сталин никогда не давал одному человеку слишком много власти.

29 декабря 1945 года он подписал постановление политбюро: «Удовлетворить просьбу т. Берии об освобождении его от обязанностей Наркома внутренних дел». Своей рукой вождь дописал: «ввиду перегруженности его другой центральной работой».

Берия вовсе об этом не просил. Решение политбюро было сигналом того, что при очередном повороте Лаврентий Павлович может отправиться вслед за своими предшественниками в небытие.

Виктор Семенович сумел ловко подорвать позиции прежнего министра — Меркулова. Жаловался Сталину: Меркулов на совещаниях с оперативным составом требует сконцентрировать силы на борьбе с разведывательно-подрывной деятельностью германских спецслужб, а разработке троцкистов внимания не уделяет!

В ЦК ушла справка, из которой следовало, что 2-е управление МГБ, выполняя указания Меркулова и его заместителя Богдана Кобулова, сдало все дела на троцкистов в архив, работа по троцкистам прекращена, агентура используется по другим линиям. Вождь счел это грубой политической ошибкой. Появился приказ: поднять из архива дела на троцкистов и восстановить по ним чекистскую работу.

Меркулов не только потерял пост министра. Его из членов ЦК перевели в кандидаты — за то, что «скрывал от Цека факты о крупнейших недочетах в работе министерства». Это могло быть предвестием еще больших неприятностей.

БУЛГАНИН. УКРОЩЕНИЕ ГЕНЕРАЛОВ

Абакумов стал министром потому, что вождь решил приструнить военных.

Через день после Парада Победы, 26 июня 1945 года, Президиум Верховного Совета СССР принял указ об установлении высшего воинского звания «Генералиссимус Советского Союза». На следующий день это звание присвоили Сталину.

До него генералиссимусами были: командующий армией при Петре Великом боярин Алексей Семенович Шеин (14 декабря 1695 года), Александр Данилович Меншиков (12 мая 1727 года), принц Антон Ульрих Брауншвейгский (11 ноября 1740 года) и Александр Васильевич Суворов (28 октября 1799 года).

Любопытно, что императоры, жаловавшие других высоким званием, не подумали возвести в генералиссимусы себя самих. Давать звания самому себе считалось неудобным. Последний русский император Николай II так и остался полковником — в том звании, в которое его произвел перед смертью отец-император.

Сталин же, ни дня не служивший в армии, в марте 1943 года захотел стать маршалом. Он с удовольствием носил маршальскую форму с широкими золотыми погонями и брюки на выпуск с красными лампасами. Потом его, видимо, стало раздражать, что он оказался одним из многих маршалов, и он польстился возможностью поставить себя выше военачальников и принял нелепое звание, смешно звучащее для русского уха. Значит, верх взяло стремление к почестям.

После войны Сталин неожиданно перепоручил все дела по военному ведомству Николаю Александровичу Булганину.

Из всех сталинских соратников Булганин, пожалуй, запомнился меньше других, хотя этот благообразный господин с бородкой был в какой-то момент самым близким к вождю человеком.

Николай Александрович Булганин родился в Нижнем Новгороде в 1895 году, его отец служил управляющим на фабрике. Сам он начинал учеником электротехника, окончил реальное училище. После революции служил в ВЧК. В 1927 году он стал директором Московского электростроительного завода, а в 1931 году его назначили председателем исполкома Моссовета. Хозяином Москвы был Лазарь Каганович, но он занимал слишком много постов и городское хозяйство поручил Хрущеву и Булганину. А они жили в одном

доме, даже на одной лестничной площадке, дружили семьями. Сталин всегда приглашал их вместе, с легкой иронией именуя «отцами города».

В 1937 году Булганин выступал на Первом Всесоюзном съезде архитекторов с речью «Реконструкция городов, жилищное строительство и задачи архитектора». Городской голова с гордостью говорил:

— Когда мы ломали Иверскую часовню, многие говорили: «Хуже будет». Сломали — лучше стало.

Стенограмма зафиксировала: в зале аплодисменты. В ноябре 1934 года в Москве взрывами снесли стену Китай-города, Сухареву башню, Иверские ворота. В тот момент казалось, что москвичи радуются переменам в городе. В процессе реконструкции Москвы вырубili деревья на Садовом кольце.

Булганин сказал:

— Вырубili деревья, и стало лучше, товарищи.

В зале смех и аплодисменты...

Всю войну Булганин провел на фронте членом военного совета различных фронтов. В ноябре 1944 года стал генералом армии. Военным человеком он не стал, даже в суровых условиях фронтовой жизни сумел неплохо устроить свой быт, поэтому подчиненные, особенно окопные офицеры, относились к нему пренебрежительно.

Один из офицеров через много лет после войны вспоминал, как его отправили с докладом в штаб фронта:

«Меня поразило тогда различный по численности обслуживающий персонал у трех военачальников: у начальника штаба фронта Соколовского в приемной сидел один адъютант, у командующего Жукова — адъютант и офицер, а у Булганина сидело человек пять политработников высокого ранга, два телефониста, личный повар, официант с подносом, который волновался, что остынут паровые котлетки, приготовленные для члена военного совета. Из разговора в приемной я узнал, что Булганин не кушает жареных котлет. Срубленный саперами дом рядом с блиндажом Булганина был в два раза больше, чем у Жукова. При доме была внутренняя охрана, чего не было у Жукова и Рокоссовского».

Во время войны Булганин фактически завел себе новую семью. Но разводы не поощрялись. Поэтому он жил с новой семьей, но когда к нему приезжал кто-то из высшего руководства, вынужден был принимать гостей на государственной даче, где обитала старая семья. Веселья не получалось.

Сталин такими мелочами не интересовался и замечаний Булганину относительно его романов не делал. Напротив, в годы войны еще больше расположился к Булганину. В ноябре 1944 года он назначил Николая Александровича заместителем наркома обороны, членом Государственного

Комитета Оборона, а в феврале 1945-го еще и членом Ставки Верховного главнокомандования.

В феврале 1947 года на пленуме ЦК Сталин сказал:

— У меня небольшое заявление насчет себя. Я очень перегружен работой, особенно после войны пришлось пойти вглубь работы по гражданской части, и я бы просил, чтобы пленум не возражал против того, чтобы я был освобожден от обязанностей министра вооруженных сил. Меня мог бы с успехом заменить товарищ Булганин — мой первый заместитель. К тому же и возраст сказывается.

Председательствовавший на пленуме Молотов спросил:

— Есть ли желающие высказаться? Нет желающих высказаться. Есть ли возражения против предложения товарища Сталина?

Стенограмма зафиксировала голоса с мест:

— Принять.

Молотов констатировал:

— Принимается.

Почему Сталин выбрал на пост военного министра именно Булганина, который хотя и получил высокое воинское звание, но в реальности остался штатским человеком? Почему подчинил ему плеяду полководцев, победивших в войне и рассчитывавших, что пост министра достанется кому-то из них?

Сознательный жест. Вождь не хотел возвышать кого-то из прославленных военачальников, напротив, поставил над ними комиссара, причем того, которого очевидно недолюбливали в войсках.

3 ноября 1947 года Сталин продиктовал короткую записку:

«Членам Политбюро ЦК ВКП(б)

Предлагаю присвоить товарищу Булганину звание Маршала Советского Союза.

По-моему, соответствующий Указ Президиума нужно мотивировать выдающимися заслугами товарища Булганина перед вооруженными силами СССР во время Отечественной войны и послевоенный период. Указ надо опубликовать не позже 5 ноября сего года.

Я думаю, что мотивы моего предложения не нуждаются в комментариях, — они и так ясны».

На следующий день газеты вышли с указом Президиума Верховного Совета СССР. Через несколько месяцев Булганин получил повышение и по партийной линии.

16 февраля 1948 года Сталин подписал постановление политбюро:

«Ввиду того, что Политбюро в своей работе трудно обойтись без

министра Вооруженных Сил, Политбюро считает необходимым поставить на голосование членов ЦК предложение о переводе тов. Булганина Н. А. из состава кандидатов в состав членов Политбюро ЦК».

В апреле 1950 года Сталин сделал Булганина первым заместителем в правительстве.

Хрущев потом вспоминал:

— Я помню, как мы с товарищем Кагановичем полетели к товарищу Сталину в Сочи, он там тогда отдыхал. Были у него несколько дней и вели разговоры на разные темы... Товарищ Сталин поднял такой вопрос: стар, говорит, что вы меня, старика, эксплуатируете... Он спрашивал: кого можно избрать председателем Совета министров? И он сказал: я бы считал подходящим на этот пост товарища Булганина. Сейчас давайте утвердим его первым заместителем председателя Совета министров.

Отныне повседневная власть сосредоточилась в руках тройки — Берия, Маленков, Булганин. И первые двое сделали всё, чтобы подорвать позиции Николая Александровича.

— Когда Сталин назвал Булганина как возможную кандидатуру на пост председателя Совета министров, — рассказывал Хрущев, — всё было мобилизовано против Булганина. И создалось такое впечатление, что, когда председательствует на Совете министров Булганин, никакой вопрос нельзя было решить. Берия его не поддерживает, Маленков его не поддерживает... Как бы ни был вопрос хорошо подготовлен, можно сказать, что его нужно лучше изучить и снять с повестки. Если это сделать раз, второй и третий, то уже складывается мнение, что председательствующий не может решать вопросы.

А военным министром вместо Булганина вождь сделал маршала Василевского, многолетнего начальника Генштаба, к которому привык за годы войны.

Прирожденный штабист, Александр Михайлович Василевский стал слушателем первого набора Академии Генерального штаба (воссозданной решением ЦК и Совнаркома 2 апреля 1936 года). После окончания академии летом 1937 года полковника Василевского направили в Генштаб помощником начальника оперативного отдела. 25 августа 1941 года генерал-майор Василевский — начальник Оперативного управления и заместитель начальника Генштаба. 26 июня 1942 года генерал-полковник Василевский был утвержден начальником Генштаба.

За первые шестнадцать месяцев войны сменились три начальника Генштаба — Жуков, Шапошников, Василевский. Сталин плохо представлял себе работу Генерального штаба, недооценивал его и лишь в ходе войны

убедился в ценности квалифицированных штабных работников.

С 5 июля 1942 года по 18 февраля 1945 года Василевский как представитель Ставки сорок раз выезжал на фронт. Это съело сорок процентов его служебного времени. Сталин не любил, чтобы военные засиживались в Москве, всех гонял на фронт, хотя начальнику Генерального штаба надо быть на месте.

Летом 1942 года немцы наступали, вспоминал Хрущев. Прилетел Василевский — разбираться. Больше всего нажим противника ощущала 38-я армия, которой командовал будущий маршал Кирилл Семенович Москаленко. Хрущев и Василевский поехали к нему и застали неорганизованное бегство. Стали искать командующего.

«Знали, где он находился раньше, и направились сначала туда. Когда подъехали, то там уже снимались с места кухня и военторг. Навстречу попался здоровый такой парень, лицо у него — кровь с молоком. Солдаты о таких говорили: “По физиономии видно, что из военторга”. Не выходя из машины, Василевский подозвал его. У него был мягкий характер и деликатное обращение с людьми. Он говорит:

— Послушайте, товарищ! Это не Москаленко ли хозяйство?

— Да, Москаленко.

— А где сам Москаленко?

Солдат сказал, что в таком-то селе, неподалеку отсюда, не дальше чем в десяти километрах. Мы отправились туда.

Вдруг этот солдат закричал:

— Стой! Стой!

Остановились. Этот краснорожий нахал, глядя на Василевского, говорит ему:

— Товарищ генерал, вы вчера у меня пообедали и не заплатили за обед.

Василевский перевел взор на меня, потом на него:

— Послушайте, батенька, что вы говорите? Как это могло случиться? Я же здесь не был, только что приехал.

И обращается ко мне вроде бы за подтверждением:

— Вы же знаете, что я только что приехал?

Тот нахал тут же отвернулся и ушел. Это, видно, тренированный был рвач: позволил себе обратиться к незнакомому генералу с заявлением, что тот ему не заплатил за обед. А Василевский стал оправдываться. Другой бы генерал иначе реагировал...»

Василевский, несколько полноватый, но подтянутый, мягкий и добрый, был исключительно вежлив и даже предупредителен в разговоре.

Герой Советского Союза генерал-полковник Иван Ильич Людников рассказывал «Красной звезде»:

— Жуков, как говорится, полководец от бога. Василевский, окончивший духовную семинарию, тоже обязан ставить господа богу свечку за природный полководческий талант. И хотя Жуков с Василевским были большими боевыми друзьями, а впоследствии даже породнились (старший сын Василевского Юра женился на дочери Жукова Эре), все же природа более щедро, на мой взгляд, одарила Александра Михайловича. Я имею в виду душевные качества маршала Василевского. Они сполна были даны ему от рождения, а потом «шлифовались» в духовной семинарии. Получился полководец-гуманист, с которым приятно было иметь дело...

Василевского уважали в войсках.

Служивший в 23-й отдельной противотанковой артиллерийской бригаде бывший сотрудник московского партийного аппарата Дмитрий Квок вспоминал, как перед концом войны в бригаде побывал командующий 3-м Белорусским фронтом Василевский. Смотр приближался к концу, когда Василевский обратил внимание на солдата, на гимнастике которого не было ни одной награды:

— Что ж ты? Или плохо воевал?

— Нет, товарищ маршал. Я в артиллерии недавно, а то всё в пехоте. В атаку сходишь — ранят. Отправляют в госпиталь. Отваляешься, снова в пехоту, а тут опять ранят. Не успевали награждать, товарищ маршал.

— Сколько ранений?

— Пять.

Как-то мгновенно подтянув свою высокую и ставшую грузной фигуру, маршал отдал солдату честь и так, чтобы слышал весь строй, внятно и торжественно произнес:

— За мужество, проявленное в боях против немецко-фашистских захватчиков, награждаю вас орденом Боевого Красного Знамени.

Солдаты были потрясены этим проявлением справедливости. Василевского ценило и высшее начальство.

Начальник канцелярии президента Чехословакии Эдуарда Бенеша описал прием делегации в Кремле 11 декабря 1943 года:

«Сталин — невысокий, немного сгорбленный, с седыми волосами, седыми усами. Он казался сильно уставшим, постаревшим. Взгляд как будто безучастный, но острый. Одет в бежевый маршальский мундир со звездой Героя Советского Союза...

Банкет был роскошнейший по сравнению с условиями, к которым мы привыкли в Лондоне во время войны, меню — 16 блюд. Все происходило

как бы по обязанности, со скуки, лишь для самих русских. За себя поднимали тосты, себя приветствовали, сами себя развлекали. Только много пили, когда произносились тосты...

Интересно было наблюдать за Сталиным, за тем, как он дарит свою благосклонность отдельным гостям. Он дарил ее, впрочем, только военным. Наибольшую благосклонность он, казалось, проявил к моему соседу, начальнику Генерального штаба генералу Василевскому. Когда был произнесен тост за его здоровье, Сталин пошел к нему, а Василевский поспешил ему навстречу.

Они встретились в конце длинного стола — у Василевского уже не было времени долить свою рюмку. Сталин отказался с ним пить, если он не дольет себе. Генерал долил тем, что нашел на столе. Сталин снова отказался, так как рюмка Василевского не была полна, и выпил с ним только тогда, когда генерал наполнил ее до краев. Василевский был багровым, когда вернулся на свое место.

Один из эпизодов, свидетельствующий о том, как Сталин мог обращаться с людьми, которые были для него важны. Как он обращался с ними, когда они переставали быть нужными, или с людьми, которые вообще не были ему важны, мы знаем».

Однажды Сталин сказал Василевскому:

— Товарищ Василевский, вы вот такой массой войск руководите, и у вас это неплохо получается, а сами, наверное, и мухи никогда не обидели.

Вождь ценил Василевского еще и за то, что он никогда ему не противоречил...

Весной 1950 года Сталин спросил военного министра, кто будет принимать первомайский парад.

— Кому прикажете, товарищ Сталин, — дипломатично ответил Василевский.

— Принимать надо вам или Булганину. Буденный недавно принимал. Я думаю, надо это сделать военному министру. Вы умеете ездить верхом?

— Я служил в пехоте, — ответил Василевский не слишком уверенно, — приходилось, конечно, и верхом ездить. Но это было давно.

Возникла мысль принять парад, объезжая войска на автомашине. Сталин идею отверг: нельзя нарушать традиции.

Он обратился к Булганину:

— А вы, наверное, совсем не умеете ездить верхом?

— Не приходилось, товарищ Сталин.

— Кто же в таком случае будет принимать парад? Не вызывать же маршалов из округов? — Он повернулся к генералу Сергею Матвеевичу

Штеменко. — А начальник Генерального штаба ездил когда-нибудь верхом?

— Езжу и сейчас, почти каждый день, товарищ Сталин.

— Вот вы и будете принимать парад, — распорядился вождь.

Это был единственный случай, когда парад на Красной площади принимал начальник Генерального штаба.

При Василевском летом 1950 года началась война на Корейском полуострове, что ускорило гонку вооружений. В Советском Союзе шла модернизация вооруженных сил, ускоренными темпами создавались новая техника, ядерное вооружение, океанский флот. Во время корейской войны Советская армия увеличилась вдвое и составила шесть миллионов человек.

Военным руководителем испытаний в 1953 году первой водородной бомбы, вспоминал академик Андрей Дмитриевич Сахаров, был маршал Василевский. Встал вопрос о том, что по соображениям безопасности надо эвакуировать десятки тысяч людей из опасной зоны. Василевский успокоил ученых:

— Напрасно вы так мучаетесь. Каждые армейские маневры сопровождаются человеческими жертвами, погибает двадцать-тридцать человек. Это неизбежно. Ваши испытания гораздо важнее для страны, для ее оборонной мощи.

СТРАХ ПЕРЕД МАРШАЛОМ ЖУКОВЫМ

Война закончилась, вождь перестал зависеть от своих военачальников, и присущая ему подозрительность в отношении военных брала верх. В разговорах с маршалами и генералами зазвучали упреки в «зазнайстве» и в «отсутствии большевистской скромности». В этих словах отразилось некое беспокойство вождя: а вдруг боевые маршалы и генералы, увенчанные воинской славой, станут менее управляемыми?

Маршалы и генералы вернулись с войны победителями, в блеске славы. Не станут ли претендовать на более заметное место в жизни страны? Вот Сталин и решил указать им их место.

Жуков впоследствии говорил, что отношение Сталина к нему стало меняться в конце войны. Присущая вождю подозрительность в отношении военных брала верх.

24 июня 1945 года в Параде Победы участвовали сводные полки всех фронтов от Карельского до 4-го Украинского и сводный полк Военноморского флота. Не повезло летчикам: из-за нелетной погоды они не смогли пролететь над Красной площадью.

Небо заволочли тучи, моросил дождь. По лицам солдат и офицеров с козырьков фуражек стекали струйки воды. Но на кадрах сохранившейся хроники это совершенно незаметно. Участники парада, как и вся страна, были счастливы.

Под барабанный бой двести солдат бросили к подножию мавзолея двести знамен разгромленной немецкой армии. Это был миг торжества для всех, воевавших и невоевавших. Может быть, только у Верховного главнокомандующего настроение было подпорчено тем, что не он на этом параде оказался главным, а полководцы во главе с Жуковым, одержавшие победу над врагом.

На следующий день Жуков собрал у себя на даче близких ему генералов. Счастливые военачальники с радостью пили за Георгия Константиновича как за выдающегося полководца. Сталин был крайне раздражен, потому что настоящим победителем считал себя, а вовсе не Жукова.

Жуков взлетел, как взлетали и другие отличившиеся начальники. Сталину претила обычная форма карьерного роста. Понравившегося он сразу определял на высокий пост. А дальше — как у кого. Георгий Константинович оказался на всякой должности на месте, а многие другие

лишались и должностей, и жизни. Жуков принадлежал к тем, кто с детства мечтает командовать другими. В нем было умение подчинять себе. Он родился таким, такова его генетическая структура.

Жуков не испытывал страха ни на поле боя, заваленном трупами, ни на кремлевском паркете, натертом до блеска. У него было мужество решимости, без которого немислим военачальник, полководец.

И крепкие нервы. Он безостановочно продвигался вверх. Не потому, что ему кто-то ворожил. А потому, что не продвигать его было невозможно.

Жукова на склоне лет спросили:

— Правда ли, Георгий Константинович, что вы были на войне жестоки?

Маршал ответил:

— Время было такое — война вообще жестока.

«Многие из тех, кто пишет о Жукове, акцентируют крутость характера полководца, — писал ответственный редактор «Красной звезды» генерал Давид Ортенберг. — А ведь ему было свойственно и другое. Например, расположение к людям, делившим с ним тяготы войны».

До самой его смерти им восхищался почти весь мир. Он навсегда обеспечил себе место в истории. И если можно назвать человека, которого любит народ, то это именно он. Тем не менее значительную часть жизни маршал прожил в опале, несколько лет ждал ареста.

Маршал был уверен в своей непогрешимости. Если ему пытались возражать, говорил:

— Я уже докладывал Верховному, и он мои соображения одобрил!

Сталин выделял его из всех маршалов. Став Верховным главнокомандующим, сделал его своим заместителем. Заботился о том, чтобы он оказывался на самых важных направлениях, чтобы с его именем связывались главные успехи: где Жуков — там победа. Поэтому брат Берлин мог только Георгий Константинович. А после войны Сталин ополчился против маршала. Создается такое ощущение, будто вождь ревновал Жукова, завидовал его славе. Но ведь солнце не может завидовать луне? Сталин — такой великий — завидует простому маршалу?

Уже с середины войны органы госбезопасности, сообщая Сталину о настроениях среди интеллигенции, обращали внимание на такие высказывания:

«Народ помимо Сталина выдвинул своих вождей — Жукова, Рокоссовского и других. Эти вожди бьют немцев, и после победы они потребуют себе места под солнцем. Кто-либо из этих популярных генералов станет диктатором».

Вождь был обеспокоен настроениями военных, вернувшихся с войны героями. В конце войны миллионы советских граждан в военной форме оказались на территории других европейских стран. Сравнение в уровне жизни было не в пользу советской системы, и это могло оказаться губительным. Тем более что демобилизованные солдаты и офицеры верили, что после победы все пойдет иначе.

«Нужно было убирать тех солдат, тех вольнодумцев, которые своими глазами увидели, что побежденные живут не в пример лучше победителей, — вспоминал писатель-фронтовик Виктор Петрович Астафьев, — что там, при капитализме, жизнь идет гораздо здоровей и богаче. Вот и стал товарищ Сталин губить тех, кто ему шкуру спасал».

Сталин запретил генералам писать и издавать мемуары. В январе 1948 года отменил денежное вознаграждение и вообще любые льготы награжденным орденами и медалями. В Ленинграде закрыл Музей блокады. Запретил ставить памятники, связанные с блокадой. С 1948 года 9 мая перестало быть выходным днем.

Вождь решил прежде всего приструнить военных. А кто лучше военной контрразведки сумеет с ними разобраться?

После войны вождь больше не зависел от своих полководцев. Не прошло и года после того, как маршал Жуков, увенчанный славой, принимал в Москве Парад Победы, а над ним уже сгустились тучи.

25 февраля 1946 года Красная армия была переименована в Советскую армию. Наркоматы обороны и военно-морского флота слили в единый Наркомат вооруженных сил. 15 марта он стал называться министерством.

Жуков, который только что был заместителем Верховного главнокомандующего, получил не самый значительный пост главнокомандующего сухопутными войсками. Причем из их состава вывели воздушно-десантные войска, которые стали самостоятельным родом войск.

В апреле 1946 года Жуков вернулся в Советский Союз из оккупированной Германии, где руководил военной администрацией. Прочитал положение о распределении обязанностей и остался недоволен. Жукову не понравилось, что он как главнокомандующий фактически будет подчиняться не Сталину, а первому заместителю министра Булганину, которого он ни в грош не ставил. Булганин был сугубо штатским человеком.

Булганин пытался обосновать это положение тем, что Сталин перегружен делами партии и государства.

— Это не довод, — возразил Жуков. — Сегодня Сталин — министр, а завтра может быть другой. Не для отдельных лиц пишутся законы, а для

конкретной должности.

Булганин поспешил доложить Сталину о разговоре с маршалом. Вождь воспринял недовольство Жукова как несогласие с его решениями.

Маршалы и генералы вернулись с войны победителями, в блеске славы. Не станут ли претендовать на более заметное место в жизни страны? Сталина это тревожило. Почему взялся за Жукова? Наверное, чувствовал в нем качества такого же прирожденного вождя, как и он сам. Природа щедро наделила полководческим талантом и Василевского, и Рокоссовского. Но у Жукова было нечто большее.

Министерство госбезопасности приступило, как это называется на профессиональном языке, к оперативной разработке маршала. Иначе говоря, на него стали собирать показания и следить за каждым его шагом. Это называлось агентурное дело «Узел». В служебных документах Министерства государственной безопасности Жуков именовался так: «человек, претендующий на особое положение».

Сталин с нескрываемой иронией рассказывал:

— Вот все хвалят Жукова, а он этого не заслуживает. Говорят, что Жуков на фронте перед какой-либо операцией поступал так: возьмет горсть земли, понюхает ее и потом говорит — можно, мол, начинать наступление или, наоборот, нельзя, дескать, проводить намеченной операции.

В апреле 1946 года арестовали командующего военно-воздушными силами Главного маршала авиации Александра Александровича Новикова. У чекистов даже не было ордера, его просто схватили и запихнули в автомобиль. В следственной части было разделение труда. Одни, малограмотные, выбивали показания из арестованных. Другие, с образованием, писали протоколы. Они так и назывались: «забойщики» и «писари».

— Следователи делились на три категории: один колет, другой записывает, третий окончательно дорабатывает, — со знанием дела объяснит позднее генеральный прокурор СССР Александр Михайлович Рекунков.

Сталину представили подписанные Новиковым показания: «Жуков очень хитро и в осторожной форме пытается умалить руководящую роль в войне Верховного Главнокомандования, и в то же время Жуков, не стесняясь, выпячивает свою роль в войне как полководца и даже заявляет, что все основные планы военных операций разработаны им». Сталину представили показания и других арестованных военачальников, из которых следовало, что Жуков зазнался, политически неблагонадежен, враждебен к партии и Сталину.

1 июня 1946 года на заседании Высшего военного совета Георгий Константинович подвергся публичной экзекуции. Его вину сформулировали так:

«Маршал Жуков, несмотря на созданное ему правительством и Верховным Главнокомандующим высокое положение, считал себя обиженным, выражал недовольство решениями правительства... Маршал Жуков, потеряв всякую скромность и будучи увлечен чувством личной амбиции, считал, что его заслуги недостаточно оценены, приписывал себе разработку и проведение всех основных операций Великой Отечественной».

9 июня генералиссимус Советского Союза Сталин как министр вооруженных сил подписал приказ с перечислением всех грехов Жукова. Приказ разослали всем округам и флотам. Публично унизив и оскорбив Жукова, Сталин лишил его должности главнокомандующего сухопутными войсками и заместителя министра вооруженных сил. Его отправили командовать войсками второстепенного Одесского военного округа.

В феврале 1947 года Жукова вывели из числа кандидатов в члены ЦК. Накануне пленума Сталин вызвал к себе руководителей партийного аппарата. Предупредил, что предстоит вывести из ЦК несколько человек. Предложение о выводе Жукова поручил внести секретарю ЦК Жданову.

Кадровые вопросы рассматривались сразу после начала пленума, вечером 21 февраля 1947 года. Жданов попросил слова:

— Я вношу предложение вывести из состава кандидатов в члены Центрального комитета Жукова. Он, по моему мнению, рано попал в Центральный комитет партии, мало подготовлен в партийном отношении. Я считаю, что в кандидатах Жукову не место. Ряд данных показывает, что Жуков проявлял антипартийное отношение. Об этом известно членам ЦК, и я думаю, что будет целесообразно его не иметь в числе кандидатов в члены ЦК.

Председательствовавший на пленуме Молотов спросил:

— Кто желает высказаться по этому поводу? Нет желающих. Голосую. Кто за предложение товарища Жданова об исключении из состава кандидатов в члены ЦК Жукова прошу поднять руки. Прошу опустить. Кто против? Таких нет. Кто воздержался? Таковых тоже нет. Предложение об исключении Жукова из состава кандидатов в члены ЦК утверждено единогласно.

Жуков встал, несколько помедлил, затем повернулся и четким строевым шагом вышел из зала. Маршал написал Сталину письмо, которое начиналось словами: «Исключение меня из кандидатов ЦК ВКП(б) убило

меня».

Положение Жукова в Одессе было очень тяжелым. Местные власти и политорганы вели себя с ним самым оскорбительным образом.

После отъезда Жукова с санкции Сталина на его даче и в квартире провели обыск. Его дочь Эра Жукова вспоминала:

— Были два обыска, которые я прекрасно помню. Кстати, в результате одного из них у меня украли фотоаппарат — подарок отца. Потом еще один обыск был на квартире.

Министр госбезопасности Абакумов доложил Сталину:

«В соответствии с вашим указанием на квартире Жукова в Москве был произведен негласный обыск. Задача заключалась в том, чтобы разыскать и изъять на квартире Жукова чемодан и шкатулку с золотом, бриллиантами и другими ценностями.

По заключению работников, проводивших обыск, квартира Жукова производит впечатление, что оттуда изъято все то, что может его скомпрометировать. Нет не только чемодана с ценностями, но отсутствуют даже какие бы то ни было письма, записи и т. д.».

Искали, конечно же, не чемодан, а какие-нибудь собственноручные записки Жукова, которые могли бы помочь сконструировать против него дело.

Абакумов не терял надежды. Обещал Сталину:

«В Одессу направлена группа оперативных работников МГБ СССР для производства негласного обыска в квартире Жукова. О результатах этой операции доложу Вам дополнительно».

Кончилось это тем, что маршал свалился с инфарктом.

Генерал Борис Гераскин вспоминал, как его, молодого чекиста, 31 декабря 1947 года включили в оперативную группу, которой поручили провести обыск на квартире бывшего водителя маршала Жукова. Самого водителя уже арестовали — прямо в гараже Министерства вооруженных сил. Семья водителя жила в бараке в Хамовниках. Жена, не зная об аресте мужа, готовилась к Новому году, двое детей играли на полу...

Маршала Жукова продолжали травить.

Заместитель заведующего отделом Управления кадров ЦК ВКП(б) Фролов составил справку для своего начальства:

«Т. Жуков до сих пор не изжил элементы заносчивости, чванства и высокомерия, стремления к популяризации своего авторитета... имеет стремление окружить себя лицами, знакомыми ему по прошлой работе. Войска Одесского военного округа плохо подготовились к зиме 1947–1948 года: заготовка топлива, овощей, ремонт помещений, транспорта остались

незавершенными».

20 января 1948 года ЦК «вынес т. Жукову последнее предупреждение, предоставив ему в последний раз возможность исправиться и стать честным членом партии, достойным командирского звания».

Министр вооруженных сил Булганин своим приказом снял маршала Жукова с поста командующего войсками Одесского военного округа и перевел в еще менее значимый Уральский военный округ.

Опала Жукова была показательной акцией, чтобы все видели: даже самого Жукова наказали! Нескольких генералов из его окружения посадили, чтобы военачальники не заблуждались: мол, раз они войну выиграли, то им теперь все можно.

«Я был арестован 24 января 1948 года в Ростове без предъявления ордера и доставлен в Москву, во внутреннюю тюрьму МГБ, — вспоминал один из друзей Жукова генерал-лейтенант Константин Федорович Телегин. — С меня содрали одежду, одели в рваное, вырвали золотые коронки вместе с зубами. Министр госбезопасности Абакумов обругал меня матом как “врага Родины и Партии” и потребовал, чтобы я признался в своей “преступной работе”. Оскорбляя и издеваясь, следователи и руководство МГБ требовали от меня показаний о “заговоре”, якобы возглавлявшемся Жуковым, дав понять, что он также арестован».

Герой Советского Союза генерал-лейтенант Владимир Викторович Крюков, в войну командовавший кавалерийским корпусом, был очень близок к маршалу. Его посадили в сентябре 1948 года. Вслед за ним арестовали его жену Лидию Андреевну Русланову, замечательную исполнительницу русских народных песен.

Генерала Крюкова привезли в Министерство государственной безопасности. Следователь сразу предупредил:

— Ты уже не генерал, а арестант, станешь запираяться, будем бить тебя как Сидорову козу.

Крюков возразил:

— Я еще подследственный, и из генералов меня не разжаловали.

Следователь подвел его к окну и сказал:

— Вот видишь там народ? Вот они подследственные. А ты уже осужден. От нас на свободу возврата нет. От нас дорога только в лагерь.

Крюкова доставили к министру госбезопасности Абакумову. Министр объяснил:

— Будешь упорствовать, будем бить и искалечим на всю жизнь.

Обвиняли Крюкова, как и других арестованных, в том, что он участвовал в заговоре, во главе которого стоял маршал Жуков. Генерала

избивали до потери сознания, требуя, чтобы он дал показания о предательстве Жукова. Крюкова приговорили к двадцати пяти годам. Вслед за ним отправили в лагерь и его жену Лидию Андреевну Русланову.

А вождь продолжал получать показания арестованных военачальников, из которых следовало, что маршал зазнался, политически неблагонадежен, враждебен к партии и Сталину. В общей сложности по делу Жукова за решеткой оказалось около сотни генералов. Генералы были арестованы только на основании материалов прослушивания их разговоров. Аресты среди окружения Жукова шли почти до самой смерти Сталина. И маршал понимал, на какой тонкой веревочке он подвешен.

Генералы, храбро сражавшиеся в Великую Отечественную, сидели на Лубянке без суда и следствия несколько лет. Сразу после ареста их интенсивно допрашивали, выбивая нужные показания. А потом словно забыли. Даже перестали вызывать на допросы. Уже посадили и того, кто их арестовал, — бывшего начальника Главного управления контрразведки «Смерш», затем министра госбезопасности Абакумова.

Министр госбезопасности Семен Денисович Игнатьев, принимая после арестованного Абакумова дела, спросил Сталина:

— Что с ними делать? Может быть, пропустить их через Особое совещание и отправить в лагерь?

И добросовестно записал ответ: товарищ Сталин сказал — пусть еще посилят.

СУДЬБА ГЕНЕРАЛА ГОР ДОВА

А генералы томились за решеткой, гадая, почему они лишены права служить родине. Большинству повезло: вскоре вождь умер, и они вышли на свободу. Но несколько человек Сталин успел расстрелять. Среди них был Герой Советского Союза генерал-полковник Василий Николаевич Гордов. Большинство уничтоженных военачальников или боготворили вождя, или просто не интересовались положением в стране. Генерал Гордов прямо обвинял Сталина в несчастьях страны.

Василий Николаевич Гордов воевал еще в Первую мировую, получил лычки унтер-офицера. В Красную гвардию вступил в декабре 1917 года. В Гражданскую дослужился до командира полка. Окончил Академию имени Фрунзе. Великую Отечественную встретил на посту начальника штаба 21-й армии, в октябре сорок первого стал ее командующим.

«Небольшого роста, скорее сухой, чем полный, жилистый, с коротко стриженными под ежик седеющими волосами, — таким запомнил его один из подчиненных. — Черные колючие глаза под черными с проблесками седины массивными бровями пронизывали меня насквозь».

Его военная судьба не была ни легкой, ни простой. И трагедия начала войны не обошла генерала стороной.

«Я пробивался из окружения, — рассказывал Гордов жене, — с горсткой товарищей, ночуя в поле, в лесу, с бутылкой спирта ходил в разведку, три дня не ел хлеба, измучился до предела, еле-еле душа в теле».

Он писал жене, эвакуированной в Куйбышев:

«Дела, как ты знаешь, идут нехорошо. Погодин убит, Микульский убит, ехал со мной в одной машине... Наводил справки о Тупикове, надежда еще теплилась, теперь ее нет: Василий погиб... И рядом со мной многих не стало. Распространяться об этом, ты понимаешь, не следует.

Хорошо, что удалось поговорить с тобой из Харькова. Хрущев спросил, имею ли я связь с семьей. Какая связь! Хрущев приказал вызвать тебя, и через тридцать минут я слышал твой голос. Чуть не разревелся при всех присутствующих (Тимошенко, Хрущев), было так радостно и обидно за плохую слышимость и обрывы, сквозь которые все-таки прорывался твой голос... Много пережито, но еще больше предстоит пережить. Предстоит победить или умереть. Лучше победить, дорогая моя Нина и Пруха».

Дочка Ира, к которой обращался генерал, была приемным ребенком. У

Гордовых долго не было своих детей, и они пошли в Дом ребенка. Выбрали девочку с тяжелой наследственной болезнью. Врачи отговаривали. Она вдруг протянула к ним руки, и Гордов принял решение:

— Берем.

Василий Николаевич писал дочке с фронта:

«Папка тебя любит и хочет скоро с победой приехать к тебе и играть, гулять с тобой. Ты уже, наверное, большая и озорная. Посылаю тебе гостинец, шоколад и мыло, чтобы ты не болела. Зайку твоего я храню и привезу обратно. Шоколада посылаю, к сожалению, немного. Вот возьмем Берлин, тогда я тебе пришлю целый пуд. Слушайся маму и люби папу. Пиши мне, Ирочка, и береги маму».

Судьба девочки сложилась трагически. Она подхватила тяжелое инфекционное заболевание, у ослабленного организма не было сил сопротивляться, и она сгорела буквально за сутки. Жена долго не решалась сообщить Гордову. Все-таки написала. Ординарец потом рассказал, что генералу стало плохо, он потерял сознание.

«Я живу сейчас очень напряженной работой, — писал Гордов жене, — имел большую неприятность: летел на У-2 и был сбит, остался невредим, если не считать небольшого повреждения ноги, так что о бодрости и веселости говорить не приходится».

В разгар тяжелых боев на юге страны понадобился командующий Сталинградским фронтом. Член Военного совета фронта Никита Хрущев предложил Гордова, которого считал энергичным и храбрым. Генерал-майора Гордова вызвали к Сталину. Вождю нравились командиры с сильным характером и волей. Сталин назначил его командующим фронтом и сразу произвел в генерал-лейтенанты.

Через много лет после войны маршал Жуков вспоминал, как прилетел под Сталинград: «Доклад Гордова произвел благоприятное впечатление, чувствовалось знание противника, знание своих войск и главное — вера в их боеспособность».

Гордов был жестким, но умелым военачальником. Не терпел затишья, жаждал наступления. За Смоленскую наступательную операцию в сентябре 1943 года был произведен в генерал-полковники. В апреле 1945 года получил «Золотую Звезду» Героя Советского Союза. Его армия участвовала во взятии Берлина, в освобождении Праги.

Маршал Иван Степанович Конев назначил генерала Гордова начальником пражского гарнизона. После возвращения на родину он возглавил Приволжский военный округ. Его избрали депутатом Верховного Совета. И вдруг он оказался в опале.

Пожалуй, его неприятности начались с Кулика, которого когда-то знала вся страна.

Маршал Советского Союза Григорий Иванович Кулик в Гражданскую войну оказался под Царицыном вместе со Сталиным, что определило его судьбу. В Первой конной армии под началом Буденного и Ворошилова Кулик командовал артиллерией. И в глазах Сталина Григорий Иванович был артиллеристом номер один.

В первый же день Великой Отечественной Сталин отправил маршала Кулика на Западный фронт. Григорий Иванович и не заметил, как вместе с частями 3-й и 10-й армий сам оказался в немецком тылу. Радиостанции у него не было, сообщить о своем местонахождении он не мог. Никто не знал, где маршал. В суматохе и хаосе найти Кулика не удавалось. Поползли слухи, что маршал Кулик перешел к противнику.

Сталин рвал и метал. А маршал вместе с бойцами 10-й армии почти две недели выходил к своим. Рассказывал потом, что в какой-то момент от отчаяния был готов застрелиться. И все же в июле сорок первого переправился через Днепр и попал к своим. В других армиях выбравшихся из плена награждают за мужество и перенесенные страдания. Но Сталин не доверял окруженцам, и его отношение к Кулику изменилось.

Маршал Кулик был бездарным военачальником. Но Сталин упрямо доверял ему один полководческий пост за другим, а потом гневался из-за его неудач и провалов. Заместитель наркома обороны маршал Григорий Иванович Кулик и начальник Главного политуправления армейский комиссар 1-го ранга Лев Захарович Мехлис — две главные фигуры, на которые принято возлагать чуть ли не всю ответственность за провалы и поражения первого периода войны. Это произошло потому, что еще во время войны Сталин публично сделал их козлами отпущения.

В 1942 году Кулика лишили маршальских звезд, звания Героя Советского Союза и всех наград. Разжаловали в генерал-майоры. За Кулика вступился обязанный ему Жуков, и, казалось, опала была снята. Но военная контрразведка теперь следила за бывшим маршалом, а он, темпераментный по натуре, был несдержан на язык.

10 апреля 1945 года известный военачальник генерал армии Иван Ефимович Петров написал заявление на имя Сталина. Петров обвинил Кулика в том, что тот «ведет недостойные члена партии разговоры, заключающиеся в восхвалении офицерского состава царской армии, в плохом политическом воспитании советских офицеров, неправильной расстановке кадрового высшего состава армии».

После смерти Сталина генерал Петров объяснил, что написать это

письмо ему велел Абакумов. Начальник Смерша сам провел беседы с двумя генералами, которые хорошо знали Кулика. Донос на Кулика написал и генерал-лейтенант Георгий Федорович Захаров.

Кулик потом признал:

«Петров высказал мне недовольство снятием его с должности командующего 4-м Украинским фронтом. Как говорил Петров, его — заслуженного генерала — Ставка проработала за то, что он позволил себе вывезти из Румынии для личного пользования мебель и другое имущество. При царском строе, по словам Петрова, такое обвинение генералу не предъявили бы.

Захаров, проживавший этажом ниже, пригласил нас перейти в его квартиру. Разговорившись, я стал жаловаться на несправедливое, на мой взгляд, отношение ко мне Сталина. В этой связи я заявил, что правительство изгоняет из Красной армии лучшие командные кадры и заменяет их политическими работниками, не сведущими в военном деле. Из основных военных работников в руководстве армии оставался один лишь Жуков, но и его “отшивают”. Я поднял тост за Жукова».

Роль политработников в армии вызывала недовольство и более лояльного генералитета. А тут собрались сразу три обиженных генерала! У всех троих не сложилась военная судьба, число падений превысило число взлетов.

О разговоре трех генералов информировали Сталина, поскольку подвыпившие военачальники посмели критиковать кадровую политику вождя. Кулик был исключен из партии с формулировкой «как морально и политически разложившийся». В июле сорок пятого Кулика назначили заместителем командующего войсками Приволжского военного округа. А командующим стал генерал Гордов. Он вел себя как порядочный человек: вместо того чтобы сторониться опального генерала, обращался с ним по-товарищески.

Через год, 28 июня 1946 года, генерал-майор Кулик был уволен из рядов вооруженных сил в отставку. Худшее было впереди. Следствие по его делу шло полным ходом. Вспомнили, что за него хлопотал Жуков. Теперь это был состав преступления.

А Григорий Иванович ни о чем не подозревал и совершил непоправимую ошибку. Однажды в Москве он встретился со своим бывшим командующим Гордовым. Недавние сослуживцы обосновались в гостиничном номере и крепко выпили. Вспоминали войну, заговорили о Сталине, о Жукове...

Гостиничный номер, где встретились генералы, говоря

профессиональным языком, был оснащен техническими средствами контроля. Особисты записали также разговоры Гордова с другим его бывшим подчиненным — генерал-майором Филиппом Трофимовичем Рыбальченко, который после войны служил начальником штаба Приволжского военного округа. Три генерала из одного округа — это уже заговор.

Аппаратуру прослушивания установили и в квартире Василия Николаевича Гордова. 3 января 1947 года министр госбезопасности Абакумов доложил Сталину:

«Представляю при этом справку о зафиксированном оперативной техникой 31 декабря 1946 года разговоре Гордова со своей женой и справку о состоявшемся 28 декабря разговоре Гордова с Рыбальченко. Из этих разговоров видно, что Гордов и Рыбальченко являются явными врагами Советской власти».

Что такого страшного сказал жене Герой Советского Союза Гордов?

Василий Николаевич говорил о только что снятом с должности маршале Жукове:

— Ты все время говоришь — иди к Сталину. А что сделал этот человек? Разорил Россию, ведь России больше нет! Значит, пойти к нему и сказать: «Виноват, ошибся, я буду честно вам служить, преданно». Кому? Подлости буду честно служить, дикости? Я бесчестным быть не могу, этого у меня в крови нет. Инквизиция сплошная, люди же просто гибнут. Сейчас расчищают тех, кто у Жукова был мало-мальски в доверии. Их убирают. А Жукова год-два подержат, а потом тоже... Я очень многого недоучел. На чем я сломал голову свою? На том, на чем сломали такие люди — Уборевич, Тухачевский...

— Когда Жукова сняли, ты мне сразу сказал: всё погибло, — напомнила жена. — Но ты должен согласиться, что во многом ты сам виноват.

— Значит, я должен был дрожать, рабски дрожать, чтобы они мне дали должность командующего, чтобы хлеб дали мне и семье? Не могу я! Что меня погубило — то, что меня избрали депутатом. Вот в чем моя гибель. Я поехал по районам, и когда я все это увидел, все это страшное, — тут я совершенно переродился. Не мог я смотреть на это. Отсюда у меня пошла настроенка, я стал высказывать их тебе, еще кое-кому, и это пошло как платформа. Я сейчас говорю, у меня такие убеждения, что если сегодня снимут колхозы, то завтра будет порядок, будет рынок, будет все. Дайте людям жить, они имеют право на жизнь, они завоевали себе жизнь, отстаивали ее!

В конце 1946 года в стране начался жестокий голод. Во всем обвинили самих колхозников, «разбазаривавших государственный хлеб». Посадили почти десять тысяч председателей колхозов. 16 сентября 1946 года из-за засухи и неурожая подняли цены на товары, которые продавались по карточкам. 27 сентября появилось новое постановление «Об экономии в расходовании хлеба» — оно сокращало число людей, которые получали карточки на продовольствие. Лишиться карточек было тяжким ударом.

Приехавший навестить Гордова Филипп Рыбальченко остановился на его квартире, и они опять побеседовали по душам. Генеральские разговоры свидетельствуют о том, что и в ту пору были люди, которые понимали, что творится в стране, и не хотели с этим мириться.

— Нет самого необходимого, — с горечью говорил Рыбальченко. — Буквально нищими стали. Живет только правительство, а широкие массы нищенствуют. Я вот удивляюсь, неужели Сталин не видит, как люди живут.

— Он все видит, все знает, — бросил Гордов.

— Или он так запутался, что не знает, как выпутаться?.. Народ внешне нигде не показывает своего недовольства, внешне все в порядке, а народ умирает... Народ голодает, как собаки, народ очень недоволен.

— Но народ молчит, боится.

— И никаких перспектив, полная изоляция.

— Нам нужно иметь настоящую демократию, — сказал Гордов.

— Именно, чистую, настоящую демократию, — согласился Рыбальченко.

Первым в январе 1947 года Сталин разрешил арестовать Рыбальченко. Потом взяли и Кулика с Гордовым. Им инкриминировали «создание заговорщической группы для борьбы с советской властью на почве общности антисоветских взглядов».

В обвинительном заключении говорилось:

«Гордов обвиняется в измене родине. Являясь врагом советской власти, стремился к реставрации капитализма в СССР и вместе со своими сообщниками высказывал угрозы по адресу руководителей партии и правительства, делал злобные выпады против главы советского правительства».

Чекисты приписывали троим генералам заодно и преувеличенную оценку роли Жукова в войне. Военная коллегия Верховного суда рассматривала дело бывшего маршала Кулика и бывших генералов Гордова и Рыбальченко. Приговор был вынесен заранее: виновны в измене родине.

24 августа Кулика, Гордова и Рыбальченко расстреляли.

Все годы у власти Сталин смертельно боялся генеральского мятежа.

Были ли у него основания опасаться таких офицеров, как Гордов? Василий Николаевич не собирался устраивать военного переворота. Но он был настоящим патриотом, понимал, что творит Сталин, и у него душа болела за страну.

БЕСКОНЕЧНАЯ ЧИСТКА НА ЛУБЯНКЕ

В Министерстве госбезопасности Абакумов закончил дела, затеянные еще в Смерше. Произведенный в генералы Василий Иосифович Сталин пожаловался отцу на плохое качество самолетов. Вождь поручил проверить это дело Абакумову.

Первым в начале 1946 года арестовали командующего 12-й воздушной армией маршала авиации Сергея Александровича Худякова. Для начала обвинили в том, что он скрыл свое подлинное имя. Звали его Арменак Артемович Ханферянц. Он всего лишь русифицировал свое армянское имя; это делали тогда многие, чтобы к ним проще было обращаться. Затем его заставили признаться в том, что он давний английский агент и был причастен к расстрелу двадцати шести бакинских комиссаров... Из Худякова выбили показания на командование ВВС и руководство авиапромышленности, которое, дескать, принимало на вооружение дефектные самолеты и моторы.

Арестовали наркома авиационной промышленности Шахурин, офицеров штаба ВВС. На основе полученных от них показаний уже можно было брать всех крупных авиаконструкторов. Это было перспективное дело.

Удар был нанесен и по морякам.

В 1947 году Сталин подписал постановление Совмина СССР о предании «суду чести» четырех высших руководителей флота, включая заместителя наркома военно-морского флота по кораблестроению и морскому вооружению адмирала Льва Михайловича Галлера. Моряков обвинили в передаче союзникам во время войны секретной документации.

После «суда чести» дело четырех адмиралов передали уже как уголовное в Военную коллегия Верховного суда СССР. Всех признали виновными и приговорили к разным срокам тюремного заключения. После смерти Сталина приговор отменили за отсутствием состава преступления. Но адмирал Галлер в 1950 году умер в тюрьме.

Следующими на очереди были артиллеристы. 31 декабря 1951 года Совет министров принял постановление «О недостатках 57-мм автоматических зенитных пушек С-60». От должности были освобождены заместитель министра вооруженных сил маршал артиллерии Николай Дмитриевич Яковлев и несколько его подчиненных. В феврале 1952 года их арестовали по обвинению во вредительстве. Освободили артиллеристов

уже после смерти Сталина. Но страх остался. Напуганный Сталиным главный артиллерист страны по-дружески советовал коллегам:

— Прежде чем подписать бумагу, убедись, что если из-за нее начнут сажать в тюрьму, то ты будешь в конце списка.

После войны вождем овладел административный зуд. Он постоянно создавал все новые управляющие органы, но вскоре их упразднял. И поощрял межведомственное соперничество.

30 мая 1947 года постановлением правительства был учрежден Комитет информации при Совете министров (Комитет № 4), который должен был вести и политическую, и военную, и научно-техническую разведку. В состав комитета включили Первое главное управление МГБ, Главное разведывательное управление Министерства вооруженных сил, а также разведывательные и информационные структуры ЦК партии, Министерства иностранных дел и Министерства внешней торговли.

Военные разведчики впервые оказались на равных с разведчиками с Лубянки и были этому рады. Личный состав всех этих служб был сведен в единый аппарат, размещенный возле ВДНХ в зданиях, где некогда работал Исполком Коминтерна. Впрочем, всем помещений не хватило, и нелегальную разведку пристроили в Лопухинском переулке.

Реорганизация стала результатом глубокого недовольства Сталина работой спецслужб. Годом раньше он сменил министра госбезопасности — генерала армии Меркулова на генерал-полковника Абакумова.

Но характерно, что Комитет информации при Совете министров возглавил не министр госбезопасности, а министр иностранных дел Молотов, потом сменивший его на этом посту Андрей Вышинский (бывший прокурор СССР). Вождь не хотел излишнего усиления Абакумова.

Заместителем Молотова по политической разведке стал генерал-лейтенант Петр Васильевич Федотов (он был замминистра госбезопасности по разведке), по военной разведке — недавний начальник Главного разведывательного управления Генштаба генерал-полковник Федор Федотович Кузнецов, по дипломатической — Яков Александрович Малик, переведенный в комитет с должности заместителя министра иностранных дел.

Сталин предполагал, что объединение создаст мощный разведывательный организм. Но Комитет информации тяготел к политическим делам, и первыми стали жаловаться маршалы и генералы, что их отрезали от разведывательной информации.

Сталин пошел военным навстречу. Главное разведывательное управление вернули в Министерство вооруженных сил. Объяснение было

простым: «в силу своего специфического характера разведывательная работа в военной области не может должным образом проводиться в структуре Комитета информации».

29 января 1949 года Комитет информации при Совете министров стал комитетом при Министерстве иностранных дел — «для более полного использования информационных возможностей Комитета информации в области политической разведки, а также подчинения политической разведки задачам внешней политики СССР и текущей работе Министерства иностранных дел».

Неудовлетворенность Сталина собственными идеями привела к тому, что решением политбюро 1 ноября 1951 года и политическая разведка вернулась в Министерство государственной безопасности. 2 ноября появился приказ о создании Первого главного управления (внешняя разведка) в составе МГБ.

Из Комитета информации изъяли оперативные подразделения. Там остались аналитики. Написанные ими доклады и записки направлялись на имя вождя в его секретариат. Копии расписывались членам политбюро. В комитете работали люди, которые со временем заняли видное место в политическом истеблишменте: например, будущий посол в ФРГ и секретарь ЦК Валентин Михайлович Фалин.

Но и этот так называемый «маленький» Комитет информации, находившийся в особняке на Гоголевском бульваре, в Министерстве обороны и в КГБ воспринимали раздраженно, в 1958 году по предложению председателя КГБ Серова комитет упразднили — преобразовали в Управление внешнеполитической информации МИД...

В октябре 1949 года Сталин неожиданно создал и Главное управление Специальной службы при ЦК ВКП(б) — в него вошли 6-е управление (шифровально-дешифровальное) Министерства госбезопасности и дешифровально-разведывательные службы Генштаба. Иначе говоря, изъял всю спецсвязь из ведения чекистов и военных разведчиков и опять же подчинил самому себе. Недоверие вождя к своим силовикам не знало предела.

Начальником Специальной службы стал генерал-лейтенант Иван Григорьевич Шевелев. Он всю жизнь прослужил в органах госбезопасности. В войну руководил 5-м (шифровально-дешифровальным) управлением Наркомата внутренних дел (с 1943 года — Наркомата госбезопасности), которое ведало радиоперехватом.

Между МГБ и МВД с давних пор шла борьба. Иногда она обострялась до крайности. После войны министр госбезопасности Абакумов не только

забрал у Министерства внутренних дел все, что мог, но хотел еще и избавиться от непокорных конкурентов.

Абакумов жаловался Берии на одного из заместителей министра внутренних дел: «Тов. Серов известен своими провокационными выходками и склоками, которые он иногда допускает, поэтому пора положить конец этому и предупредить его».

Но генерал Серов не сдавался, проявив бойцовский характер.

Иван Александрович Серов в январе 1939 года успешно окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе. Приказом Главного политического управления Рабоче-Крестьянской Красной армии его распределили не в войска, а в Народный комиссариат внутренних дел. Это был бериевский призыв: НКВД укрепляли свежими людьми, партийными работниками и военными.

Серова принял новоиспеченный нарком Берия и в одну минуту решил его судьбу. Серов был майором, Берия произвел его в майоры госбезопасности. Специальные звания, которые присваивались сотрудникам НКВД, были на две ступени выше соответствующих воинских званий. Иначе говоря, Серов из майоров сразу же оказался комбригом, а через два с половиной месяца получил звание старшего майора, равное генерал-майору (до мая 1940 года комдиву).

И службу в наркомате Серов начал сразу с высшей руководящей должности — начальника Главного управления рабоче-крестьянской милиции НКВД СССР. 2 сентября 1939 года, на следующий день после начала Второй мировой войны, Серов стал наркомом внутренних дел Украинской ССР. Он прослужил на Украине полтора года.

В феврале 1941-го, после разделения НКВД на два наркомата, его отозвали в Москву и назначили первым заместителем наркома госбезопасности СССР, наркомом был Меркулов. Затем он стал замнаркома внутренних дел.

Абакумов писал Сталину, что Серов возит из Германии барахло целыми вагонами, что звезду Героя Советского Союза маршал Жуков дал ему по дружбе. Обычно такие доносы ломали карьеры.

Но Серов не оставался в долгу и писал на Абакумова:

«Осенняя операция министерства государственной безопасности по украинским националистам была известна националистам за десять дней до начала, и многие из них скрылись. Это ведь факт. А Абакумов за операцию представил сотни сотрудников к наградам».

Серов составил обширную жалобу на военных контрразведчиков в оккупированной Германии — подчиненных Абакумова:

«Пьяные работники “Смерш” поехали в поле близ г. Галле приводить в исполнение приговоры Военного Трибунала. Спьяна трупы были зарыты настолько небрежно, что наутро проходящие по дороге около этого места немцы увидели торчащими из земли две руки и голову. Затем они разрыли трупы, увидели в затылках у трупов пробоины, собрали свидетелей и пошли заявить в местную полицию. Нами были приняты срочные меры».

Серов и Абакумов вели между собой настоящую войну. Абакумов, став министром госбезопасности, велел организовать за Серовым слежку. Иван Александрович в феврале 1948 года обратился к Сталину с личным письмом:

«Этой запиской я хочу рассказать несколько подробнее, что из себя представляет Абакумов. Несомненно, что Абакумов будет стараться свести личные счеты не только со мной, а также и с остальными своими врагами — это с тт. Федотовым, Кругловым, Мешиком, Рапава, Мильштейном и другими.

Сейчас под руководством Абакумова созданы невыносимые условия совместной работы органов МГБ и МВД. Как в центре, так и на периферии работники МГБ стараются как можно больше скомпрометировать органы МВД. Ведь Абакумов на официальных совещаниях выступает и презрительно заявляет, что “теперь мы очистились от этой милиции. МВД больше не болтается под ногами” и т. д. Ведь между органами МГБ и МВД никаких служебных отношений, необходимых для пользы дела, не существует.

Такого враждебного периода в истории органов никогда не было. Партийные организации МГБ и МВД не захотели совместным заседанием почтить память Ленина, а проводили отдельно, и при этом парторганизация МГБ не нашла нужным пригласить хотя бы руководство МВД на траурное заседание.

Абакумов навел такой террор в Министерстве, что чекисты, прослужившие вместе 20–25 лет, а сейчас работающие одни в МВД, а другие в МГБ, при встречах боятся здороваться, не говоря уже о том, чтобы поговорить. Если кому-нибудь из работников МГБ требуется по делу прийти ко мне, то нужно брать особое разрешение от Абакумова. Везде на руководящие должности назначены работники “СМЕРШ”, малоопытные в работе территориальных органов МГБ. Сотрудники МГБ запуганы увольнениями с работы и расследованиями».

Люди Абакумова арестовали бывшего начальника оперативного сектора МВД в оккупированном Берлине, а на момент ареста — министра госбезопасности Татарской АССР генерал-майора Алексея Матвеевича

Сиднева. Он рассказал на следствии, как сам обогащался, вывозя из Германии трофеи — золотые часы, кольца, серьги.

Генерал Сиднев дал показания и на Серова:

— Вряд ли найдется такой человек, который был в Германии и не знал бы, что Серов являлся, по сути, главным воротилой по части присвоения награбленного. Его самолет постоянно курсировал между Берлином и Москвой, доставляя без досмотра на границе всякое ценное имущество, меха, ковры, картины и драгоценности для Серова. С таким же грузом он отправлял в Москву вагоны и автомашины... Серов относился ко мне очень хорошо, потому что в подвале моего сектора хранились деньги и ценное имущество, которые я выдавал ему, когда он собирался в Москву. А ездил он часто, увозя с собой большое количество ценностей. Это были радиолы, охотничьи ружья, цейсовские фотоаппараты, отделанные золотом сервизы.

Показания арестованного генерала Абакумов переслал Сталину.

Серов написал объяснительную записку — он начисто все отрицал и утверждал, что Абакумов просто сводит с ним счеты:

«Мне неприятно, товарищ Сталин, вспоминать многочисленные факты самоснабжения Абакумова во время войны за счет трофеев, но о некоторых из них считаю уместным доложить.

Наверно, Абакумов забыл, когда во время Отечественной войны в Москву прибыл эшелон более 20 вагонов с трофейным имуществом, в числе которого ретивые подхалимы Абакумова из “Смерш” прислали ему полный вагон, нагруженный имуществом, с надписью “Абакумову”.

Вероятно, Абакумов уже забыл, когда в Крыму еще лилась кровь солдат и офицеров Советской Армии, освобождавших Севастополь, а его адъютант Кузнецов (ныне “охраняет” Абакумова) прилетел к начальнику Управления контрразведки “Смерш” и нагрузил полный самолет трофейного имущества. Командование фронтовой авиацией не стало заправлять бензином самолет Абакумова на обратный путь, так как горючего не хватало для боевых самолетов, ведущих бой с немцами. Тогда адъютант Абакумова не растерялся, обманным путем заправил и улетел.

Сейчас Абакумов свои самолеты, прилетающие из-за границы, на контрольных пунктах в Москве не дает проверять, выставляет солдат МГБ, несмотря на постановление правительства о досмотре всех без исключения самолетов».

И что же? Какова реакция вождя? Его очень даже устраивала конкуренция двух силовых ведомств. Он побаивался излишнего укрепления одного из них. И был доволен вендеттой двух генералов.

Следил за тем, чтобы один не съел другого. Сталину нравилось, что

руководители двух силовых ведомств пишат друг на друга. Во-первых, он знал всё о них обоих. Во-вторых, они точно не могли сговориться между собой. А сговора своих подручных вождь боялся больше всего.

В жестко выстроенном обществе нет места политической борьбе. Зато аппарат раздирают внутриведомственные баталии. Это жестокая борьба за влияние и ресурсы.

В 1949 году в Хабаровске сменилось партийное начальство. Романа Капитоновича Назарова, руководившего краем, отправили на курсы переподготовки. 22 февраля первым секретарем Хабаровского крайкома утвердили Александра Павловича Ефимова, переведенного из Иркутска.

«По характеру Ефимов был довольно замкнутый человек, — вспоминал его подчиненный. — Отличался большой силой воли и твердым характером... Он любил играть в домино, но страшно переживал проигрыши. Его сопровождали два порученца — сотрудники госбезопасности. Один охранник, испытанный игрок, садился играть с хозяином, а второй — с гостем, и гость, как ни старался, все равно был обречен на проигрыш».

Ефимов решил взять под контроль и начальника госбезопасности генерал-полковника Сергея Арсеньевича Гоглидзе, который служил в Хабаровске с лета 1941 года. Он не только возглавил краевое управление, его утвердили уполномоченным НКВД по всему Дальнему Востоку. Гоглидзе был человеком Берии, служил под его началом в Тбилиси.

Новый хозяин края исходил из того, что Берия от дел госбезопасности отстранен, да и Сталин желает твердого контроля партаппарата над чекистами.

У первого секретаря крайкома на руках были все козыри:

«В крайком партии поступали сигналы, что среди личного состава имеют место случаи аморального поведения, пьянства, на руководящую работу назначаются недостойные люди. Бюро крайкома образовало комиссию для проверки деятельности парторганизации УМГБ по работе с кадрами. Вскрылись большие беспорядки: нарушение принятых в партии принципов подбора и расстановки кадров, отсутствие критики и самокритики, нездоровая обстановка в ряде городских и районных органов госбезопасности».

В 1950 году работу полковника Георгия Иовича Парамонова, заместителя начальника краевого управления по кадрам, на бюро краевого комитета ВКП(б) признали неудовлетворительной: «Засорил аппарат управления социально чуждыми и морально разложившимися работниками и стремился высвободить этот аппарат из-под влияния партийных

органов».

В марте 1950 года на пленуме крайкома Сергей Гоглидзе выразил несогласие с решением бюро: это личная неприязнь к нему первого секретаря. Но члены крайкома осудили выступление Гоглидзе как политически неправильное и вредное.

В Хабаровске, видимо, решили, что дни Гоглидзе сочтены.

И ошиблись. Он бросился за помощью в Москву. В столице Гоглидзе в обиду не дали. Но и партаппарат обижать не хотели. В итоге приняли соломоново решение.

28 апреля 1950 года Секретариат ЦК постановил:

«В работе УМГБ по Хабаровскому краю имели место существенные недостатки в деле подбора и расстановки кадров. Тов. Гоглидзе не уделял должного внимания делу выдвижения и правильной расстановки работников. В краевом управлении имели место факты недисциплинированности и распущенности некоторых сотрудников. Тов. Гоглидзе своевременно не принимал мер по исправлению недостатков, а также освобождению от работы в управлении отдельных, плохо работающих сотрудников.

Обязать т. Гоглидзе устранить имеющиеся недостатки в деле подбора и расстановки кадров в краевом Управлении МГБ.

ЦК ВКП(б) считает, что Хабаровский крайком партии допустил ошибки в оценке работы с кадрами в краевом Управлении МГБ и неправильно ориентировал партийную организацию в отношении методов разрешения вопросов, связанных с работой МГБ. Тов. Ефимов неправильно требовал от т. Гоглидзе выступлений с самокритикой. Крайком партии принял ошибочное решение в связи с выступлением т. Гоглидзе.

Обязать Хабаровский крайком ВКП(б) и его первого секретаря т. Ефимова оказывать необходимую помощь в работе краевого Управления МГБ и его органов на местах, улучшить работу крайкома по подбору кадров для МГБ».

Словом, присматривайте друг за другом и впредь.

Иначе сложилось противостояние секретаря ЦК Кузнецова и министра Абакумова.

В марте 1946 года Сталин перевел в Москву первого секретаря Ленинградского обкома и горкома партии Алексея Александровича Кузнецова. Во-первых, он хорошо показал себя во время блокады; во-вторых, второй человек в партийном аппарате член политбюро Андрей Александрович Жданов старательно расставлял повсюду свои кадры.

Вождь сделал Кузнецова членом оргбюро и секретарем ЦК и поставил

во главе Управления кадров ЦК. Набор должностей делал его влиятельнейшим человеком в партийном аппарате. Ему поручили вести заседания Секретариата ЦК. По существу он заменил Маленкова. И впервые Сталин поручил Кузнецову наблюдать за деятельностью органов МГБ. Ни на кого в партии никогда не возлагались такие обязанности. Лубянка — прерогатива генерального секретаря.

Под председательством нового секретаря ЦК Кузнецова комиссия рассмотрела ошибки прежнего руководства Министерства госбезопасности. Меркулову предъявили грозное обвинение в том, что он прекратил преследование троцкистов. Но карьера его не закончилась.

Меркулова назначили заместителем начальника Главного управления советского имущества за границей по Австрии.

В июне 1946 года на совещании в ЦК обсуждалась кадровая работа в оккупированной Германии.

— Кто у нас там творит политику изо дня в день? — поинтересовался секретарь ЦК Кузнецов.

— Военное командование, — пояснил заместитель заведующего отделом внешней политики Борис Николаевич Пономарев. — Конев и Желтов.

Кузнецова ответ не устроил:

— Ав ЦК эти люди просматривались? Кто-нибудь их практическую работу проверял или нет?

— Они по военной линии назначались, — уточнил Пономарев.

— А ваш международный отдел имеет отношение к этим делам?

— Никакого, — открестился Пономарев.

Кузнецову все это категорически не нравилось:

— Почему не вызвать и не послушать военных людей? Почему бы кому-нибудь из ЦК не поехать и не посмотреть? Проверять, как демонтируется оборудование, ездим. По всем линиям ездим, а по основной линии, по вопросам идеологической работы не ездим... Это основное — политика. А потом провал — и будем руками махать: почему это произошло. Кто политсоветником в Германии у Соколовского?

Кузнецов вспомнил, как к нему заходил старый знакомец и сослуживец Терентий Фомич Штыков, недавний второй секретарь Ленинградского обкома. После войны член Военного совета 1-го Дальневосточного фронта генерал-полковник Штыков стал советским заместителем в Пхеньяне.

— Штыков, — поделился Кузнецов, — очень подробно мне докладывал, как обстоит дело в Корее, что у него за политработники, что за политсоветники. Одного он предлагает немедленно посадить. Я ему давал

установки. На днях, когда он докладывал в политбюро, мы узнали, что там положение коренным образом изменилось. Хорошо, что Штыков приехал, он посоветовался здесь, он имел возможность товарищу Сталину лично доложить и не раз, теперь у него ясная картина, как вести себя. А что в Германии?

Алексей Александрович чувствовал себя уверенно.

— Я боюсь, что у нас недостаточно зрелые в политическом отношении люди сидят и разную ерунду пишут. Бывают они в ЦК? Кто им дает установки? Политуправление Красной армии? Вы военные кадры не знаете. А я знаю, что представляют из себя члены военного совета, поработал с ними и знаю — на них нельзя надеяться.

Но главное, что не нравилось Алексею Александровичу Кузнецову, — самостоятельность военных:

— Целый ряд вопросов не решен. Но кто в этом виноват? Товарищи, которые работают в Германии, обязаны поставить эти вопросы перед ЦК, и я убежден, что эти вопросы ЦК решит. Мы, секретари ЦК, очень многих вопросов не решаем самостоятельно, между собой советуемся, а очень часто ставим выше, перед товарищем Сталиным. И по каждому вопросу получаем совет, получаем указания. А вы чересчур самостоятельно решаете.

Алексея Александровича эти слова не спасли. Когда вождь устроит печально знаменитое «ленинградское дело», то расстреляют и самого Кузнецова...

Кузнецов занимался и авиационным делом, которое возникло после того, как Василий Сталин пожаловался отцу на плохое качество самолетов. Куратором авиационной промышленности был член политбюро и секретарь ЦК Георгий Маленков. Кузнецов вскрыл все недостатки Маленкова как в руководстве авиапромышленностью, так и в партийных делах. Были арестованы два сотрудника Управления кадров ЦК, которые занимались авиационной промышленностью и непосредственно подчинялись Маленкову. Маленкова вывели из состава политбюро, лишили должности секретаря ЦК. Его судьба висела на волоске. В Министерстве государственной безопасности собирали показания на Маленкова, готовясь к его аресту.

Но Сталин передумал и через несколько месяцев вернул Маленкову свое расположение. Вновь ввел его в состав политбюро и назначил своим заместителем в правительстве. А позиции Жданова и Кузнецова ослабли.

Маленков навсегда возненавидел своих обидчиков — молодого Сталина, Алексея Кузнецова и Абакумова. Он будет ждать возможности

рассчитаться. Через два года такая возможность представилась.

Сталин постоянно менял кадры, выдвигал новых людей. И для Жданова настало время уйти. Личных претензий к нему не было. Он просто оказался лишним в политической игре. Жданов страдал тяжелой стенокардией и при этом сильно пил. В августе 1948 года он умер от инфаркта. Расстановка сил в высшем эшелоне изменилась.

28 января 1949 года Алексея Кузнецова вывели из состава секретарей ЦК. Назначили председателем бюро ЦК по Дальнему Востоку, которое так и не было создано.

Его сын, Валерий Алексеевич Кузнецов, рассказывал мне:

— Бюро существовало только на бумаге, но отец нисколько не сомневался, что поедет туда работать, готовился к новому делу, радовался, изучал край. Мы дома читали книжки о Дальнем Востоке.

Послевоенные годы для кремлевских обитателей прошли в бесконечных интригах, иногда со смертельным исходом.

1 октября 1950 года были тайно расстреляны секретарь ЦК Алексей Александрович Кузнецов, член политбюро, председатель Госплана и заместитель главы правительства Николай Алексеевич Вознесенский, член Оргбюро ЦК и председатель Совета министров РСФСР Михаил Иванович Родионов. Сотни связанных с ними партработников сняли с работы. Двести четырнадцать человек посадили, двадцать три расстреляли.

Это была показательная расправа. После войны Сталин одернул сначала военных, потом настала очередь партийного аппарата. Чтобы все видели: маршала Жукова наказали, целую ленинградскую партийную организацию не пожалели! Это впечатляло.

Почему вождь выбрал Ленинград?

Ленинградцы с 1920-х годов воспринимались как оппозиция по отношению к Москве, и это пугало Сталина, он не доверял ленинградцам.

Массовые репрессии ленинградских партработников были сигналом всей стране: никакой самостоятельности! По каждому поводу просить разрешения у ЦК, а то будет как в Ленинграде. Во всем аппарате закручивали гайки. Ни один первый секретарь обкома или секретарь ЦК республики не был гарантирован от внезапного ареста. И партийный аппарат осознал, что неприкасаемых в стране нет и не будет...

Министр госбезопасности сильно не любил Кузнецова. Для него «ленинградское дело» было подарком. Но он не подозревал о том, что ждет его самого. А вождь следил за тем, чтобы одно ведомство не брало верх над другим...

В аппарате госбезопасности с придыханием рассказывали, что

генерал-полковник Абакумов настолько близок к Сталину, что даже гимнастерки шьет из одного с ним материала. В начале 1951 года по коридорам Лубянки пошли разговоры, что Абакумов идет на большое повышение — в Совет министров СССР.

Когда начальник 5-го управления МГБ полковник Александр Петрович Волков докладывал министру о системе охраны Сталина во время его возвращения с юга, Абакумов поделился с подчиненным своей радостью: специальным решением только ему и Берии поручено встречать вождя в Москве. Никому другому из руководителей партии и правительства не велено появляться на вокзале.

Министр перестал считаться с членами политбюро. Даже Берия, по словам Меркулова, «смертельно боялся Абакумова и любой ценой старался сохранить с ним хорошие отношения».

Но министр госбезопасности перестал улавливать замыслы вождя. Не очень грамотный и не слишком проницательный, он оказался простоват для хитроумных комбинаций, постоянно рождавшихся в голове вождя. Не угадывал далекоидущих планов Сталина, а прямых указаний вождь не давал.

Сталин предпочитал ронять намеки, полагая, что подчиненные ловят на лету каждое его слово. Льва Романовича Шейнина, который много лет возглавлял Следственное управление союзной прокуратуры, однажды спросили: как именно Сталин давал указания — кого сажать, кого расстреливать?

— Товарищ Сталин не пахан, а глава государства, — объяснил Шейнин. — Его обязаны были понимать. А те, кто не понимал, сами быстро исчезали.

Сталин, решив кого-то убрать, делал это чужими руками. В разговоре с министром госбезопасности ронял неодобрительное слово о высоком чиновнике или генерале. Министр тут же приказывал начать разработку жертвы. Оперативные службы собирали весь материал, который у них был, обычно показания арестованных.

Материалы приносили Сталину. Он предлагал политбюро рассмотреть их и выразить свое мнение. Мнение всегда было одно: снять со всех постов, исключить из партии и арестовать. Сталин выслушивал товарищей и вроде как соглашался с общим мнением. Добавлял: жаль, хороший организатор. Он сам был и артист, и режиссер...

Судьба Абакумова решилась в ночь на 5 июля 1951 года в кремлевском кабинете Сталина. В половине первого ночи к вождю зашли Молотов, Булганин, Берия и Маленков. В своем кругу они беседовали полчаса. В час

ночи вызвали ожидавшего в приемной министра государственной безопасности. А еще через сорок минут порог сталинского кабинета, трепеща от страха, перешагнул один из подчиненных Абакумова — сотрудник МГБ в скромном звании подполковника.

На столе лежало адресованное Сталину письмо, подписанное этим подполковником.

«Считаю своим долгом, — писал подполковник Рюмин, — сообщить Вам, что тов. Абакумов, по моим наблюдениям, имеет склонность обманывать правительственные органы путем замалчивания серьезных недочетов в работе органов МГБ... Тов. Абакумов не всегда честными путями укреплял свое положение в государственном аппарате, и он является опасным человеком для государства, тем более на таком остром участке, как Министерство государственной безопасности».

Сталин, как заправский следователь, устроил своего рода очную ставку между Рюминым и Абакумовым. Министр гневно опровергал все обвинения. Но вождь оправданий не принял. Указав на подполковника, которого видел в первый раз, сказал:

— Вот, простой человек, а насколько глубоко понимает задачи органов госбезопасности. А министр не в состоянии разобраться.

Подполковник Рюмин, старший следователь следственной части по особо важным делам МГБ, обрел в литературе черты демонической личности. Как же! Это он свалил всемогущего министра госбезопасности, самого Абакумова, которого все боялись.

В июле 1941 года бухгалтер Химкинского речного порта Михаил Дмитриевич Рюмин по рекомендации райкома был направлен военкоматом для службы в органах госбезопасности. Его определили на краткосрочные курсы работников особых отделов при Высшей школе НКВД. После теоретического курса курсантов отправили на военный полигон для двухнедельной боевой обкатки. Стрелковая подготовка, штыковой бой, метание гранат, марш-броски и ориентация на местности.

В конце сентября десять курсантов вызвали в отдел кадров и сообщили, что для них учеба закончена. Новоиспеченным особистам дали увольнительную — попрощаться с родными и на следующий день отправили в распоряжение Особого отдела Карельского фронта.

Но Рюмин на фронт не попал.

«Один из наших курсантов Михаил Рюмин, симулируя болезнь, остался на “лечение” в городе Архангельске, — вспоминал учившийся с ним полковник госбезопасности Иван Яковлевич Леонов, — и там прослужил всю войну».

Рюмин дослужился в Архангельске до начальника следственного отделения Управления контрразведки «Смерш» округа; его заметили и взяли в Москву, в центральный аппарат. Как же он посмел выступить против всеильного министра?

Рюмин нарушил приказ министра о ходе ведения следствия, и у него умер подследственный. Партбюро вынесло подполковнику выговор, за этим могло последовать увольнение. И он пошел ва-банк. Пожаловался на министра в ЦК.

Годом раньше письмо переслали самому Абакумову, чтобы тот разобрался с подчиненным-жалобщиком. Теперь же Рюмина словно ждали. С ним работал помощник Маленкова, второго человека в партии. Письмо подполковника положили Сталину на стол 2 июля. Он прочитал, и судьба министра была решена.

Разослали республиканским, краевым, областным комитетам партии, а также республиканским МГБ и областным управлениям госбезопасности закрытое письмо «О неблагоприятном положении в Министерстве государственной безопасности СССР». 12 июля генерал-полковника Абакумова вызвали в союзную прокуратуру и по всей форме предъявили обвинение по статье 58-1 «б» Уголовного кодекса РСФСР — «измена родине, совершенная военнослужащим».

Годом ранее, в начале 1950 года, создали особую тюрьму на улице Матросская Тишина, 18, для арестованных по политическим делам. Организацией тюрьмы занимался сменивший Берия на посту министра внутренних дел генерал-полковник Сергей Никифорович Круглов.

«По указаниям Маленкова, который давал их от имени ЦК партии и ссылкой на тов. Сталина, — рассказывал потом Круглов, — МВД было предложено освободить отдельное тюремное помещение, назвать начальника этой тюрьмы, укомплектовать тюрьму надзирателями и вахтерами и в дальнейшем этой тюрьмой не заниматься, так как она будет подчинена ЦК и КПК».

Начальником тюрьмы назначили полковника Александра Петровича Клейменова, бывшего матроса и заведующего радиостанцией. В НКВД он пришел по партийному набору в 1937 году. С 1944 года был заместителем начальника тюремного управления. Его предупредили, что он подчиняется только секретарю ЦК Маленкову и руководителю Комиссии партийного контроля при ЦК Матвею Федоровичу Шкирятову. Установили «вертушку» — аппарат городской правительственной связи, чтобы следователи могли напрямую докладывать Маленкову о ходе допросов.

Сюда и доставили Абакумова. Его привезли начальник Главного

управления пограничных войск генерал-лейтенант Николай Павлович Стаханов и назначенный начальником Главного управления госбезопасности на железнодорожном и водном транспорте генерал-полковник Сергей Арсеньевич Гоглидзе.

— Вы знаете этого человека? — спросил Гоглидзе начальника тюрьмы, указывая на Абакумова. — Примите его как арестованного.

В тюрьме бывший министр значился как «заключенный номер пятнадцать».

До ареста он жил в доме номер 11 по Колпачному переулку. Отсюда выселили шестнадцать семей, чтобы министр мог разместиться с комфортом. В тот день окна особняка были плотно зашторены. Шел обыск, недавние подчиненные Абакумова долго описывали невиданное по тем временам имущество: мебельные гарнитуры, холодильники, которых еще не было в Москве, тринадцать радиоприемников и радиол...

Первую жену Абакумова, Татьяну Андреевну, тоже собирались арестовать, но передумали. Ограничились тем, что выгнали из огромной квартиры в доме номер 8 по Телеграфному переулку, обшитой дубовыми панелями и обставленной антикварной мебелью. А вот вторую жену Абакумова, Антонину Николаевну, которая сама работала в Министерстве госбезопасности, арестовали. За два месяца до ареста Антонина родила сына, которому не суждено будет увидеть отца. Антонину посадили в Сретенскую тюрьму вместе с ребенком.

Вслед за Абакумовым за решетку попали его подчиненные. Арестовали начальника следственной части по особо важным делам, трех его заместителей, начальника секретариата министра и его заместителя. Начальник секретариата МГБ полковник Иван Александрович Чернов услышал от следователя:

— Ваш Абакумов собирался захватить власть. Говори, как Абакумов наметил распределить министерские портфели.

Бывшего министра обвинили в том, что он «вынашивал изменнические замыслы и, стремясь к высшей власти в стране, сколотил в МГБ СССР преступную группу». От Абакумова требовали признаний. Но он лучше других понимал: признание равносильно смерти. Как только подпишет протокол допроса, сразу доложат Сталину и для него все кончится — расстреляют. Поэтому Абакумов никаких обвинений не признавал.

А вождь злился на следователей с Лубянки, потребовал бить Абакумова и других арестованных чекистов смертным боем. Новый министр госбезопасности Семен Игнатьев спешил исполнить указание

вождя. Отправил Сталину написанную от руки записку:

«Абакумов переведен из Лефортовской в Бутырскую тюрьму и содержится в ручных кандалах. Расположение камеры, в которой находится Абакумов, исключает возможность его связи с кем-либо из лиц, не имеющих отношения к его охране и допросам.

Абакумов охраняется людьми, не знающими его и неизвестными ему. Содержится не под фамилией, а под присвоенным ему номером. Подобраны и уже использованы в деле два работника, могущие выполнять специальные задания (применять физические наказания) в отношении особо важных и особо опасных преступников».

Группе чекистов выдали резиновые палки, обещали путевки в дом отдыха, денежное пособие и внеочередное присвоение воинских званий. Они старались. На допросах так избивали Абакумова, что он ходить не мог. Заключение тюремного врача свидетельствует о том, что Абакумова (ему было всего сорок с небольшим, и на здоровье он прежде не жаловался) превратили в полного инвалида:

«Заклученный номер пятнадцать еле стоит на ногах, передвигается с посторонней помощью, жалуется на боли в сердце, слабость, головокружение. По состоянию здоровья нуждается в переводе из карцера в камеру».

Недавнего министра держали в карцере-холодильнике. Морили голодом. В апреле 1952 года Абакумов попросил бумагу и карандаш. Написал письмо Берии и Маленкову:

«Ночью 16 марта меня схватили и привели в так называемый карцер, а на деле, как потом оказалось, это была холодильная камера с трубопроводной установкой, без окон, совершенно пустая, размером два метра.

В этом страшилище, без воздуха, без питания (давали кусок хлеба и две кружки воды в день) я провел восемь суток. Установка включалась, холод все время усиливался. Я много раз впадал в беспамятство. Такого зверства я никогда не видел и о наличии в Лефортово таких холодильников не знал — был обманут. Этот каменный мешок может дать смерть, увечье и страшный недуг.

23 марта это чуть не кончилось смертью — меня чудом отходили и положили в санчасть, впрыснув сердечные препараты и положив под ноги резиновые пузыри с горячей водой».

Сидя в тюремной камере, Абакумов не думал о том, что повторил судьбу миллионов людей, которых посадили за то, чего они не совершали. Других сажали правильно. С ним поступили несправедливо!

Недоброжелатели настроили против него вождя. Абакумов надеялся, что Сталин перестанет на него гневаться.

По-свойски просил Берию и Маленкова:

«Первое. Закончить все и вернуть меня к работе, мне нужно лечение.

Второе. Если какое-то время будет продолжаться эта история, то заберите меня из Лефортово и избавьте от Рюмина и его друзей.

Может быть, можно вернуть жену и ребенка домой, я Вам вечно буду за это благодарен. Она человек очень честный и хороший».

Бывший министр госбезопасности оказался на удивление наивным человеком. Не сомневался, что выйдет из застенков. Почему-то верил, что Берия и Маленков замолвят за него словечко:

«Прошло уж больше года, а меня по-прежнему непрерывно допрашивают. Все это время мне ставили большое количество вопросов — странных, нелепых и просто провокационных... Может быть, было бы лучше закончить эту историю до отъезда тов. Сталина в отпуск? Говорю это потому, что иногда в период отпуска некоторые вопросы решались острее. Поймите мое положение и поэтому извините меня за такой совет.

Еще раз прошу вас о жене и ребенке. Верните их домой. У жены здоровье плохое, а ребенку нужен воздух. Иначе можно погубить и ее, и моего дорогого, единственного сына. Прошу вас, помогите мне в этом».

В ответ новый министр Игнатьев получил указание еще ужесточить режим содержания арестованного. Абакумова перевели в Бутырскую тюрьму. Из соседних камер заключенных убрали:

«У двери камеры выставлен круглосуточный пост из числа наиболее проверенных надзирателей. Они предупреждены, что арестованный номер пятнадцать способен допустить любую провокацию и может прибегнуть к самоубийству.

Согласно указанию министра, арестованный номер пятнадцать закован в наручники, которые будут сниматься только во время принятия пищи. Все остальное время арестованный номер пятнадцать будет сидеть в наручниках, причем в дневное время с руками за спину, а в ночное время с руками на животе».

С бывшим министром делали то, что он творил с другими, пока был хозяином Лубянки. Когда его арестовали, Абакумов уверенно сказал на допросе:

— Мы можем бить арестованных. В ЦК меня и моего первого заместителя Огольцова многократно предупреждали о том, чтобы наш чекистский аппарат не боялся применять меры физического воздействия к шпионам и другим государственным преступникам, когда это нужно.

Почему в сталинские годы обвиняемые признавались в самых невероятных преступлениях? Показания в буквальном смысле выбивали, и люди не выдерживали пыток.

На процессе по делу бывшего начальника Главного управления военной контрразведки «Смерш» и министра госбезопасности Виктора Абакумова в декабре 1954 года Генеральный прокурор СССР Роман Андреевич Руденко сказал:

— Я не хочу расшифровывать некоторые формы пыток, с тем чтобы не унижать достоинство тех лиц, к которым они применялись, которые остались живы и присутствуют на процессе.

Руденко, пишет бывший председатель Верховного суда СССР Владимир Иванович Теребилов, «видимо, имел в виду случаи, когда, например, допрашиваемого раздевали и сажали на ножку перевернутой табуретки, с тем чтобы она попала в прямую кишку».

Сталин устроил на Лубянке большую чистку. Чекистов выгоняли и сажали. В узком кругу вождь говорил:

— Чем больше у нас успехов, тем больше враги будут стараться вредить. Об этом наши люди забыли, появилось благодушие, ротозейство, зазнайство... Неблагополучно в госбезопасности, притупилась бдительность. Они сами признались, что сидят в навозе, в провале. Лень, разложение глубоко коснулись МГБ. Надо лечить госбезопасность.

Один из подчиненных Абакумова не выдержал и дал нужные следствию показания: террористическая группа внутри МГБ под руководством Абакумова готовила покушение на Маленкова. Чекисты-заговорщики действовали под руководством американского посла в Москве Аверелла Гарримана...

Осенью 1951 года Сталин поехал отдыхать на озеро Рица, где ему построили новую дачу. Отпуск вождь взял себе долгий — пять месяцев. Но уже в середине октября вызвал к себе нового министра государственной безопасности Семена Денисовича Игнатьева. Выбор казался странным. До перехода на Лубянку Игнатьев заведовал в ЦК отделом партийных, профсоюзных и комсомольских кадров, то есть был главным кадровиком. Но Сталину и понадобился человек со стороны. Вождь был страшно недоволен чекистами. И назначил министром чужого для чекистов аппаратчика.

Вождь пребывал в дурном настроении:

— Чекисты разучились работать, ожирели, растеряли и забыли традиции ЧК времен Дзержинского. Чекисты оторвались от партии, хотят встать над партией...

29 января 1952 года министр Игнатъев доложил секретарю ЦК Маленкову, ведавшему партийными кадрами:

«В архивах некоторых органов МГБ хранятся дела на лиц, занимающих в настоящее время ответственные посты в партийном и советском аппаратах. Дела эти состоят в основном из показаний арестованных за 1937–1938 гг., анонимных заявлений и других материалов, трудно поддающихся проверке.

МГБ СССР считает целесообразным:

1. Изъять из архивов органов МГБ дела на лиц, занимающих в настоящее время ответственные посты в партийном и советском аппаратах (секретарей и заведующих отделами ЦК компартий союзных республик, крайкомов, обкомов и горкомов ВКП(б), председателей советов министров республик, председателей краевых и областных исполкомов, министров СССР, их заместителей и им равных) и снять с общего оперативного учета в органах МГБ.

2. Поручить министрам государственной безопасности республик, начальникам УМГБ краев и областей лично просмотреть указанные дела и при отсутствии в них материалов, дающих основание подозревать проходящих по делам лиц в проведении вражеской или иной преступной деятельности, и если на них после сдачи дел в архив не поступило других компрометирующих материалов, вынести соответствующее заключение и направить дела в МГБ СССР для хранения в особом фонде.

Материалы, не подтвердившиеся, а также не представлявшие никакого оперативного интереса вследствие их малозначительности и давности, уничтожить по акту.

Дела, в которых имеются материалы, вызывающие сомнение либо требующие проверки по другим мотивам, а также на лиц, в отношении которых поступили другие компрометирующие материалы, подвергнуть тщательной оперативной проверке. О результатах проверки доложить первым секретарям ЦК компартий союзных республик, краевых и областных комитетов ВКП(б) и поступить по их указаниям. <.. >

4. Еще раз строго предупредить руководителей местных органов и центральных управлений МГБ СССР о том, чтобы агентура не направлялась на разработку лиц, работающих в партийных органах или занимающих ответственное положение в местных органах власти. Если от агентуры или от других источников в органы МГБ на указанных лиц будут поступать материалы инициативно, докладывать их первым секретарям ЦК компартий союзных республик, крайкомов, обкомов ВКП(б) и поступать с такими материалами по их указанию».

Игнатъев стал первым после Менжинского главой органов госбезопасности, который на этом посту остался штатским человеком: звания он не получил. Игнатъев сменил руководство министерства. По указанию Сталина взял на работу два десятка секретарей обкомов, которые получили воинские звания и возглавили различные подразделения в аппарате МГБ. Материальные условия им были сохранены — не хуже, чем у секретаря обкома, всем дали квартиры в Москве.

Заместителем начальника 7-го управления назначили секретаря Херсонского обкома компартии Украины Виктора Ивановича Алидина. В приемной министра он встретил секретаря Тульского обкома Серафима Николаевича Лялина, секретаря Кировоградского обкома Николая Романовича Миронова, других партийных работников.

Игнатъев приглашал по одному и вводил в курс дела:

— Я подбираю руководящие кадры министерства, тех, с кем будем исправлять положение.

Следственную часть Министерства государственной безопасности по особо важным делам сформировали из совсем новых людей, молодых партийных работников. Новым следователям по указанию Сталина предоставили номенклатурные блага, которыми одаривали чиновников высокого ранга, например прикрепили к Лечебно-санитарному управлению Кремля, хотя это им по должности не полагалось.

Черный нал, раздача денег в конвертах, тайком возник именно тогда. Это придумал сам Сталин, когда всему высшему чиновничеству выдавали вторую зарплату в конвертах, с которой не только налоги не платились, но и партийные взносы... Толстые пакеты с купюрами высшие руководители держали в служебных сейфах или отдавали неработающим женам, которые регулярно совершали рейды по спецбазам и спецмагазинам.

С молодежью из МГБ Сталин работал как хороший профессор с аспирантами, подающими надежду. Приглашал к себе на дачу и объяснял, как следует работать. Сам редактировал документы, рассказывал, как составлять обвинительное заключение. Сам придумывал, какие вопросы должны задавать следователи на допросах. Сам решал, кого и когда арестовать, в какой тюрьме держать. И естественно, определял приговор. Можно сказать, что Сталин исполнял на общественных началах обязанности начальника Следственной части по особо важным делам Министерства госбезопасности.

Чтобы сделать приятное чекистам, вновь ввел специальные звания для офицеров госбезопасности. 21 августа 1952 года появился указ Президиума Верховного Совета СССР, и все лейтенанты, капитаны, майоры и

полковники МГБ добавили к воинскому званию радующие их душу слова «государственной безопасности».

На Лубянке сформировалась своего рода каста, привыкшая к своему особому положению, и кадровые работники были безмерно обижены новым министром. Они не знали, что Игнатъев исполняет волю вождя, пожелавшего перетряхнуть чекистский аппарат сверху донизу.

6 мая 1952 года в Клубе имени Дзержинского провели отчетно-выборное собрание коммунистов Управления военной контрразведки. В партком выдвинули человека, недавно пришедшего в министерство с партийной работы. Один из офицеров сказал, что варяги не нужны, в управлении есть свои достойные кандидатуры.

На следующий день членов парткома собрал министр Игнатъев, угрюмый и сердитый. Он сказал:

— Прежде чем вы приступите к решению организационных вопросов, обстоятельства вынуждают меня высказать свое негативное отношение к состоявшемуся вчера в главке отчетно-выборному собранию. Как мне доложили, прошло собрание безобразно. Со времени разгрома в партии троцкистско-зиновьевской оппозиции ничего подобного еще не было. Группа коммунистов осмелилась восстать против линии партии...

Большую группу генералов арестовали сразу вслед за бывшим министром Абакумовым летом 1951 года. Сталин на этом не остановился и продолжал перетряхивать кадры. Словно вознамерился полностью заменить кадры на Лубянке. Большая чистка в чекистском коллективе продолжалась несколько лет — до последних дней его жизни.

Сталин, вызвав нового министра, спросил, как работает аппарат госбезопасности. Игнатъев довольно бодро ответил, что после ареста Абакумова наблюдалась некоторая растерянность, но «теперь чекисты подтянулись, работают лучше».

Сталин укорил нового министра:

— Слепой вы человек, не видите, что вокруг вас делается.

Вождь был страшно недоволен чекистами, именовал их «бездельниками»:

— Я не говорю, чтобы вы их выгоняли на улицу. Посадите. И пусть сидят...

Посаженные чекисты недоумевали: в чем их вина? И на допросе слышали от полковника Михаила Рюмина, назначенного 19 октября 1951 года сразу заместителем министра госбезопасности, то, что сами недавно говорили другим:

— Вашу виновность доказывает факт вашего ареста.

Последние годы и особенно последние месяцы своей жизни Сталин занимался делами Министерства государственной безопасности больше, чем делами ЦК партии или Совета министров. Практически каждый день читал поступавшие с Лубянки бумаги.

Начальник 7-го управления МГБ Виктор Алидин вспоминал, что Сталин вдруг заинтересовался работой наружной разведки МГБ (слежка и наблюдение за подозреваемыми). Распорядился в чекистских аппаратах по всей стране выделить ее в отдельную, самостоятельную службу. Вождь дал указание подготовить этот вопрос к рассмотрению на президиуме ЦК. 7-е управление не играло сколько-нибудь значимой роли в деятельности Министерства госбезопасности, но указание Сталина — закон.

За решеткой оказались высшие руководители органов госбезопасности. Правда, одного из заместителей министра генерал-лейтенанта Николая Николаевича Селивановского пришлось передать врачам-психиатрам. У него диагностировали «затяжное реактивное состояние в форме психического параноида». Сажали, впрочем, не только по политическим причинам, но и за хозяйственные упущения и чистую уголовщину. Например, тех, кто не по чину вагонами тащил трофейное имущество из Германии.

Сталин распорядился арестовать еще одного заместителя министра — генерала Евгения Петровича Питовранова и с ним группу крупных чекистов. Хотя еще недавно подумывал, не поставить ли Питовранова во главе министерства... Философски заметил:

— У чекиста есть только два пути: на выдвижение или в тюрьму.

Осенью 1952 года Сталин впервые после войны не поехал в отпуск. Велел построить на Ближней даче оранжерею для выращивания лимонов, не вызревающих в условиях средней полосы России. Ругал министра госбезопасности:

— Чекисты ни черта не видят дальше своего носа. Перерождаются в простофиль-обывателей. Не хотят честно выполнять директивы ЦК.

Такой масштабной чистки не знало ни одно ведомство. За год, с 1 июля 1951-го по 1 июля 1952 года, «как не справившихся с работой» выгнали 1583 чекистов. Еще три тысячи уволили за различные нарушения. В сентябре 1952 года сократили аппарат госбезопасности на тридцать с лишним тысяч человек! Но все равно Сталин требовал убирать людей, «недостойных работать в ЧК»:

— Бегемоты... Ожирели... Разучились работать...

В самый напряженный момент министр госбезопасности свалился с сердечным приступом. Это понятно: он попал в такую мясорубку, что и

здоровое сердце не выдержит. Его заместитель Гоглидзе вспоминал, что министр той осенью находился «в крайне подавленном состоянии».

Сталин рассчитывал, что найдет в его лице второго Ежова, который в тридцатые годы сам ходил по камерам, допрашивал арестованных и бил их. Вождь ценил именно таких. Однажды Берия привез ему компрометирующие материалы на коменданта внутренней тюрьмы на Лубянке Василия Блохина. Сталин ответил:

— Таких людей сажать не надо, они выполняют черновую работу — исполняют приговоры.

Расстреливая заключенных, Василий Михайлович Блохин удостоился высших государственных наград, включая орден Ленина, дослужился до генеральских погон, но в 1954-м его лишили высокого звания как палача.

А Игнатъев надежд не оправдал. Партийный функционер, чинуша, он пунктуально передавал подчиненным указания вождя, требовал, чтобы те выбивали нужные показания, а сам не покидал письменного стола. Слабаком оказался.

Разочарованный Сталин ему прямо сказал:

— Ты что, белоручкой хочешь быть? Не выйдет. Забыл, что Ленин дал указание расстрелять Каплан? Хотите быть более гуманными, чем был Ленин? А Дзержинский приказал выбросить в окно Савинкова. У Дзержинского были для этой цели специальные люди — латыши, которые выполняли такие поручения. Дзержинский — не чета вам, но он не избегал черновой работы, а вы, как официанты, в белых перчатках работаете. Если хотите быть чекистами, снимайте перчатки. Чекистская работа — это мужицкая, а не барская работа.

И добавил:

— Будешь чистоплюем, морду набью.

Сталинские угрозы звучали зловеще.

15 ноября у министра случился сердечный приступ. Поставили диагноз — инфаркт. Вместо Игнатъева верными помощниками вождя стали два генерала — Огольцов и Гоглидзе. Обоих назначили первыми заместителями министра госбезопасности. Вот они не гнушались самой грязной и кровавой работы. Вождь ценил таких работников.

Сергей Иванович Огольцов окончил двухклассное училище и работал до революции писмоношцем. После революции стал следователем уездной ЧК в Рязанской губернии. В 1939 году майор госбезопасности Огольцов возглавил Ленинградское управление НКВД. Он отличился в блокадном Ленинграде: придумал мнимую контрреволюционную организацию «Комитет общественного спасения», которая готовилась «восстановить

капиталистический строй с помощью немецких оккупантов». Были приговорены к смертной казни тридцать два научных работника. Пятерых ученых (из них двое были членами-корреспондентами Академии наук СССР) расстреляли, еще два десятка посадили. Потом Огольцов служил начальником управления в Куйбышеве, наркомом госбезопасности в Казахстане.

В декабре 1945 года его вызвали в Москву, на заседание политбюро, на котором Сталин назначил наркомом госбезопасности Абакумова. Сергей Иванович стал его первым заместителем. Семья была счастлива. Открылся доступ к доселе невиданным материальным благам.

«Материально мы жили достаточно неплохо, — вспоминал сын генерала Николая Кузьмича Богданова, заместителя министра внутренних дел, — но, когда бывали в гостях у Огольцовых, мне казалось, что мы просто бедняки — такая там была обстановка и угощение. По-моему, именно Раиса Сергеевна Огольцова являлась главной заводилой при поездках по спецбазам и магазинам с целью приобретения необходимых вещей.

Отправив руководящих мужей на работу, жены созванивались между собой и договаривались о поездке. Потом обращались к своим мужьям с просьбой прислать машину. На автомашинах руководящих работников имелись правительственные гудки, представлявшие собой две удлиненные хромированные дудки, устанавливавшиеся на переднем бампере перед радиатором. Они издавали низкий трубный звук. Едва завидев машину с гудками, инспектора милиции немедленно включали зеленый свет, а если был подан звуковой сигнал, то вообще сходили с ума, обеспечивая беспрепятственный проезд».

Когда Игнатьев слег, Сталин вызвал к себе его заместителей. Обрушился на них за то, что они отказались от применения против врагов за границей диверсий и террора:

— Прикрываясь гнилыми и вредными рассуждениями о якобы несовместимости с марксизмом-ленинизмом диверсий и террора против классовых врагов, вы скатились с позиции революционного марксизма-ленинизма на позиции буржуазного либерализма и пацифизма.

На заседании президиума ЦК 1 декабря 1952 года вождь вновь завел речь о «неблагополучии» в ведомстве госбезопасности: «лень и разложение глубоко коснулись МГБ», у чекистов «притупилась бдительность». Требовал полностью переорганизовать аппарат.

«Обсуждение проекта реорганизации МГБ, — вспоминал Гоглидзе, — проходило в крайне острой, накаленной обстановке. На нас обрушились

обвинения, носящие политический характер». Вождь не стеснялся в выражениях, обещал провести «всенародную чистку чекистов от вельмож, бездельников и перерожденцев».

Сталин выговаривал руководителям МГБ за то, что у них нет революционных следователей, что следователи — бонзы, паразиты, меньшевики, не проявляют никакого старания, довольствуются только признаниями арестованных...

Гоглидзе согласился с вождем, что чекистский аппарат работает из рук вон плохо:

«До сих пор ни агентурным, ни следственным путем не вскрыто, чья злодейская рука направляла террористическую деятельность арестованных врачей Егорова, Виноградова и других. Следователи работают без души, не цепляются, как крючки, за каждую даже мелкую возможность, чтобы поймать, взять в руки врага и полностью его разоблачить».

4 декабря Сталин подписал разгромное постановление ЦК «О положении в МГБ и о вредительстве в лечебном деле», где говорилось, что многие работники госбезопасности «поражены идиотской болезнью благодушия и беспечности, проявили политическую близорукость перед лицом вредительской и шпионско-диверсионной работы врагов».

Вождь почти ежедневно интересовался ходом следствия по делу врачей.

Гоглидзе вспоминал:

«Разговаривал товарищ Сталин, как правило, с большим раздражением, бранил, угрожал, требовал арестованных бить: “Бить, бить, смертным боем бить”».

Протоколы допросов сразу пересылались вождю.

Сталина раздражало, что чекисты «проморгали», как он выразился, врагов внутри страны. 15 декабря на заседании комиссии по реорганизации ведомства госбезопасности Сталин пригрозил:

— Коммунистов, косо смотрящих на разведку, на работу ЧК, боящихся запачкаться, надо бросать головой в колодец...

Ничтожному Рюмину участие в большой интриге принесло лишь миг счастья. Сталин приблизил малограмотного Рюмина, потому что тот был его творением — не думающий, не сомневающийся. Из тех, кто не только исполняет любые приказы вождя, но и самостоятельно выявляет и уничтожает врагов. Но работник он был бездарный, поэтому карьера Рюмина оказалась недолгой.

13 ноября 1952 года заместитель министра госбезопасности и начальник следственной части по особо важным делам полковник Рюмин

отправил Сталину пространную записку о своей работе. Прочитав ее, вождь разозлился: его выдвиженец — дурак, не оправдал доверия. Не справился. В тот же день подписал постановление Совета министров:

«Правительство несколько раз указывало как министру государственной безопасности, так и особенно нач. следственной части по особо важным делам МГБ СССР, что при расследовании таких важных, связанных с иностранной разведкой антисоветских дел, как дело о вражеской работе Абакумова и дело о террористической деятельности врачей из Лечсанупра, нельзя ограничиваться выяснением частных и формально-юридической стороны дела, а нужно добираться до корней дела, до первоисточника преступлений.

Однако несмотря на эти указания Правительства, следственная часть по особо важным делам ввиду порочной установки ее начальника тов. Рюмина оказалась неспособной выполнить эти указания Правительства, и оба упомянутых выше дела все еще остаются нераскрытыми до конца».

Рюмина выставили из МГБ. Перевели в Министерство государственного контроля старшим контролером. Сразу после смерти Сталина полковника Рюмина арестовали, через год расстреляли.

Часть четвертая
ПАРТИЯ И ЛЮДИ В ФОРМЕ

СВЕРЖЕНИЕ БЕРИИ. СИЛОВИКИ ПРОТИВ СИЛОВИКОВ

Когда в первые мартовские дни 1953 года врачи дали понять, что вождь безнадежен, его соратники собрались и с Ближней дачи уехали в Кремль. Они сразу прошли в сталинский кабинет. Поговаривали, будто они искали некую черную тетрадь, куда усопший вождь записывал нечто важное — не то политическое завещание, не то резкие оценки соратников.

Сталинского завещания не нашли. И есть большие сомнения, что оно существовало. Вождь не собирался умирать. Или кому-то передавать власть. Но его воспитанники и не нуждались в советах, как делить наследство.

Много разговоров ходит о том, кого именно Сталин видел своим преемником. Называются самые разные имена. Тогда на этот счет ни у кого не было сомнений. Об этом свидетельствовал номер партийного билета члена президиума, секретаря ЦК и заместителя председателя Совета министров Маленкова. У него был билет номер три. Первый выписали Ленину, второй — Сталину, третий — Георгию Максимилиановичу. Маленков считался самым близким к Сталину человеком и его законным наследником. Хрущеву достался партбилет за номером четыре.

4 марта Маленков своим аккуратным почерком составил список нового состава правительства. Они сделали это вдвоем с Берией. Список потом найдут в сейфе маленковского помощника.

5 марта 1953 года в 20 часов 40 минут в Свердловском зале Кремля открылось совместное заседание ЦК КПСС, Совета министров и Президиума Верховного Совета СССР. Смерть Сталина наступит в 21 час 50 минут, когда дележ руководящих кресел закончится. Заседание продолжалось ровно сорок минут. Сидевшие в зале с волнением вслушивались в слова людей, к которым перешла власть.

На трибуну вышел располневший, с одутловатым, обрюзгшим лицом Лаврентий Павлович Берия и сообщил, что в создавшейся обстановке, когда в руководстве партией и страной отсутствует товарищ Сталин, необходимо назначить главу правительства:

— Мы уверены — вы разделите наше мнение о том, что в переживаемое нашей партией и страной трудное время у нас может быть только одна кандидатура на пост председателя Совета министров, кандидатура товарища Маленкова.

В зале с готовностью закричали:

— Правильно! Утвердить!

Маленков опять вышел на трибуну и предложил утвердить первыми заместителями главы правительства Берию, Молотова, Булганина и Кагановича. Затем были поделены остальные должности. Булганин вновь стал военным министром.

Обладатель прекрасного почерка, Георгий Максимилианович выделялся завидной аккуратностью. Бумаги держал в идеальном порядке. Он был вежлив, спокоен и корректен. Умел слушать. Без нужды не высказывался.

Георгий Максимилианович начинал под руководством Николая Ивановича Ежова, который так нравился вождю. Маленков же и подготовил арест Ежова, когда тот впал в немилость. Идеальный исполнитель. Получив указание от Сталина, Маленков ломал любые барьеры, лишь бы исполнить задание молниеносно и доложить вождю. В этой роли он проявил блестящие организаторские способности, поразительную работоспособность и рвение. Но неуверенный в себе и податливый по натуре, не был способен на неожиданные и самостоятельные поступки.

Ему не хватило воли, силы, хитрости, чтобы удержать власть.

По словам Шепилова, «Маленков был лишен всяких диктаторских черт, и у меня сложилось впечатление, что он не был честолюбивым человеком. Он был мягок, податлив и испытывал необходимость притулиться к какому-нибудь человеку с сильной волей».

Маленков опирался на Берию.

5 марта приняли решение об образовании единого Министерства внутренних дел, объединившего собственно МВД и бывшее Министерство госбезопасности. Первыми заместителями Берии были назначены Сергей Никифорович Круглов, Богдан Захарович Кобулов и Иван Александрович Серов.

Новое суперминистерство Лаврентий Павлович сделал своей опорой в борьбе за власть. Накануне сталинских похорон, в воскресенье, Берия созвал свою бригаду, проверенных помощников, с которыми проработал в Москве и Тбилиси многие годы. Лаврентий Павлович был оживлен и деловит. Попросил поработать над его речью; это заняло часов восемь.

Через несколько месяцев бывший министр госбезопасности Меркулов, которого арестуют вслед за Берией, опишет тот день:

«Накануне похорон т. Сталина Берия неожиданно позвонил мне на квартиру (что он не делал уже лет восемь), расспросил о здоровье и попросил приехать к нему в Кремль. Оказывается, надо было принять

участие в редактировании уже подготовленной речи Берия на похоронах т. Сталина. Я обратил внимание на настроение Берия. Берия был весел, шутил и смеялся, казался окрыленным чем-то».

Соратники Берии точно были счастливы. Высокое положение Лаврентия Павловича открывало и перед ними радужные перспективы.

Когда в 1946 году Сталин выставил Меркулова с Лубянки, Берия утратил к нему интерес. Ни разу не позвонил. Всеволод Николаевич пытался попасть к нему на прием, хотел попросить о помощи. Лаврентий Павлович его не принял.

11 марта 1953 года Меркулов написал Берии:

«Дорогой Лаврентий!

Хочу предложить тебе свои услуги: если я могу быть полезным тебе где-либо в МВД, прошу располагать мною так, как ты сочтешь более целесообразным. Должность для меня роли не играет, ты это знаешь. За последние годы я кое-чему научился в смысле руководства людьми и учреждением и, думаю, теперь я смогу работать лучше, чем раньше. Правда, сейчас я полуинвалид (Меркулов перенес два инфаркта. — Л. М.)⁹ но надеюсь, что через несколько месяцев, максимум через полгода я смогу уже работать с полной нагрузкой, как обычно. Буду ждать твоих указаний».

Берия разогнал партработников, которых привел на Лубянку Семен Игнатьев. У них отобрали машины, всех попросили освободить кабинеты.

Серафим Лялин, которого с должности второго секретаря Тульского обкома партии взяли в МГБ заместителем начальника 2-го главка, рассказывал потом:

— Глубокой ночью вызвал Берия. В его приемной три-четыре человека, как и я, направленных в органы с партработы. Берия грубо сказал: «Ну что, засранцы, вы чекистского дела не знаете. Надо вам подобрать что-то попроще». И объявил, кто куда убывает. Мне было предложено поехать заместителем начальника управления МВД по Горьковской области...

Николая Миронова, секретаря Кировоградского обкома, взяли в МГБ заместителем начальника военной контрразведки. Берия отправил его заместителем начальника Особого отдела Киевского военного округа — тоже большое понижение.

Виктора Алидина, секретаря Херсонского обкома, в МГБ поставили заместителем начальника 7-го управления. Берия сослал его в отдел «П», который занимался поселениями, то есть ссыльными, начиная с кулаков.

Все трое наберутся терпения и пересидят Берию. Генерал-майор

Миронов станет заведующим отделом административных органов ЦК КПСС. Генерал-лейтенант Лялин — начальником Управления КГБ по Москве и Московской области. Потом на этом посту его сменит генерал-полковник Алидин.

Берия выпустил из тюрьмы примерно половину арестованных при Игнатеве чекистов — тех, кто ему был нужен. По-свойски объяснял:

— Твое дело — чепуха. Тебя посадил Сталин.

Когда привели освобожденного из камеры недавнего начальника Управления правительственной охраны генерала Сергея Федоровича Кузьмичева, Лаврентий Павлович заинтересовался:

— Знаешь, что Сталин умер?

Тот не знал. Заплакал.

— Брось ты, — сказал Берия. — Тебя же Сталин велел арестовать.

Берия предложил ему вновь возглавить Управление охраны.

У Лаврентия Павловича были большие планы. Ему, как выразится позднее другой член политбюро, чертовски хотелось поработать.

Остальные руководители страны с трудом осваивались с новой ролью. Они так долго исполняли приказы Сталина, что у многих наступил паралич воли. А у Берии сомнений не было: он справится с любой задачей. У него в руках все рычаги управления, аппарат госбезопасности всемогущ, и никто не смел спросить: а с какой стати вы этим занимаетесь?

Берия образовал внутри МВД четыре спецгруппы: по проверке «дела врачей», «мингрельского дела», дела сотрудников МГБ, обвиненных в создании контрреволюционной сионистской организации, и дела арестованных работников Главного артиллерийского управления Военного министерства СССР. Дал им на работу две недели. А потом еще назначил комиссию — проверить, справедливо ли посадили руководство военно-воздушных сил и работников Министерства авиационной промышленности.

Все группы доложили, что дела фальсифицированы.

Берией двигало отнюдь не стремление восстановить справедливость и освободить невинных, не желание прекратить преступную практику чекистского аппарата. Ему нужно было другое: убрать тех, кого он не любил. И, конечно же, создать себе репутацию народного заступника.

Берия начал реабилитацию военачальников, посаженных после войны. В подписанном им приказе говорилось: следствие проводилось бывшим Главным управлением контрразведки «Смерш» необъективно и поверхностно.

11 июля 1953 года министр обороны маршал Николай Александрович

Булганин, генеральный прокурор СССР Роман Андреевич Руденко и председатель Военной коллегии Верховного суда СССР генерал-лейтенант юстиции Александр Александрович Чепцов доложили в президиум ЦК КПСС:

«При проверке выявлено, что всего в период с 1941 по 1952 год было арестовано генералов и адмиралов 101 человек. Из них осуждено Военной коллегией Верховного суда Союза ССР — 76 генералов и адмиралов и 5 человек — Особым совещанием при бывшем МГБ СССР. 8 генералов были освобождены из-под стражи за отсутствием состава преступления и 12 генералов умерли, находясь под следствием...

Несмотря на то что арестованные находились под следствием до 10 и более лет, фактов, оправдывающих или смягчающих их вину, не собиралось. К отдельным арестованным применялись незаконные методы следствия с целью понудить их признать вину в “преступлениях” или добиться от них клеветнических показаний на других лиц».

Президиум ЦК постановил:

«Предложить бывшему министру государственной безопасности СССР т. Игнатьеву С. Д. представить в Президиум ЦК КПСС объяснение о допущенных Министерством государственной безопасности грубейших извращениях советских законов и фальсификации следственных материалов. Ввиду допущения серьезных ошибок в руководстве бывшим Министерством государственной безопасности СССР признать невозможным оставление Игнатьева С. Д. на посту секретаря ЦК КПСС».

Но это было лишь начало.

4 апреля Берия подписал приказ по министерству «О запрещении применения к арестованным каких-либо мер принуждения и физического воздействия». Берия запретил пытки в органах госбезопасности. Революция! Но пересмотрены были только дела последнего времени, к которым Лаврентий Павлович не имел отношения. О других несправедливо арестованных он не вспоминал.

Разоблачениями были крайне недовольны сотрудники госбезопасности. Они не понимали: чем им теперь заниматься, если прекратятся политические дела?..

Но пока что все происходит стремительно. Лаврентий Павлович активен, энергичен и напорист. Товарищи по руководству хлопают глазами и послушно голосуют за предложения Берии. Ни возразить, ни оспорить его идеи они не смеют.

6 апреля «Правда» поместила передовую «Советская социалистическая законность неприкосновенна». Названо имя бывшего

заместителя министра госбезопасности полковника Рюмина: «Презренные авантюристы типа Рюмина не останавливались перед оголтелой клеветой на советских людей».

7 апреля «Правда» сообщила, что Игнатъев — больше не секретарь ЦК.

28 апреля Игнатъева вывели уже и из состава ЦК КПСС. Комитету партийного контроля при ЦК было предписано рассмотреть его дело. Это означало, что бывшему министру госбезопасности предстоит ответить за все дела позднесталинского периода. Берия посадил бы Игнатъева, но не успел...

Лаврентий Павлович не скрывал презрения к партийным секретарям. Сотрудники отдела административных органов ЦК, который курировал МВД, не рисковали лишний раз побеспокоить своих подопечных.

Берия выговаривал Хрущеву:

— Ваш работник из административного отдела позвонил Кобулову и спрашивает его, как идут дела. Это невозможно! Я член — президиума ЦК, а кто-то вызывает моего первого зама.

Первый секретарь Ленинградского обкома Василий Михайлович Андрианов выразил недовольство сменой начальника областного управления внутренних дел. Еще недавно Андрианов был членом президиума ЦК и чувствовал себя уверенно. Но теперь, по словам присутствовавшего при разговоре начальника секретариата министра внутренних дел, Берия говорил с ним «грубо и оскорбительно». И, несмотря на возражения партийного хозяина города, отправил в Ленинград нового начальника управления — генерала Николая Кузьмича Богданова.

Свидетельств, подкрепляющих версию о том, что Берия готовился свергнуть партийное руководство и всех арестовать, не найдено. Лаврентий Павлович, похоже, собирался со временем стать руководителем партии и государства. Наверное, думал про себя: чем он хуже Сталина? Но не торопился. Он считал, что еще не созрел этот плод.

Берию арестовали без предъявления обвинений, без ордера, без возбуждения уголовного дела. Хрущев откровенно говорил:

— Товарищи, с таким вероломным человеком только так надо было поступить. Если бы мы ему сказали хоть немного раньше, что он негодяй, то я убежден, что он расправился бы с нами. Он это умел... Он способен подлить отраву, он способен и на все гнусности... Мы считали, что если он узнает о том, что на заседании будет обсуждаться о нем вопрос, то может получиться так: мы на это заседание придем, а он поднимет своих головорезов и черт его знает, что сделает.

Товарищи по президиуму ЦК смертельно его боялись.

После ареста Лаврентий Павлович просил его простить за его манеры:

«Поведение мое на заседании Президиума ЦК и Президиума Совмина очень часто было неправильное и недопустимое, вносящее нервозность и излишнюю резкость. Я понял, что иногда доходило до недопустимой грубости и наглости в отношении товарищей Хрущева и Булганина».

С более мелкими фигурами он и вовсе не церемонился. В марте вызвал к себе управляющего делами Совета министров Михаила Трофимовича Помазнева и сказал, что сокращает контингент, обслуживаемый Управлением охраны МВД. Тот поинтересовался, о ком идет речь. Берия перечислил фамилии чиновников, которых после смерти Сталина подвинули с высших постов: Косыгин, Суслов, Пономаренко... Пренебрежительно бросил: чекисты больше не будут обслуживать их дачи.

Заговор против Берии созрел в начале июня 1953 года. Такое дело не всякий смог бы провернуть. Мотором заговора стал Хрущев. Маленков согласился убрать Берию, потому что сам его боялся. Не понял, что тем самым лишает себя опоры. Едва Лаврентий Павлович исчез, соратники быстренько съели Георгия Максимилиановича.

Молотов, Хрущев и Маленков обрабатывали других членов президиума ЦК. Головой рисковали. Важные разговоры вели на улице. Исходили из того, что нельзя пользоваться телефоном, обсуждать нечто серьезное в рабочих кабинетах или у себя на квартирах и дачах.

На пленуме ЦК в июле 1953 года Булганин рассказал:

— Члены президиума оказались под надзором МВД и Берии. За членами президиума было установлено наблюдение. Товарищи, мы имеем в своем распоряжении записи подслушивания Хрущева, Маленкова, Молотова, Булганина, Ворошилова. За ними наблюдали. Я приведу один небольшой, может быть, факт, но он характерен, чтобы поняли обстановку. За два-три дня, кажется, до того, как 26 июня его арестовали, мы на машине поехали ночью в половине второго, кончив поздно работать, на квартиру — товарищ Маленков, товарищ Хрущев, я и Берия — он нас подвез на квартиру.

Живем мы — Георгий Максимилианович, Никита Сергеевич и я — в одном доме. Мы с Никитой живем друг против друга на одном этаже, а Георгий этажом ниже. Приехали мы. Георгий Максимилианович на четвертый этаж пошел, а мы с Никитой на пятый поднялись. Стоим и говорим, что жарко дома, поедem на дачу. Никита говорит: «Я зайду домой, взгляну». А я говорю: «Я прямо поеду на дачу».

В этот же лифт сел, спустился, поехал на дачу. На другой день Никита

Сергеевич звонит мне: «Слушай, я для проверки хочу спросить. Ты никому не говорил, что мы уехали на дачу? Откуда Берия знает, что мы уехали на дачу? Он позвонил мне и говорит: “Ты с Булганиным на дачу поехал”».

На другой день у товарища Маленкова Берия говорит: «Они хитрят. Поднялись на квартиру, а потом уехали на дачу». Я говорю: «Дома очень жарко, поехали на дачу». «Брось, — говорит, — ты в квартиру не заходил, спустился в лифте и поехал на дачу, а Хрущев — тот действительно зашел и за тобой следом поехал». Мы решили это в шутку превратить. Никита Сергеевич говорит: «Как здорово узнаешь, у тебя что, агенты?»

Булганин продолжал:

— Товарищи, разоблачение Берии, я скажу вам, в особенности завершение этого разоблачения и сам арест Берии были трудным делом и рискованным делом. И здесь надо отдать должное товарищам Маленкову, Хрущеву и Молотову (в зале бурные аплодисменты), которые организовали хорошо это дело и довели его до конца.

Хрущев прервал его:

— Одна поправка есть: и себя ты не исключай из этого.

Раздались аплодисменты.

Булганин:

— Я очень тебе благодарен, Никита, за эту реплику и заявляю тебе и всем другим товарищам, что я поступил так, как должен поступить каждый порядочный член партии.

За членами президиума ЦК наблюдение установил Сталин. Личная охрана не столько берегла руководителей государства, сколько докладывала, с кем разговаривал подопечный, кому звонил, поэтому Берия и знал, кто дома ночует, а кто на даче. Кроме того, Берия велел Лечебно-санитарному управлению Кремля присылать ему информацию о состоянии здоровья министров и других высших чиновников.

Товарищи по партийному руководству свергли Берию не только потому, что он претендовал на первую роль. Опасались, что он вытащит на свет документы, свидетельствующие об их причастности к репрессиям.

Лаврентий Павлович, имея в своем распоряжении архивы госбезопасности, запросто мог обнародовать любые документы и выставить товарищей по президиуму ЦК преступниками, а себя разоблачителем их преступлений. Он-то знал, кто в чем участвовал. Одни подписывали уже готовые списки, другие сами требовали кого-то арестовать.

Начальник Центрального архивного управления МВД генерал Василий Дмитриевич Стыров уже велел своим работникам собрать все материалы, в

которых упоминается Маленков.

А Лаврентий Павлович и считал, что его должны бояться. На совещании однажды искренне заметил:

— Нет людей, работающих за совесть, все работают за страх.

Маленков первым предложил собрать в апреле 1953 года пленум ЦК, чтобы осудить культ личности. Но он не решался назвать имя вождя, а Берия прямо говорил о культе Сталина, о сталинских ошибках и преступлениях.

Он ознакомил членов ЦК со своей запиской по «делу врачей». Это объемистый документ в несколько десятков страниц. В нем цитировались показания следователей МГБ и резолюции Сталина, который требовал нещадно бить арестованных. Эти документы произвели впечатление разорвавшейся бомбы.

«Членов и кандидатов в члены ЦК знакомили в Кремле, — вспоминал Константин Симонов, — с документами, свидетельствующими о непосредственном участии Сталина во всей истории с “врачами-убийцами”, с показаниями арестованного начальника следственной части бывшего МГБ о его разговорах со Сталиным, о требованиях Сталина ужесточить допросы — и так далее, и тому подобное. Чтение было тяжкое, записки были похожи на правду и свидетельствовали о болезненном психическом состоянии Сталина, о его подозрительности и жестокости, граничащих с психозом... Поэтому к тому нравственному удару, который я пережил во время речи Хрущева на XX съезде, я был, наверное, больше готов, чем многие другие люди».

Берия тем самым снимал с себя ответственность и намерен был призвать к ответственности других. Напугал партийный аппарат. Хрущев и Маленков предпочли обвинить Берию во всех преступлениях.

Как же получилось, что такой опытный человек, такой умелый интриган, который выжил при Сталине, позволил себя арестовать? Расслабился, потерял бдительность, недооценил товарищей, в особенности Никиту Сергеевича Хрущева.

— Он считал нас простаками, — скажет потом на пленуме Маленков.

— Но мы не такие простаки оказались, — довольно отзовется Хрущев. Судьбу Берии решил деятельный и напористый Хрущев. После свержения Берии он выдвинется на главные роли и будет избран первым секретарем ЦК КПСС. Другие члены партийного руководства не собирались расстреливать Берию. Маленков полагал достаточным передать пост министра внутренних дел кому-то другому, лишить Лаврентия Павловича должности первого заместителя председателя Совета министров, но

назначить его министром нефтяной промышленности.

Начальник 1-го отдела 9-го управления (охрана руководителей партии и государства) МВД СССР генерал Николай Степанович Захаров 25 июня 1953 года около полуночи проверял посты на улице Грановского, где жили несколько членов президиума ЦК. К дому подъехали четыре правительственных лимузина «ЗИС» (два с охраной). Захаров спрятался за угол и стал наблюдать.

Из первой машины вылез Маленков, за ним появился Берия. Они несколько минут поговорили, потом расстались. Георгий Максимилианович поднялся в свою квартиру. Берия поехал к себе домой. Следующий день станет для него последним.

Арест Берии взял на себя Булганин. Сразу после смерти Сталина Военное и Военно-морское министерства объединили в Министерство обороны, которое возглавил Булганин. Непосредственное руководство он поручил своему новому первому заместителю маршалу Жукову.

Работая над мемуарами, Георгий Константинович описал эти события. Но напечатать главу под названием «После смерти Сталина» ему не позволили. Лишь когда Жукова не стало, в 1974 году, текст принесли заведующему общим отделом ЦК Константину Устиновичу Черненко. Он отдал рукопись на хранение в 6-й сектор. Ее опубликовал журнал «Исторический архив» (1999. № 3).

В тот мартовский день 1953 года Жуков, командовавший войсками Уральского военного округа, вернулся в Свердловск с учений. Его искал Булганин. Распорядился по телефону:

— Завтра утром вам нужно быть в Москве.

Жуков пытался узнать причину срочного вызова.

Ответ гласил:

— Прилетишь — увидишь.

«В последние годы меня редко вызывала Москва, чтобы порадовать чем-то приятным», — вспоминал Жуков. Так что он мог ожидать все, что угодно. Прямо с аэродрома его повезли в Военное министерство.

Булганин уже был в шинели, он спешил:

— Сегодня состоится пленум ЦК. Вам надо быть. Я тороплюсь в Кремль.

Жуков пошел к начальнику Генерального штаба маршалу Василевскому. Тот тоже ничего не знал.

В тот же день Жуков был назначен первым заместителем министра обороны.

— В прошлом между нами не все было гладко, — сказал ему

Булганин. — Но на прошлом надо поставить крест и работать на здоровых дружеских началах.

— Вы сделали много неприятного для меня, подставляя под удары Сталина, — ответил Жуков, — но если искренне хотите дружной работы, давайте забудем о прошлом.

К подготовке ареста Берии его привлек Булганин, но поручение дал главный человек в стране — Маленков.

Хрущев осторожно спросил Жукова:

— У вас нет сомнений на сей счет?

— Какие могут быть сомнения? — ответил маршал. — Поручение будет выполнено.

— Имейте в виду, — заметил Хрущев, — что Берия ловкий и довольно физически сильный человек. К тому же он, видимо, вооружен.

— Я, конечно, не спец по арестам, — с присущей ему уверенностью ответил Жуков, — этим не довелось заниматься. Но у меня не дрогнет рука.

Жуков подобрал людей, которым верил и которые не испугались. Один военачальник упал в обморок, когда ему объяснили, что предстоит сделать. Маршал взял в помощь четверых: командующего Московским округом противовоздушной обороны генерал-полковника Кирилла Семеновича Москаленко, первого заместителя командующего округом генерал-лейтенанта Павла Федоровича Батицкого, начальника штаба Московского района ПВО генерал-майора Алексея Ивановича Баксова и начальника политуправления округа генерал-майора Ивана Григорьевича Зуба.

Жуков рассказывал, что подготовка к аресту Берии заняла около месяца. Во избежание утечки информации под предлогом командировки участники операции были изолированы даже от семей.

В тот день всех собрали с оружием у министра обороны. Булганин и Жуков в своих машинах, не подлежащих проверке, привезли офицеров в Кремль будто бы для доклада о ситуации в системе противовоздушной обороны Москвы. Захватили с собой карты, схемы и другие секретные материалы, чтобы часовые у входа в зал заседаний не могли изъять у офицеров личное оружие, как это полагалось.

Началось заседание президиума Совета министров.

Маленков сказал:

— Раз собрались все члены президиума ЦК, давайте вначале обсудим партийные дела.

— Обсудим дело Берии, — предложил Хрущев.

Не ожидавший ничего подобного Лаврентий Павлович изумленно слушал посыпавшиеся на него обвинения.

Маленков говорил о том, что органы госбезопасности нужно поставить под контроль партии, дабы исключить повторение прежних преступлений:

— Органы занимают такое место в системе государственного аппарата, где имеется наибольшая возможность злоупотребить властью. Получилось, что товарищ Берия с этого поста контролирует и партию, и правительство. Это чревато большими неприятностями, если сейчас же не поправить... А то возникла разобщенность, все делаем с оглядкой, настраиваемся друг против друга. А нужен монолитный коллектив!.. Управление охраны подчинить ЦК, а то и шагу не сделаешь без контроля... ЦК должен проверить организацию прослушивания, товарищи не уверены, кто и кого прослушивает.

Коротко выступил и Хрущев. После чего Берии объявили, что он арестован.

Вошли офицеры во главе с Жуковым и генералом Москаленко. Офицеры были с оружием в руках. Жукова выбрали еще и потому, что он был физически крепким. Москаленко был тщедушным, боялись, что его Берия с ног собьет.

Но применять силу не понадобилось. На Берию как столбняк нашел. Жуков резким движением отбросил лежавшую перед ним папку с бумагами, думая, что в ней оружие. Оружия не было. Берию увели. Сказать он ничего не успел.

Лаврентий Павлович не предполагал, что его ждет суд и расстрел. На заседании президиума его обвинили в том, что он поставил Министерство внутренних дел над партией и правительством, что он высокомерен и груб с товарищами. За это не расстреливают, справедливо считал Берия. Он забыл, что сам расстреливал и за меньшее. Товарищи смертельно боялись даже арестованного Берию. Хотели себя обезопасить. Поэтому его не просто сняли с должности, а решили уничтожить.

О том, что произойдет, поставили в известность далеко не всех участников заседания, спешно собранного в Кремле. Микояну сказал Хрущев по дороге на заседание: они ехали в одной машине. Ворошилову — Маленков. Ворошилов бросился его обнимать. Маленков его остановил:

— Тише, он же слушает.

— Если и подслушает, расшифровать не успеет...

А кто-то узнал только в тот момент, когда началось заседание. Когда Берию увели, заседание продолжилось.

Берию держали в комнате отдыха до позднего вечера. В Кремле сменили охрану, но арестованного рискнули вывезти только когда

стемнело. Завернули в ковер, вынесли и запихнули в огромный лимузин Булганина. Отвезли на гауптвахту штаба Московского военного округа.

Начальник гауптвахты полковник Сергей Петрович Гаврилов в перестройку рассказал, как это происходило. В семь вечера приехал министр Булганин, сам выбрал камеру, велел срезать отопительную батарею, о которую можно разможжить голову, и оплести окно проволокой, чтобы нельзя было разбить окно и осколками перерезать вены. Не хотели, чтобы Берия покончил с собой.

В половине второго ночи доставили Берия. Гауптвахту очистили от всех задержанных. Караул сменили. Отрыли траншеи, бронетранспортеры были готовы к бою. Члены президиума ЦК сидели в Кремле до поздней ночи, пока не получили сообщение о том, что Берия доставлен на гауптвахту. Тогда разошлись. Но беспокоились они напрасно.

В перестроечные годы появились рассказы отставных офицеров о том, как в день ареста Берии их части подняли по тревоге и приказали подготовиться к бою. И вроде бы офицеры 3-го управления (военная контрразведка) Министерства внутренних дел пытались помешать войскам развернуться. Начальником 3-го управления был генерал Сергей Гоглидзе... Ходили слухи, будто дивизия войск МВД была подтянута к Москве и ждала только приказа Берии войти в столицу.

На самом деле никто из подчиненных и не попытался прийти на помощь недавнему хозяину Лубянки.

26 июня начальника Отдела охраны правительства полковника Захарова срочно вызвали к первому заместителю министра внутренних дел генерал-полковнику Сергею Никифоровичу Круглову. Он сидел в расстегнутом кителе, волосы взлохмачены:

— Ты знаешь, что Берия арестован?

Захаров обомлел:

— Впервые слышу.

— Так вот, тебе дается задание. Срочно выезжай на его дачу в Сосновку. Разоружи и замени охрану. Сколько там охранников? Пять? Всех заменить, потом решим вопрос с их трудоустройством. Но это еще не всё. Тебе поручается сообщить жене Берии, что ее муж арестован. Передай, что она не должна выезжать с дачи. Связь мы отключим, такая команда дана. Задача ясна?

— А как быть с его прикрепленными Саркисовым и Надарая?

— Не волнуйся. В отношении их и особняка Берии меры уже приняты. Захаров взял группу офицеров из резервного отделения и поехал в Сосновку. Вызывал охранников бериевской дачи поодиночке и отбирал у

них оружие. Потом вошел в дом и попросил горничную сказать Нине Теймуразовне, что хотел бы с ней побеседовать. Услышав об аресте мужа, она разрыдалась.

В Киеве арестовали министра внутренних дел республики генерал-лейтенанта Павла Яковлевича Мешика. Полковник Георгий Захарович Санников, служивший в МВД Украины, обратил внимание на то, что в здании внезапно сменилась охрана. Появились армейские офицеры в полевой форме. Они потребовали от всего оперативного состава сдать оружие. Незнакомые люди ходили по кабинетам и собирали пистолеты.

Когда Мешику объявили, что он арестован, уже бывший министр поинтересовался:

— Товарищу Берии известно?

Ему насмешливо ответили:

— Известно.

Днем украинских чекистов собрали, и только что назначенный министром внутренних дел Украины Тимофей Строкач торжественно объявил, что арестованы «враг партии и советского народа Берия и его ставленники». Чекисты были потрясены: арестованы верные соратники Сталина. Что же приключилось? Из зала стали спрашивать:

— Почему забрали оружие? Нас специально разоружили? Нам не доверяют?

Строкач успокоил подчиненных:

— Оружие вам вернут сегодня же. Я уже дал команду.

Двоих соратников Берии арестовали в Берлине. Начальник военной контрразведки генерал-полковник Сергей Гоглидзе и генерал-лейтенант Амаяк Кобулов прилетели в ГДР во главе группы офицеров госбезопасности для наведения порядка после народного восстания. И вдруг из Москвы поступило поразившее советского верховного комиссара Владимира Семеновича Семенова указание арестовать обоих генералов-чекистов и отправить в столицу. Семенов позвонил Гоглидзе и попросил срочно приехать:

— Есть важные дела.

Когда генерал появился в кабинете Семенова, вошли два офицера с пистолетами в руках. Находившийся в Берлине начальник Генерального штаба маршал Василий Данилович Соколовский произнес:

— Согласно решению инстанции объявляю вас арестованным.

Гоглидзе увели. А Кобулов приезжать не хотел. Берия уже был арестован в Москве, взяли и Кобулова-старшего, поэтому Амаяка Захаровича по ВЧ ни с кем не соединяли. Он не понимал, что происходит.

На приглашение прибыть к Семенову озабоченно ответил:

— Я пытаюсь соединиться с Москвой, но нет связи. Дозвонюсь и подскочу.

— У меня связь работает, — любезно предложил Семенов. — Приезжай и звони, Амаяк.

Кобулов приехал.

На следующий день Семенов и Соколовский на спецсамолете вылетели в Москву. Гоглидзе и Кобулова везли в том же самолете под сильной охраной.

Берию арестовали в пятницу. Редакторы газет получили указание из ЦК убрать всякое упоминание о нем, местные партийные органы — снять его портреты. Воскресные газеты на первой полосе сообщили, что руководители партии и правительства присутствовали в субботу, 27 июня, в Большом театре на втором спектакле новой оперы композитора Юрия Александровича Шапорина «Декабристы».

Известный ученый вспоминал, как в сельской пивной восприняли сообщение по радио об аресте Берии, который только что пребывал среди небожителей. Взяв пивную кружку, один из рабочих заметил:

— Хрен ты теперь, Лаврентий Палыч, свежего пивка попьешь.

И всё. Когда снимают больших начальников, возникает ощущение торжества справедливости: вот сидел ты наверху, командовал нами, а теперь ты никто. Своего рода мрачное удовлетворение.

Руководство Министерства внутренних дел собрали в конференц-зале. Руководили собранием первые заместители министра генералы Круглов и Серов. Круглов сообщил, что Берия арестован за провокационные антигосударственные действия. Сказал, что доложит товарищу Маленкову: органы и войска МВД верны правительству и партии.

11 июля провели партийный актив МВД. Только что арестованного Берию разоблачал секретарь ЦК Николай Николаевич Шаталин, временно назначенный по совместительству первым заместителем министра внутренних дел. Сдержанный и суховатый, он в ЦК по поручению Маленкова ведал кадровыми делами.

Во всех управлениях и отделах министерства провели партийные собрания. Все единодушно клеймили недавнего начальника. Но вовсе не за пытки и расстрелы невинных людей! Напротив, чекисты требовали возобновить «дело врачей» и другие остановленные Берией оперативные и следственные дела. Арестовать тех, кого выпустили на свободу после смерти Сталина.

Выступавшие на собрании в Главном управлении контрразведки

горячо говорили, что «вражеская деятельность врачей доказана, и вносили предложение — просить руководство министерства пересмотреть решение об их освобождении».

Жаловались на заместителя начальника 5-го управления генерал-майора Бориса Петровича Трофимова. Чем же вызвал недовольство генерал, всю жизнь прослуживший в аппарате госбезопасности, недавний заместитель начальника ГУЛАГа?

«При рассмотрении дел на еврейских националистов пытался их вражеские действия оправдать какой-то общей обстановкой, якобы созданной в стране, — жаловались на него сослуживцы. — Малограмотный человек, отстал от чекистской работы, в присутствии ряда товарищей называл Троцкого великим “оратором”, “организатором”. Будучи на явке с агентом, заявил ему, что в СССР якобы существует режим притеснения евреев».

Один из следователей 1-го Главного управления МВД обратился в ЦК:

«Мы, маленькие рядовые работники, были растеряны, когда нам сказали: “это поворот в карательной политике”, “мы не можем держать в тюрьмах интеллигенцию”, “освобождение врачей — дело большой политики”. Многие сомневались, но не решались жаловаться на неправильность этих действий, частью боясь за себя, а частью считали, что пойти не к кому, поскольку Берия считался “вторым человеком в правительстве”».

Заодно чекисты жаловались на трудные материальные условия:

«Все льготы отменены. В течение только одного года лишили выплат за звание, пайковых (при тов. Игнатеве) и выплаты за секретность (при Берия). Все сотрудники только и живут мыслью, когда эти льготы возвратят обратно. До войны у нас была солидная выплата на выслугу лет — после 12 лет — 50 процентов. Почему бы ее не восстановить?»

Аппарат госбезопасности не сомневался, что политика страны вернется к сталинским временам. Но этого не произошло, потому что к власти пришли партийные секретари, которые хотели освободить себя от давящего контроля силовиков.

В передовой «Правды» под названием «Нерушимое единение партии, правительства, советского народа» говорилось:

«Любой работник, какой бы пост он ни занимал, должен находиться под неослабным контролем партии. Партийные организации должны регулярно проверять работу всех организаций и ведомств, деятельность всех руководящих работников. Необходимо, в том числе, взять под систематический и неослабный контроль деятельность Министерства

внутренних дел».

Партийные секретари боялись сотрудников госбезопасности, которые не скрывали, что следят за партийным руководством. Чекисты держались на равных с секретарями, партийной власти над собой не признавали. Ни первый секретарь обкома, ни секретарь ЦК республики не были гарантированы от внезапного ареста. Никто не знал, кто завтра впадет в немилость... Понимали, что за ними следят, но не могли знать, что именно начальник областного управления или республиканский министр сообщает в Москву.

После смерти Сталина и ареста Берии партийный аппарат по всей стране вздохнул с облегчением. Всё изменилось. Госбезопасность подчинили партии.

7 июля собрали пленум ЦК.

— Давайте разберем, — обратился к членам ЦК Хрущев, — какие заговоры внутри нашей страны были открыты Министерством внутренних дел, Министерством госбезопасности? За исключением липовых, дутых — никаких.

— Правильно, — поддержал его председатель Президиума Верховного Совета СССР маршал Ворошилов, — никаких.

— Мы же с вами знаем, — продолжал Хрущев, — до 1937 года и после 1937 года — больше половины липы.

— Правильно, — вновь поддержали его из президиума.

— Если сейчас разобрать архив МВД, я убежден, на восемьдесят процентов населения есть анкеты МВД, на каждого дело разрабатывают.

В зале сочувственный смех.

— А молока нет, мяса мало. Объявили переход от социализма к коммунизму, а муку не продаем.

Голос из президиума:

— Картошки нет.

— Картошки и капусты в магазине нет. Что, наши колхозники разучились выращивать капусту?

Впервые прозвучало осуждение Сталина и сталинизма. На пленуме самый верный соратник вождя Георгий Маленков, новый глава правительства, говорил:

— Вы должны знать, товарищи, что культ личности Сталина в повседневной практике руководства принял болезненные формы и размеры, методы коллективности в работе были отброшены, критика и самокритика в нашем высшем звене руководства вовсе отсутствовали. Мы не имеем права скрывать от вас, что такой уродливый культ личности

привел к безапелляционности единоличных решений и в последние годы стал наносить серьезный ущерб делу руководства партией и страной.

Обсудили оргвопросы. Бывший министр госбезопасности Семен Игнатьев был восстановлен в правах члена ЦК.

Затем Хрущев сказал:

— Есть, товарищи, предложение перевести из кандидатов в члены Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза товарища Жукова Георгия Константиновича.

Голоса из зала:

— Правильно.

Булганин, председательствовавший на пленуме, спросил:

— Кто за это предложение президиума ЦК, прошу поднять руки. Прошу опустить. Кто против? Нет. Воздержавшиеся? Нет. Принято единогласно.

А какова же судьба досье на высшее руководство, которое заботливо собирали на Лубянке?

Арестованный вместе с Берией недавний министр госбезопасности генерал армии Меркулов рассказал на допросе:

— В 1938–1940 годах велась проверка биографических данных руководителей партии и правительства.

Аппарат собирал материалы на всех руководителей страны. Высокая должность никого не защищала.

Материалы на ответственных работников в отделе «А» (учетнорегистрационном) держали отдельно в мешках с надписью «Личный архив наркома Государственной безопасности Меркулова». Меркулов запретил их кому-либо выдавать. В начале войны спецархив эвакуировали в Куйбышев, потом перевезли в Свердловск. В 1944-м вернули в Москву. Здесь все дела внимательно просмотрел заместитель наркома Богдан Кобулов. Меньше половины вернул на хранение в отдел «А». Остальные материалы оставил у себя.

Через полгода после расстрела Берии Хрущев создал Комитет государственной безопасности, а во главе поставил генерал-полковника Ивана Серова, которого знал с предвоенных времен и которому доверял. Серов перенес самые важные бериевские досье из КГБ в здание ЦК, чтобы никто из чекистов в них не заглянул. Хрущев уверяет, что он эти досье не читал. Но Серов читал. После чего члены президиума ЦК договорились всё уничтожить. Набралось одиннадцать больших бумажных мешков.

Правда, кое-какие документы сохранились, и можно предположить, что именно хранилось в тех досье. После поездки члена политбюро по

стране в госбезопасность поступал рапорт. В нем было описано все, в том числе такие интимные детали, которые легко могли стать поводом для освобождения от работы. Партийные руководители тоже люди: вдали от семьи и бдительного ока коллег они, расслабившись, что-то себе позволяли, а сотрудники охраны заботливо всё фиксировали и докладывали начальству.

Когда товарищи избавлялись уже от Маленкова, всплыла тема бериевских досье.

В 1953 году президиум ЦК поручил Шаталину выяснить, какие именно документы хранил Берия. Сейфы Берии и Кобулова в Министерстве внутренних дел вскрыл генеральный прокурор СССР Роман Руденко. Его подчиненные переписали все документы и сдали их в архив. Вопросов ни у кого не осталось.

1 июля представитель прокуратуры и двое сотрудников ЦК вскрыли сейф Берии в его кремлевском кабинете. Осмотрели ящики письменного стола и книжные шкафы. Доложили Шаталину: «Документы, книги и предметы, имеющие значение для дела, в упакованном виде переданы т. Суханову Д. Н.».

Дмитрий Николаевич Суханов заведовал канцелярией Маленкова, его в аппарате не любили и в 1956 году посадили, после чего стали выяснять судьбу бериевских бумаг.

Заведующий отделом административных органов ЦК Афанасий Лукьянович Дедов рассказал, что среди документов из сейфа Берии нашли собственноручные показания Ежова о роли Маленкова в большой чистке. Ежов написал это, когда его уже сняли с должности наркома внутренних дел и он ждал ареста.

Дедов показания Ежова прочитал. Отдал секретарю ЦК Шаталину. Шаталин позвонил Суханову, объяснил, что у него в руках. Тот сказал:

— Хорошо, присылайте.

Поинтересовался у шефа:

— Как поступить с этими документами?

Маленков пожал плечами:

— Да об этом все знают.

Суханов напомнил, что члены президиума ЦК договорились от всех компрометирующих материалов избавиться, и предложил:

— Может быть, уничтожить?

Маленков решил иначе:

— Как вы там будете уничтожать, дайте я возьму их с собой.

Больше показания Ежова никто не видел...

23 декабря 1953 года в 13 часов 30 минут суд удалился на совещание для вынесения приговора Берии и его подручным. В 18 часов 45 минут председатель Специального судебного присутствия маршал Конев приступил к оглашению приговора. Всех признали виновными, всем был вынесен смертный приговор.

Через несколько часов после суда Берию вывели в расход. Торопились. Приговор привел в исполнение комендант Специального судебного присутствия Павел Федорович Батицкий, уже произведенный в генерал-полковники. Затем в Берию, уже мертвого, стреляли и сопровождавшие Батицкого офицеры. Профессиональную расстрельную команду не приглашали: чем меньше свидетелей, тем лучше.

Берии разрешили переодеться в чистое белье, принесли ему из дома черный костюм. На руки надели наручники. Тело Берии отвезли в Донской крематорий и сожгли. Прах развеяли.

Батицкий стал маршалом, главнокомандующим противовоздушной обороной страны и заместителем министра обороны. В 1965 году ему присвоили звание Героя Советского Союза. Остальные офицеры — Алексей Иванович Баксов (впоследствии генерал-полковник), Иван Григорьевич Зуб (впоследствии генерал-майор), Виктор Иванович Юферов (впоследствии полковник) — были награждены в январе 1954 года орденами Красного Знамени. Говорят, они рассчитывали на «Золотые Звезды» Героя Советского Союза. Во всяком случае, работу исполнили с душой и ощущали себя героями.

Суд был закрытым, и это послужило причиной различных слухов относительно судьбы Берии. Одни уверяли, что его убили в перестрелке еще в день ареста. А на суд вывели его двойника... Другие, напротив, доказывали, что Берии дали возможность бежать из страны. Сыну Берии доброхоты втолковывали, что верные люди вывезли Лаврентия Павловича в Аргентину, и даже показывали фотографию, на которой будто бы запечатлен бывший глава советской госбезопасности в Буэнос-Айресе.

В тот же день, 23 декабря, первый заместитель министра внутренних дел Константин Федорович Лунев (еще недавно он заведовал отделом административных и торгово-финансовых органов Московского комитета партии) и заместитель главного военного прокурора генерал-майор Дмитрий Иванович Китаев привели в исполнение приговор, вынесенный подручным Лаврентия Павловича: Богдану Кобулову, Всеволоду Меркулову, Павлу Мешику, Льву Владзимирскому, Сергею Гоглидзе.

На следующий день «Правда» поместила сообщение «В Верховном суде СССР»:

«Специальное Судебное присутствие Верховного Суда СССР постановило:

Приговорить Берия Л. П., Меркулова В. Н., Деканозова В. Г., Кобулова Б. З., Гоглидзе С. А., Мешика П. Я., Влодзимирского Л. Е. к высшей мере уголовного наказания — расстрелу с конфискацией лично им принадлежащего имущества, с лишением воинских званий и наград. Приговор является окончательным и обжалованию не подлежит. Вчера, 23 декабря, приведен в исполнение приговор Специального Судебного присутствия».

По всей стране трудящиеся выражали глубокое удовлетворение справедливым приговором — «Воля народа выполнена!»

СЕРОВ. СОЗДАНИЕ КГБ

Советские руководители извлекли уроки из печального прошлого. Взаимоотношения между политической властью и госбезопасностью всегда складывались сложно.

Сталин не желал усиления полномочий чекистов. Каждые два-три года менял команду на Лубянке (в основном расстреливал), бесконечно тасовал чекистов, не давая им укрепиться на своих постах.

После Сталина в Кремле возникла мысль о том, что такой монстр, как МВД, вообще надо раздробить. Нельзя передавать в одни руки и разведку, и контрразведку, и контроль над армией, и охрану правительства.

10 февраля 1954 года президиум ЦК решил, что структура Министерства внутренних дел громоздка и «не в состоянии обеспечить на должном уровне агентурно-оперативную работу». Решили выделить из МВД оперативно-чекистские управления и отделы и на их базе образовать Комитет по делам государственной безопасности при Совете министров СССР.

Ближайшие сталинские соратники не хотели усиления чекистского ведомства, поэтому оно не стало министерством, а получило второразрядный статус госкомитета. Во исполнение постановления ЦК КПСС «О серьезных недостатках в работе партийного и государственного аппарата» создали Комитет госбезопасности. 13 марта 1954 года появился указ Президиума Верховного Совета об образовании КГБ.

Вывели партаппарат из-под постоянного контроля спецслужб.

Госбезопасность подчинили политическому руководству. Партийный аппарат был счастлив. ЦК запретил проводить оперативные мероприятия в отношении партийных работников, то есть вести за ними наружное наблюдение, прослушивать их телефонные разговоры. Членов партии к негласному сотрудничеству можно было привлекать только в особых случаях.

В отличие от своих предшественников и наследников Хрущев спецслужбы не любил и чекистов не обхаживал. Никиту Сергеевича раздражало обилие генералов в КГБ, он требовал «распогонить» и «разлампасить» госбезопасность.

Еще на июльском пленуме ЦК, посвященном делу Берии, Хрущев откровенно выразил свое отношение к органам госбезопасности:

— Товарищи, я в первый раз увидел жандарма, когда мне было уже,

наверное, двадцать четыре года. На рудниках не было жандарма. У нас был один казак-полицейский, который ходил и пьянствовал. В волости никого, кроме одного урядника, не было. Теперь у нас в каждом районе начальник МВД, у него большой аппарат, оперуполномоченные. Начальник МВД получает самую высокую ставку, больше, чем секретарь райкома партии.

Кто-то из зала подтвердил:

— В два раза больше, чем секретарь райкома!

— Но если у него такая сеть, — продолжал Хрущев, — то нужно же показывать, что он что-то делает. Некоторые работники начинают фабриковать дела, идут на подлость...

В стремлении поставить госбезопасность под контроль партии Хрущева поддерживал влиятельный секретарь ЦК Михаил Андреевич Суслов, ведавший идеологическими делами. У него был собственный опыт столкновений с чекистами, когда ему в 1944 году поручили руководить бюро ЦК по Литве. Он был недоволен тем, что органы госбезопасности ему мало помогают.

Михаил Андреевич не хотел, чтобы чекисты имели право присматривать за ним и жаловаться на него. Поэтому положение госбезопасности в хрущевские годы изменилось, их полномочия и влияние сократились.

Председателем КГБ был назначен генерал-полковник Серов. Через год ему присвоили звание генерала армии, 25 августа 1955 года в связи с пятидесятилетием наградили еще одним орденом Ленина.

Первым заместителем председателя был назначен Константин Федорович Лунев, профессиональный партийный работник. Он много лет работал в Московском обкоме. На следующий день после ареста Берии его перебросили в МВД, присвоили генеральское звание.

Генерал армии Филипп Денисович Бобков, который всю жизнь прослужил в КГБ, вспоминал, что вскоре после создания комитета Хрущев приехал в Центральный клуб имени Дзержинского и выступил с большой речью — она продолжалась больше двух часов — перед руководящим составом органов и войск КГБ.

— Понятно, что после разоблачения такого крупного вражеского агента, каким был Берия, — сказал Хрущев, — у членов партии, работающих в органах МГБ, не могло не появиться такого неприятного осадка и несколько, я бы сказал, приниженного морального самочувствия. А это очень опасное дело. Нельзя иметь органы государственной безопасности в таком приниженном моральном, небоеспособном состоянии, так как это лишь на руку нашим врагам.

Никита Сергеевич говорил, что роль контрразведки раздута, что нет необходимости держать такие большие штаты. Предложил сократить аппарат госбезопасности, превратить комитет в обычное общегражданское министерство, отказаться от воинских званий, а то в Москве и так полно генералов...

После первого секретаря ЦК выступил Серов:

— Вы убедились, насколько товарищ Хрущев глубоко знает нашу работу и насколько четко, предельно ясно дал указание по агентурнооперативной работе и по всей работе. Вот что значит человек громадного ума и большой практики. Ведь многие из вас также работают по десять-пятнадцать лет, а иной раз скатываются на всякие глупости. Поэтому вы должны четко, ясно продумать, вспомнить все указания, которые были даны товарищем Хрущевым.

Руководству КГБ было предписано «в кратчайший срок ликвидировать последствия вражеской деятельности Берия в органах государственной безопасности и добиться превращения органов государственной безопасности в острое оружие нашей партии, направленное против действительных врагов нашего социалистического государства, а не против честных людей».

Начались ликвидация райотделов, сокращения в городских и областных отделах и управлениях.

Генерал Анатолий Ильич Шиверских, который дорос до начальника Смоленского управления КГБ, вспоминал:

«В 1954–1955 годах в связи с ликвидацией районных отделений КГБ необходимо было рассмотреть оперативные и личные дела агентуры и принять по ним решения. В отдельных районах области было 100 — 150 агентов, из них следовало отобрать 10–12. Работа по массовому исключению агентуры и прекращению дел оперативного учета означала отказ от массового охвата всех и вся. Таким образом, упразднялась система внутренней агентуры, которая в предыдущие десятилетия создавалась в самых различных слоях общества. Из 300 агентов в четырех районах я оставил 14. Кардинальная перестройка работы органов была необходима».

Часть чекистов переводили в милицию, часть увольняли. Воинские звания сохранялись, но отменялись льготы. Это вызвало недовольство аппарата. Начальство пугали разговорами о том, что разочарованные сотрудники органов госбезопасности станут объектом вербовки со стороны иностранных разведок.

Возможность опереться на КГБ была очень важной для Хрущева. Не зря он держал на этой должности лично преданного ему человека. Глава

правительства Булганин и вся старая гвардия возражали против того, что КГБ подчиняется ЦК, то есть Хрущеву, а не Совету министров, то есть им, и что секретные документы КГБ поступают только в ЦК.

На это Хрущев отвечал, что Комитет государственной безопасности — это политический орган и должен тяготеть к Центральному комитету партии. Что касается материалов госбезопасности, то Хрущев сообщил на пленуме ЦК: за три года в ЦК было получено от КГБ 2508 документов, в Совете министров 2316 документов. То есть правительство никто не обижает.

Хрущев сказал:

— Я прочел бумаг Серова больше, чем произведений Маркса, Энгельса и Ленина.

Это позволило Серову пошутить на одном из партийных активов КГБ: Никита Сергеевич постоянно жалуется, что он начисто лишен возможности изучать марксистскую литературу, так как все его время уходит на чтение разведывательной информации за подписью председателя комитета!..

Но Иван Александрович совершил непростительную ошибку. Он сблизился с секретарем ЦК Николаем Григорьевичем Игнатовым. Ныне совершенно забытая фигура, он в свое время играл очень заметную роль, а претендовал на большее.

Игнатов никогда и ничему не учился. После революции попал в Первую конную армию, потом сражался с басмачами в Средней Азии. В 1930 году его сделали секретарем партийной организации полномочного представительства ОГПУ в Средней Азии. Потом — секретарем райкома. С тех пор он упрямо карабкался по карьерной лестнице.

В октябре 1952 года Сталин назначил его секретарем ЦК. Но после смерти вождя его отправили назад в Ленинград, и пришлось все начинать заново. В декабре 1957 года Хрущев вновь сделал его секретарем ЦК. Игнатов жаждал дружбы с председателем КГБ, потому что рассчитывал на большую карьеру. Но тем самым он настроил против себя второго человека в партаппарате — секретаря ЦК Алексея Илларионовича Кириченко, который бдительно оберегал свои владения.

Кириченко, вспоминал Анастас Микоян, и обратил внимание на то, что Серов постоянно приезжает к Игнатову на Старую площадь, хотя по работе ему это не нужно, потому что председатель КГБ выходит непосредственно на Хрущева.

— Конечно, это не криминал, — заметил Кириченко. — Просто как-то непонятно. Несколько раз искал Серова и находил его у Игнатова.

Игнатов стал яростно оправдываться, утверждал, что ничего

подобного не было, он с Серовым не общается. В другой раз опытный Кириченко завел разговор об этом в присутствии Хрущева. Это был безошибочный ход.

— Как же ты говоришь, что не общаешься с Серовым? — спросил Кириченко Игнатова. — Я его сегодня искал, ответили, что он в ЦК. Стали искать в отделе административных органов — не нашли. Оказалось, что он опять сидит у тебя в кабинете.

Хрущев ничего не сказал, но дело было сделано. Никите Сергеевичу не понравилось, что председатель КГБ за его спиной ищет поддержки у кого-то из секретарей ЦК. Пострадали оба: Серова убрали с Лубянки, Игнатова — из ЦК.

25 декабря 1958 года новым председателем КГБ был назначен Александр Николаевич Шелепин, недавний руководитель комсомола. Он отказывался от назначения. Хрущев наставительно пояснил, что работа в КГБ — это такая же партийно-политическая работа, но со своей спецификой. В Комитете госбезопасности нужен свежий человек, который был бы нетерпим к любым злоупотреблениям со стороны чекистов.

И в заключение, вспоминая Шелепин, Никита Сергеевич вдруг сказал:

— У меня к вам еще просьба: сделайте всё, чтобы меня не подслушивали.

В день, когда Шелепин перебрался на Лубянку, Верховный Совет СССР принял «Основы уголовного законодательства», в которых впервые отсутствовало понятие «враг народа». Уголовная ответственность наступала не с четырнадцати, а с шестнадцати лет. Судебные заседания стали открытыми, присутствие обвиняемого — обязательным. Это совпадение было символическим. Именно Шелепин, «железный Шурик», был, возможно, самым либеральным руководителем органов госбезопасности за всю советскую эпоху.

Для Хрущева он стал партийным оком, присматривающим за органами госбезопасности. Советские властители побаивались ведомства, которое сами же создали. Никита Сергеевич требовал не только от центрального аппарата, но и от местных органов КГБ докладывать о своей работе партийным комитетам. Обкомы и крайкомы получили право заслушивать своих чекистов, могли попросить ЦК убрать не понравившегося им руководителя управления КГБ.

Протоколом № 200 заседания президиума ЦК КПСС от 9 января 1959 года было утверждено секретное положение о КГБ:

«Комитет государственной безопасности работает под непосредственным руководством и контролем Центрального Комитета

КПСС. Руководящие работники органов государственной безопасности, входящие в номенклатуру ЦК КПСС, утверждаются в должности Центральным Комитетом КПСС. Работники, входящие в номенклатуру местных партийных органов, утверждаются в должности соответственно ЦК компартий союзных республик, крайкомами и обкомами КПСС. Перемещение работника с одной должности на другую, состоящего в номенклатуре ЦК КПСС или местных партийных органов, может быть произведено только после решения ЦК КПСС или местных партийных органов».

При Хрущеве шутили, что КГБ при Совете министров СССР переименован в КГБ при ЦК ВЛКСМ. Никита Сергеевич сознательно ставил во главе ведомства госбезопасности недавних комсомольских вождей.

Генерал армии Филипп Бобков, бывший первый заместитель председателя КГБ, считал, что это серьезная ошибка — заменять опытных чекистов молодыми ребятами, недавними комсомольскими секретарями.

Бобков не уточняет, что убирали прежде всего тех, кто опозорил себя участием в сталинских репрессиях. Пришли новые люди. Другое дело, что многие новички слишком быстро осваивались на Лубянке и наследовали худшие традиции ведомства.

Отставной полковник госбезопасности вспоминал:

«Я наивно думал: зачем ЦК пихает повсюду этих бездарей, абсолютно не разбирающихся в делах, которыми им поручено руководить? Кому нужны начальники управлений внешних связей, не владеющие ни одним языком? Как может руководить оперативной, секретной работой бывший сотрудник общего отдела ЦК ВЛКСМ?»

Почему укрепление комитета комсомольскими кадрами вызывало раздражение у кадровых чекистов? Новички получали большие стартовые преимущества. Ни дня не служившим комсомольским секретарям присваивали сразу старшее офицерское звание, да еще засчитывали стаж работы в комсомольском аппарате и определяли на руководящую должность. Вот им и завидовали.

Секретаря ЦК комсомола Белоруссии Владимира Петровича Демидова в 1960 году перевели на работу в КГБ. Ему был тридцать один год. После короткой стажировки в Москве получил назначение во 2-е управление (контрразведка). Руководил областным управлением госбезопасности в Могилеве, потом стал первым заместителем председателя КГБ Киргизии.

Михаил Петрович Светличный, второй секретарь ЦК комсомола Казахстана, возглавил столичное управление госбезопасности.

Начальником управления по Ленинграду и Ленинградской области стал Василий Тимофеевич Шумилов, бывший первый секретарь Ленинградского обкома комсомола.

Генерал Отар Давидович Гоцеридзе, еще недавно заведовавший отделом комсомольских органов ЦК ВЛКСМ, руководил важнейшим Оперативно-техническим управлением КГБ.

Владимир Яковлевич Чекалов, секретарь парткома Центральной комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ, стал начальником 9-го управления (охрана высшего руководства страны)...

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ И СИЛОВИКИ

В 1957 году в Москве разгорелась борьба за власть между Никитой Сергеевичем и его молодыми сторонниками, с одной стороны, и старой гвардией — с другой. Хрущев спешил убрать с политической арены руководителей страны, которые ему мешали.

Помимо политических разногласий было и много личного. Никита Сергеевич не упускал случая выставить соратников в глупом свете. Он уже сообразил, что ему нужны не соратники, а подчиненные. И сам не заметил, как в высшем партийном органе собралась критическая масса обиженных на него людей — Маленков и Молотов, которых он лишил должностей, Каганович и Ворошилов, которых он ругал при всяком удобном случае... Ничего у них общего не было, кроме главной цели — убрать Хрущева. Они объединились против Хрущева, как в 1953-м против Берии.

Они утверждали, что Хрущев забрал себе слишком много власти, не считается с товарищами по президиуму ЦК, подавляет инициативу и самостоятельность. После XX съезда, успешного для Хрущева, говорил Каганович, остатки былой скромности у первого секретаря напрочь исчезли — как говорится, «шапка на ем встала торчком». Сам всё решает. Резко обрывает остальных. Поэтому его надо освободить от должности первого секретаря. Да и вообще пост первого секретаря ЦК не нужен, партийное руководство должно быть коллективным.

Все они сильно себя переоценивали. Не заметили, как быстро окреп Никита Сергеевич, как стремительно он осваивался в роли руководителя страны. Полагали, что им легко удастся скинуть Хрущева. Себя Молотов видел на его месте, Булганина намечали председателем КГБ, Маленкова и Кагановича — руководителями правительства.

18 июня 1957 года Маленков и другие недовольные устроили в неурочный день заседание президиума ЦК.

Слово взял Маленков:

— Вы знаете, товарищи, что мы поддерживали Хрущева. И я, и товарищ Булганин вносили предложение об избрании Хрущева первым секретарем. Но вот теперь я вижу, что мы ошиблись. Он обнаружил неспособность возглавлять ЦК. Он делает ошибку за ошибкой, он зазнался. Отношение к членам президиума стало нетерпимым, особенно после XX съезда. Он подменяет государственный аппарат партийным, командует непосредственно через голову Совета министров. Мы должны принять

решение об освобождении Хрущева от обязанностей первого секретаря ЦК.

Маленкова поддержал Каганович:

— Хрущев систематически занимался дискредитацией президиума ЦК, критиковал членов президиума за нашей спиной. Его действия вредят единству, во имя которого президиум ЦК терпел до сих пор причуды Хрущева.

Молотов тоже с удовольствием поквитался с первым секретарем:

— Как ни старался Хрущев провоцировать меня, я не поддавался на обострение отношений. Но оказалось, что дальше терпеть невозможно. Хрущев обострил не только личные отношения, но и отношения в президиуме в целом.

Молотова и Маленкова поддержали Ворошилов, Булганин и два первых заместителя главы правительства — Михаил Георгиевич Первухин и Максим Захарович Сабуров.

Ворошилов, которым Хрущев помыкал, предложил голосовать:

— И я пришел к заключению, что необходимо освободить Хрущева от обязанностей первого секретаря. Работать с ним, товарищи, стало невмоготу. Не можем мы больше терпеть подобное. Давайте решать.

Хрущев с Маленковым двумя годами ранее поступил сравнительно мягко — с поста председателя Совета министров снял, но сделал министром электростанций. Так и Хрущева предполагалось не на пенсию отправить, а назначить министром сельского хозяйства: пусть еще поработает, но на более скромной должности.

Расклад был не в пользу Хрущева. Семью голосами против четырех президиум ЦК проголосовал за освобождение его с поста первого секретаря.

Едва зазвучала критика в адрес Никиты Сергеевича, секретари ЦК Екатерина Алексеевна Фурцева и Леонид Ильич Брежнев встревожились. Они оба были кандидатами в члены президиума. Высказываться имели право, а голосовать нет. Леонид Ильич сел с краю, рядом с Фурцевой. Он был растерян. Спросил Екатерину Алексеевну:

— Что делать?

— Надо звать Жукова, — сказала Фурцева, — он на стороне Хрущева. Леонид Ильич выскочил из зала заседаний и пошел искать свободный кабинет, чтобы из него позвонить.

— Булганин, — рассказывал Брежнев, — зная, что будет заседание по этому делу, зная, что товарищ Жуков является твердым, волевым, принципиальным и честным человеком, за несколько часов до этого отпустил Жукова на учение, так что он не участвовал в этом заседании.

Министр обороны находился в Солнечногорске.

Секретарь ЦК Аверкий Борисович Аристов заболел и сидел дома. Фурцева предложила и его привезти на заседание, хотя он не был членом президиума и не имел права решающего голоса. Брежнев соединился с Аристовым, попросил приехать:

— Нас мало. Они выбрали удобный момент...

Стратегически важным был звонок председателю КГБ Серову, верному хрущевцу. Брежнев предупредил его, что заседание президиума направлено против Никиты Сергеевича.

— Приехал товарищ Жуков, — вспоминал Брежнев. — Рассказал мне, что его утром вызывал к себе Маленков и вел с ним заискивающий и сомнительный разговор о том, что ему время быть членом президиума ЦК, но что надо поговорить о руководстве партии... Я товарищу Жукову сказал, что это Маленков вас прощупывал — на чьей стороне вы можете быть...

Прощупывал маршала не только Маленков. Жуков и Каганович жили на даче рядом. Похлопав Жукова по плечу, Лазарь Моисеевич заметил:

— Ну, товарищ Жуков, вам пора быть членом президиума.

Вы созрели...

Когда Брежнев вернулся в зал заседаний президиума, его подозрительно спросили:

— Куда это вы мотались?

Брежнев огрызнулся:

— У меня желудок расстроился, в уборной сидел.

Фурцевой он дал знать, что мобилизовал всех, кого мог.

Когда маршал Жуков вернулся с учений, на председательском месте сидел глава правительства Николай Александрович Булганин. Присутствующие разносили Хрущева. Маленков в нервном состоянии даже стукнул кулаком по столу.

Жуков потом иронически вспоминал:

— Я сидел рядом с Маленковым, и у меня графин подпрыгнул на столе.

Заседание президиума удалось перенести на следующий день. Фурцева твердо сказала, что она должна уйти, поскольку ей предстоит открывать торжественное заседание, посвященное юбилею председателя Исполкома Коминтерна Георгия Димитрова. Ее слова подействовали.

«Мятежникам» не позволили сразу же снять Хрущева. И произошло нечто неожиданное: Никита Сергеевич нарушил партийную дисциплину и не подчинился решению высшего партийного органа. Он точно угадал, что члены ЦК — первые секретари обкомов — поддержат его в борьбе против

старой гвардии.

Ключевую роль в спасении Хрущева в те дни сыграли председатель КГБ Серов и министр обороны Жуков. Жуков самолетами военнотранспортной авиации со всей страны доставлял в Москву членов ЦК, а Серов их правильно ориентировал.

Члены ЦК собрались в Свердловском зале, заявили, что они поддерживают первого секретаря и пришли требовать от членов президиума отчета: что происходит? Каганович заявил, что это настоящий фракционный акт, ловкий, но троцкистский.

Разгневанный маршал Ворошилов кричал на руководителя комсомола Александра Николаевича Шелепина:

— Это тебе, мальчишке, мы должны давать объяснения? Научись сначала носить длинные штаны!

Максим Сабуров возмутился:

— Я вас, товарищ Хрущев, считал честнейшим человеком. Теперь вижу, что я ошибался, — вы бесчестный человек, позволивший себе пофракционному, за спиной президиума ЦК организовать собрание в Свердловском зале.

Партийный аппарат вышел из подчинения президиуму. Молотову и Маленкову пришлось согласиться на проведение пленума ЦК, на котором люди Хрущева составляли очевидное большинство. Остальные, увидев, чья берет, тотчас присоединились к победителю. Роли переменялись: Молотов и другие оказались заговорщиками.

Хрущев ловко выделил из семи членов президиума, выступивших против первого секретаря, троих — Молотова, Маленкова и Кагановича — и представил их антипартийной группой. Остальным дал возможность признать свои ошибки и отойти в сторону.

Ворошилова и Булганина Хрущев вообще помиловал. От Булганина он, правда, потом все равно избавился, а маршалу Ворошилову позволил некоторое время оставаться на декоративном посту председателя Президиума Верховного Совета СССР. Хотя ему тоже досталось.

Александр Иванович Струев, первый секретарь Молотовского (Пермского) обкома партии, говорил на пленуме ЦК:

— Мне горько слушать товарища Ворошилова. Недавно он страшно восхвалял нас, он называл нас такими кадрами, что он может спокойно умирать, ибо дело партии в надежных руках. Он тогда заявлял дословно так: «Вы же наши советские Мараты». А теперь, когда мы пришли в президиум, мы стали уже пираты.

В зале засмеялись.

Антипартийной в советской истории становилась та группа, которая терпела поражение во внутрипартийной борьбе. Победил Хрущев, поэтому его противники оказались антипартийной группой. Через семь лет, в 1964-м, Хрущев потерпел поражение, и люди, которые говорили о нем почти то же самое, что Маленков и другие, оказались победителями и взяли власть...

На пленуме Хрущев сделал реверанс в сторону партийных секретарей, обещая им большую власть и большие полномочия:

— Когда пришла группа товарищей — членов ЦК и попросила принять их, некоторые члены президиума заявили: «Что за обстановка в партии, кто создал такую обстановку? Так нас могут и танками окружить». В ответ на это я сказал, что надо принять членов ЦК. Молотов громко заявил, что мы не будем принимать. Тогда мной было сказано следующее: «Товарищи, мы члены президиума ЦК, мы слуги пленума, а пленум хозяин».

Зал заплодировал. Хрущев завоевал аудиторию.

Первые секретари обкомов не хотели никакого либерализма, но еще больше они боялись возвращения к сталинским временам, когда никто не был гарантирован от ареста. Молотов и другие в их глазах олицетворяли именно такую жизнь. Поэтому силовики, а затем и пленум ЦК поддержали Хрущева. Никита Сергеевич тоже не у всех вызывал симпатии, но он открывал молодому поколению дорогу наверх, освобождая кабинеты от прежних хозяев.

Хрущев изгнал своих противников из президиума ЦК. Они находились под наблюдением местных органов КГБ. Твердый голос Жукова и мощь стоявшей за ним армии были лучшей поддержкой Хрущеву. Расправившись с антипартийной группой, Никита Сергеевич сразу же сделал Георгия Константиновича членом президиума ЦК.

Но Жуков одновременно и пугал Хрущева. Маршал его поддержал, но на заседании президиума ЦК заметил: а не следует ли обдумать вопрос о том, чтобы, может быть, вместо первого секретаря иметь секретаря ЦК по общим вопросам?

Дмитрий Шепилов, который перестал быть кандидатом в члены президиума и секретарем ЦК, предупреждающе сказал Жукову:

— Георгий Константинович, имей в виду: следующим будешь ты!

Как в воду смотрел. На Жукова стали собирать материалы, и через четыре месяца маршал был отправлен в отставку. «В июне нас выгнали, — вспоминал Шепилов, — а в октябре — его».

СВЕРЖЕНИЕ МАРШАЛА ЖУКОВА

7 февраля 1955 года на президиуме ЦК решался вопрос о министре обороны. Маленкова убрали с поста председателя Совета министров. Правительство возглавил Булганин. Он предложил на свое место Жукова.

Георгий Константинович назвал маршала Василевского. Александр Михайлович отказался:

— У Жукова опыт больше. Если бы меня назначили, это была бы ошибка.

Утвердили Жукова.

8 февраля провели заседание партийной группы Верховного Совета СССР, которому предстояло формально утвердить кадровые перемены в правительстве.

Вел заседание председатель Президиума Верховного Совета СССР маршал Ворошилов. Он предоставил слово первому секретарю ЦК Хрущеву. Тот сказал:

— Возникает, конечно, у каждого товарища следующий вопрос — кто же будет военным министром. После назначения товарища Булганина совмещать работу на посту председателя Совета министров СССР с работой военного министра будет трудно. Товарищ Булганин будет освобожден от обязанностей министра обороны. Центральный комитет обсудил этот вопрос и выдвигает со своей стороны министром обороны товарища Жукова.

Все стали аплодировать.

Хрущев обратился к Ворошилову:

— Принимается решение?

Ворошилов:

— Я думаю, принимается (общий смех). Есть какие-нибудь другие предложения, кроме тех, которые сделаны товарищем Хрущевым?

Голоса из зала:

— Нет.

— Значит, считается принятым.

Тогда же, в феврале 1955 года, создали Совет обороны СССР: Хрущев (председатель), Булганин, Василевский, Ворошилов, Жуков, Каганович, Молотов. При Совете обороны образовали Военный совет: министр обороны, начальник Генерального штаба, главнокомандующие и командующие видами и родами войск, военными округами и флотами,

начальники некоторых главных управлений Минобороны. В октябре 1957 года в совет включили начальника Главного политуправления.

Зять Хрущева и главный редактор «Известий» Алексей Иванович Аджубей вспоминал, как летом 1957 года, на отдыхе в Крыму, за дружеским застольем министр обороны Жуков вдруг произнес здравицу в честь старого приятеля — председателя КГБ Серова, сказав при этом:

— Не забывай, Иван Александрович, что КГБ — глаза и уши армии!

Хрущев реагировал мгновенно. Он встал и подчеркнуто громко сказал:

— Запомните, товарищ Серов, КГБ — это глаза и уши партии.

Смысл этой реплики стал ясен позднее, когда Хрущев расстался сначала с маршалом Жуковым, а потом и с генералом армии Серовым. Жукова, как более сильную фигуру, убрали с поля первым...

Устранив основных политических соперников, Хрущев опасался теперь одного лишь Георгия Константиновича. Думал: а ну как маршал с его жестким характером и всенародной славой в какой-то момент захочет сам возглавить партию и государство? Хрущев предпочел нанести удар первым.

А были основания подозревать маршала в бонапартизме?

Именно тогда, 30 июля 1957 года, поэт Давид Самуилович Самойлов записал в дневнике: «Последние события выдвинули на первый план фигуру Жукова. Он решил дело. В нем растет будущий диктатор России».

Хрущева раздражали какие-то демарши и заявления Жукова, вспоминал Алексей Аджубей. Говорили о самовластии Жукова. О том, что он, посмотрев готовый к показу фильм о Параде Победы, приказал переснять эпизод своего выезда на белом коне из Спасской башни Кремля. Сильный человек со склонностью к гипертрофированному самомнению, полагал Аджубей, беспокоил руководство ЦК.

Жуков действительно вел себя самостоятельно. Хотел, чтобы внутренние войска МВД и пограничные войска КГБ передали в состав вооруженных сил, то есть подчинили ему. Требовал, чтобы существовавшее тогда Министерство государственного контроля не смело вмешиваться в военные дела:

— Надо освободить госконтроль от функций контроля за Министерством обороны.

Хрущев, конечно же, рассматривал Жукова как вероятного политического соперника. Жесткий характер маршала, его полнейшая самоуверенность пугали Никиту Сергеевича. Но неверно представлять себе происшедшее личным столкновением Хрущева и Жукова.

Министр обороны имел собственные представления о том, как нужно

строить современную армию. Неграмотные в военном деле партийные руководители ему мешали. Партийные секретари удивлялись Жукову. Они ему говорили: неужели ты не понимаешь, что армия — это инструмент партии и важнее всего удержать власть? А Жуков считал, что задача армии защищать государство от внешнего врага.

Георгий Константинович возражал против отвлечения армии от своего непосредственного дела. Летом секретарь ЦК Брежнев попросил выделить для работы в народном хозяйстве семьдесят пять тысяч автомашин, сто пятьдесят тысяч шоферов и триста тысяч солдат. Жуков решительно ответил, что у него нет ни машин, ни свободных солдат, и попросил президиум ЦК «отклонить предложение тов. Брежнева». Партийные секретари привыкли использовать бесплатную и бессловесную рабочую силу для уборки урожая. Министр обороны своим отказом (ни один другой министр, кроме Жукова, не позволял себе такого!) ставил их в трудное положение.

В марте 1956 года на совещании командного состава вооруженных сил обсуждался вопрос о дисциплине в войсках. А 12 мая 1956 года Жуков подписал приказ № 0090 «О состоянии воинской дисциплины в Советской Армии и Военно-Морском Флоте и мерах по ее укреплению».

Приказ отразил положение в войсках:

«В армии так же, как и на флоте, совершается большое количество преступлений и чрезвычайных происшествий, из которых наиболее серьезную опасность представляют: случаи неповиновения командирам и особенно недопустимые в армии проявления оскорблений своих начальников; бесчинства военнослужащих по отношению к местному населению, дезертирство и самовольные отлучки военнослужащих, аварии и катастрофы автотранспорта, самолетов и кораблей. Широкие размеры в армии и на флоте получило пьянство среди военнослужащих, в том числе среди офицеров».

Маршал Жуков считал, что основная причина бедственного положения в том, что подрывается авторитет командира-единоначальника:

«Среди некоторой части офицеров и особенно офицеров-политработников имеют место неправильные настроения по вопросу о роли командира-единоначальника и даже выступления с критикой служебной деятельности командиров на партийных и комсомольских собраниях, на партийных конференциях. Такие выступления ведут к подрыву авторитета командиров-единоначальников, к снижению их требовательности к подчиненным, а следовательно, к ослаблению воинской дисциплины».

Жуков подверг критике Главное политическое управление и политорганы на местах. Потребовал запретить ужины и вечера с выпивкой, прекратить продажу спиртных напитков в столовых, буфетах, в Домах офицеров и на территории военных городков. Но главное другое: «Всякие попытки критики служебной деятельности и подрыва авторитета командира-единоначальника решительно и немедленно пресекать».

Нельзя не отметить и другой важный аспект. Жуков напугал членов ЦК на пленуме, когда заговорил о массовых репрессиях и о том, что в них виновны все лидеры партии. Жуков прямо сказал, что все члены высшего партийного руководства виновны в убийстве невинных людей. Каганович возразил Жукову: это политическое дело. Раз политическое, значит, они неподсудны. Жуков резко ответил: нет, это уголовное преступление!

Из его слов следовало, что члены партийного руководства могут быть привлечены не только к политической, но и к уголовной ответственности. Эту угрозу они запомнили. Маршал Жуков и не понял, что противопоставил себя всему партийному аппарату.

После июня пятьдесят седьмого Никита Сергеевич подчеркнуто демонстрирует свою дружбу с прославленным маршалом, никуда его от себя не отпускает, даже отдыхают они вместе. Жукову в голову не приходит, что против него организован настоящий заговор, что он и пяти месяцев не просидит на своем месте.

Хрущев уже на пенсии вспоминал:

«Члены президиума ЦК не раз высказывали мнение, что Жуков движется в направлении военного переворота, захвата им личной власти. Такие сведения мы получали и от ряда военных, которые говорили о бонапартистских устремлениях Жукова. Постепенно накопились факты, которые нельзя было игнорировать без опасения подвергнуть страну перевороту типа тех, которые совершаются в Латинской Америке. Мы вынуждены были пойти на отстранение Жукова от его постов. Мне это решение далось с трудом, но деваться было некуда».

4 октября 1957 года министр обороны Жуков вылетел в Севастополь, а оттуда на крейсере «Куйбышев» в сопровождении эсминцев «Блестящий» и «Бывалый» отправился с официальным визитом в Югославию и Албанию.

А Хрущев оказался в Киевском военном округе на учениях, которые проводил главнокомандующий сухопутными войсками маршал Родион Малиновский. Никита Сергеевич разговаривал с генералами, прощупывал настроения в войсках. Потом Хрущев на пленуме скажет:

— Вы думаете, я там охотился на оленей? У меня там была политическая охота на крупную дичь...

Хрущев обвинит Жукова в лицемерии и вероломстве, хотя все было наоборот. Пока министр обороны находился за границей, Никита Сергеевич провел большую подготовительную работу. Маршал, уезжая, думал, что он в Москве друга оставил. А Хрущев за его спиной беседовал с командующими округами, объяснял им ситуацию. Хрущев мастерски провел в военных округах кампанию критики министра обороны и получил поддержку генералитета.

17 октября 1957 года на президиум ЦК пригласили заместителей министра обороны маршалов Родиона Яковлевича Малиновского и Ивана Степановича Конева, а также начальника Главного политического управления генерал-полковника Алексея Сергеевича Желтова. Начальник ГлавПУРа пожаловался на то, что политработа в армии по вине министра обороны принижена:

— Товарищ Жуков говорил, что политработникам рыжие бороды привесить и кинжалы дать, они всех бы командиров перерезали. Мне, начальнику ПУРа, не позволено выезжать в войска без разрешения. Министр товарищ Жуков неприязненно относится ко мне. Из-за чего? Из-за того, что я будто был против назначения его министром и возражаю против его возвеличивания...

У Желтова отношения с Жуковым сразу не сложились. Жуков собирался расстаться с Желтовым, так что тот сражался за свое место. Начальник ГлавПУРа старался не ходить к министру на доклады, посылал заместителя. Постоянно жаловался на Жукова в ЦК: маршал недооценивает значение политорганов, слишком амбициозен.

Пока Жуков находился за границей, президиум ЦК принял постановление «Об улучшении партийно-политической работы в Советской Армии и Флоте», подготовленное комиссией, в состав которой входила и Фурцева. По всей стране прошли партийные собрания, на которых резко критикуется министр обороны. Жуков об этом не подозревал, хотя ему доложили, что связь с Москвой внезапно прервалась. Опытный человек, мог бы сообразить, что это означает...

Вместе с министром обороны в Югославию отправили специального корреспондента «Красной звезды». Первые два его репортажа газета опубликовала. А потом помещала только короткие сообщения ТАСС. Жукова сопровождал заместитель начальника ГлавПУРа генерал-полковник Федор Петрович Степченко. Он не понимал, почему орган Министерства обороны не освещает визит Жукова, запрашивал Москву.

Главный редактор «Красной звезды» Николай Иванович Макеев, получив соответствующие указания, вяло оправдывался:

— В газете не хватает места. Вот спутник запустили...

Рассказы о том, что начальник Главного разведывательного управления Генерального штаба генерал Сергей Матвеевич Штеменко обо всем сообщил министру по своим каналам, за что и пострадал, — это миф. Когда Жуков вернулся в Москву, он не знал, что его ждет. А Штеменко уже был лишен возможности о чем-либо доложить министру.

В первый раз Штеменко наказали после ареста Берии: сняли с должности и понизили в воинском звании на две ступени — с генерала армии до генерал-лейтенанта. Булганин обвинил Штеменко в том, что через Берию он передавал Сталину «разные сплетни на некоторых руководящих военных лиц». Жуков еще был за границей, кампания против него только начиналась, а Штеменко 17 октября опять сняли с должности начальника Главного разведывательного управления.

Дочь маршала, Элла Георгиевна Жукова, рассказывала «Красной звезде»:

«Через несколько дней после отплытия отца в Югославию к нам стали поступать тревожные сообщения от наших друзей. Они рассказывали, что в частях и военно-учебных заведениях проводятся собрания партийных активов, где звучит резкая критика в адрес отца по поводу его стиля и методов руководства.

Мы со старшей сестрой пытались позвонить папе по связи ВЧ, благо такой телефон стоял дома, просили передать письмо, зная, что через день к нему направляются документы и газеты по фельдсвязи. Но нам сказали, что связь прервана...

Наша мудрая Эра предложила обобщить информацию и вручить ее отцу при встрече на аэродроме — мол, всякое может быть. И мы заранее заготовили письмо. Я свернула листок в несколько раз и спрятала его поглубже за вырез платья. Нам было не до смеха. Нервы были напряжены до предела.

Вот и Внуково. Погода прекрасная, ярко светит солнце. Самолет приземляется, и по трапу спускается отец. Улыбающийся и ни о чем не подозревающий, он приветствует маршалов и генералов.

Подошел к нам. Обнял, расцеловал и тут же скороговоркой:

— Вы поезжайте домой, а меня приглашает в свою машину Иван Степанович Конев. Поедем на заседание президиума ЦК...

Бросаюсь на шею отцу и прямо в ухо шепчу:

— Папа, необходимо, чтобы ты поехал с нами, это очень важно.

Взяв меня под руку, отец подошел к Коневу:

— Семья очень соскучилась. Довезу их до квартиры, оттуда сразу в

Кремль, это же рядом.

Никогда не забуду, как посмотрел на меня маршал Конев. Если бы взгляд мог испепелить, от меня бы ничего не осталось. Наконец мы в машине, и отец читает наше послание. Видим, как меняется его лицо. Прячет листок во внутренний карман, снимает очки и тихо говорит:

— Я подозревал что-то неладное. Когда сказали, что связь с Москвой прервана... Сейчас поеду, и все прояснится.

Отец высадил нас, машина укатила в Кремль».

Первому заместителю министра обороны маршалу Коневу велено было прямо с аэродрома везти Жукова в Кремль.

— Я, конечно, виноват, — каялся впоследствии Конев, — был его первым замом и не поставил в известность о грядущем заговоре. Но что я мог поделать? Обстоятельства сложились так, что ни назад, ни вперед, ни вправо, ни влево — кругом красные флажки: выполняй решения, партийная дисциплина, партийный долг. А вот теперь казнь себя.

26 октября 1957 года деятельность министра обороны Жукова обсуждали на заседании президиума ЦК. В Кремле на него сразу обрушился поток обвинений. Жуков пытался опровергать обвинения, называл их дикими. Говорил: мне надо посмотреть документы, чтобы вам ответить. Маршалу объяснили, что в Министерство обороны его больше не пустят...

На заседании президиума ЦК маршала освободили от должности министра обороны, чтобы лишить его возможности контригры. Охранник ждал Жукова в кремлевской раздевалке вместе с другими «прикрепленными». Вспоминал через много лет:

— Наконец появился Георгий Константинович. Таким я его никогда не видел — ни в годы войны, ни после. На лице сине-красные пятна, оно словно окаменело. Но держался прямо, с достоинством. Прибыли домой, на улицу Грановского. После томительной паузы: «Сегодня вечером по радио, в 19 часов, объявят о моем освобождении с поста министра обороны». Не знаю, как он, но я почувствовал себя раздавленным. Позвонил своему руководству: «Какие будут указания?» Мне ответили: «Дежурьте, как прежде!»

Элла Жукова:

«Мы ждали возвращения отца в нашей квартире на улице Грановского. Сели за обеденный стол, но есть не могли. Мы не исключали и самого плохого. От этого не было никаких гарантий. Мама даже извлекла из-под кровати маленький коричневый чемоданчик со сменой белья и туалетными принадлежностями, который хранился на случай ареста. С тех пор, как я

себя помню, он всегда был наготове.

Шли томительные часы ожидания, казавшиеся вечностью. Наконец — звонок в дверь. С порога отец говорит:

— Ну вот, сняли...»

Собрали пленум ЦК, посвященный партийно-политической работе в армии. В реальности это был пленум, посвященный бичеванию Жукова. На него навалилась уже вся партийная верхушка. Георгия Константиновича буквально топтали ногами. Жуков даже не понял, что он противопоставил себя всей партийной власти. Уж очень он был уверен в себе. А они давно сговорились убрать его с политической арены. Жуков проявил благодушие, которое не должен был проявлять. Он недоуменно говорил:

— Три недели назад, когда я уезжал, вы все со мной так душевно прощались, а теперь... Что же произошло за три недели?

Его обвиняли в том, что он пытается вывести армию из-под контроля ЦК, сократил политорганы и запретил Главному политическому управлению сообщать в ЦК о ситуации в армии и даже не разрешал командующим округами встречать партийно-правительственные делегации. Говорили, что Жуков все решал сам, возвеличивал свой культ, проводил собственную политику, был груб и жесток. Особенно прицепились к созданию разведшколы без ведома ЦК.

Насколько реальны эти обвинения?

Когда шло сокращение армии, Жуков старался сохранить побольше строевых командиров, увольняя тыловиков и политработников. В реформируемой армии нелюбовь к прохлаждающимся политработникам была очевидной. Строевые офицеры целый день в поле на учениях, а политработники в клубе газеты читают, к лекции готовятся... Жуков считал их просто бездельниками. Это отношение к политработникам сыграло свою роль при обсуждении на пленуме вопроса о Жукове. Ведь в зале сидели такие же политработники, только в штатском.

— Я думаю, — подвел итог Хрущев, — что надо принять решительные меры в отношении товарища Жукова. Мы должны принять такое решение, которое было бы предупреждением для каждого, кто захочет свое «я», какое бы громкое оно ни было, поставить над партией. Любого, кто не считается с интересами нашей партии, партия не пощадит, невзирая на заслуги... Это должно быть законом жизни партии.

На пленуме Георгия Константиновича вывели из президиума ЦК и из состава ЦК. Это происходило уже во второй раз в его жизни. После голосования прославленному маршалу пришлось выйти из зала.

Пленум ЦК принял постановление:

«Жуков нарушал ленинские, партийные принципы руководства Вооруженными Силами, проводил линию на свертывание работы партийных организаций, политорганов и военных советов, на ликвидацию руководства и контроля над армией и военно-морским флотом со стороны партии, ее ЦК и правительства».

3 ноября 1957 года в «Правде» появилась статья маршала Конева «Сила Советской Армии — в руководстве партии, в неразрывной связи с народом». В статье говорилось, что Жуков «неправильно, не по-партийному» руководил армией, «вел линию на свертывание работы партийных организаций, политорганов и военных советов», стремился все вопросы «решать единолично, не выслушивая мнений других и полностью эти мнения игнорируя».

Жукову поставили в вину и «неудачи на фронтах вооруженной борьбы». На него возложили ответственность за то, что в сорок первом войска приграничных округов оказались застигнутыми врасплох. Жуков очень обиделся за эту статью на Конева, которого, как он считал, в октябре сорок первого спас от расстрела.

Георгий Константинович рассчитывал, что ему позволят перейти в Академию Генерального штаба. А его даже не включили в группу генеральных инспекторов Министерства обороны, куда он, как маршал, автоматически попадал. Отправили на пенсию, хотя у маршалов пенсии не бывает. 27 февраля 1958 года постановлением Совета министров СССР Жуков был уволен в отставку с правом ношения военной формы. Приказом министра обороны 4 марта его уволили из вооруженных сил. Установили денежное содержание в размере пяти с половиной тысяч рублей (плюс доплата за воинское звание и процентная надбавка за выслугу лет), сохранили за ним право на медицинское обслуживание, квартиру, предоставили ему машину.

Убрали с военной службы и маршала Василевского. Сын Василевского, Юрий Александрович, был женат на старшей дочери Жукова Эре. Он дослужился до звания генерал-лейтенанта, был начальником Штаба воздушной армии. Когда Жукова сняли с поста министра обороны, зятя убрали из Штаба дальней авиации, перевели в Туркестанский, затем Среднеазиатский военный округ.

Почему Жукова не восстановили после падения Хрущева? Потому что руководство армии и политорганов было настроено против него. Жуков возражал против отхода от антисталинского курса, считал, что нельзя не говорить о причинах катастрофы 1941 года, а ГлавПУР и ЦК категорически возражали против этого.

Сохранилась непроизнесенная речь маршала Жукова о Сталине. Он подготовил ее к пленуму ЦК, который в 1956 году на волне XX съезда должен был осудить культ личности Сталина. Речь Жукова — это обвинительный акт Сталину. Он считал, что неподготовленность к войне «явилась одной из решающих причин тех крупных военных поражений и огромных жертв, которые понесла наша Родина в первый период войны...».

«Никакой внезапности нападения гитлеровских войск не было, — писал Жуков. — О готовящемся нападении было известно, а внезапность была придумана Сталиным, чтобы оправдать свои просчеты... С первых минут войны в верховном руководстве страной в лице Сталина проявилась полная растерянность в управлении обороной страны, используя которую, противник прочно захватил инициативу...

У нас не было полноценного Верховного командования. Генеральный штаб, Наркомат обороны с самого начала были дезорганизованы Сталиным... Он, не зная в деталях положения на фронтах и будучи недостаточно грамотным в оперативных вопросах, давал неквалифицированные указания...

Сталин принуждал представителей Ставки Верховного Главнокомандования и командующих фронтами без всякой к тому необходимости проводить наспех организованные операции, без достаточного материального и технического их обеспечения, что приводило к чрезмерно большим потерям... Можно привести еще немало отрицательных фактов из оперативного творчества Сталина, чтобы оценить, чего стоят на самом деле его полководческие качества и “военный гений”».

После отставки Жукова Хрущев восстановил влияние партийных органов в вооруженных силах. В 1958 году начальником Главного политического управления Советской армии и Военноморского флота назначили Филиппа Ивановича Голикова, которого демонстративно сделали маршалом, что позволяло ему быть независимым от министра обороны.

ШЕЛЕПИН И СЕМИЧАСТНЫЙ. СИЛОВИКИ СНЯЛИ ХРУЩЕВА?

Похоже, в последний момент Никита Сергеевич Хрущев все-таки что-то заподозрил. Он от природы был наделен хорошо развитым политическим инстинктом. Иначе бы не выжил в этой подковерной борьбе. Возможно, именно этим объясняется его неожиданный звонок маршалу Георгию Константиновичу Жукову.

Семь лет они не разговаривали! Жукова никуда не приглашали.

Из книг о войне его имя вычеркивали. Хрущев распорядился установить оперативное наблюдение за маршалом. На даче маршала Жукова установили аппаратуру прослушивания, записывались даже его разговоры с женой в спальне. В его окружении находились осведомители Комитета госбезопасности.

О настроениях и разговорах маршала председатель Комитета госбезопасности докладывал лично первому секретарю ЦК КПСС. Он был лишен всех постов, исключен из политической жизни, а КГБ все держал маршала под постоянным контролем. Жукова боялись в Кремле, да еще и завидовали его славе и всенародной любви...

27 мая 1963 года председатель КГБ информировал руководителей страны о настроениях маршала Жукова, который позволил себе не слишком благожелательно отозваться о руководителях государства, недавних соратниках по руководству вооруженными силами и чекистах. Хрущев поручил второму человеку в партии — Леониду Ильичу Брежневу вместе с руководителями Комитета партийного контроля вызвать Жукова и строго предупредить.

— Если не поймет, — грозно добавил первый секретарь ЦК, — тогда исключить из партии и арестовать.

А год спустя, летом 1964 года, Никита Сергеевич Хрущев как ни в чем не бывало вдруг сам позвонил Георгию Константиновичу. Примирительно сказал:

— Тебя оговорили. Нам надо встретиться.

Фактически извинился перед маршалом за то, что отправил его в отставку:

— Знаешь, мне тогда трудно было разобраться, что у тебя в голове. Но ко мне приходили и говорили: «Жуков — опасный человек, он игнорирует тебя, в любой момент он может сделать все, что захочет. Слишком велик

его авторитет в армии».

Жуков укорил Никиту Сергеевича:

— Как же можно было решать судьбу человека на основании таких домыслов?

Хрущев даже не стал оправдываться. Сказал:

— Сейчас я крепко занят. Вернусь с отдыха — встретимся и по-дружески поговорим.

Помощник первого секретаря ЦК записал распоряжение Хрущева: после отпуска в Пицунде запланировать встречу с маршалом.

Что это означало?

Никита Сергеевич, чувствуя, что теряет поддержку в стране, решил опереться на национального героя. Судя по всему, хотел вернуть маршала в политику, а точнее, призвать его себе на помощь. Если бы Жуков осенью 1964 года был министром обороны, противники Хрущева не могли бы рассчитывать на помощь армии. Маршал, что бы про него ни говорили, своих принципиальных убеждений не менял.

Но увидеться им было не суждено.

Из отпуска Хрущев вернулся раньше, чем предполагал. И он уже никого не мог ни назначить на высокую должность, ни снять с нее.

13 октября 1964 года первый секретарь ЦК КПСС и председатель Совета министров СССР Никита Сергеевич Хрущев прилетел в Москву из Пицунды, где он отдыхал. В правительственном аэропорту Внуково-2 его встречал один только председатель КГБ Владимир Ефимович Семичастный.

Спустившись по трапу, Хрущев хмуро спросил Семичастного:

— Где остальные?

— В Кремле.

Никита Сергеевич уточнил:

— Они уже обедали?

— Нет, кажется, вас ждут.

Хрущев не догадывался, что Семичастный приехал в аэропорт не только по долгу службы. Товарищи по партийному руководству, которые решили отстранить Хрущева от власти, поручили председателю КГБ важную миссию: заменить личную охрану первого секретаря ЦК и вообще проследить, чтобы темпераментный Никита Сергеевич не предпринял каких-то неожиданных действий.

Не всякий решился бы в тот момент оказаться один на один с Хрущевым. Никита Сергеевич все еще оставался хозяином страны, и его боялись. Семичастный много лет спустя рассказывал, что Брежнев даже

предлагал физически устранить Хрущева — не верил, что им удастся заставить его уйти в отставку. Не хочется подвергать сомнению слова Владимира Ефимовича, но люди, знавшие Леонида Ильича, сильно сомневались, что он мог такое сказать, — не в его характере.

По другим рассказам в какой-то момент у Брежнева сдали нервы, он расплакался и с ужасом повторял:

— Никита нас всех убьет.

А вот Семичастный Хрущева не боялся. Чего-чего, а воли, решительности и властности у Владимира Ефимовича было хоть отбавляй.

Генерал-лейтенант Николай Александрович Брусницын, в те годы заместитель начальника Управления правительственной связи КГБ, вспоминал, как накануне октябрьских событий его вызвал Семичастный.

Хрущев еще отдыхал в Пицунде. Председатель КГБ властно сказал, что ему нужно знать, кто и зачем звонит Хрущеву.

— Владимир Ефимович, — твердо ответил Брусницын, — этого не только я, но и вы не имеете права знать.

Семичастный тут же набрал номер Брежнева:

— Леонид Ильич, начальник правительственной связи говорит, что это невозможно.

Выслушав Брежнева, Семичастный задал новый вопрос:

— А что можно?

— Что конкретно надо? — уточнил Брусницын.

— Надо знать, кто названивает Хрущеву.

— Это можно, — согласился Брусницын, — положено иметь такую информацию на спецкоммутаторе.

— Хорошо. Каждый час докладывайте, кто звонил.

На государственную дачу в Пицунде линия правительственной междугородней ВЧ-связи шла через Тбилиси. Ее отключили, сославшись на повреждение аппаратуры. Хрущева соединяли через спецкоммутатор Москвы, так что председателю КГБ немедленно докладывали обо всех телефонных переговорах Никиты Сергеевича...

Семичастный приказал Управлению военной контрразведки и в первую очередь особистам Московского военного округа незамедлительно информировать его даже о незначительных передвижениях войск. Три дня, пока снимали Хрущева, личный состав некоторых оперативных подразделений Комитета госбезопасности, в первую очередь хорошо подготовленных офицеров 9-го управления (охрана руководителей партии и правительства), держали на казарменном положении в полной боевой готовности.

Генерал Виктор Алидин, в ту пору начальник 7-го управления КГБ (наружная разведка — то есть слежка и наблюдение за подозреваемыми), вспоминал, что с начала шестьдесят четвертого года среди части руководящего состава госбезопасности ходили неясные разговоры о возможной замене Хрущева. В июле с Алидиным доверительно беседовал один из руководителей комитета. Сказал, что идет подготовка к смещению Хрущева, а его место займет секретарь ЦК и бывший председатель КГБ Александр Николаевич Шелепин. В конце июля генерал Алидин уезжал в отпуск.

Перед отъездом Семичастный ему сказал:

— Отдыхайте, пожалуйста, но к пятнадцатому августа возвращайтесь в Москву. Вы будете очень нужны.

Владимир Ефимович Семичастный родился в 1924 году в Днепропетровской области. Школу окончил накануне войны. От службы в армии его освободили из-за порока сердца. В войну началась его комсомольская карьера. Руководивший Украиной Хрущев воспитывал его и продвигал. Семичастный говорил, что «наши отношения можно было сравнить с отношениями отца и сына». Перебравшись в Москву, Никита Сергеевич позаботился о том, чтобы Семичастный последовал за ним.

После Шелепина Владимир Ефимович стал первым секретарем ЦК ВЛКСМ. В тридцать пять лет возглавил отдел партийных органов ЦК по союзным республикам, то есть стал главным кадровиком. А в тридцать семь — председателем КГБ.

Никита Сергеевич напутствовал его на свой лад:

— У нас на этом посту чекистов было предостаточно. Дров столько наломали... Хватит. Нам нужен человек, который понимает, зачем эти органы существуют, и проводит политику партии.

Семичастный мне рассказывал:

— Когда Шелепин и я были председателями, у нас политических дел единицы были, следственный отдел бездельничал, на работу приходили, а делать-то нечего.

Во время поездок по стране Семичастный видел, что некоторым сотрудникам городских отделов просто нечем заняться, они высасывают дела из пальца, чтобы оправдать свое существование. Побывав в одном городе, увидел, что у чекистов совсем нет работы, и распорядился убрать оттуда людей. В городах, где иностранцы вообще не бывают, зачем держать большой аппарат?

Семичастный любил рассказывать такой анекдот: отец-чекист ушел на пенсию, сын принял его дела и через день укоризненно говорит отцу:

«Папа, что же ты пятнадцать лет вел это дело? А я его прочитал и сразу закрыл». Отец огорченно качает головой: «Эх ты, молодо-зелено, я на этом деле пятнадцать лет кормился, а ты в один день с ним покончил».

У Семичастного была другая забота:

— Кто-то вбил Хрущеву в голову, что надо с сотрудников оперативных подразделений КГБ снять погоны. Пограничников и военную контрразведку он не трогал — особисты в войсках работали, их в гражданку не оденешь. А остальных он хотел в штатских превратить...

Став первым секретарем ЦК, Хрущев в мае 1954 года подписал первый список на десять новых генералов. И после этого каждый год примерно двадцать высших офицеров в системе госбезопасности получали право носить брюки с лампасами. А с 1961 года Хрущев не подписал ни одного представления на генеральское звание. Некоторые начальники управлений и председатели КГБ республик оказались всего лишь полковниками. Звание полковника председатель КГБ мог дать своей властью. А генерала — только решением Совмина и Политбюро ЦК.

Семичастный доказывал Хрущеву, что если снять с сотрудников КГБ воинские звания, то рухнет дисциплина в комитете, да еще придется, как в любом гражданском ведомстве, профсоюз заводить:

— Если я людей в субботу и воскресенье вызываю, так что, мне надо у профсоюза разрешение просить? Двойную оплату вводить? А если нет, мне профсоюз претензии предъявит. Вдруг случится такое, что мне, паче чаяния, понадобится отдать команду более серьезную? Скажем, стрелять надо будет? Тоже с профсоюзами согласовывать? Воинская служба обеспечивает дисциплину. Я отдал приказ и могу забыть. Подчиненный помнит и доложит об исполнении. Лишусь я этой возможности, все пойдет прахом. И он забудет, и я забуду, и дело пострадает.

Хрущев в шутку все переводил. Когда Семичастный опять завел речь о генеральских погонах, Хрущев его прервал:

— Пойдем обедать!

Зашли в Кремле в комнату, где обедали члены президиума ЦК, рядом со Свердловским залом. Хрущев говорит:

— Вот пришел председатель КГБ, просит генеральские звания. Я ему могу только свои генеральские штаны отдать, ну так он в них утонет.

— Никита Сергеевич, да я же не себе прошу...

Хрущев многих против себя восстановил тем, что руководящий состав КГБ держал в черном теле. Правда, Хрущев удержался от соблазна и себе звание тоже не повысил в отличие от Брежнева. Как пришел с войны генерал-лейтенантом, так с двумя звездами и остался. А его тоже

уговаривали:

— Как же так, Никита Сергеевич, вы Верховный главнокомандующий, а мы старше вас по званию?

— Ничего, — уверенно говорил Хрущев, — я с вами и так управлюсь.

Вот когда Хрущева убрали, Семичастный подготовил список — более семидесяти чекистов получили генеральские звания. И сотни сотрудников КГБ удостоились орденов и медалей. Это был щедрый жест со стороны нового руководства. Леонид Ильич Брежнев знал, что с людьми в погонах надо ладить, и звездочек не жалел. Тогда и самого председателя КГБ, никогда не служившего в армии и вообще не военнообязанного, произвели сразу в генерал-полковники.

Партийная номенклатура помогла Хрущеву получить власть и удержать ее. Но одновременно первые секретари осознали и собственную значимость. Они скептически смотрели на Хрущева. Что хотели — исполняли, что им не нравилось — не делали.

На XXII съезде под давлением Хрущева приняли программу построения коммунизма. Но всем было ясно, что построить коммунизм нельзя. Партийные секретари не хотели отвечать за невыполненные обещания. Им нужно было, чтобы Хрущев ответил за всё. Так что это было серьезное противостояние. Или он их. Или они его.

Окружение Хрущева не одобряло его либеральных акций, критики Сталина, покровительства Александру Исаевичу Солженицыну и редактору либерального журнала «Новый мир» Александру Трифоновичу Твардовскому, попыток найти общий язык с Западом, сократить армию и военное производство.

Никита Сергеевич умудрился настроить против себя партийный аппарат (разрушая привычную систему управления), армию (сокращая офицерский корпус), КГБ (демонстрируя чекистам неуважение и отказывая им в привилегиях). Он обзавелся таким количеством врагов, что уже не смог всех одолеть.

У высшего эшелона были личные причины не любить Хрущева. Чиновники, достигшие вершины власти, жаждали покоя и комфорта, а Хрущев проводил перманентную кадровую революцию. Он членов ЦК шпынял и гонял, как мальчишек. Обращаясь к товарищам по президиуму, в выражениях не стеснялся: дурак, бездельник, лентяй, грязная муха, мокрая курица, дерьмо...

Никита Сергеевич и в пожилые годы умел внушать страх. Добреньким он никогда не был. Иначе бы не выжил. Но он был человек незлопамятный, снимал с должности и этим ограничивался. Сталин расстреливал, чтобы не

оставались где-то рядом с ним недовольные и обиженные. А Хрущев никого не добивал, переводил на менее значимые должности, и это создавало ощущение его слабости. В результате против него сплотились и партийные секретари, и силовики.

В октябре 1964 года особое значение имела позиция Министерства обороны. Брежнев пытался привлечь к общему делу первого заместителя министра обороны маршала Андрея Антоновича Гречко. Тот испугался и ушел от разговора. А что касается самого министра, то все знали, что Никита Сергеевич полностью доверяет Малиновскому.

После отставки Жукова в 1957 году главой военного ведомства рассчитывал стать маршал Иван Степанович Конев.

В последнем разговоре с Хрущевым Жуков спросил:

— Кого вместо меня?

— Малиновского, — ответил Хрущев.

— Я бы предложил Конева, — сказал Жуков.

И маршал Конев, и маршал Малиновский — оба были заместителями министра обороны. Конев Жуков считал более талантливым полководцем и более умелым руководителем. Но новый министр был назначен по несколько иным соображениям. Во всем военном руководстве Хрущев лучше всего знал именно Малиновского, доверял ему и имел веские основания полагать, что Родион Яковлевич будет предан ему лично.

Комитет госбезопасности докладывал Хрущеву, что «в разговоре с одним из своих сослуживцев по армии Жуков следующим образом отозвался о Малиновском Р. Я.: “Он свое мнение прячет далеко и старается угодить. А такие сейчас как раз и нужны...”».

Вторую мировую Малиновский закончил участием в короткой войне с Японией. Его оставили на Дальнем Востоке командовать округом. На Дальний Восток Малиновский поехал уже со второй женой. Они познакомились на фронте, когда Малиновский вручал ей орден Красной Звезды и назначил заведующей столовой военного совета.

На Дальнем Востоке они провели вместе десять счастливых лет. Спокойная жизнь Малиновского окончилась, когда к власти пришел Хрущев. После долгого перерыва Хрущев и Малиновский увиделись в 1954 году, когда Никита Сергеевич, возвращаясь из Китая, сделал остановку на Дальнем Востоке.

Хрущев потом рассказывал, что Малиновский уже тогда предупреждал его насчет бонапартистских устремлений маршала Жукова: «Это страшный человек». Почему же поссорились два маршала?

Жуков вспоминал, что первая жена Малиновского прислала в

Министерство обороны письмо с перечислением всех грехов бывшего мужа. Расследование было поручено Жукову. Он вызвал Малиновского с Дальнего Востока для объяснений и не стеснялся в выражениях. Так что у Малиновского были личные основания не любить Жукова.

В 1956 году, когда Хрущев почувствовал свою силу, он вызвал Малиновского в Москву, назначил его заместителем министра обороны и главнокомандующим сухопутными войсками. На следующий год сделал министром.

Всякий раз, когда руководству страны нужно было выбирать, что важнее: лояльность военачальника или интересы безопасности страны, выбор делался в пользу первого: верность партийной линии важнее обороноспособности государства.

Малиновский во всем поддерживал Хрущева, особенно когда тот сокращал армию, флот, урезал военные расходы и военное производство. При Сталине в Советской армии служило пять с лишним миллионов человек. Такая гигантская армия подрывала экономику страны. Основные сокращения пришлось на время министерства Жукова. При нем вооруженные силы уменьшились почти вдвое. Но этот процесс шел медленно, поэтому был не таким болезненным.

А в 1960-м Хрущев решил сократить армию еще сразу на миллион двести тысяч человек. Для многих офицеров это сокращение стало ударом, от которого они не оправились. В гражданской жизни они себя не нашли и возмущались Хрущевым. И генералы с маршалами не любили Хрущева, потому что он наградами не баловал и звания, как это будет делать потом Брежнев, направо и налево не раздавал. Министр обороны Малиновский с Никитой Сергеевичем не спорил.

Но Хрущев напрасно рассчитывал на маршала.

Родион Яковлевич, когда с ним завели разговор о необходимости отправить Хрущева на пенсию, сразу сказал, что армия в решении внутриполитических вопросов участия принимать не станет, то есть не придет защищать Никиту Сергеевича. А накануне решающих событий, 10 октября, окончательно подтвердил, что выступит против Хрущева вместе со всеми. Потому Родион Яковлевич оставался министром обороны до самой смерти в 1967 году.

Ни о чем пока не подозревавший Хрущев из аэропорта сразу приехал в Кремль и прошел в свой кабинет. В половине четвертого дня началось заседание президиума ЦК. Хрущев, недовольный, что ему сорвали отдых, поздоровался и спросил:

— Ну, что случилось?

Сел в председательское кресло и повторил:

— Кто будет говорить? В чем суть вопроса?

Он еще ощущал себя хозяином. Не подозревал, что его политическая карьера уже закончилась и впереди только пенсия, тоска и забвение.

Все члены президиума ЦК яростно атаковали первого секретаря. Никогда в жизни он не слышал таких обвинений. Разговор шел на повышенных тонах. Товарищи по президиуму ЦК потребовали, чтобы Хрущев добровольно ушел в отставку.

Личную охрану первого секретаря ЦК Семичастный сменил. Чекисты, которые были обязаны даже ценой собственной жизни защищать Хрущева, собрали вещи и оружие и исчезли. Начальник 9-го управления КГБ полковник Владимир Яковлевич Чекалов без колебаний подчинился Семичастному.

Страхи заговорщиков оказались напрасными.

Никита Сергеевич не выдержал давления со стороны недавних товарищей. Ему было много лет, и он устал. Промаявшись всю ночь, утром 14 октября Хрущев появился на втором заседании президиума уже не бойцом.

В последний раз предоставили слово Хрущеву. Он был подавлен:

— Я рад за президиум, что он такой зрелый. Все, что сейчас делается, это победа нашей партии. Я уйду и драться с вами не стану — идеология и основа у нас с вами одна. Я понимаю, что это моя последняя политическая речь — лебединая песня. На пленуме я выступать не буду, но хотел бы обратиться к пленуму с просьбой.

Ему отказали. На глазах у Хрущева появились слезы:

— Напишите заявление о моем уходе, о моей отставке, я его подпишу. Я полагаюсь на вас в этом вопросе. Скажите, где мне жить. Если нужно, я уеду из Москвы.

На пост первого секретаря ЦК предложили Брежнева. Председателем Совета министров рекомендовали Алексея Николаевича Косыгина, который последние четыре года был одним из двух первых заместителей Хрущева в правительстве.

Спустя много лет «Вечерняя Москва» опубликовала интервью с личной поварихой Хрущева. Она прекрасно помнила день, когда хозяина сняли:

— Мой муж, который работал в охране у Хрущева, пошел, как обычно, поутру на службу и тут же вернулся: «Что-то случилось! Только я приехал, как нас всех посадили в автобус и развезли по домам!» Я испугалась — быстрее в особняк! Дверь открывает незнакомый человек и говорит:

«Вашего хозяина сняли». Председатель Комитета госбезопасности Семичастный ласково мне говорит: «Иди и спокойно работай, все это тебя не касается...» А как работать? Нины Петровны нет, она в Карловых Варах. В доме паника, слезы... Когда Хрущевы уезжали с дачи, Никита Сергеевич не выдержал — сел в машину и заплакал».

А что касается маршала Малиновского, который столь многим был обязан Хрущеву... Во время праздничного приема в Кремле 7 ноября Малиновский произнес антиамериканский тост. К нему подошел Чжоу Эньлай, глава китайского правительства, который приехал посмотреть, что происходит в Москве после смены руководства, и поздравил с хорошим антиимпериалистическим тостом.

Маршал, возможно, несколько возбужденный горячительными напитками, с солдатской прямоотой сказал Чжоу:

— Мы не должны позволять никакому черту замутить наши отношения. Советский и китайский народы хотят счастья, и пусть никакие Мао и Хрущевы нам не мешают.

— Не понимаю, о чем вы говорите, — возмутился Чжоу.

Малиновский не мог остановиться:

— Мы от своего дурачка — Хрущева — избавились. Теперь вы свергайте своего Мао. После этого у нас вновь начнется дружба.

Чжоу Эньлай ночью отправил Мао Цзэдуна телеграмму о происшедшем. Утром в резиденцию китайской делегации приехал новый руководитель партии Леонид Ильич Брежнев с членами президиума ЦК извиняться за министра обороны. Но китайские гости обратили внимание на то, что маршал не был наказан. Чжоу Эньлай, второй человек в Пекине, поклялся, что он больше никогда не приедет в Москву. И до смерти Мао вообще никто из руководителей Китая в СССР не приезжал.

Но эта фраза Малиновского о «дурачке» прежде всего многое говорит о нем самом. Как минимум Хрущев мог бы рассчитывать на элементарную благодарность со стороны того, кого спас...

ЕГОРЫЧЕВ. ХОЗЯИН МОСКВЫ ПРОТИВ ХОЗЯИНА ВПК

В июне 1967 года разразилась шестидневная война на Ближнем Востоке. Маленький Израиль за несколько дней наголову разгромил объединенные силы арабских государств. Поражение арабских армий произвело тяжелое впечатление на руководителей Советского Союза и до крайности разозлило наших военачальников.

В Москве не сомневались, что арабские армии, оснащенные лучшим в мире советским оружием и обучавшиеся военному искусству у советских же инструкторов, должны были одержать победу. Не знали, как объяснить оглушительное поражение арабских армий. Ссылались на то, что арабские офицеры плохо учились и не смогли освоить замечательное советское оружие.

20 июня 1967 года в Москве собрался пленум ЦК. Первый вопрос — «О политике Советского Союза в связи с агрессией Израиля на Ближнем Востоке». С большим докладом выступил Брежнев. После обеда начались выступления по заранее утвержденному списку. Все шло гладко, пока не предоставили слово первому секретарю Московского горкома Николаю Григорьевичу Егорычеву.

За два месяца до шестидневной войны он ездил в Египет во главе партийной делегации. «В Египте многое мне тогда показалось тревожным, — вспоминал Егорычев. — Вернувшись, я отправил обстоятельную записку в ЦК, в которой писал, что нам нужно глубже разобраться в событиях в Египте. Я просился на прием к Брежневу. Тот обещал встретиться, но ни он, ни кто другой не захотели меня выслушать».

Один из помощников Егорычева, прочитав текст будущего выступления на пленуме, пытался его предостеречь: стоит ли вам выступать так резко? Ведь понятно, кто обидится и что попытается предпринять в ответ...

Егорычев удивился:

— Я против Хрущева выступить не испугался, неужели сейчас смелости не хватит?!

Да уж, храбрости и мужества ему было не занимать. И еще любви к родному городу. Осенью сорок первого Высшее техническое училище имени Баумана эвакуировалось в Ижевск. Студентам сказали:

— Идите пешком до Владимира. Там, может быть, вас посадят на

поезд и отправят в Ижевск.

— Нет, ребята, — возразил студент четвертого курса бронетанкового факультета Николай Егорычев. — Я никуда не пойду. Я москвич, и я должен защищать свой дом.

«Я пошел в Бауманский райком, — рассказывал он через много лет после войны, — и меня определили в специальный взвод истребителей танков. Обмундирования не дали. Как был я в зимнем пальто, костюме и спортивных ботинках, так и отправился. Вооружили нас трофейными винтовками времен Первой мировой. Зачислили в 3-ю Московскую коммунистическую дивизию. Мой взвод занял огневые позиции у моста через канал Москва — Волга в районе Химок. Мост был заминирован. В его опоры заложили три тонны взрывчатки, и мы были готовы в любой момент поднять его в воздух».

Егорычев сражался на передовой, прошел всю войну, был дважды ранен, награжден. С орденом на груди вернулся в Бауманское училище, закончил учебу, и его сразу взяли на партийную работу. В 1956 году он стал самым молодым секретарем райкома партии в Москве. В 1962 году возглавил столичный горком.

Могила Неизвестного Солдата у Кремлевской стены, где горит Вечный огонь, кажется, существовала всегда. На самом деле она появилась через два десятилетия после Победы. Усилиями одного человека — тогдашнего руководителя Москвы Николая Григорьевича Егорычева, которому приходилось преодолевать сильное сопротивление тогдашних высших чиновников.

Егорычев хотел воздвигнуть памятник погибшим за родной город. Долго выбирал место. объездил весь центр, осмотрел стрелку Москвы-реки, Ленинские горы... Ничего не подошло. Он выбрал Александровский сад. А вот генеральному секретарю Брежневу идея совсем не нравилась. Он воевал на другом фронте, москвичей не жаловал.

И все-таки Егорычев настоял на своем. 3 декабря 1966 года, к двадцать пятой годовщине разгрома фашистов под Москвой, прах Неизвестного Солдата захоронили у Кремлевской стены. На Манежной площади устроили митинг. Выступали первый секретарь МГК КПСС Егорычев, маршал Рокоссовский... 8 мая 1967 года стараниями Егорычева на Могиле Неизвестного Солдата в Москве зажгли Вечный огонь.

А через месяц после этого на Ближнем Востоке разгорелась война.

Егорычев принадлежал к тем, кто помог Брежневу осенью 1964 года возглавить страну. Николаю Григорьевичу прочили большое будущее, считали, что он вот-вот будет избран секретарем ЦК, войдет в политбюро.

Но Егорычев был слишком самостоятелен, критиковал то, что считал неверным, отстаивал свою точку зрения.

«Перед пленумом он дал мне прочитать текст, с которым намеревался выступить, — вспоминает жена Егорычева, в прошлом тоже партийный работник. — Раньше он этого никогда не делал. Он хотел знать мое мнение, так как выступление было очень ответственным, наболевшим. Он критиковал ЦК, который мало уделял внимания обороне Москвы».

Жена посоветовала Егорычеву:

— Надо смягчить выступление. Сейчас так никто не выступает.

Он твердо ответил:

— Я буду выступать так, как подготовился.

Так что же сказал на пленуме ЦК секретарь столичного горкома?

Егорычев говорил о том, что очевидное превосходство израильской авиации над египетской ставит вопрос о надежности противовоздушной и противоракетной обороны Москвы. Достаточно ли защищена наша столица от авиации и ракет возможного противника?

— Очевидно и то, что волевые решения, принимавшиеся в области обороны, — напомнил Егорычев, — нанесли известный вред вооруженным силам, особенно авиации, флоту и в какой-то степени мотомеханизированным частям. Я прошу, товарищи, правильно меня понять. Я никого не хочу обидеть, ни на кого не намекаю. Но каждый из нас несет высокую персональную ответственность за свою работу, за свои поступки...

Генералы уверяли, что Москва надежно прикрыта с воздуха. Егорычев считал, что военные приукрашивают положение:

— Настало время на одном из пленумов заслушать доклад о состоянии обороны страны. Меня, например, как члена военного совета Московского округа ПВО весьма беспокоит, что противовоздушная оборона столицы недостаточно надежна. Существующая система все более морально стареет, модернизация ее должного эффекта уже не дает, создание же новой системы ПВО столицы слишком затягивается.

Пока Егорычев выступал, стояла гробовая тишина. После выступления зал проводил его аплодисментами. Никто и представить себе не мог, что так резко и свободно московский секретарь выступал по собственной инициативе. Все были уверены, что речь одобрена Брежневым. В первый день пленума многие с восторгом говорили:

— Какое блестящее выступление! Какая смелость в постановке вопроса! Какая глубина мысли!

Егорычеву вечером звонили домой, поздравляли. На следующий день,

когда он пришел на заседание пленума, то почувствовал, что отношение к нему переменилось. Членов ЦК обрабатывали всю ночь.

«Из моих слов о волевых решениях, которые нанесли немалый ущерб вооруженным силам, Брежнев и Устинов поняли, что эта критика в их адрес, — вспоминал Егорычев. — Секретарь ЦК Дмитрий Федорович Устинов принял упоминание о “не в меру ретивых исполнителях” идей Хрущева о вооружениях на свой счет. И он был недалек от истины. Его фамилия была в моем выступлении. Но в последний момент я ее убрал. Подумал: и так ясно, о ком идет речь.

Позже один из министров оборонной отрасли рассказал, что после моего выступления их всех собрал секретарь ЦК по военно-промышленному комплексу Устинов. Дмитрий Федорович от злости просто на стенку лез, кричал: “Мы этого Егорычева в пыль сотрем!”».

Выступление первого секретаря Московского горкома Устинов воспринял как личный выпад. Властный и амбициозный человек, он не терпел вмешательства в свои дела. И уже давно никто не смел сомневаться в его действиях. А тут не только Егорычев, но и другие позволили себе высказываться о состоянии дел в военной промышленности.

Смертельно обиженный, Дмитрий Федорович Устинов бросился к Брежневу. Леониду Ильичу втолковывали, что Егорычев лезет не в свои дела и вообще сознательно подрывает авторитет генерального секретаря, который является председателем Совета обороны и Верховным главнокомандующим. Может быть, этот Егорычев сам рассчитывает стать генеральным секретарем?

Выступление московского руководителя вовсе не было направлено против Брежнева. Напротив, Егорычев рассчитывал на поддержку генерального секретаря. Но предложение обсудить на пленуме военные и внешнеполитические дела, которые были закрыты даже для членов ЦК, было истолковано как недоверие Брежневу, как стремление потребовать от него отчета. Внешняя и военная политика — прерогатива генерального секретаря. Остальные должны слушать и выполнять.

Доверенные секретари из «группы быстрого реагирования» получили указание дать отпор Егорычеву. Утром слово получил кандидат в члены политбюро и первый секретарь ЦК компартии Узбекистана Шараф Рашидович Рашидов. Он охотно откликнулся на просьбу одернуть московского секретаря. С укором сказал Егорычеву:

— Николай Григорьевич, противовоздушная оборона столицы начинается не в Москве, она начинается в Ташкенте. Состояние армии, ПВО на высоком уровне. Правда, мы не всё знаем, но то, что мы знаем,

говорит о том, что партия и правительство сделали всё, чтобы и наша страна, и наш народ стали непобедимыми.

«Я сидел и думал, — вспоминал Егорычев, — когда в сорок первом враг оказался у порога столицы, то вся полнота ответственности за оборону Москвы легла на плечи москвичей. Конечно, нам помогала вся страна, но ведь это я со своими товарищами, а не Рашидов сидел в окопчике у моста через канал с гранатами и бутылками, ожидая немецкие танки».

Шарафу Рашидову вторил кандидат в члены политбюро и первый секретарь ЦК компартии Грузии Василий Павлович Мжаванадзе:

— Я немного знаком с положением дел обороны страны, в том числе и противовоздушной обороны Москвы... Если бы я ничего не знал, я чувствовал себя очень плохо, очень неловко, услышав о таком положении дел с противовоздушной обороной Москвы. То, о чем говорил товарищ Егорычев, я не все знаю, но я знаю, что противовоздушная оборона Москвы осуществляется не только непосредственно под Москвой, а далеко от Москвы, начиная прямо от границ СССР.

Молодой первый секретарь Горьковского обкома Константин Федорович Катушев, чья карьера еще только начиналась, осудил уже самого Егорычева:

— Мне непонятен тон выступления товарища Егорычева, когда он говорил о противовоздушной обороне Москвы. Я думаю, что он совершенно не прав. Я знаю, что оружие, установленное и в нашей области, и в других соседних областях, которые являются ближними подступами обороны Москвы, является весьма совершенным, с большими возможностями и находится в надежных, опытных руках, способных отразить любые попытки нападения.

Катушев получит повышение: на следующий год его переведут в Москву, он станет самым молодым секретарем ЦК.

А вот еще один мобилизованный на борьбу с Егорычевым — первый секретарь Краснодарского крайкома Григорий Сергеевич Золотухин вообще сказал, что незачем членам ЦК лезть в такие серьезные вопросы, не знаем ничего и знать не надо:

— Мне кажется, что ставить вопрос о том, чтобы широко обсуждать состояние наших вооруженных сил на пленуме ЦК, видимо, совершенно нецелесообразно, потому что это высшие наши интересы. Они, конечно, секретные. И чем меньше людей будет знать эти секреты, тем лучше для самих секретов.

Умение угодить начальству — самый надежный способ сделать карьеру. Золотухин тоже получит повышение: его переведут в Москву и

назначат министром хлебозаготовок.

— Хотел этого или не хотел бы этого товарищ Егорычев, он бросил тень на оборону, на наши славные вооруженные силы, — подвел итог Брежнев. — «Надо еще и еще раз самым тщательным образом взвесить, — говорил Егорычев, — готовы ли мы в любой момент отразить удар агрессора». Это не тема для дискуссий. Но я могу ответить на этот вопрос утвердительно. Да, мы готовы отразить любой удар любого врага. В отрыве от жизни, видимо, и состоит политическая ошибка товарища Егорычева, которая и привела его к тому, что он легко начал говорить об обороне страны. Я не буду, товарищи, развивать этой темы.

Егорычев пришел к Брежневу:

— Леонид Ильич, я считаю, что в таких условиях я не могу руководить Московской городской партийной организацией. Я могу руководить только в том случае, если пользуюсь полным доверием и поддержкой политбюро и генсека. Мне такого доверия, как я понимаю, нет, и я должен уйти...

24 июня по указанию ЦК провели внеочередное закрытое заседание бюро Московского горкома, на котором люди, которые формально еще оставались его подчиненными, устроили Егорычеву разнос.

Леонид Ильич обзвонил членов политбюро:

— Московская городская партийная организация нуждается в укреплении, и Егорычева стоило бы заменить...

Николая Григорьевича отправили послом в Данию. Для кого-то комфортная жизнь в уютной европейской стране была бы подарком судьбы. Странный Егорычев рвался домой. Но он был невъездным послом. Силовики сломали карьеру человеку, который так много сделал для Москвы, а мог стать одним из руководителей страны.

Разогнали руководство Московского управления госбезопасности. Занимался этим начальник Главного управления контрразведки генерал Георгий Карпович Цинев, самый близкий к Брежневу человек, его верный ставленник в органах госбезопасности.

Цинев кричал на заместителя начальника столичного управления полковника Георгия Леонидовича Котова, который до службы в КГБ был помощником Егорычева в горкоме партии:

— Ваш Егорычев что, не понимал, что делает? Его выступление — это же был пробный шар. Это был выпад против Леонида Ильича! Что вы там задумали? Заговор против Леонида Ильича затеяли?

Полковнику Котову предложили на выбор: или ехать начальником управления в Магадан, или за границу.

— К вам претензий нет, — объяснил начальник Главного управления

кадров КГБ Виктор Михайлович Чебриков, — но надо сменить колодку.

АНДРОПОВ. РАСЦВЕТ КОМИТЕТА

Брежнев, едва став руководителем партии, искал повод сменить руководителя КГБ. Он опасался самостоятельного и решительного Семичастного с его широкими связями среди бывших комсомольцев. Когда в марте 1967 года находившаяся в Индии дочь Сталина, Светлана Иосифовна Аллилуева, попросила в американском посольстве политического убежища, желанный повод появился.

18 мая на политбюро Брежнев вынул из нагрудного кармана какую-то бумажку и распорядился:

— Позовите Семичастного.

Обычно самоуверенный председатель КГБ, который не знал, по какому вопросу его пригласили, казался растерянным.

Брежнев объявил:

— Теперь нам надо обсудить вопрос о Семичастном.

— А что обсуждать? — удивился Владимир Ефимович.

— Есть предложение освободить вас от должности председателя КГБ в связи с переходом на другую работу, — объяснил Брежнев.

— За что? — потребовал объяснений Семичастный. — Со мной на эту тему никто не разговаривал, мне даже причина такого перемещения неизвестна...

— Много недостатков в работе КГБ, плохо поставлена разведка и агентурная работа, — последовал грубый окрик Брежнева. — А случай с Аллилуевой? Как это она могла уехать в Индию, а оттуда улететь в США? Так что вопрос решен: поедете на Украину.

— Что мне там делать? — возмутился Семичастный.

Первый секретарь ЦК компартии Украины Петр Ефимович Шелест повернулся к нему:

— Мы вам найдем работу.

— Что вы мне должны искать, Петр Ефимович? — не сдавался Семичастный. — Я состою на учете в парторганизации Москвы, а не у вас. Почему же вам искать мне работу? Я член ЦК КПСС, а не ЦК компартии Украины, не надо путать эти вещи.

Но его уже никто не слушал. Вопрос был решен. Новым председателем КГБ сразу же был утвержден секретарь ЦК Юрий Владимирович Андропов.

На следующий день Андропов приехал в ЦК попрощаться. Он, смеясь,

вспоминал руководитель группы консультантов отдела ЦК Георгий Аркадьевич Арбатов, рассказал, как после заседания политбюро его отвезли в дом на Лубянке, который он раньше старался «обходить за три квартала», как он остался в председательском кабинете один и, думая о том, что в прошлом происходило в этих стенах, поживался, чувствуя себя с непривычки довольно неуютно.

Но он быстро освоился в этих стенах.

Андропов провел на Лубянке пятнадцать лет: до 1982 года, поставив абсолютный рекорд среди хозяев Лубянки. И ушел из комитета на повышение. До него это удалось только Берии и Шелепину.

Через месяц после назначения, 20 июня 1967 года, Андропова на пленуме ЦК избрали кандидатом в члены политбюро. После Лаврентия Павловича Берии и Семена Денисовича Игнатьева он стал первым главой госбезопасности, удостоенным высокого партийного звания. Это был подарок Брежнева, компенсация за назначение, которого Андропов не хотел, и одновременно аванс на будущее.

— Мы делаем это, — объяснил Леонид Ильич на пленуме, — для повышения роли такого политического органа, каким является Комитет государственной безопасности.

Серов, Шелепин, Семичастный в президиум (политбюро) ЦК не входили. Как и министр обороны при Хрущеве маршал Малиновский. Это считалось правильным: силовики — исполнители, а политику определяют другие.

Избрание в состав высшего партийного руководства обеспечило Андропову возможность постоянно присутствовать на заседаниях политбюро, чего был лишен Семичастный.

Почти каждый день Андропов появлялся в кабинете Брежнева с толстой папкой. Официальные бумаги поступали в ЦК через общий отдел. Но самые важные материалы Юрий Владимирович докладывал генеральному секретарю без свидетелей.

Все высшие чиновники исходили из того, что их кабинеты и телефонные разговоры прослушивают, и были очень осторожны, в кабинетах опасных разговоров не вели. В подмосковном санатории «Барвиха» построили корпус для членов политбюро. Его обслуга обязана была докладывать сотруднику КГБ, который работал в санатории, абсолютно всё, что им удавалось услышать и увидеть: как себя вел член политбюро на отдыхе, с кем встречался, что и кому говорил...

Генерал-лейтенант Юрий Васильевич Сторожев девять лет, с 1973 по 1982 год, возглавлял 9-е управление (охрана высшего руководства страны)

КГБ. Он рассказывал в интервью «Комсомольской правде»:

— Мне лично страшно не нравилось, что Шеварднадзе с Горбачевым устанавливали, скажем так, неформальные дружеские отношения. Но я не вмешивался, зная, что при всех их встречах присутствовал председатель КГБ Грузии Инаури. Он должен был обо всем докладывать Андропову. Я посчитал, что не мое это дело. Оказалось, зря...

Слова генерала Сторожева подтверждают, что по существу личная охрана членов политбюро присматривала за ними. А начальник 9-го управления информировал председателя КГБ о поведении руководителей партии и страны.

Член политбюро и первый секретарь Московского горкома Виктор Васильевич Гришин вспоминал:

«Думаю, что в КГБ вели досье на каждого из нас, членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК, других руководящих работников в центре и на местах. Можно предположить, что с этим было связано одно высказывание в кругу членов Политбюро Брежнева:

— На каждого из вас у меня есть материалы...

Прослушивались не только телефоны. С помощью техники КГБ знал все, что говорилось на квартирах и дачах членов руководства партии и правительства. Как-то в личном разговоре Андропов сказал:

— У меня на прослушивании телефонных и просто разговоров сидят молодые девчата. Им очень трудно иногда слушать то, о чем говорят и что делается в домах людей. Ведь прослушивание ведется круглосуточно...»

Когда Андропов разобрался в сложном хозяйстве КГБ, то из Оперативно-технического управления вывел 2-й отдел, занимавшийся прослушиванием телефонов и помещений. Его преобразовали в самостоятельный 12-й отдел КГБ, подчиненный непосредственно председателю. Это лишний раз подчеркивало важность 12-го отдела, поскольку напрямую на Андропова выходили только разведка, 9-е управление, инспекция и секретариат.

Начальником Оперативно-технического управления был ставленник Семичастного генерал Отар Давидович Гоциридзе, бывший заведующий отделом ЦК ВЛКСМ. А во главе 12-го отдела Андропов поставил своего секретаря Юрия Сергеевича Плеханова. Контролеры 12-го отдела, в основном женщины, владели стенографией и машинописью, их учили распознавать голоса прослушиваемых лиц.

Сотрудники КГБ утверждали, что им запрещено прослушивать телефоны и записывать разговоры сотрудников партийного аппарата. Но эти ограничения можно было легко обойти, когда, например,

подслушивались телефоны тех, с кем беседовал сотрудник парторганов. Смертельно опасно было высказываться о генеральном секретаре. Такие записи приносили Андропову, он сам их прослушивал и принимал решение.

Андропов хотел знать всё обо всех.

Первый заместитель министра иностранных дел Георгий Маркович Корниенко однажды приехал к председателю КГБ. Среди прочего рассказал Андропову, что в Иране опубликованы документы из захваченного студентами американского посольства в Тегеране. Там были и присланные из центрального аппарата ЦРУ биографические справки о наиболее видных советских чиновниках.

Георгий Корниенко обнаружил справку и о себе. Со смехом заметил, что ЦРУ неважно работает: не знает, что он в юности служил в органах госбезопасности и имеет звание капитана.

«И вдруг я кожей почувствовал, что сказанное мною очень расстроило Андропова, — писал Корниенко, — оказалось, что он тоже не знал этой “детали” моей биографии. Сущий пустяк, но я понял, что ему был неприятен сам факт, что он, самый информированный человек в государстве, не знал чего-то о человеке, с которым имел дело в течение многих лет».

Председатель КГБ сердито выругался в адрес своих подчиненных:

— А мои говнюки не удосужились сказать мне об этом.

Андропов сразу обнаружил непорядок во вверенном ему хозяйстве: при Хрущеве чекистский аппарат пересократили! Шелепин и Семичастный расформировали местные органы госбезопасности там, где иностранных шпионов не было и быть не могло, где отсутствовали военные объекты, которые следовало охранять.

Андропов жаловался Брежневу: «После создания КГБ при СМ СССР в марте 1954 года в контрразведке работало 25 375 сотрудников, а стало всего 14 253. На 3300 имеющихся в стране районов отделы КГБ остались в 737».

Юрий Владимирович восстановил все районные звенья госбезопасности, которые были расформированы его предшественниками, а также отделы госбезопасности на крупных предприятиях и в высших учебных заведениях. Даже если по существу им нечем было заняться.

Служивший в Инспекторском управлении КГБ полковник Иосиф Иосифович Леган пишет о том, как бригада инспекторов приехала в Горьковскую область — проверить работу чекистов городка Дзержинский. И выяснилось, чем занимались местные чекисты, выполняя указание областного управления.

«Горотдел, — вспоминает Леган, — информировал горком партии, горисполком о сборе и вывозе на колхозные и совхозные поля куриного помета, ремонте тракторов и другой техники». Бригада пришла к выводу, что горотдел занимается «вопросами, которые не относились к компетенции органов государственной безопасности».

Начальник Горьковского областного управления генерал-лейтенант Юрий Георгиевич Данилов с мнением столичных проверяющих не согласился. Он упрекал их в том, что они «не понимают политику партии в отношении развития сельского хозяйства»:

— Невывоз куриного помета с птицефабрики приводит к тому, что куры отравляются и подыхают, скорлупа яиц становится тонкой, из-за этого случается большой процент их боя...

Александр Владимирович Мазаев, секретарь Рязанского обкома партии по сельскому хозяйству, вспоминал, как на бюро обкома отчитывался о развитии животноводства:

«Начальник управления КГБ по Рязанской области генерал Сергей Георгиевич Сазонов, словно проснувшись, решил как кандидат в члены бюро довольно оригинально проявить свою активность.

— Почему допущен большой падеж свиней?

— Причина — в отсутствии сбалансированных кормов, в примитивной технологии содержания огромного свинополовья, — ответил я. — А вот я вам, Сергей Георгиевич, в свою очередь, тоже могу задать вопрос: почему управление КГБ за полтора года не выявило ни одного шпиона иностранной разведки?

И Сазонов, и члены бюро обкома, как в гоголевском «Ревизоре», застыли в оцепенении. Конечно, может, с моей стороны это было и некорректно, но уж очень трудно оказалось сдержать обиду. Ну почему кто по делу, а кто и без всякой надобности пытались поучать нас, селян, уму-разуму? Тем более человек, совершенно не сведущий в том, о чем говорит?»

Андропов не только хотел показать чекистам, что сделает все для усиления роли и процветания комитета. Он считал необходимым усиление контроля над всей страной, восстановление структуры, существовавшей при Сталине. Главное, что сделал Андропов, — вернул ведомству всеобъемлющий характер. Восстановил численность и затем еще больше увеличил аппарат комитета. Комитет вновь обрел ту тайную власть, которая была подорвана пренебрежительным отношением Хрущева к чекистам и их ведомству.

До Андропова КГБ был госкомитетом при Совете министров. Он

добился повышения статуса своего ведомства. 5 июля 1978 года указом Президиума Верховного Совета СССР КГБ при Совете министров СССР был окончательно выведен из подчинения правительству, получил особый надведомственный статус и стал называться просто: КГБ СССР. Указания КГБ стали обязательными для всех учреждений страны.

Служба в КГБ стала завидной. Платили неплохую зарплату, давали квартиры, продовольственные заказы, у КГБ были свои поликлиники, госпитали, ателье, дома отдыха и санатории, куда ездили практически бесплатно.

Начальник военной контрразведки генерал-лейтенант Иван Лаврентьевич Устинов пожаловался Андропову, что его офицеры не получают надбавку за воинское звание (см.: Красная звезда. 2004. 11 июня). Зато оклады особистов были выше, чем у остальных офицеров. Но генерал Устинов доказывал Андропову, что отсутствие надбавки — это безобразие, компрометация, моральное давление на его работников:

— Приходит наш товарищ к начфину и видит, что другим офицерам деньги за звание дают, а ему нет! Хотя вместе служат, вместе все вопросы решают...

Сопротивлялось управление кадров КГБ: нельзя платить за звание только особистам, другие офицеры госбезопасности обидятся. Тогда Андропов добился, чтобы ввели денежное довольствие за звания всем офицерам системы госбезопасности. В результате особисты стали получать значительно больше армейских и флотских офицеров, среди которых они служили. Симпатий это контрразведчикам не прибавило.

В системе военной контрразведки почти все должности начальников отделов преобразовали в генеральские, такого не было даже во время войны. У Андропова четыре заместителя стали генералами армии. Это полководческое звание — не все знаменитые генералы времен Великой Отечественной его получили, а на Лубянке звезды раздавались щедро.

Брежнев поставил на важнейший пост полностью лояльного к нему человека. С этого направления Брежневу до самых последних дней ничего не угрожало. Леонид Ильич полностью доверял Андропову. Тем не менее он ввел в руководство КГБ группу генералов, которые имели прямой доступ к генеральному секретарю и докладывали ему обо всем, что происходит в комитете. Они следили за своим начальником Юрием Андроповым и друг за другом. Таким образом, Брежнев обезопасил себя от КГБ.

Главными ставленниками генерального секретаря в комитете были Георгий Карпович Цинев, входивший в могущественный

«днепропетровский клан», и Семен Кузьмич Цвигун, который работал с Леонидом Ильичом в Молдавии. Зять Брежнева генерал-полковник Юрий Михайлович Чурбанов вспоминал, что Цвигун и Цинев часто бывали на даче у Брежнева: «Они пользовались особым расположением Леонида Ильича». Два генерала повсюду сопровождали Андропова. Конечно, они не просто так вокруг Андропова крутились. Леонид Ильич знал каждый его шаг...

— Я бы поставил вопрос принципиально: или этих уберите, или я уйду, — говорил мне Семичастный.

Андропов такого вопроса перед Брежневым не ставил, молчал, мирился с тем, что два его заместителя пересказывают Брежневу всё, что происходит в комитете. Цинев с Цвигуном следили за тем, кого принимал Андропов, и без приглашения являлись к нему в кабинет на третьем этаже с высоким потолком и бюстом Дзержинского, когда к председателю приезжали такие влиятельные люди, как секретарь ЦК, а потом министр обороны Дмитрий Федорович Устинов или начальник 4-го Главного управления при Министерстве здравоохранения академик Евгений Иванович Чазов.

Заместитель начальника внешней разведки генерал Вадим Алексеевич Кирпиченко писал, что постоянное присутствие Цвигуна и Цинева ставило Андропова в сложное положение. Он должен был на них оглядываться, искать к ним особые подходы, заниматься дипломатией, вместо того чтобы требовать результатов в работе.

Его предшественник Семичастный рассказывал:

— Я как-то выехал за пределы Москвы, дозвониться из машины было невозможно. Потом подъехал поближе к городу, звоню своему первому заместителю Захарову — его нет. На работу приехал — его все нет. Потом появляется.

— Николай Степанович, ты где был?

— Я был в ЦК.

— Так, только я за порог, а ты в ЦК? Зайди ко мне и скажи, по какому вопросу.

Заходит:

— У меня был один вопрос, чтобы вас наградили.

— Кто тебя просил? Николай Степанович, мы работаем на доверии. Я уезжаю, оставляю тебя исполнять обязанности — пожалуйста, иди в ЦК. Но когда я в Москве, а ты бегаешь в ЦК, у меня возникает вопрос: в чем дело? Я что-то не доложил или у тебя есть особые вопросы?..

Больше таких проблем у нас не возникало.

А Юрий Владимирович терпел, не позволил себе поссориться со своими заместителями. Сознал, что за каждым его шагом присматривают.

Он неплохо относился к своему бывшему подчиненному по отделу ЦК Александру Евгеньевичу Бовину. Но когда КГБ перехватил письмо отдохавшего на юге Бовина, который жаловался, что вынужден тратить свой талант на службу ничтожествам (то есть в первую очередь генеральному секретарю), Юрий Владимирович поспешил доложить о письме Брежневу.

Еще один бывший подчиненный Андропова академик Георгий Арбатов пытался разубедить председателя КГБ: зачем нести письмо генеральному?

Юрий Владимирович объяснил:

— А я не уверен, что копия этого письма уже не передана Брежневу. Ведь КГБ — сложное учреждение, и за председателем тоже присматривают. Найдутся люди, которые доложат Леониду Ильичу, что председатель КГБ утаил нечто, касающееся лично генерального секретаря.

Бовина убрали из аппарата ЦК.

Начальником Управления кадров КГБ взяли человека со стороны.

Летом 1967 года второго секретаря Днепропетровского обкома партии Виктора Михайловича Чебрикова неожиданно вызвали в Москву, ничего не объяснив. Он решил, что его перебросят в другой обком. До вечера бродил по коридорам на Старой площади, ожидая решения своей судьбы. В девять вечера его принял Иван Васильевич Капитонов, секретарь ЦК по кадрам, проверил, все ли в анкете указано правильно, и велел ждать в приемной. В одиннадцатом часу вечера Капитонов повел его к Брежневу. Чебриков, как он сам вспоминал, «обомлел» от неожиданности.

Леонид Ильич прочитал анкету Чебрикова, которая ему понравилась: фронтовик, выходец из Днепропетровска, на партийную работу пришел с производства. Брежнев задал несколько вопросов о делах в области и доверительно объяснил:

— Юрия мы направили в КГБ. Нужно несколько человек, чтобы помочь ему и укрепить органы.

— Леонид Ильич, — робко возразил Чебриков, — я же никогда в КГБ не работал.

Брежнев отмахнулся:

— Освоишь это дело. У тебя опыт есть, воевал.

21 июля 1967 года постановлением Совета министров Чебриков был утвержден членом коллегии КГБ, через три дня приказом по КГБ назначен начальником Управления кадров. Только формально его новый пост казался

невысоким — начальник управления в одном из ведомств. В реальности главный кадровик КГБ — ключевая должность. Одновременно в КГБ прислали еще несколько партийных работников из разных областей и с разных должностей.

Брежнев придавал особое значение кадрам госбезопасности, сам отбирал туда людей, находил время побеседовать не только с руководителями комитета, но и с членами коллегии КГБ, начальниками управлений.

Тогдашний начальник Управления КГБ по Москве и Московской области генерал Виктор Алидин вспоминал, как у него возникла серьезная проблема, решить которую мог только генеральный секретарь. Алидин знал Брежнева еще с тех времен, когда оба работали на Украине. Позвонил Леониду Ильичу и попросил о приеме. Тот сразу сказал:

— Приходи завтра утром часам к десяти...

Леонид Ильич встретил его радушно, по-товарищески приветливо. Вышел из-за стола, тепло обнял гостя. Они расцеловались... Брежнев был внимателен и откровенен. Провожая Алидина, сказал:

— Виктор Иванович, если что понадобится, звони, приходи ко мне. Всегда помогу.

Леонид Ильич прежде всего ценил преданность.

Когда Чебрикова выдвинули зампредом КГБ, начальником Управления кадров стал Владимир Петрович Пирожков. Он тоже был взят с партийной работы — с должности второго секретаря Алтайского крайкома. Потом Пирожкова самого произвели в зампреды и на кадры поставили Геня Евгеньевича Агеева. Тот до перехода в госбезопасность был вторым секретарем Иркутского горкома партии, хорошо играл в баскетбол и волейбол и неплохо в шахматы. Геня Агеева летом 1974 года утвердили освобожденным секретарем парткома КГБ, а кадры поручили Василию Яковлевичу Лежепекову. Тот прежде был вторым секретарем Минского обкома партии, несколько лет прослужил начальником политуправления пограничных войск.

Иначе говоря, кадровики были недавними партийными работниками, причем именно вторыми секретарями, которые по распределению обязанностей ведали организационно-кадровыми вопросами. Это был один из способов контроля партийного аппарата над чекистами. Приходящие со стороны партийные секретари были чужаками в КГБ и должны были присматривать за тем, что происходило внутри системы госбезопасности.

В 1975 году приняли секретное постановление Секретариата ЦК об «отборе партийных, советских и комсомольских работников на

руководящую работу в органах государственной безопасности». Возраст — до сорока лет. Должность — заведующие и заместители заведующих отделами ЦК нацреспублик, обкомов и крайкомов, секретари горкомов и райкомов, председатели городских и районных Советов народных депутатов, первые и вторые секретари ЦК нацреспублик, обкомов и крайкомов ВЛКСМ.

Всех отобранных отправили на двухгодичные курсы подготовки руководящего состава в Высшей школе КГБ имени Ф. Э. Дзержинского.

В феврале 1977 года Андропов доложил в ЦК:

«За сравнительно короткий срок выпускники курсов положительно зарекомендовали себя на руководящей работе. Многие из них получили повышение по службе: двенадцать человек назначены начальниками территориальных органов КГБ и их заместителями, двое — избраны освобожденными секретарями парткомов, трое — являются заместителями начальников управлений 15-го Главного управления, восемь — работают начальниками и заместителями начальников отделов подразделений центрального аппарата КГБ».

В январе 1980 года провели еще один набор. И в последние годы советской власти партийных и комсомольских секретарей регулярно переводили в КГБ.

Генерал Валерий Павлович Воротников пришел в областное управление КГБ с должности второго секретаря Свердловского обкома комсомола. Потом его перевели в Москву — руководить Управлением по защите конституционного строя.

Генерал Дмитрий Алексеевич Лукин, бывший секретарь Архангельского обкома комсомола, руководил Управлением госбезопасности в Мурманске, а в центральном аппарате принял Управление по борьбе с организованной преступностью.

Генерал Эдмунд Ёхансон, бывший комсомольский работник, стал председателем КГБ Латвии.

Генерал Александр Иванович Фокин, начинавший на комсомольской работе в Крыму, возглавил важнейший 10-й (учетно-архивный) отдел. Его называли главным хранителем чекистских секретов.

Генерал Вагиф Гусейнов, бывший секретарь ЦК ВЛКСМ, возглавил КГБ родного Азербайджана...

Комитет рождал не смертельный, как когда-то, но все равно страх. Партийная власть не была такой страшной. Она была более открытой. Партийным чиновникам можно было попытаться что-то доказать. С тайной властью спорить невозможно. Человека признавали преступником, но это

делала невидимая власть. Оправдываться, возражать, доказывать свою правоту было некому и негде. КГБ никогда и ни в чем не признавался.

На пленуме ЦК в апреле 1973 года Брежнев, отступив от текста, счел необходимым поддержать Андропова:

— Мне хотелось бы особо сказать два слова о Комитете госбезопасности, чтобы положить конец представлениям (я имею в виду не членов ЦК, а отдельных товарищей вне этого зала), будто Комитет государственной безопасности только и занимается тем, что хватает и сажает людей. Ничего подобного. КГБ под руководством Юрия Владимировича оказывает огромную помощь политбюро во внешней политике. КГБ — это прежде всего огромная и опасная заграничная работа. И надо обладать способностями и характером. Не каждый может не продать, не предать, устоять перед соблазнами. Это вам не так чтобы... с чистенькими ручками. Тут надо большое мужество и большая преданность.

На пленуме получил слово и председатель КГБ. Он поблагодарил Леонида Ильича:

— Теплые слова, которые были сказаны сегодня товарищем Брежневым, отношение политбюро и всего пленума Центрального комитета к органам государственной безопасности мы воспринимаем как высокое доверие и как большой аванс.

На пленуме Брежнев ввел Андропова в политбюро. Он стал первым после Берии руководителем органов госбезопасности, возведенным на политический Олимп. К шестидесятилетию, в 1974 году, Юрий Владимирович получил «Золотую Звезду» Героя Социалистического Труда. 17 декабря 1973 года председатель КГБ, который, как и некоторые его предшественники, и дня не служил в армии (получил белый билет из-за плохого зрения), был произведен сразу в генерал-полковники. Через три года, 10 сентября 1976 года, Андропова произвели в генералы армии.

В эти дни он разговаривал с известным дипломатом Олегом Александровичем Трояновским. Они были в хороших отношениях еще с тех пор, как Трояновский был помощником Хрущева по международным делам. Андропов с некоторой обидой спросил Трояновского:

— Олег Александрович, что же вы меня не поздравляете?

— С чем, Юрий Владимирович?

— Ну как же? Мне присвоили звание генерала армии.

Обходительный Олег Александрович проявил невиданное фрондерство:

— А мне кажется, что тут нет предмета для поздравления. Вы — политический деятель, а не военный. Зачем вам генеральские чины?

Тут Трояновский, пожалуй, дал маху. Андропов с удовольствием позировал в генеральском мундире. За звание и выслугу лет он получал четыреста рублей прибавки к семистам министерского жалованья. Правда, особых возможностей потратить деньги у него, как и у остальных членов политбюро, не было. Деньги за генеральское звание он перечислял в детский дом.

В начале 1980-х годов Советский Союз вошел в полосу тяжелого и необратимого кризиса. Зато империя госбезопасности достигла расцвета. Система территориальных органов охватила всю страну — чекисты обосновались даже в практически необитаемых районах, где не только иностранных шпионов, но и собственных граждан практически не было. Структуры КГБ охватывали все отрасли экономики и общественной жизни страны.

Член политбюро Виктор Гришин вспоминал:

«Андропов отменил все меры по демократизации и некоторой гласности в работе госбезопасности, осуществленные Хрущевым. По существу, восстановил все, что было во время Сталина (кроме, конечно, массовых репрессий)...

Он добился восстановления управлений госбезопасности во всех городах и районах, назначения работников госбезопасности в НИИ, на предприятия и учреждения, имеющие оборонное или какое-либо другое важное значение. Органы госбезопасности были восстановлены на железнодорожном, морском и воздушном транспорте...

Вновь стали просматриваться письма людей, почта различных организаций. Восстановлена система “активистов”, “информаторов”, а проще доносчиков в коллективах предприятий, учреждений, по месту жительства. Опять началось прослушивание телефонных разговоров, как местных, так и междугородних».

Изменился характер взаимоотношений между партийными структурами и госбезопасностью. Формально всё оставалось по-прежнему: КГБ работает под руководством партии. Сам Андропов по каждому поводу писал записку в ЦК и просил санкции. Приказ о назначении начальника областного управления госбезопасности издавался только после того, как его кандидатуру одобряло бюро обкома партии. Разумеется, эта процедура носила чисто формальный характер, но теоретически первый секретарь обкома мог попросить прислать к нему кого-то другого.

На практике КГБ становился все более самостоятельным. Андропов подчинялся только Брежневу. Остальные члены политбюро не имели права вмешиваться в дела Комитета госбезопасности. Суслов, Косыгин или

Кириленко как самые влиятельные руководители партии и правительства могли на заседании политбюро оспорить какие-то слова Андропова, в чем-то ему отказать. Но делали это крайне редко.

«Косыгин чем-то отличался, — вспоминал Даниил Александрович Гранин. — Пожалуй, его отличала хмурость. Он ее не скрывал, и это привлекало. Хмурость его шла как бы наперекор общему славословию, болтовне, обещаниям скорых успехов. Из мельчайших черточек, смутных ощущений мы, ни о чем не ведающие винтики, накапливали симпатию к этому озабоченному работяге, который силится и так и этак вытащить воз на дорогу».

Но когда Даниил Гранин встретился с Косыгиным, то увидел, что его сдержанность, самоконтроль, привычка не говорить лишнего слова рождены вовсе не презрением к тому, что он наблюдает при Брежневе, это — наследие сталинских лет:

«Усвоено, стало привычкой, вошло в кровь. Любые сомнения в правоте вождя опасны. Чем выше поднимаешься, тем осмотрительнее надо держаться, тем продуманнее вести себя. Взвешивай каждый жест, взгляд. Оплошка приводила к падению, а то и к гибели».

Основания для осторожности у главы правительства явно были.

«Все встречи Косыгина находились под системным контролем, — вспоминал тогдашний начальник 3-го главка госбезопасности генерал-лейтенант Илья Устинов. — За Косыгиным был установлен постоянный контроль по линии 7-го (это наружное наблюдение) и 16-го (это прослушка, в том числе переговоров по правительственной ВЧ-линии) управлений КГБ СССР».

КГБ — прерогатива генерального секретаря, и Брежнев не любил, когда вмешивались в его дела. Даже члены политбюро знали не так уж много о работе комитета и остерегались выказывать свой интерес.

В республиках и областях существовал некий паритет влияния партийного хозяина и местного руководителя госбезопасности. Первый секретарь обкома или крайкома подозревал, что начальник областного (краевого) управления присматривает за ним и обо всем сообщает в Москву. Но местный чекист понимал, что он должен быть аккуратен и демонстрировать партийному руководителю уважение. Если он допустит ошибку и партийный секретарь на него пожалуется, Андропов за него не вступится. Председатель КГБ неизменно демонстрировал почтение к партийному руководству.

Первый секретарь обкома или крайкома, пока он пользовался благоволением Москвы, был полным хозяином, и, конечно, руководитель

чекистского аппарата стремился установить какие-то неформальные отношения с партийным руководителем. Как правило, первые секретари охотно приближали к себе чекистов: мало ли чего они настучат. Были редкие исключения, когда возникали острые конфликты между руководителями органов КГБ и партийными секретарями.

Чекисты жаловались, что им запрещено прослушивать телефоны в зданиях райкомов партии и райисполкомов. Оперативные мероприятия в отношении партработника — только с разрешения высшего партийного начальства.

Один из ленинградских чекистов вспоминал, как в декабре 1981 года к ним в райотдел приехал заместитель начальника областного управления полковник Анатолий Алексеевич Курков (см.: *Марков А. Генерал из элиты КГБ. СПб., 2002*). Собрали оперативных работников. Каждый отчитывался. Один из них поспешил порадовать начальство:

— Появилась возможность отслеживать обстановку в райкоме партии. Получена первичная информация об аморальном поведении и стяжательстве отдельных работников партаппарата.

Курков остановил его:

— Кто дал вам право заниматься этим?

— Характер нашей работы, — неуверенно ответил молодой оперативник, — ведь враг, как нас учили на курсах, ориентируется именно на таких людей.

— Органы государственной безопасности, — сурово сказал Курков, понимая, чем все это может закончиться, — это вам не полиция нравов, а партийные органы — не объект нашего контрразведывательного внимания. Я вам приказываю эту вашу задумку немедленно выбросить из головы и прекратить сбор такого рода информации, а начальнику райотдела завтра мне лично доложить, что у вас отсутствуют такие возможности в райкоме.

«С областным управлением КГБ у меня сложились нормальные отношения, — вспоминал Борис Николаевич Ельцин свою работу в Свердловске. — Начальник управления Корнилов как кандидат в члены бюро участвовал в его заседаниях. Я часто бывал в этом ведомстве, просил информацию о работе КГБ...

Однажды у нас произошел трагический случай, связанный с сибирской язвой. Для проверки, выяснения обстоятельств в Свердловск приехал заместитель председателя КГБ Владимир Петрович Пирожков. Это было в первые годы моей работы. Сидели у меня втроем — я, Пирожков, Корнилов. Шла спокойная беседа, и Корнилов между прочим сказал, что управление КГБ работает дружно с обкомом партии. И вдруг Пирожков

рявкнул:

— Генерал Корнилов, встать!

Тот вскочил, руки по швам. Я тоже в недоумении.

Пирожков, чеканя каждую фразу, произнес:

— Зарубите себе на носу, генерал, во всей своей деятельности вы должны не дружно работать с партийными органами, а вы обязаны работать под их руководством, и только...

Надо сказать, за все десять лет, что я работал первым секретарем, ни одного шпиона не нашли, как ни старались».

Генерал Корнилов по этому поводу сильно сокрушался:

— В такой области хоть бы один шпион попался!

КГБ мог заниматься сколь угодно высокими лицами, только на проведение разработки руководящего работника надо было получить санкцию в ЦК.

В каждом министерстве, ведомстве, научном и учебном заведении сидели официальные сотрудники комитета или чаще офицеры действующего резерва. Это понятие нуждается в объяснении. Так называли сотрудников КГБ, которых командировали для работы за пределами органов и войск КГБ. В отличие от вооруженных сил они не отправлялись в запас, а оставались на службе, но действовали под прикрытием.

Скажем, появилось Всесоюзное агентство по авторским правам (ВААП). Назначенному его руководителем известному журналисту Борису Дмитриевичу Панкину секретарь ЦК Суслов объяснил, что это будет своего рода министерство иностранных дел в области культуры — развитие контактов с творческой интеллигенцией всего мира и продвижение за рубеж советских авторов.

Постановлением политбюро был установлен список должностей, замещаемых в агентстве по авторским правам сотрудниками КГБ. Заместителем председателя ВААП стал «широко известный в узких кругах» полковник Василий Романович Ситников из службы «А» — активные мероприятия за рубежом (это подразделение разведки превратилось в мощную службу дезинформации и влияния на мировое общественное мнение). И внутри каждого управления ВААП один из заместителей начальника представлял интересы Комитета госбезопасности. Формально они занимались работой по прикрытию, фактически исполняли указания КГБ.

В 1980 году в Госплане создали службу безопасности, укомплектованную сотрудниками КГБ. Начальником сделали бывшего руководителя военной контрразведки генерал-лейтенанта Ивана

Лаврентьевича Устинова.

«В 1981 году начальник Второго главного управления генерал Г. Ф. Григоренко, приехавший в служебную командировку в ГДР, передал мне от имени Юрия Владимировича Андропова предложение о переходе в действующий резерв КГБ и назначении меня на вновь введенную должность советника по проблемам безопасности при председателе Госплана, — рассказывал Устинов в «Красной звезде». — В качестве помощников советника было введено в штат Госплана десять сотрудников КГБ. В таком составе под официальным названием Службы безопасности начало работу сформированное оперативное подразделение...»

Подлинную цель создания службы объяснил Устинову председатель КГБ. Андропов пригласил генерала и сказал:

— Обстановка в стране сложная, и я должен иметь достоверную информацию, что же у нас творится, особенно на экономическом фронте.

Иначе говоря, это была не инициатива Госплана, не объективная потребность, а разведка КГБ внутри Госплана. Устинов докладывал председателю КГБ, «что происходило в Госплане, какие проблемы в стране, каковы предложения, перспективные разработки».

Такие же службы появились и в других ведомствах, в том числе в Министерстве иностранных дел. Едва ли Андрею Андреевичу Громыко это нравилось, но и он, член политбюро, ничего не мог поделать. Ничего подобного прежде не было. Чекисты сидели в отделах кадров, в первых отделах, в отделах внешних сношений, которые занимались оформлением командировок за границу и приемом иностранных гостей. В оборонных министерствах один из заместителей министра представлял КГБ. Они только формально подчинялись руководителю ведомства. В реальности исполняли указания Андропова и сообщали ему о ситуации внутри того или иного министерства.

29 июля 1980 года секретным решением Секретариата ЦК ввели дополнительные должности:

в азербайджанский республиканский Совет по делам иностранных учащихся — заместитель ответственного секретаря;

в Совет по делам религии при Совете министров СССР по Грузинской ССР — заместитель уполномоченного;

в Совет по делам религии при Совете министров СССР по Латвийской ССР — заместитель уполномоченного;

в Министерство культуры Украинской ССР — старшего референта министра;

в Государственный комитет Эстонской ССР по телевидению и

радиовещанию — заведующий сектором внешних связей;

в Главное управление здравоохранения исполкома Ленинградского городского Совета народных депутатов — заместитель начальника управления по международным связям.

Министерству финансов СССР поручили изыскать в бюджете деньги и выделить необходимые ассигнования на содержание указанных должностей. И отметили главное — зачем это сделано: «Установить, что указанные должности замещаются сотрудниками КГБ СССР с зачислением их в действующий резерв КГБ СССР».

Шпионы попадались очень редко (тем более далеко от Москвы), терроризма еще практически не существовало. Гигантский механизм прокручивался впустую, но создавал у Андропова ощущение полного контроля над страной. Получаемой информацией он делился с генеральным секретарем и частично с другими членами политбюро.

Часов в одиннадцать утра председатель КГБ ознакомился с предназначенными для членов политбюро особыми, сверхсекретными материалами разведки и контрразведки, после чего лично подписывал их. Вечером он подписывал вторую порцию спецсообщений для политбюро. Их доставляли в запечатанных конвертах. Вскрывать и читать их не имели права даже помощники членов политбюро.

Бумаги председатель КГБ рассылал по разной разметке: общую информацию всем членам политбюро для расширения кругозора, более узкую тем, кто курировал направление, о котором шла речь. Когда информация касалась внешней политики — обязательно Сулову и Громыко. Все, что относилось к социалистическим странам, своему преемнику на Старой площади — Константину Викторовичу Русакову, секретарю ЦК.

За разметкой спецсообщений следила аналитическая служба 1-го Главного управления. Аналитики разведки предлагали, кому и какую информацию послать, учитывали, кому она раньше посылалась, чтобы не получилось так, что члена политбюро оповестили о начале каких-то событий, а уведомить об окончании забыли. Председатель КГБ вносил коррективы, иногда говорил: давайте расширим круг получателей информации или, наоборот, сузим...

Мой отец совсем молодым человеком работал помощником кандидата в члены политбюро, секретаря ЦК и первого секретаря МГК КПСС Петра Ниловича Демичева. Он рассказывал:

«Фельдъегерь принес срочные документы к Секретариату ЦК, в том числе конверт с грифом “Особая папка”. Не понимая, что это значит, я

разрезал все пакеты, как всегда, подчеркнул главное и отнес всю пачку первому.

Через пять минут он меня вызвал:

— Вы прочитали материал “Особой папки”?

— Да, конечно.

— Понимаете ли вы, что это государственная тайна?

Тоже мне тайна: в одном из западных посольств КГБ установил подслушивающее устройство, и оно успешно функционировало.

— Конечно, понимаю, Петр Нилович, я знаю много тайн...

— Это верно...»

Ощущение власти, собственной значимости, высокого положения в стране наложило отпечаток на личность, манеры и даже выражение лица Андропова.

«Лицо волевое, холодное, губы тонкие, опущенные по краям, — таким запомнил его известный дипломат Олег Алексеевич Гриневский. — Но главное — это прозрачно-голубого, ледяного цвета глаза, которые придавали острую пронзительность его взгляду.

В разговоре с подчиненными держался спокойно, холодно. Мог улыбаться, беседуя с иностранцами. Но взгляд его всегда оставался пронзительно-изучающим. Даже когда Андропов смеялся. Такие ледяные глаза я видел еще только у одного человека — президента Ирака Саддама Хусейна».

Ходят разговоры о том, что у Андропова были собственная разведка и личная агентура, с которой он встречался на конспиративных квартирах. И будто бы эта глубоко законспирированная структура и расчищала Андропову дорогу к власти. Сведений о личной разведке Андропова не обнаружено. Но он действительно с некоторыми людьми предпочитал встречаться на конспиративных квартирах Комитета госбезопасности в центре Москвы.

Наверное, ему надоедал скучно и казенно обставленный служебный кабинет. Понимал, что кому-то из его собеседников будет не по себе в здании на Лубянке. На конспиративной квартире ничто не мешало разговору, который приобретал более свободный и неофициальный характер. К тому же ему не всегда хотелось, чтобы подчиненные фиксировали, с кем он встречается. А он приглашал пообедать людей, находившихся вне привычного круга общения, — из среды научной и творческой интеллигенции. Таким путем Юрий Владимирович пытался расширить свои представления о настроениях в обществе, формировавшиеся исключительно служебными сводками.

А может быть, чем черт не шутит, Юрий Владимирович и в самом деле хотел ощутить себя настоящим разведчиком, который проводит вербовочные беседы и получает интересующую его информацию... Во всяком случае, шутки у него стали специфическими.

Однажды он позвонил дипломату Олегу Трояновскому:

— Олег Александрович, что же вы исчезли? Приезжайте к нам, посадим вас (председатель КГБ сделал многозначительную паузу), напоим чаем.

Запугав всех, Андропов и сам боялся собственного аппарата.

Не позволял себе ничего, что могло бы повредить его репутации, что не понравилось бы Леониду Ильичу.

Когда Михаила Сергеевича Горбачева сделали членом политбюро и он обосновался на даче рядом с Андроповым, то осмелился позвонить ему в воскресенье:

— Сегодня у нас ставропольский стол. И, как в старое доброе время, приглашаю вас с Татьяной Филипповной на обед.

— Да, хорошее было время, — согласился Андропов. — Но сейчас, Михаил, я должен отказаться от приглашения.

— Почему? — искренне удивился Горбачев.

— Если я к тебе пойду, завтра же начнутся пересуды: кто, где, зачем, что обсуждали? Мы с Татьяной Филипповной еще будем идти к тебе, а Леониду Ильичу уже начнут докладывать. Говорю это, Михаил, прежде всего для тебя.

Генерал Вадим Кирпиченко отмечал, что Андропов был человеком очень осторожным. Не брал на себя лишней ответственности, чтобы не создавалось впечатления, что он превышает свои полномочия. По всем мало-мальски серьезным вопросам писал бумагу в ЦК...

Андропов не хотел рисковать расположением Брежнева, а Леонид Ильич не любил, когда между членами политбюро возникали дружеские отношения, и уж тем более не хотел, чтобы у председателя КГБ появлялись политические союзники.

Внеслужебные отношения на трех верхних этажах власти — члены политбюро, кандидаты в члены, секретари ЦК — исключались. Личного общения между руководителями партии практически не было. Они недолюбливали друг друга и, безусловно, никому не доверяли. Сталин не любил, когда члены политбюро собирались за его спиной, и страх перед гневом генерального сохранился. Никто ни с кем без дела не встречался.

Избранный секретарем ЦК Николай Иванович Рыжков спросил у Владимира Ивановича Долгих, который уже десять лет как входил в

высшее партийное руководство: как, мол, у вас проходят праздники, как их отмечают, где собираются, можно ли с женами?

Долгих с удивлением посмотрел на новичка:

— Никто ни с кем не собирается. Забудь об этом.

ФЕДОРЧУК. ОСОБИСТЫ НА ОЛИМПЕ

В один из последних майских дней 1982 года я зашел в редакцию журнала «Пограничник», от которого несколько раз ездил в командировки на дальние заставы. Журналисты в зеленых фуражках, сами несколько изумленные, встретили меня новой ведомственной шуткой:

— Мы теперь не просто чекисты, а федорчукисты!

Журнал принадлежал политуправлению пограничных войск, входивших в состав КГБ СССР, но и служившие там полковники и подполковники впервые слышали о Виталии Васильевиче Федорчуке, внезапно переведенном в Москву с Украины и назначенном председателем КГБ вместо Андропова.

25 января 1982 года умер Михаил Андреевич Суслов, который был секретарем ЦК тридцать пять лет. Пока Суслов сидел на Старой площади, Андропову не было хода наверх. Суслов не любил Андропова. А теперь освободился кабинет номер два на пятом этаже в первом подъезде основного здания ЦК КПСС. На этом этаже только два кабинета — генерального секретаря и второго человека в партии. Все ждали, кто его займет.

Когда академик Чазов сообщил Брежневу о смерти Михаила Андреевича, генеральный секретарь спокойно сказал:

— Замена ему есть. Лучше Юрия нет никого.

Но Брежнев почему-то медлил с окончательным решением. Андропов переживал, думая, что это интриги Черненко. Академик Чазов даже поинтересовался у Андропова, отчего задержка с переходом на Старую площадь?

— А вы что думаете, меня с радостью ждут в ЦК? — огорченно ответил Юрий Владимирович. — Кириленко мне однажды сказал: если ты придешь в ЦК, то ты всех нас разгонишь.

Андрей Павлович оказался прав: Андропов, став генеральным секретарем, помня о старых обидах, первым отправил на пенсию члена политбюро Кириленко, к тому времени тяжелобольного человека. Впрочем, Андропов был немногим здоровее...

Предложение перейти в ЦК вызвало у Юрия Владимировича смешанную реакцию. Он привык к КГБ, боялся лишиться реальной власти, потому что официальной должности второго секретаря ЦК в партии не было. А Брежнев не уточнил, каким будет объем его полномочий.

Действительно ли он хочет, чтобы Андропов заменил Суслова, или же ему нужен просто еще один секретарь ЦК. А может, это просто предлог, чтобы убрать его из КГБ? Вдруг Леонид Ильич к нему переменялся?

Возможно, у Брежнева была и другая причина для колебаний, кого посадить в кресло председателя КГБ. В личной преданности Андропова Леонид Ильич не сомневался. А как поведет себя новый человек? Цвигун уже ушел из жизни. Цинев был серьезно болен.

На переход Андропова в ЦК и поиски нового хозяина Лубянки ушло несколько месяцев. Суслов умер в январе 1982 года, Андропова избрали секретарем ЦК 24 мая. Он попрощался с коллегией КГБ и перебрался на Старую площадь.

Через несколько дней в газетах появилась короткая информационная заметка, в которой говорилось, что председателем Комитета государственной безопасности назначен генерал-полковник Виталий Васильевич Федорчук (в декабре он станет генералом армии).

Сам Федорчук рассказал в газетном интервью, как все это произошло. Ему позвонил первый секретарь ЦК компартии Украины Владимир Васильевич Щербицкий и предупредил:

— Не отходи от телефона.

Вскоре раздался звонок по ВЧ — соединили с Брежневым. Он предложил стать председателем КГБ вместо уходящего в ЦК Андропова.

— Справлюсь ли? — невольно вырвалось у Федорчука.

— Справишься, — произнес Брежнев сердито. — Завтра пришлю самолет.

Через день Федорчук уже сел в кресло Андропова.

Андропов, уходя с Лубянки, предпочел бы оставить в своем кабинете Виктора Михайловича Чебрикова. Но Андропов был бесконечно осторожен, не хотел, чтобы генеральный решил, будто он проталкивает верного человека, и не назвал свою кандидатуру в разговоре с Брежневым. Леонид Ильич прямо спросил, кого он предлагает вместо себя. Юрий Владимирович от ответа ушел:

— Это вопрос генерального секретаря.

Брежнев предложил Федорчука. Андропову было совершенно очевидно, что предложение исходило от Цинева.

Георгий Карпович Цинев принадлежал к кругу личных друзей генерального секретаря. Цинев родился в Екатеринославе (Днепропетровск) по соседству с Брежневым. Они были почти ровесниками. Окончил в Днепропетровске Металлургический институт. После института недолго работал на заводе имени Карла Либкнехта в

Нижне Днепропетровске. Как и Брежнев, перешел на партийную работу. В 1939 году его поставили заведовать отделом металлургической промышленности Днепропетровского горкома, потом избрали первым секретарем райкома, а затем сделали секретарем горкома по кадрам. А секретарем обкома был Леонид Ильич Брежнев...

В 1941 году они оба ушли на фронт. Оба стали политработниками. Но в отличие от Брежнева Цинев остался в армии и после войны. В 1951 году поступил в Высшую военную академию имени К. Е. Ворошилова. Окончил он академию уже после смерти Сталина и ареста Берии. Когда МВД очищали от бериевских кадров, Цинева как опытного политработника распределили в военную контрразведку. Пять лет он провел в Берлине начальником Особого отдела Группы советских войск в Германии. Два года руководил Военным институтом КГБ, а с октября 1960 года служил в 3-м управлении Комитета госбезопасности.

Когда Брежнев встал во главе партии, генерал-лейтенант Цинев стал начальником военной контрразведки. Но жаждал повышения, и Андропов освободил ему должность начальника 2-го Главного управления (контрразведка). А на свое место в военной контрразведке Цинев посадил Виталия Васильевича Федорчука. Тот проработал в 3-м Главном управлении до 1970 года, когда его назначили председателем КГБ Украины.

Георгий Карпович быстро стал первым заместителем председателя КГБ, генералом армии, членом ЦК, Героем Социалистического Труда. Во всем комитете один только Цинев, разговаривая по телефону, не называл себя, требуя, чтобы подчиненные узнавали его по голосу. Став первым замом, он покрикивал и на заместителей председателя КГБ, и на простых генералов. Цинева многие в комитете ненавидели. Он не задумываясь ломал людям судьбы.

Председатель украинского КГБ не входил в число любимцев Андропова. Назначение Федорчука было неприятно для Андропова.

Михаил Сергеевич Горбачев вспоминал:

«Когда я спрашивал Юрия Владимировича, как работает его преемник, он нехотя отвечал:

— Знаешь, я разговариваю с ним только тогда, когда он мне звонит. Но это бывает крайне редко. Говорят, поставил под сомнение кое-какие реорганизации, которые я провел в комитете. В общем, демонстрирует самостоятельность, хотя, как мне передают, очень сориентирован на руководство Украины. Но я не влезаю.

И это понятно, потому что председатель КГБ выходил прямо на генсека, да и выбор Федорчука был сделан самим Брежневым».

Выбор сделал Цинев. Почему он сам не пересел в кабинет председателя? Ему уже исполнилось семьдесят пять, и он болел.

Виталий Васильевич Федорчук родился в Житомирской области в крестьянской семье 27 декабря 1918 года. После семилетки захотел стать журналистом. В 1934 году его взяли в многотиражку, потом он поработал в районных газетах в Житомирской и Киевской областях. В 1936-м поступил в Киевское военное училище связи и с тех пор не снимал погоны. После училища его взяли в военную контрразведку. Он успел попасть на Халхин-Гол, где шли бои с японцами.

Военная контрразведка была недреманным оком госбезопасности в войсках. Агенты иностранных разведок военным контрразведчикам попадались редко и обычно в Москве, где у агента есть возможность вступить в контакт со своими нанимателями. В армейских частях, раскиданных по всей стране, расквартированных в медвежьих углах, шпионы не водились. Поэтому контрразведчики следили за порядком, за поведением офицеров на службе и дома — благо жилой городок рядом с частью.

Контрразведчики носили форму того рода войск, в которых служили, но, за редким исключением, строевые и штабные офицеры своими их не считали. Кому нравится неотступно следящий за тобой контролер? Сотрудники районного или городского отдела КГБ были известны только местному начальству и собственной агентуре. А в воинской части все знали, кто строевой командир, кто штабист, а кто — особист.

Сотрудник районного или городского отдела КГБ при всем желании не в состоянии был охватить вниманием каждого жителя своего района. А у особиста круг опекаемых меньше, и он вполне мог испортить жизнь любому солдату или офицеру в своей части. Так что служба в военной контрразведке накладывала на офицеров определенный отпечаток: они привыкли, что товарищи по службе считают их церберами и не любят.

Кроме того, суровый армейский быт и простота гарнизонных нравов лишали особистов того лоска, который присутствовал у чекистов в других оперативных управлениях, где учили умению найти подход к человеку, расположить его к себе, улыбаться и рассказывать анекдоты. Впрочем, это не означает, что все офицеры плохо относились к сотрудникам особых отделов.

Виталий Васильевич Федорчук успешно продвигался по служебной лестнице, но карьерный взлет начался, когда он подружился с Циневым.

Отправленный в Киев председателем КГБ Украины Виталий Федорчук вел себя крайне жестко.

«Принял Федорчука, — записал в дневнике первый секретарь ЦК Петр Шелест. — Он начал заниматься несвойственными делами: превышением власти, контрольными функциями за советским и партийным аппаратом. Звонит утром на работу министрам и проверяет, находятся ли они на работе. Проверяет, как поставлена учеба министров и какая тематика занятий.

Думаю и уверен, что действует он не по своей инициативе — не такой он “герой”. Он явно имеет “директиву” комитета, а комитет без одобрения и прямого указания и санкции Брежнева не мог пойти на такой шаг. Брежнев делает ставку на КГБ как “орудие” всесторонней информации и укрепления своего личного авторитета в партии...

За всем следят, все доносят, даже ты сам не знаешь, кто это может сделать. Установлена сплошная агентура и слежка. Как это все отвратительно!»

Вскоре Щербицкий сменил Шелеста на посту первого секретаря ЦК компартии Украины. Новый хозяин Украины Владимир Щербицкий, друг Брежнева, должен был испытывать симпатию к Федорчуку. В реальности он чувствовал, что и сам в определенной мере находится «под колпаком» КГБ.

Федорчук проработал на Украине почти двенадцать лет. Андропов не спешил представлять его к званию генерал-полковника. Брежнев напомнил Юрию Владимировичу, что пора это сделать...

Может быть, Андропов был слишком мнителен, но он, видимо, полагал, что у него есть основания остерегаться своего преемника. Бывший секретарь ЦК КПСС Валентин Михайлович Фалин вспоминал, что, «переселившись в бывший кабинет Суслова, Андропов некоторое время остерегался вести в нем, особенно вблизи телефонных аппаратов, разговоры, задевавшие персоналии. Он даже объяснял в доверительной беседе почему: со сменой председателя КГБ новые люди пришли также и в правительственную связь. Похоже, Андропов обладал кое-какими познаниями насчет возможностей, которыми располагала эта служба для негласного снятия информации».

Все изменилось 10 ноября 1982 года, когда Леонид Ильич Брежнев ушел в мир иной.

ЩЕЛОКОВ. ПРОТИВОСТОЯНИЕ КГБ И МВД

Много позже, в новой России, сняли художественный фильм «Убийство на Ждановской» — о том, как столичные милиционеры в декабре 1980 года зверски убили заместителя начальника секретариата КГБ СССР майора КГБ Вячеслава Васильевича Афанасьева. Он возвращался домой на метро и вез дефицитные — в советское время! — продукты: коньяк, копченую колбасу.

Подвыпившие милиционеры, хотя они в принципе не имели права задерживать сотрудника Комитета госбезопасности, отняли у майора продукты и забили его до смерти. Начальник отделения велел вывезти тело за город и там бросить. Исчезновение майора госбезопасности стало поводом для масштабного расследования. Убийц нашли, судили и расстреляли. Эта трагическая история еще больше ухудшила отношения между двумя силовыми ведомствами — МВД и КГБ.

Через день после смерти Брежнева, 12 ноября 1982 года, пленум ЦК КПСС избрал новым генеральным секретарем Юрия Владимировича Андропова. Поздно вечером, после пленума на дачу к новому генсеку приехали его личный врач и начальник кремлевской медицины академик Чазов.

Первые слова Андропова касались судьбы министра внутренних дел генерала армии Николая Анисимовича Щелокова:

— Чебрикова поставим во главе КГБ. Федорчука переведем министром внутренних дел. Он человек жесткий, может навести порядок. Щелокова пока освободим от занимаемой должности.

Помощники Андропова предлагали перевести Щелокова председателем одной из палат Верховного Совета СССР — пост безвластный, но приятный. По словам помощника генсека по международным делам Андрея Михайловича Александрова-Агентова, Юрий Владимирович ответил жестко:

— Это же настоящий, прожженный жулик, разве вы не понимаете?

Щелоков сам позвонил Андропову. Его немедленно соединили. Андропов сказал, что Николаю Анисимовичу пора покинуть министерство. Одним выстрелом Юрий Владимирович убил трех зайцев: положил конец блистательной карьере Щелокова, которого ненавидел, убрал из КГБ Федорчука, который не был его человеком, и сделал хозяином Лубянки лично преданного ему Виктора Михайловича Чебрикова.

Николай Анисимович Щелоков проработал министром внутренних дел шестнадцать лет — это абсолютный рекорд для МВД.

В августе 1978 года Яков Петрович Рябов, новый секретарь ЦК КПСС, курировавший отдел административных органов, пригласил к себе Щелокова и провел с ним трехчасовой разговор о ситуации с преступностью в стране. К удивлению Рябова, Щелоков не возражал против критических замечаний и обещал исправить положение. Прощаясь, поблагодарил Якова Петровича за принципиальный разговор и ценные замечания:

— Двенадцать лет работаю министром, и вот в первый раз меня заслушали у секретаря ЦК.

Рябов был доволен. Но заведующий отделом административных органов ЦК Николай Иванович Савинкин рассказал потом Рябову, что Щелоков сразу поднялся на пятый этаж и получил аудиенцию у Леонида Ильича. Министр был вне себя и жаловался генеральному секретарю:

— Что это такое, Леонид Ильич? Почему меня вызывает Рябов, воспитывает, рассказывает, как мне надо работать?

Яков Рябов, переведенный в Москву из Свердловска, недолго проработал секретарем ЦК.

Личные отношения с генеральным создавали Николаю Анисимовичу особое положение в стране. Щелоков любил в нужный момент сослаться на Брежнева: вот я был у Леонида Ильича, мы этот вопрос уже обсудили... Впрочем, так поступал не он один. Тогдашний председатель Гостелерадио Сергей Георгиевич Лапин тоже не упускал случая заметить: я тут обедал с Леонидом Ильичом... В такой ситуации спорить с ним решался только тот, кто успел позавтракать с Брежневым.

Николай Анисимович мог бы благополучно перейти на пенсию или числиться консультантом МВД и нянчить внуков, если бы не Андропов. Юрий Владимирович ненавидел Щелокова. Соратники председателя КГБ уверяют, что министра внутренних дел Андропов в своем кругу именовал не иначе как «жуликом» и «проходимцем».

В чем причина ненависти Андропова к Щелокову? Желание покарать коррупцию, которая расцвела при Щелокове? Или это было соперничество двух силовых ведомств?

Николай Анисимович придерживался куда более либеральных взглядов, чем председатель КГБ. Когда в ноябре 1970 года Юрий Андропов вместе с генеральным прокурором Романом Руденко предложил лишить писателя Александра Солженицына гражданства и выслать из страны, Щелоков обратился к Брежневу с личным письмом.

Он напоминал о множестве ошибок, совершенных в отношении талантливых людей. Назвал имя поэта Бориса Леонидовича Пастернака, отмеченного Нобелевской премией, за что его буквально травили и сильно сократили его земной срок...

«Надо не публично казнить врагов, а душить их в своих объятиях, — советовал Щелоков генеральному секретарю. — Это элементарная истина, которую бы следовало знать тем товарищам, которые руководят литературой... За Солженицына надо бороться, а не выбрасывать его. Бороться за Солженицына, а не против Солженицына».

Вмешательство министра внутренних дел в дела, которые Андропов считал своей прерогативой, да еще с «голубиных» позиций, Щелокову даром не прошло.

Николай Анисимович покончил с остатками сталинского крепостничества.

Постановлением ЦИК и Совнаркома от 27 декабря 1932 года крестьянам запрещалось покидать деревню, им не давали паспортов. А без паспорта нельзя было устроиться ни на учебу, ни на работу. Крестьянин мог уехать, только получив справку из сельсовета или от председателя колхоза. Только в 1958 году стали давать временные паспорта. Окончательно право на паспорт крестьяне получили, когда 28 августа 1974 года по инициативе Щелокова появилось постановление ЦК и Совмина «О мерах по дальнейшему совершенствованию паспортной системы в СССР».

Но главное не в этом.

Юрию Владимировичу не нравилось, что долгие годы рядом с ним существовал другой центр силы, неподконтрольный КГБ. Щелоков тоже имел прямой выход на Брежнева и старался ни в чем не отставать от Андропова.

Когда в 1966 году восстановили союзное Министерство внутренних дел, то в решении политбюро не указали, что Комитет государственной безопасности берет на себя «контрразведывательное обслуживание» органов внутренних дел. Особисты получили право действовать только во внутренних войсках МВД. Еще сохранялась инерция хрущевского пренебрежения органами госбезопасности, да и тогдашний председатель КГБ Владимир Семичастный — в отличие от своего преемника — не был сторонником тотального контроля.

Министерство внутренних дел формально оказалось вне зоны действия Комитета госбезопасности. Чекисты не имели права следить за тем, что происходит внутри МВД, заводить там агентуру.

Когда КГБ возглавил Андропов, он поставил вопрос о том, что

Министерству внутренних дел «нужно помогать».

Но Щелоков, пользуясь особыми отношениями с Брежневым, успешно отбивал атаки КГБ. Говорил, что министерство само в состоянии проследить за порядком в собственном хозяйстве. Однажды Щелокову даже пришлось поставить этот вопрос на коллегии МВД: может быть, нам нужна помощь товарищей из КГБ? Почти все выступили против, считая это возвращением к методам 1937 года.

Много лет Андропов тщетно добивался, чтобы КГБ получил право «контрразведывательного обеспечения органов внутренних дел», то есть контролировать министерство так же, как комитет контролирует вооруженные силы. Но в составе министерства приказом брежневского зятя Юрия Чурбанова было создано Управление особых отделов МВД, своего рода служба собственной безопасности, единственная, к которой КГБ не имел отношения.

Андропова и его подчиненных бесила независимость Щелокова. Юрий Владимирович жаловался, что Брежнев запретил ему докладывать вопросы, связанные с Щелоковым и Министерством внутренних дел.

В июне 1969 года министр Щелоков отправил секретарю ЦК по идеологии Петру Ниловичу Демичеву жалобу на киностудию «Ленфильм», где сняли картину «Амнистии не подлежит».

«В качества матерого врага Советской власти, — писал Щелоков, — предателя Родины, резидента иностранной разведки в этом фильме выступает начальник районного отдела милиции. Вызывает справедливое возмущение не только злостное искажение облика работника милиции, но и очевидная фальсификация действительности. В истории советской милиции не было случая, чтобы ее руководящий работник стал бы агентом империалистической разведки.

Обращает на себя внимание вредная тенденция сюжета, которая фактически противопоставляет органы КГБ, разоблачившие предательскую деятельность работника милиции, органам внутренних дел...»

Демичев поручил отделу культуры ЦК разобраться, и Комитет по делам кинематографии приказал киностудии «Ленфильм» переделать картину в соответствии с замечаниями министра внутренних дел. Фильм вышел на следующий год под другим названием.

Леонид Митрофанович Замятин, заведовавший отделом внешнеполитической пропаганды ЦК, рассказывал мне, как он ждал приема у Брежнева. У него был срочный вопрос к генеральному секретарю. Из кабинета вышел Константин Устинович Черненко, сказал Замятину:

— Подожди, пусть Леонид Ильич со Щелоковым поговорит.

Замятин озабоченно спросил:

— Что-то случилось?

Черненко хмыкнул:

— Он просит у Леонида Ильича место секретаря ЦК.

Замятин засмеялся:

— Зачем ему? Он же министр внутренних дел.

Черненко объяснил Замятину:

— Щелоков просит Брежнева сделать его секретарем ЦК, чтобы поскорее уйти из МВД. Что-то у него там не так...

Но Брежнев не сделал Щелокова секретарем ЦК.

Рассказывали мне и другую историю.

В отделе административных органов ЦК составили проект решения политбюро о назначении Щелокова заместителем председателя Совета министров СССР. Брежнев с ним разговаривал, и Николай Анисимович принял предложение с воодушевлением. Ему собирались — чтобы разгрузить Леонида Ильича — передать кураторство над всеми силовыми ведомствами, кроме, разумеется, КГБ и Министерства обороны, ими занимался сам генеральный секретарь. Но Брежнев умер раньше, чем это решение было принято.

О смерти своего покровителя 10 ноября 1982 года Щелоков узнал одним из первых. Ему позвонил секретарь ЦК Михаил Васильевич Зимянин и приказал отменить праздничный концерт. Выступая по случаю Дня милиции, министр уже не упомянул Леонида Ильича.

Через месяц после прихода Андропова к власти, 17 декабря, Щелоков перестал быть министром. Его определили в группу генеральных инспекторов Министерства обороны. Он имел на это право как генерал армии. Это была не работа, а синекура. За маршалами и генералами армии сохраняли прежнее содержание, кабинет, машину, дачу, адъютанта, и они могли писать мемуары. Но Николай Анисимович не успел насладиться своим новым местом. Новый генеральный секретарь приказал партийным инквизиторам и людям из КГБ заняться Щелоковым.

В июне 1983 года Главная военная прокуратура возбудила уголовное дело, основываясь на материалах ревизии Хозяйственного управления МВД. Следствие пришло к выводу, что начальник ХОЗУ генерал-майор Виктор Андреевич Калинин организовал «преступную группу расхитителей социалистической собственности и путем злоупотребления своим служебным положением систематически похищал государственное имущество, обращая его в свою собственность и собственность других лиц».

По материалам этого дела собирались посадить и Щелокова.

Секретарь ЦК Константин Устинович Черненко показал своему помощнику Виктору Васильевичу Прибыткову заключение Военной прокуратуры о Щелокове. Прибытков прочитал, что бывший министр «захапал в личное пользование несколько служебных “мерседесов”, что не брезговал забирать к себе домой и на дачу, а также раздавать близким родственникам арестованные милицией вещественные доказательства и конфискованные произведения искусства и антиквариата...

Члены семьи Щелоковых были замечены в обмене в банках огромных сумм в потерянных, захваченных, довольно ветхих рублях... Щелоков и его семья не гнушались деньгами, которые следователи ОБХСС вытряхивали из чулок и закопанных в землю бидонов своих “криминальных подопечных”. Деньги, изъятые в “теневой экономике” у созревших раньше перестройки “цеховиков” и “рыночных воротил”, менялись на новые более крупные купюры, обращались в личный доход и без того не бедного министра...».

Щелоков обращался за помощью к Черненко. Он надеялся, что Константин Устинович не бросит его в трудную минуту, ведь они оба были брежневскими людьми. Черненко его принял, но в помощи отказал.

«Щелоков, — вспоминает Прибытков, — появился в дверях черненковского кабинета в привычном мундире. Он был весь увешан наградами. Медали и ордена тонко потренькивали при каждом его, как мне казалось, несколько неуверенном шаге. Лицо Щелокова, покрытое багровыми пятнами, все равно оставалось общего землисто-серого цвета. Бывший министр, кажется, не замечал ничего и никого вокруг: он шел к двери по будто бы начерченной прямой линии. Руки его дрожали...»

Щелоков приносил Черненко справку о том, что он оплатил через банк стоимость двух «мерседесов», предназначенных для МВД, но оказавшихся в личной собственности семьи министра.

— Этим он хочет сказать, что не надо рассматривать его вопрос на пленуме. — Черненко говорил с одышкой, его душила не столько астма, сколько гнев. — Как он мог? — несколько раз повторял Черненко один и тот же вопрос, горько качая головой...

Щелоков жил в доме 26 по Кутузовскому проспекту — в одном доме с председателем КГБ Андроповым. Говорили, что жена Щелокова в отместку подстерегла соседа на лестнице и выстрелила в него. Выстрел повредил почку, но Андропов выжил. А сама Светлана Щелокова выбросилась из окна...

В реальности в Андропова никто не стрелял. А Светлана

Владимировна Щелокова покончила с собой за год до самоубийства мужа. 19 февраля 1983 года она выстрелила в себя из немецкого пистолета «ортгис», подаренного Щелокову ветеранами, после прогулки с мужем на государственной даче в Серебряном Бору. Это произошло через два месяца после того, как Андропов снял ее мужа с должности.

6 ноября 1984 года указом Президиума Верховного Совета СССР он был лишен воинского звания «генерал армии». 12 ноября в квартире Щелокова провели обыск. Изъяли сто двадцать четыре картины, в том числе полотна Саврасова, Бенуа, Куинджи...

7 декабря персональное дело бывшего министра рассматривалось на заседании Комитета партийного контроля при ЦК КПСС. Щелоков отрицал предъявленные ему обвинения. Но члены КПК проголосовали единогласно: «За грубое нарушение партийной и государственной дисциплины, принципов подбора, расстановки руководящих кадров, злоупотребление служебным положением в корыстных целях в бытность министром внутренних дел СССР члена КПСС Щелокова Николая Анисимовича из партии исключить».

Таков был порядок, унаследованный еще от сталинских времен: сначала отобрать партбилет, а потом сажать, чтобы за решеткой не оказался член партии... Председателю КПК Михаилу Сергеевичу Соломенцеву потом доложили, что Щелоков, выйдя из зала, зашел к нему в приемную, спросил у дежурного секретаря, вернется ли хозяин в свой кабинет после заседания. Видимо, хотел поговорить. Но ждать не стал, ушел.

12 декабря указом Президиума Верховного Совета Щелоков был лишен звания Героя Социалистического Труда и всех наград, кроме полученных на войне. Щелокову позвонили из наградного отдела Президиума Верховного Совета СССР и предупредили, что награды придется сдать. Николай Анисимович сказал, чтобы приходили в три часа.

Он уже знал, что ордена не отдаст.

В полдень 13 декабря 1984 года надел парадный мундир с «Золотой Звездой» Героя Социалистического Труда. На мундире было одиннадцать советских орденов, десять медалей и шестнадцать иностранных наград. Он зарядил двуствольное охотничье ружье и выстрелил себе в голову.

Николая Анисимовича Щелокова похоронили на Ваганьковском кладбище рядом с матерью и женой. На похороны мало кто решился прийти. Надзирателей из КГБ, которые отмечали всех, кто пришел, оказалось больше, чем пожелавших проводить в последний путь бывшего министра.

Если бы Николай Анисимович больше всего не боялся позора, он бы

дожил до наших дней, работал бы консультантом в Министерстве внутренних дел, выступал на встречах с ветеранами и рассказывал, как его оклеветали.

Но что бы он ни совершил в своей жизни, он за это жестоко расплатился. И что бы о нем ни говорили, своей смертью он опроверг многие обвинения.

А чисткой МВД занялся новый министр внутренних дел — Виталий Федорчук. Помогал ему новый замминистра по кадрам генерал-лейтенант Василий Яковлевич Лежепек, который до этого был заместителем председателя КГБ по кадрам.

Андропов отправил его в МВД со словами:

— Там развелось много гнили — нужно почистить.

Юрий Владимирович распорядился укрепить кадровый состав министерства офицерами КГБ. 27 декабря 1982 года политбюро приняло решение откомандировать на укрепление МВД сто офицеров госбезопасности «из числа опытных руководящих оперативных и следственных работников».

Но сотрудники госбезопасности переходили в органы внутренних дел неохотно. Андропову пришлось лично этим заниматься. Он позвонил начальнику Московского управления госбезопасности генералу Алидину домой и попросил направить в МВД хороших чекистов:

— Работать им, имей в виду, предстоит лет пять, не меньше.

В Ленинграде начальником милиции сделали заместителя начальника управления КГБ Анатолия Куркова. Представлять его приехал сам новый министр Федорчук. В качестве компенсации Курков получил генеральские погоны. С ним в Управление внутренних дел на различные руководящие должности перешли еще два десятка чекистов.

Желания уходить с чекистской работы на милицейскую — даже на повышение — ни у кого не было. Возможно, поэтому на новом поприще почти никто не преуспел. Мало кто из чекистов задержался в МВД, большинство ушли при первой возможности.

Кадровые работники госбезопасности, писал бывший начальник уголовного розыска страны генерал-лейтенант Игорь Иванович Карпец, знали оперативную работу и следствие, но были воспитаны в пренебрежении к «быдлу» — милиции. Окунувшись в грязь, которую приходится чистить милиции, вынужденные на новой работе пахать, к чему они не привыкли, и получать выговоры за «плохую раскрываемость», чекисты стремились побыстрее вернуться обратно, откуда пришли.

После ухода Щелокова, 9 августа 1983 года, Андропов наконец провел

через политбюро решение «о контрразведывательном обеспечении МВД СССР, его органов и внутренних войск». В 3-м Главном управлении КГБ (военная контрразведка) сформировали управление «А», которое присматривало за милицией. Появилось и Управление особых отделов КГБ по внутренним войскам МВД СССР. Вскоре комитет доложил в ЦК: «Во исполнение принятого инстанцией решения развернута и активно проводилась работа по защите органов и войск МВД СССР от происков противника».

Прослуживший многие годы в Министерстве внутренних дел генерал-лейтенант Александр Иванович Гуров вспоминал эти времена в газете «Петровка, 38»:

«Парткомы перешли под контроль офицеров КГБ, в каждое милицейское управление определили чекиста, а то и двух. Они занимались контрразведывательным обеспечением органов внутренних дел: следили, вербовали, субъективно доносили, увольняли с черной меткой в личном деле, одним словом — работали».

Формально чекисты должны были выявлять иностранных шпионов, проникших в органы внутренних дел, и сражаться с коррупцией. В реальности они старались взять под полный контроль своих недавних соперников. Ни одного шпиона в органах внутренних дел не нашли. Рассказывают, что Федорчук, который всю жизнь провел в контрразведке, установил слежку даже за своими заместителями в Министерстве внутренних дел. При Щелокове такого не было. Федорчук обзавелся собственной агентурой. Каждый день к нему приходили люди из аппарата и докладывали, кто из замов чем занимается.

Тогдашний начальник Управления связи МВД СССР полковник Геннадий Сергеевич Громцев как профессиональный связист сразу определил, что его телефон поставлен на подслушивание, — профессиональное ухо улавливает еле слышные щелчки подключения. Громцев предупредил жену: «Перестань болтать по телефону всякую чепуху».

Федорчука раздражала система внутренней связи, существовавшая в министерстве. Когда он, нажав кнопку на пульте прямой связи, соединялся с кем-то из начальников управлений, то слышал какие-то шорохи и скрипы. Он пришел к выводу, что аппарат МВД его прослушивает. Раздраженный министр вызвал к себе полковника Громцева.

Тот вошел, по-армейски доложил:

— Товарищ министр, начальник Управления связи полковник Громцев по вашему приказанию прибыл!

Федорчук поднял голову. Выражение лица брезгливо-раздраженное:

— Ишь какой холеный полковник.

И тут же закричал:

— Бездельник! Если связь и дальше будет так же плохо работать, можешь сюда больше не заходить! Иди сразу в Управление кадров за бегунком!

И через слово — мат.

В реальности у министерства не было таких технических возможностей. Прослушиванием занимались только недавние подчиненные Федорчука на Лубянке. И действовали они по его указанию.

Крупный партийный работник, переведенный в МВД, рассказывал мне, что в первый же день установил, что прослушиваются все его телефоны. Человек опытный, он сразу позвонил начальнику 3-го Главного управления КГБ, которое курировало МВД:

— Ты зачем меня прослушиваешь? Я ведь не включен в этот список...

Существовал список чиновников, чьи телефоны подлежат «оперативному техническому контролю». В ЦК прослушивали всех сотрудников до уровня заместителя заведующего отделом. К телефонам высокопоставленных аппаратчиков подключались только по особому распоряжению.

Начальник 3-го главка засмеялся:

— Ладно, ладно, снимем с тебя прослушку.

Действительно, сняли, а заодно убрали еще два «жучка», которые были установлены в служебном кабинете заместителя министра внутренних дел.

Почему на роль председателя КГБ Андропов выбрал Чебрикова, а не начальника разведки Владимира Александровича Крючкова, с которым работал еще с венгерских времен? Для Андропова Крючков всегда оставался помощником, которого он продвигал, выдвигал, но не представлял в такой самостоятельной роли. Чебриков был профессиональным партийным работником, его назначение вполне укладывалось в рамки кадровых канонов. Андропов присвоил Чебрикову звание генерала армии и сделал кандидатом в члены политбюро.

ЧЕБРИКОВ. ЧЕКИСТЫ И ПАРТСЕКРЕТАРИ

Виктор Михайлович Чебриков был строгим, твердым, исполнительным, пунктуально соблюдающим партийные каноны работником. Его бывший охранник рассказывал «Парламентской газете»: «Это был жесткий армейский человек. Строгий начальник. Никаких вопросов, сантиментов — только служба, устав и инструкции». Подчиненным общение с ним едва ли доставляло удовольствие.

Виктор Михайлович пришелся по душе Андропову своей надежностью и исполнительностью. Он был душой и телом предан Андропову. Не примеривался к председательскому креслу и не занимался интригами. Чебриков был, возможно, единственным человеком в руководстве комитета, которому Андропов доверял.

Генерал Вадим Кирпиченко писал, что Чебриков в роли заместителя председателя КГБ руководил разработкой оперативной техники и борьбой с диссидентством. Его усилиями для нужд комитета был создан мощный оперативно-технический комплекс. Виктор Михайлович в 1980 году получил Государственную премию по секретному списку. Люди знающие утверждают, что премию дали за строительство подземного пункта управления страной на случай войны.

Юрий Владимирович, конечно же, нуждался в разных людях. Но на примере Чебрикова и Крючкова можно понять, какие качества он ценил более всего. Общим у Крючкова и Чебрикова были исполнительность и преданность. В окружение Андропова входили более сильные фигуры, более яркие интеллектуалы, более умелые профессионалы. Но на первые роли он выдвигал именно Чебрикова и Крючкова.

Видя, что Юрий Владимирович совсем не в состоянии ходить, и понимая, что на ноябрьские праздники генеральный секретарь просто не сможет подняться на трибуну мавзолея, Чебриков 11 мая 1983 года написал в ЦК записку:

«В период проведения партийно-политических мероприятий на Красной площади выход из Кремля к Мавзолею В. И. Ленина осуществляется по лестнице в Сенатской башне. Разница в уровнях тротуара в Кремле и у Мавзолея В. И. Ленина более 3,5 метра.

Считали бы целесообразным вместо существующей лестницы смонтировать в Сенатской башне эскалатор.

Просим рассмотреть».

28 июня решение политбюро было принято — «устройство эскалатора в Мавзолее В. И. Ленина». Но эскалатор Андропову уже не понадобился — он совсем слег...

В роли хозяина страны Юрий Владимирович Андропов сделал всего несколько кадровых назначений.

Он выдвинул двух секретарей ЦК: Михаила Сергеевича Горбачева и Николая Ивановича Рыжкова. Один вскоре возглавит партию, другой — союзное правительство.

Андропов сделал главным кадровиком страны Егора Кузьмича Лигачева, который вскоре займет кабинет второго человека в партии.

Перевел в Москву из Ленинграда Григория Васильевича Романова, которому поручил оборонную промышленность и которого будет считать главным конкурентом Горбачева в борьбе за кресло генерального секретаря.

Распорядился взять в ЦК КПСС первого секретаря Свердловского обкома Бориса Николаевича Ельцина, который станет президентом России.

А из Баку перевел в столицу первого секретаря республиканского ЦК Гейдара Алиевича Алиева. Назначил его первым заместителем председателя Совета министров СССР и ввел в Политбюро ЦК. Неожиданное назначение заметили, и родилась шутка: «ДОСААФ — это Добровольное общество содействия Андропову, Алиеву и Федорчуку».

Остальные кадровые решения окружению Андропова были понятны. Но почему Андропов перевел Алиева из Баку в Москву? Горбачев пишет в воспоминаниях, что прямо задавал ему такой вопрос. Юрий Владимирович «нехотя и уклончиво отвечал, что вопрос был предрешен Брежневым и он не захотел менять этого решения сам».

Почему Андропов так высоко вознес выходца из Азербайджана? Не мог же он предвидеть, что этот пост для Гейдара Алиевича — не последний, что он станет президентом независимого Азербайджана, а потом передаст этот пост сыну — Ильхаму. Какие планы новый хозяин страны строил в отношении Алиева? И какие отношения связывали Андропова и Алиева?

Юрий Владимирович восемнадцать лет был председателем КГБ СССР, прежде чем возглавил страну. Гейдар Алиевич два с лишним десятилетия прослужил в Комитете госбезопасности, прежде чем стать руководителем республики. Они оба верили, что порядок в стране могут навести только чекисты.

Как только сам Юрий Владимирович в мае 1967 года возглавил Комитет госбезопасности, ему пришлось решать: кто станет председателем

республиканского комитета в Азербайджане.

В Баку служил генерал Семен Кузьмич Цвигун, давний знакомый Брежнева по Молдавии. Брежнев рекомендовал Андропову вернуть Цвигуна из Азербайджана.

В тот же день Андропов попросил соединить его с Баку. Вечером Цвигун вылетел в Москву. Семена Кузьмича назначили заместителем председателя КГБ СССР. Через несколько месяцев он станет первым замом.

«Алиев страшно переживает», — записала в дневнике жена Цвигуна (ее дневник опубликовала на своем сайте внучка Цвигуна Виолетта Ничкова). Семен Кузьмич Цвигун, надо понимать, и рекомендовал Гейдара Алиева на свое место, хотя в республики обыкновенно присылали людей со стороны.

Приказ о назначении председателя республиканского Комитета госбезопасности издавался только после того, как его кандидатуру одобряло Бюро ЦК. Разумеется, эта процедура носила чисто формальный характер, но теоретически первый секретарь мог попросить подобрать другую кандидатуру. И Андропову пришлось бы прислушаться к мнению партийного аппарата.

Существовал некий паритет влияния партийного хозяина и местного руководителя госбезопасности. Первый секретарь подозревал, что госбезопасность присматривает за ним и обо всем сообщает в Москву. Но местный чекист понимал, что должен быть аккуратен и проявлять уважение к партийному руководителю.

22 июня 1967 года полковник Гейдар Алиевич Алиев был назначен председателем Комитета государственной безопасности при Совете министров Азербайджана. В Баку высокое назначение Гейдара Алиева произвело впечатление: впервые за многие годы Комитет госбезопасности возглавил свой, не приезжий.

А через два года председатель Комитета госбезопасности возглавил Азербайджан — событие не республиканского значения. 14 июля 1969 года состоялся пленум ЦК компартии Азербайджана. На повестку дня вынесли один — организационный — вопрос: избрание первого секретаря ЦК. В Баку приехал секретарь ЦК КПСС по кадрам Иван Васильевич Капитонов.

Пленум освободил Вели Юсуф оглы Ахундова, который десять лет руководил республикой, от обязанностей первого секретаря ЦК КП Азербайджана. Его сделали вице-президентом Академии наук республики. Первым секретарем избрали Гейдара Алиева.

Сотрудников КГБ на партийную работу не переводили. При советской власти офицеров госбезопасности первыми секретарями обкомов и

председателями облисполкомов не делали. Гейдар Алиев — чуть ли не единственное исключение.

Борис Карлович Пуго в Латвии или Гиви Григорьевич Гумбаридзе в Грузии тоже впоследствии станут первыми секретарями республиканских ЦК с должности председателя республиканского КГБ, но они оба не были профессиональными чекистами, а всю жизнь провели на партийно-комсомольской работе...

По заведенному порядку сотрудники КГБ не могли трудиться в партийном аппарате. Политических работников постоянно переводили на Лубянку, а вот обратной дороги не было. Если офицера КГБ — большая редкость! — брали в партийный аппарат, скажем в аппарат ЦК КПСС, он снимал погоны, то есть увольнялся из комитета.

Органы госбезопасности и внутренних дел неустанно укрепляли партийными кадрами. Перевод в аппарат КГБ или МВД для растущего партработника часто оказывался неприятным сюрпризом, потому что фактически ставил крест на карьере. Партийный работник мог занять любую должность в стране, а надевший погоны до пенсии оставался внутри системы.

Почему считалось невозможным назначить офицера госбезопасности первым секретарем? Чекисты не могут быть над партией. Почему для Гейдара Алиева сделали исключение? Во имя борьбы с коррупцией, которая невероятно распространилась в республике.

«На встречах люди говорили мне о взяточничестве высших чиновников, — вспоминал бывший второй секретарь ЦК компартии Азербайджана. — Как реагировать? Ведь взятку не установишь, если за руку не поймаешь. Но часто и доказательств особых не надо было. Например, у нас, секретарей ЦК, зарплаты одинаковые. У меня детей двое, у них по пять-шесть, а размах жизни куда богаче. Видно было, кто из какого кармана какие деньги доставал, какие машины заводил».

Гейдар Алиев провел массовую чистку кадров, снял с работы около двух тысяч чиновников. Например, был арестован весь состав инспекции республиканского Министерства торговли — двадцать четыре человека. Следствие вел КГБ Азербайджана. В доход государства поступило немалое число конфискованных ценностей.

«Алиев, — вспоминал один из бакинских партработников, — нашел приемлемую для партийной идеологии формулу: “Непримиримая борьба с негативными явлениями”. Борьба с коррупцией явилась главным двигателем его внутренней политики, тем идейным подспорьем, которое придало на какое-то время утраченную моральную привлекательность

начинавшей хиреть партийной власти».

В Баку со всей страны приезжали группы партийных работников изучать республиканский опыт. Возвращались приятно удивленные, рассказывали, как Алиев умело борется с коррупцией. Поражались тому, что он сделал прозрачным процесс сдачи экзаменов в высшие учебные заведения, куда раньше поступали за деньги.

Впрочем, восхищались только те, кто приезжал в Азербайджан на экскурсию. Виктор Михайлович Мироненко, в те годы видный работник Комитета народного контроля СССР, рассказывал, как, приехав в республику с проверкой, был поражен:

— В магазинах, в государственной торговле, все было, как на рынке, — продавцы самостоятельно устанавливали цены, покупатели с ними торговались. Продавец вел себя так, словно магазин ему принадлежал, а не государству...

В Москве в ту пору правление Гейдара Алива считали на редкость удачным. В 1976 году его сделали кандидатом в члены политбюро.

Пленумы ЦК проходили в Мраморном зале в Кремле. Руководство партии сидело в мягких креслах, обшитых золотистым плюшем. В перерыв участники пленума спускались в подвал, где находился буфет. Кормили бесплатно, но ели, стоя у высоких столиков, обменивались мнениями, присматривались друг к другу. А высшее руководство собиралось отдельно, им чай, кофе и закуски подавали официанты.

Со временем станет ясно, что масштабы коррупции в республике не уменьшились. При Алиеве по существу произошла смена республиканских элит. Важнейшие должности достались другому клану. А новое руководство, приведенное им к власти, желало так же наслаждаться жизнью, как и прежде.

Бывший заведующий идеологическим отделом ЦК компартии Азербайджана Расим Агаев и политолог Зардушт Али-заде пишут:

«Масштабы приписок в хлопководстве, виноделии и мелиорации были огромны, возможно, они не имели прецедента в истории советской экономики.

Согласно официальной статистике, Азербайджан возделывал хлопок в таких количествах, как если бы им была засеяна вся территория республики, включая леса, горы, водоемы. Совершенно непонятно в таком случае, откуда берутся миллионы тонн винограда, урожаи зерновых и бахчевых культур... Эта грандиозная афера так и не была до конца расследована, ибо механизм контролировался высшей партийной властью, в прямых интересах которой она осуществлялась...

Другой классический пример советского очковтирательства, с помощью которого из казны выкачивались огромные суммы, образующие теневой капитал, — мелиоративные работы в Азербайджане. Эксперты подсчитали, что объем реализованных мелиоративных работ позволял двенадцать раз обработать всю территорию республики».

«Недавняя поездка в Баку меня доконала, — пометил в дневнике писатель Юрий Маркович Нагибин, побывав в Азербайджане осенью 1980 года. — Я и представить себе не мог, что достигнут такой уровень холуйства и подхалимажа. Разговор с начальством ведется только с колен. Чем не сталинское время? Пустословие и славословие достигли апогея. Никакого стыда, напрочь забыты все скромные уроки послесталинского отрезвления — разнузданность перед миром и вечностью полная».

Андропов все это должен был знать. Но он считал Алиева своим воспитанником и хотел видеть в составе политбюро человека, который смотрел на него как на бога. Бывший председатель республиканского Комитета госбезопасности генерал-майор Алиев привык беспрекословно исполнять все указания Андропова.

Чуть позже во главе Латвии поставят председателя КГБ республики генерала Бориса Карловича Пуго. Он был сыном партработника и поднимался по комсомольско-партийной лестнице. В 1976 году в его жизни произошел неожиданный поворот: его пригласили в КГБ. Наверное, у Бориса Карловича были сомнения: партийная карьера у него ладится, зачем менять стезю? Но от предложений, сделанных в ЦК, отказываться не положено. Первым делом Пуго отправили на переподготовку в Высшую школу КГБ.

Он был назначен первым заместителем председателя КГБ Латвии. Курировал он среди прочего так называемую пятую линию, то есть борьбу с идеологическими диверсиями. На практике это означало контроль над латышской интеллигенцией, чьи истинные настроения ни для кого не были секретом.

Комитет старательно вербовал агентуру среди интеллигенции, следил, чтобы неблагонадежные артисты и писатели не ездили за границу, пытался работать с латышской эмиграцией в Скандинавии, Канаде и Соединенных Штатах. Но перегибать палку было нельзя, потому что Латвию называли «западной витриной Советского Союза», и деятелям культуры следовало предоставлять определенную свободу.

Через три года Пуго назначили председателем КГБ республики. Работа в госбезопасности наложила отпечаток на его характер. Он стал более скрытным, недоверчивым и еще более осторожным. В апреле 1984 года

генерал-лейтенанта Пуго сделали первым секретарем ЦК компартии Латвии. Его ждала большая карьера.

Что означает готовность доверить сотрудникам госбезопасности политическую работу? Желание оградить себя от неприятностей, перевалить на других заботы. Это свидетельство дряблости управленческого аппарата. Слабым руководителям проще увидеть в собственных неудачах заговор, происки экстремистов. Вот и возникает соблазн перепоручить политику чекистам. Снять с себя эту обузу.

Конечно, сотрудники спецслужб — такие же люди, как и все. Но у работников специальных служб с годами вырабатывается определенный взгляд на жизнь. Субординация и исполнительность воспитывают привычку подчиняться, а не самому принимать решения. В плоть и кровь впитываются подозрительность и недоверчивость к окружающим, когда мир жестко делится на своих и чужих. И возникает привычка действовать методами, которые часто неприменимы к гражданской жизни.

— Никакой цельной программы у Андропова не было, — рассказывал Владимир Крючков в интервью газете «Красная звезда», — он считал, что сначала надо разобраться в обществе, в котором мы живем.

Он считал, что надо постепенно определиться, а уж спустя четыре-пять лет...

Но разработать новую программу — на это ему в любом случае не хватило бы ни сил, ни времени. Да и какие же идеи мог предложить стране Андропов? Требования порядка и дисциплины, воплотившиеся в массовых облавах, которые устраивались в рабочее время в магазинах, банях и кинотеатрах, чтобы выявить прогульщиков и бездельников. Было это унижительно и оскорбительно.

Поклонники Андропова говорят, что облавы в Москве — это не его идея. Дескать, милиция перестаралась. Нет, похоже, милиция строго исполняла волю генсека.

5 июля 1983 года Андропов собрал секретарей ЦК и перечислил важнейшие задачи. Отдельно говорил о дисциплине.

— По Москве, — возмущался генеральный секретарь, — в рабочее время бродят тысячи бездельников. Как правило, управленцев и сотрудников научно-исследовательских институтов. Подтягивание дисциплины — это не кампания, а долговременная задача.

Андропов недолго оставался главой страны. Юрий Владимирович не мог обходиться без аппарата, заменявшего почку. Каждый сеанс диализа, очищения крови, продолжался несколько часов. Это была тяжелая, изматывающая процедура. Постепенно у него отказали обе почки. Это вело

к тому, что переставали работать печень, легкие. Пришлось прибегнуть к внутривенному питанию.

Охранники возились с ним, как с ребенком. Его носили на руках. Видел он только одним глазом. Когда читал книгу или служебную записку, дежурный охранник переворачивал ему страницы.

«Мне было больно смотреть на Андропова, лежащего на специальном беспролежневом матрасе, малоподвижного, с потухшим взглядом и бледно-желтым цветом лица больного, у которого не работают почки, — пишет академик Чазов. — Он все меньше и меньше реагировал на окружающее, часто бывал в забытьи».

В последние дни его навещил оставшийся в ЦК на хозяйстве Константин Устинович Черненко.

«Это была страшная картина, — вспоминал академик Чазов. — Около большой специальной кровати, на которой лежал изможденный, со спутанным сознанием Андропов, стоял бледный, задыхающийся, растерянный Константин Устинович, пораженный видом и состоянием своего друга и противника в борьбе за власть».

ИМПЕРИЯ МАРШАЛА УСТИНОВА

После смерти Андропова судьбу страны решали четверо: глава правительства Николай Александрович Тихонов, министр обороны Дмитрий Федорович Устинов, министр иностранных дел Андрей Андреевич Громыко и Константин Устинович Черненко.

Как это произошло, маршал Устинов потом рассказал главному кремлевскому медику — академику Чазову:

— Мы встретились вчетвером. Когда началось обсуждение, почувствовал, что на это место претендует Громыко, а его мог поддержать Тихонов. Ты сам понимаешь, что ставить его на это место нельзя. Знаешь его характер. Видя такую ситуацию, я предложил кандидатуру Черненко, и все со мной согласились.

«Я всегда верил Устинову, считая его честным и откровенным человеком. Но в тот момент мне показалось, что он чуть-чуть кривит душой, — пишет Чазов. — Больной, к тому же по характеру мягкий, идущий легко на компромиссы, непринципиальный Черненко вряд ли мог противостоять настойчивому, сильному и твердому Устинову, возглавлявшему военно-промышленный комплекс».

Когда Черненко избрали генеральным, он пересел на пятый этаж в основном здании ЦК на Старой площади, где находились кабинеты высших руководителей партии. До этого сидел на шестом этаже — с тех пор, как он стал секретарем ЦК. На приставном столике у генерального секретаря стоял «домофон» — аппарат связи с высшими руководителями партии и государства. Нажав кнопку, он мгновенно соединялся с членами политбюро и секретарями ЦК. Вызываемый немедленно снимал трубку светло-желтого без наборного диска аппарата и откликнулся: «Слушаю вас, Константин Устинович». Генеральный мог разговаривать, не снимая трубки.

Константин Устинович был к этому моменту безнадежно больным человеком, который скороговоркой зачитывал приготовленные ему тексты. Это вызывало не столько сочувствие, сколько раздражение. Черненко бодрился, не давал себе послабления, старался исправно исполнять свои обязанности. Но видно было, что он нетвердо стоит на ногах, тяжело дышит, кашляет.

Многие понимали, что Константин Устинович в Кремле не задержится. Цинично прикидывали, кто станет следующим хозяином страны.

Все шансы сменить Черненко были у министра обороны Дмитрия Федоровича Устинова, самого влиятельного члена политбюро. Уже Горбачев говорил Устинову:

— Беритесь, Дмитрий Федорович. Поддержим вас на посту генерального секретаря.

— Я уже в возрасте, — дипломатично отнекивался Устинов, — и болезней много.

Маршалу Устинову было далеко за семьдесят, но он продолжал работать в бешеном темпе, не давая пощады ни себе, ни другим. Вот уж кто работал сутками! Устинов спал несколько часов, ему хватало. Считал, что и другим достаточно спать так же мало. Бесконечно требовательный, он считал, что человек должен думать только о работе.

Далеко за полночь, завершая очередное совещание, Устинов бодро напутствовал своих помощников:

— А сейчас быстренько поспим и с утра за работу!

Дорогу вверх будущему министру обороны Дмитрию Федоровичу Устинову открыли массовые репрессии. Член политбюро Андрей Жданов, старательно выдвигавший питерские кадры, рекомендовал Сталину на освободившийся пост наркома вооружения молодого директора ленинградского оборонного завода «Большевик».

На склоне лет Устинов вспоминал, как в воскресенье вечером 8 июня 1941 года ему позвонили из Смольного:

— Вам нужно ехать в Москву. Билет на поезд у сотрудника горкома. Он вас ждет у пятого вагона.

Устинов еле успел на вокзал. Сотрудник горкома отвел его в сторону:

— Вас вызывают в Центральный комитет. Зачем, по какому поводу — неизвестно.

В Москву поезд пришел рано утром. Устинов прямо с вокзала поехал на Старую площадь. Там сказали, что пропуск заказан на одиннадцать. Полтора часа он прождал в сквере напротив здания ЦК.

Директора завода Устинова принял секретарь ЦК Георгий Маленков:

— Товарищ Устинов, вы знаете, зачем вас пригласили?

— Нет.

— В ЦК есть мнение назначить вас наркомом вооружения.

— Спасибо за доверие, — сказал Устинов. — Но сумею ли оправдать? Одно дело — завод, другое наркомат — десятки заводов.

— Подумайте, — сказал Маленков. — Сейчас идите в гостиницу.

О нашем разговоре никому не говорите. Потом вызовем, и вы сообщите свое решение.

Но продолжения разговора не последовало. На следующее утро Устинов прочитал в «Правде» указ о собственном назначении. Он сразу пошел в наркомат и налетел на заместителя начальника главка. Тот, еще ничего не зная, принялся распекать Устинова:

— Ты чего здесь? Разве не знаешь, что директорам запрещено без разрешения уезжать с предприятия? Кто тебе разрешил?

На шум вышел в коридор первый заместитель наркома Василий Михайлович Рябиков, позвал обоих в кабинет. Тут ему позвонили. Рябиков снял трубку:

— Слушаю. Нет, не читал. А что?

Василий Михайлович удивленно посмотрел на Устинова. Взял газету, прочитал указ и тут же поднялся:

— Поздравляю от души, Дмитрий Федорович, с назначением.

Устинов стал наркомом вооружения в тридцать два года. И с тех пор четыре десятилетия, меняя должности и кабинеты, занимался созданием оружия. Устинов был деловым, знающим, талантливым и энергичным человеком с большими организаторскими способностями и всецело преданный своему делу.

В марте 1965 года Брежнев сделал его секретарем ЦК и кандидатом в члены президиума. Они сблизились, потому что Брежнев прежде сам ведал военной промышленностью и космосом. Когда Дмитрий Федорович пересел в здание ЦК на Старой площади, Леонид Ильич пришел посмотреть, как тот устроился в новом кабинете. Это стало событием: руководитель партии ни к кому другому не ходил.

Как секретарь ЦК Устинов полностью замкнул на себя оборонную промышленность и не подпускал к этим делам главу правительства Алексея Николаевича Косыгина. На оборону работали и гражданские министерства, тут интересы Косыгина и Устинова постоянно сталкивались, и главе правительства приходилось уступать.

Академик Гурий Иванович Марчук поинтересовался у Косыгина, почему не создается специальное министерство вычислительной техники. Алексей Николаевич ответил, что вопрос не раз ставился на политбюро, но Дмитрий Федорович — против. Устинов говорил, что невозможно выделить производство вычислительной техники из всего оборонного комплекса, да и не нужно этого делать.

Брежнев с удовольствием занимался военными делами, охотно встречался с генералами. Все кандидаты на высшие должности утверждались в ЦК. Военными кадрами занимался отдел административных органов ЦК.

Генерал-полковник Иван Петрович Вертел ко рассказывал, как начальник Генерального штаба маршал Матвей Васильевич Захаров, будучи председателем Высшей аттестационной комиссии, хотел вычеркнуть не понравившуюся ему фамилию из списка офицеров, представленных к присвоению генеральского звания.

Но маршала остановил порученец:

— Список уже завизирован в ЦК, товарищ маршал.

И красный карандаш маршала замер.

При Хрущеве отдел административных органов возглавил генерал Николай Романович Миронов. После войны он был на партийной работе, стал на Украине секретарем Кировоградского обкома. В 1951 году, когда Сталин распорядился посадить очередную команду чекистов и образовались вакансии, его взяли в Министерство госбезопасности сразу на генеральскую должность — заместителем начальника Главного управления военной контрразведки. Берия в марте 1953 года отправил его в Особый отдел Киевского военного округа. После ареста Берии его вернули на прежнее место. Потом Миронов возглавил Управление госбезопасности в Ленинграде.

До Миронова отдел ЦК занимался еще медициной и спортом. И ему приходилось разбираться во взаимоотношениях между футбольными командами. Миронов добился, чтобы ему оставили только силовые структуры. Он курировал КГБ, армию, прокуратуру, суд. Принял деятельное участие в подготовке свержения Хрущева в 1964 году. Миронов был брежневским человеком — из Днепродзержинска.

Тогдашний заместитель председателя КГБ Сергей Саввич Бельченко рассказывал своему биографу Алексею Юрьевичу Попову: «Миронов пытался меня ввести в круг Брежнева. Предложил мне пойти на какой-то вечер, по сути дела, пьянку высокопоставленных партийных чиновников. Я отказался, на что он сильно обиделся».

Генерал-полковник Бельченко, осторожный человек, не хотел столь откровенно ориентироваться на одного из секретарей ЦК. А Миронов связал свою карьеру с Брежневым и мог считать, что поставил на верную лошадку.

«Миронов очень скоро обратил на себя внимание, — вспоминал генерал Филипп Бобков, который вырос в КГБ до должности первого зампреда, — он очень следил за своей внешностью. Миронов считал себя отцом профилактики в органах безопасности. Если бы не ранняя смерть Миронова, он бы достиг высоких постов не только в системе КГБ, но и в партии».

Николай Романович не успел насладиться успехом своего дела. Он погиб в октябре 1964 года, за несколько дней до отставки Хрущева, когда потерпел катастрофу самолет, на котором советская делегация во главе с новым начальником Генерального штаба маршалом Сергеем Семеновичем Бирюзовым летела в Югославию на празднование двадцатилетия освобождения Белграда. Самолет из-за плохой видимости врезался в гору.

Отдел административных органов ЦК возглавил Николай Иванович Савинкин. Трудовую деятельность он начал в 1932 году заместителем начальника районного отдела связи, заведовал отделом в райкоме комсомола. С 1935 года служил в армии на политработе. После войны окончил Военно-политическую академию имени В. И. Ленина и с 1950 года работал в аппарате ЦК. Савинкин долго просидел в кресле заведующего отделом, потому что умел ладить с людьми, избегал конфликтов.

Учетно-контрольная номенклатура отдела — заместитель командира дивизии по политической части. С кандидатом на эту должность беседовал инструктор отдела административных органов ЦК. В аппарат в основном попадали политработники, контакт со строевыми командирами у них не очень получался. Строевики жаловались, что на Старой площади с ними разговаривают высокомерно и поучающе.

Командир дивизии и выше — уже номенклатура Секретариата ЦК, с ними беседовали и заместитель заведующего отделом, и завотделом. Но на заседание секретариата не приглашали, утверждали опросом.

Командующий войсками военного округа — номенклатура политбюро. Командующих округами утверждал секретарь ЦК Устинов. Напутствував генерала, Устинов говорил Василию Ивановичу Другову, первому заместителю заведующего отделом административных органов:

— Теперь носи бумагу Кириленко, от него к Сулову.

Когда подписи секретарей ЦК были собраны, кандидата на высокую должность вели к Брежневу. Тот обычно выходил в приемную, обнимал генерала, приглашал к себе.

Адмиралу Николаю Николаевичу Амелько предложили должность заместителя главнокомандующего Военно-морским флотом по противолодочным силам. Но адмиралу, командовавшему Тихоокеанским флотом, не хотелось перебираться в Москву. Тогда заведующий административным отделом ЦК Савинкин отвел его к Брежневу.

Леонид Ильич сразу сказал:

— У нас плохо обстоит дело с борьбой против иностранных подводных лодок. Мы решили поручить исправить это дело тебе.

— Спасибо за доверие, — ответил адмирал. — Постараюсь оправдать

ваше доверие.

— Ну, старайся. — Брежнев пожал ему руку.

Когда адмирал уже был в дверях, генеральный секретарь его остановил:

— А мне доложили, что ты отказывался от этой должности.

— Товарищ Верховный главнокомандующий, — ответил адмирал, — я знаю, где можно отказываться, а где не положено.

— Вот это правильно, — довольно сказал Брежнев.

Министром обороны и после Хрущева оставался маршал Родион Яковлевич Малиновский, поскольку осенью 1964 года он поддержал Брежнева. На Западе Малиновского считали главным стратегом применения ядерного оружия. Но таким энтузиастом ракет, каким был Хрущев, он не стал. Академик Борис Евсеевич Черток вспоминал, что борьба за создание ракет и выход в космос министра Малиновского мало интересовала. Ему бы только меньше перетрясок, перестановок, чтобы спокойнее дожить свой век. Он, скажем, и вертолеты не воспринимал всерьез. Не верил, что винтокрылые машины окажутся мощным оружием на поле боя.

Министр обороны был, скорее, консерватором, а по характеру — флегматиком. Не увлекался выпивкой и охотой, предпочитал шахматы и рыбалку. Был немногословен, разыгрывал шахматные этюды.

«Красная звезда» проводила конкурсы на решение шахматных задач. Среди победителей оказался человек с той же фамилией и инициалами, как у министра обороны (см.: Военноисторический журнал. 2013. № 12).

Главный редактор газеты генерал Николай Иванович Макеев позвонил Малиновскому:

— Родион Яковлевич, в решении шахматных задач участвует Р. Я. Малиновский. Это вы или ваш однофамилец?

— Я, — признался министр. — Люблю шахматные задачи.

— Поздравляю, — сказал главный редактор. — Вы вышли на первое место.

Малиновский попросил не писать об этом. Так никто и не узнал, что в конкурсе победил министр обороны...

Более молодые и амбициозные военные группировались вокруг первого заместителя министра обороны Андрея Антоновича Гречко. Можно предположить, что Малиновский недолго оставался бы министром. Старые заслуги не в счет. Все, кто помог Брежневу прийти к власти, быстро лишились своих постов.

Малиновский это чувствовал и сам говорил:

— Еще годик, и уйду на пенсию.

Но до пенсии не дожил.

7 ноября 1966 года он принимал последний в своей жизни парад, хотя у него очень сильно болела нога. На следующий день слег и больше уже не встал. Его отправили в больницу, откуда он не вышел. Похоронили его 3 апреля 1967 года.

Новым министром Брежнев сделал маршала Гречко. В войну они вместе служили в 18-й армии. Андрей Антонович пользовался уважением в войсках. Он был сторонником разработки новой военной техники. С его помощью были приняты на вооружение боевые вертолеты, новые модели танков. Высокий, подтянутый, он любил строевую подготовку и требовал, чтобы в войсках занимались спортом.

Брежнев опирался на военных и давал им всё, что они просили. 5 июля 1967 года, выступая в Кремле на приеме по случаю очередного выпуска слушателей военных академий, Леонид Ильич говорил:

— Во время недавней поездки на Краснознаменный Северный флот мы с товарищем Косыгиным осмотрели новейшие корабли и ракетную технику. Состояние вооружения, боевая готовность флота, выучка личного состава произвели на нас хорошее впечатление...

Генералы и маршалы оценили Леонида Ильича — особенно по контрасту с Хрущевым, который с ними нисколько не считался, наградами и званиями не баловал.

В сделанных в 1968 году рабочих записях Брежнева встречаются пометки:

«О наградах. Дать Гречко орден Ленина, Ворошилову и Буденному — героев. Епишеву — Ленина, Тимошенко, Еременко, Баграмяну и Москаленко — ордена Октябрьской Революции. Всем маршалам дать по служебной “чайке”».

Заведующий отделом административных органов Савинкин жаловался Брежневу:

— Надо нам прекращать присваивать звания и раздавать ордена. Совсем обесценились.

Брежнев даже удивился:

— Тебе что, Коля, железа жалко? Пусть получают. Получат, выпьют, настроение лучше, есть стимул работать лучше. Зачем их этого лишать?

Сотрудник Министерства иностранных дел Александр Яковлевич Богомоллов увидел Брежнева в 1960-е годы, когда тот приехал в Группу советских войск в ГДР, чтобы выступить перед офицерами. Леонид Ильич произнес короткий тост и залпом выпил стакан водки. Полно было закуски,

но он даже не закусил, а начал совещание. Военные, по свидетельству Богомолова, тогда его просто боготворили. Он поражал офицеров своей удалью.

В конце апреля 1973 года Брежнев выступал на пленуме ЦК с докладом «О международном положении и внешней политике КПСС». Это было перед поездкой в Соединенные Штаты на переговоры с президентом Ричардом Никсоном. Брежневу нужна была поддержка, и он получил ее.

Министр обороны Гречко сказал:

— Леонид Ильич, в своей трудной и ответственной работе помни, что мы с тобой, что ты опираешься на плечи народа, нашей партии и Советской армии!

Слова министра обороны исключали сомнения в верности курса Брежнева.

Балагур и весельчак Гречко дружил с Брежневым. Андрей Антонович был единственным человеком, который на пленумах ЦК называл Брежнева на «ты». Однажды, выступая, заметил, что у китайцев не так уж много ядерных ракет.

— А у нас, — и, прервав себя, повернулся к президиуму: — Как ты думаешь, Леонид, сказать, сколько у нас?

Брежнев остановил его:

— Не надо, не пугай!

На апрельском пленуме 1973 года одновременно с председателем КГБ Андроповым и министр обороны Гречко стал членом политбюро. Министр почувствовал себя увереннее, ощутил свою силу. Он позволял себе пререкаться с генеральным секретарем.

На одном из заседаний Совета обороны, рассказывал помощник генерального секретаря Андрей Михайлович Александров-Агентов, министр обороны закатил Брежневу настоящую истерику из-за того, что генсек (и председатель Совета обороны) позволил себе без его, Гречко, ведома пригласить одного из видных военных конструкторов и обсуждать с ним оборонные дела.

Присутствующие ждали взрыва. Брежнев остался спокоен. Даже в напряженных ситуациях он проявлял максимальную сдержанность, не позволял себя спровоцировать. Но в отношениях между генеральным секретарем и министром обороны возник холодок.

Когда на политбюро обсуждался договор с американцами об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-1), Гречко сказал, что он как человек, который отвечает за безопасность страны, не может дать согласие на этот договор.

Брежневу это заявление не понравилось. Он сказал, что это он — председатель Совета обороны и главнокомандующий — отвечает за безопасность страны. На следующий день Гречко приехал к генеральному извиняться.

Характерно, что у заместителя председателя КГБ генерала Цинева, который присматривал за вооруженными силами, отношения с министром Гречко не сложились. А начальник 3-го управления Комитета госбезопасности генерал-лейтенант Иван Лаврентьевич Устинов, прежде руководивший Управлением военной контрразведки Дальневосточного военного округа, сумел поладить с министром обороны.

«В руководстве Министерства обороны к генералу Циневу проявлялась определенная сдержанность, даже по возможности ограничивалось его участие в проводившихся мероприятиях, — рассказывал Иван Устинов корреспонденту «Красной звезды». — Поэтому при решении проблем государственной важности и отдельных вопросов я часто вынужден был исполнять роль связующего звена между председателем КГБ Андроповым и министром обороны Гречко... Вот эти деловые связи с руководством другого силового ведомства не понравились генералу Циневу».

Георгий Карпович Цинев сказал Андропову:

— Нет ли у Устинова сговора с военными?

И в конце 1973 года генералу Устинову пришлось из центрального аппарата уйти. Он, правда, выбрал себе хорошее место службы — начальником Управления особых отделов Группы войск в Германии...

Генерал Устинов не уловил, что дело было вовсе не в Циневе. Это Леонид Ильич охладил к министру обороны.

В знак благодарности за свое назначение Гречко предложил присвоить Леониду Ильичу звание генерала армии, минуя звание генерал-полковник. Леонид Ильич был доволен. Однажды в Завидове появился к ужину в генеральской форме с новенькими погонами. Победоносно смотрел на свое окружение: вот я какой!

Но генеральских погон Брежневу было мало. Он мечтал стать маршалом. Как бы между прочим говорил членам политбюро:

— Военные меня уговаривают дать согласие на присвоение звания маршала.

А Гречко-то как раз и не желал делать Брежнева маршалом. Ему, профессиональному военному, знающему цену каждой звездочке на погонах, было обидно, что гражданский человек ни с того ни с сего станет Маршалом Советского Союза.

Маршал Виктор Георгиевич Куликов, который был тогда начальником Генерального штаба, рассказывал мне, как его вызвал Гречко:

— Давай придумаем для него что-то особенное — звезду, но поменьше, не как у маршала, и погоны специальные. Ты нарисуй и посоветуйся со Шкадовым (начальником Главного управления кадров), но больше ни с кем.

Нарисовали погон, как у генерала армии, Гречко что-то зачеркнул, потом взял линейку, померил звезду на своем погоне и стал уменьшать звезду на рисунке...

— Брежнев мог узнать об этом? — спросил я Куликова.

— Конечно, узнал.

Но споры с министром обороны решились сами с собой.

26 апреля 1976 года Гречко внезапно скончался.

На своей даче он спал один — на втором этаже. Каждый понедельник, в день физической подготовки в вооруженных силах, охранники из 9-го управления КГБ приезжали к нему на дачу в половине седьмого. Маршал завтракал, в семь часов садился в машину и ехал в ЦСКА заниматься спортом.

В тот день охранники прождали его около часа. Он так и не появился. Поднялись к нему на второй этаж, а он уже был мертв: обширный инфаркт. Он сидел в кресле, на полу валялись газеты, рука на столе. Не дотянулся до кнопки, чтобы подать сигнал тревоги.

Нового министра обороны подбирали в отделе административных органов ЦК. Первый заместитель заведующего Василий Другов рассказывал мне, что рассматривались две кандидатуры: маршал Иван Игнатьевич Якубовский, главнокомандующий объединенными вооруженными силами государств — участников Варшавского договора, и генерал армии Виктор Георгиевич Куликов, начальник Генерального штаба. Предпочтение отдавалось Куликову — молодому талантливому военачальнику.

Другова нашел маршал Якубовский:

— Кто будет министром?

— Откуда я знаю?

— Зачем обманываешь? Все на месте, а Куликова нет. Мы доподлинно знаем, что Куликов сейчас встречается с генеральным секретарем. Он и будет министром.

Появился Куликов — и тоже к Другову:

— Кто будет министром?

— А мы считали, что вы. Вы же сейчас встречались с Брежневым.

— Встречались, но по другому вопросу. А о министре он мне ничего не сказал.

Заведующий отделом Николай Иванович Савинкин устроил совещание в узком составе:

— Давайте предлагать кандидатуру. Сейчас начнут дергать сверху, спрашивать.

Не успел договорить, позвонил Брежнев:

— Кого ставим министром?

Савинкин осторожничал:

— Если из действующих военачальников, то есть начальник Генштаба Куликов, перспективный и молодой еще. И Якубовский, командующий войсками Варшавского договора.

— Давайте ставить Устинова, — неожиданно предложил генеральный секретарь. — Вы согласны?

Савинкин был слишком опытным аппаратчиком, чтобы промедлить с правильным ответом...

Устинов стал министром на следующий день после смерти Гречко, 27 апреля 1976 года. Леонид Ильич сказал:

— Я считаю, что мы правильно поступили, утвердив министром обороны товарища Устинова, человека опытного, прошедшего школу партийной работы, хорошо знающего вопросы обороны страны. Конечно, сорокалетнего товарища ставить на такой участок было бы нецелесообразно.

Вероятно, Брежнев имел в виду молодого начальника Генштаба Куликова, которого в военных кругах считали готовым министром. Члены политбюро вновь согласились с Леонидом Ильичом.

Но на этом заседание не закончилось.

Дмитрий Федорович Устинов поспешил с ответным словом:

— Товарищи, разрешите мне обратиться к Политбюро ЦК со следующим предложением. Все мы знаем, какую гигантскую работу по укреплению обороны страны выполняет Леонид Ильич Брежнев.

Он является председателем Совета обороны. Роль председателя Совета обороны у нас очень высока, и Леонид Ильич замечательно выполняет эту высокую обязанность.

По моему мнению, в связи с такой возросшей ролью Совета обороны и председателя Совета обороны, возглавляющего этот высший орган в нашей стране, председатель Совета обороны имеет все основания получить высшее воинское звание Маршала Советского Союза. Поэтому я вношу предложение присвоить Леониду Ильичу Брежневу звание Маршала

Советского Союза.

Члены политбюро как будто ждали этих слов. Все согласились с тем, что это совершенно правильное и давно назревшее предложение: конечно же, председатель Совета обороны должен быть маршалом.

Устинов был заводным и веселым человеком, отличался таким жизнелюбием, что его трудно было выбить из колеи. Он часто бывал у Брежнева дома и на даче. В отличие от Гречко Дмитрий Федорович никогда публично не называл генерального секретаря на «ты» и не спорил с ним, напротив, постоянно ссылался на его указания.

Почти всегда заседания коллегии Министерства обороны Устинов начинал так:

— Я только что разговаривал с нашим дорогим и любимым Леонидом Ильичом. Он передает вам всем привет и желает больших успехов...

Но Устинов был властным и амбициозным человеком и не терпел вмешательства в свои дела. И уже давно никто не смел сомневаться в его действиях.

— Когда министром стал Устинов, ему Брежнев особо доверял, — рассказывал Василий Другов. — Если в армии что-то происходило, Брежнев говорил Савинкину или мне: «Пусть разбирается Устинов, это его хозяйство, он за него отвечает и за него деньги получает. Пусть сам решит, какие меры принять, у него есть уставы, есть военный суд».

То есть всё было доверено Устинову.

— Иначе говоря, с назначением Устинова контроль над армией был утрачен?

— Контроль был, но... Он все вопросы доверительно решал с Верховным главнокомандующим.

Новым подчиненным Дмитрий Федорович объяснил, что порядки изменятся:

— Я военных академий не заканчивал, поэтому я не охотник и не рыбак.

Устинов намекал на внеслужебные пристрастия своего предшественника маршала Гречко, любившего поохотиться в Завидове, военно-охотничьем хозяйстве Министерства обороны.

В армии отношение к новому министру было двойственным. С одной стороны, ценили его стремление создать самые мощные в мире вооруженные силы. С другой, считали гражданским человеком. «Не за свое дело взялся, — писал об Устинове генерал армии Валентин Иванович Варенников. — Любой военный вопрос — для него проблема».

Форма сидела на нем не по-военному. Не послужив в армии и дня, он

при Сталине в роли наркома сразу получил генеральские погоны. Брежнев произвел его в маршалы.

«Для многих, если не для большинства кадровых военных (да и не только кадровых, но и отставников), назначение было неожиданным, — вспоминал начальник Военного издательства генерал-лейтенант Василий Сергеевич Рябов. — Для военачальников, имевших основания претендовать на более высокое назначение, такой “ход конем” был обидным».

Министр словно взялся доказать, что штатский человек способен сделать для вооруженных сил больше, чем военный. Пока он был секретарем ЦК, иногда спорил с армией. А заняв пост министра, вывел армию и военную промышленность из-под контроля политбюро. Все это теперь подчинялось ему одному.

Под его руководством было создано огромное количество новой военной техники. Даже знаменитые ракеты «Тополь» были еще при нем задуманы. Он по существу всю страну заставил работать на армию. Люди этого типа — очень ценные, но в определенном смысле опасные для государства. Они способны разорить страну.

Военно-промышленный комплекс съедал все большую долю национального дохода. При всем дружеском отношении к Брежневу Дмитрий Федорович буквально выкручивал ему руки, чтобы получить всё, что ему было нужно.

Заместитель заведующего международным отделом ЦК Анатолий Сергеевич Черняев находился в кабинете Брежнева, когда генеральному секретарю позвонил по ВЧ отдохавший на юге председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный.

Брежнев пожаловался Николаю Викторовичу:

— Я вот тут очень крупно поговорил с Устиновым. Он мне: я в этом убежден и буду настаивать. Ну, знаешь этот его пунктик. Я разошелся. Потом только опомнился, взял себя в руки. Весь день не мог в себя прийти. Ночью, часа в два, взял и позвонил ему. Помирились. Утром он мне на работу позвонил. А мы ведь с ним всегда по-товарищески.

Начальник Генерального штаба маршал Николай Васильевич Огарков говорил о том, что Устинов и на посту министра обороны остался представителем военно-промышленного комплекса. Он заставлял промышленность создавать все новые виды вооружений, добился больших результатов в милитаризации экономики и загнал страну в бесконечную гонку вооружений.

Споры министра и начальника Генерального штаба закончились тем,

что Устинов убрал Огаркова с поста начальника Генштаба.

«Принимали новый самолет, а там было много недоработок — вспоминал командующий истребительной авиацией войск ПВО страны генерал-полковник Николай Иванович Москвителев. — Я отказывался подписывать акт приема. И вот ко мне приходит делегация, в составе которой три профильных министра, и предлагают самолет принять, акт подписать, а недоработки, дескать, будут устранены в рабочем порядке. Я предложил им: завтра назначаем пробный полет, и приглашаю вас, товарищи министры, принять в нем участие. Ни одного из них в кабинете не осталось».

Войска стремились во что бы то ни стало использовать выделенные средства и заказывали в огромных количествах ненужную и устаревшую технику. Никто в министерстве не думал о том, что деньги нужно тратить и на социальные нужды солдат и офицеров, улучшать их материальные и бытовые условия.

— Жилой и казарменный фонд в большинстве военных городков округа устарел, — сообщил на Всеармейском совещании член военного совета Забайкальского военного округа генерал Алексей Дмитриевич Лизичев. — Свыше десяти тысяч солдат, сержантов и офицеров живут в палатках при сорокаградусном морозе. Многие котельные выходят из строя, температура в казармах и домах низкая, а круглосуточное пользование нагревательными приборами не исключает возникновения пожаров и несчастных случаев.

«Строители, — вспоминал начальник ядерного главка Минобороны генерал-полковник Владимир Иванович Герасимов, — круглогодично жили в армейских палатках, питались из походных кухонь, мылись в полевых банях, офицеры месяцами, а то и годами были оторваны от своих семей, напряженно работая по 16–18 часов в сутки. Строительная техника и автомобильный транспорт работали на износ».

Когда он перешел в Министерство обороны, стали подыскивать ему смену в ЦК. Устинов предложил своего человека — Леонида Васильевича Смирнова, заместителя главы правительства и председателя Военно-промышленной комиссии. Устинов мог рассчитывать, что Смирнов будет по-прежнему выполнять его указания. Но Смирнов никогда не был на партийной работе, поэтому на эту должность поставили первого секретаря Свердловского обкома Якова Петровича Рябова.

Яков Петрович оказался в Москве в полном одиночестве. У него не было своей команды, способной поддержать или предостеречь. Очень быстро новый секретарь ЦК по оборонному комплексу, настырный и

упорный по характеру человек, вступил в прямой конфликт с маршалом Устиновым:

— Дмитрий Федорович, я секретарь ЦК КПСС и должен отстаивать его линию, а не вашу ведомственную. Когда до меня вы были секретарем ЦК, вы ведь проводили линию партии, а меня хотите сделать подручным, я на это не пойду!

Много позже Рябов рассказывал мне, как стал разбираться с состоянием противоздушной и противоракетной обороны страны. Выяснилось, что вооруженные силы не готовы к отражению нападения вероятного противника на Москву. Рябов изложил свои претензии министру обороны. Устинов на Рябова обиделся. Дальше — больше. Рябов стал показывать, что теперь он — хозяин военно-промышленного комплекса. Нити управления уходили из рук Устинова.

Например, на складах Министерства обороны хранилось огромное количество старых танков Т-34, которые даже нельзя было подарить какой-нибудь развивающейся стране. Но ради этой устаревшей техники приходилось содержать целые городки. Рябов предложил ликвидировать устаревшую и ненужную технику. Устинов категорически отверг предложение.

Рябов написал записку с предложением сократить закупки военной техники на восемь миллиардов рублей. Записку Рябову вернули. В военных делах Устинов был важнее.

Яков Петрович возражал против еще одной устиновской идеи — создавать ядерные артиллерийские снаряды. Взрыв такого снаряда на поле боя будет губителен не только для противника, но и для собственных войск. Но Устинов, большой поклонник артиллерии, стоял на своем.

Рябов вмешивался и в космические дела. Устинов поручил знаменитому создателю космических двигателей Валентину Петровичу Глушко разработку многоразовой космической системы, состоявшей из сверхмощной ракеты «Энергия» и космического самолета «Буран». Рябов был поклонником другого главного конструктора космической техники — Владимира Николаевича Челомея, чьи идеи казались ему более реальными и дешевыми. Но в космических битвах на земле Устинов неизменно брал верх.

Рябов слишком поздно понял, что Устинов занимает особое положение в политбюро. Рябова убрали из ЦК. И после этого Устинов в течение четырех лет не допускал избрания нового секретаря ЦК по военным делам.

После смерти Андропова именно Устинов стал ключевой фигурой в жизни страны. Черненко к нему очень прислушивался. Дмитрий

Федорович, оптимист и жизнелюб, был опорой Черненко. Поддержка министра обороны многое значила для него. Помощник Черненко Виктор Прибытков рассказывал, что с Дмитрием Федоровичем Константин Устинович чувствовал себя увереннее и бодрее.

Устинов рассказывал ему:

— Ты знаешь, я тут своих помощников поднял на крыло. Прихожу утром в девять и говорю: «А где у тебя чемодан?» — «Какой чемодан?» — «Как какой? Мы через полчаса летим в Североморск». Ну, они мужики тертые, у них всё при себе. Вызвали машины и в аэропорт. Полетели в Североморск. Никто ничего не знал, даже командующий флотом. Я им говорю: «Веди на подлодку. Погляжу». Протащил их там через кубрики. Они запыхались. Потом собрал военный совет и объяснил, зачем приехал: начинаем новое строительство. Вечером улетел.

И радостно заключил:

— Дал я им шороху!

Адмирал Владимир Николаевич Чернавин, тогда начальник Главного штаба флота, рассказывал, как ему позвонил Устинов:

— Квартирu получил?

— Получил.

— Нравится?

— Нравится.

— Да не тебе, а твоей жене?

— Нравится.

— Ну, вот и хорошо, меньше пилить будет.

«Устинов не признавал слов “нет”, “не могу”, — вспоминал генерал-лейтенант Виктор Вячеславович Фаворский, заместитель начальника Главного управления космических средств. — Для него не существовало никаких трудностей».

Иногда казалось, что он просто не выпускает из рук телефонную трубку.

«Ижевскому мотозаводу, — вспоминал генерал-лейтенант Иван Васильевич Мещеряков, — было предложено создать уникальный прибор с прецизионным механическим устройством. Директор заявил, что у него на предприятии не найдется специалистов такого класса.

Устинов возразил:

— Как это нет специалистов? В цехе № 36 есть два классных слесаря-лекальщика — Потапов и Федоров. Соедините меня с ними, я сам поговорю».

Советская экономика работала в ручном режиме. Исполнялись только

прямые указания министра, поэтому Устинов должен был практически круглосуточно следить за тем, чтобы подчиненная ему машина работала.

Нехватку военного образования и стратегического кругозора министр пытался компенсировать своей бешеной работоспособностью. Устинов, кажется, вообще не уставал и не испытывал потребности в отдыхе.

— В одиннадцать или двенадцать вечера, — рассказывал маршал Виктор Куликов, — звонит Устинов: «Виктор Георгиевич, на месте? Зайди». В субботу, в воскресенье он звонит в приемную: «Виктор Георгиевич где? На даче? Не беспокойте его». А через несколько минут опять звонит, и я понимаю, что надо ехать в министерство.

Обыкновенно Устинов работал с семи утра до одиннадцати вечера. Вернувшись домой, мог позвонить кому-то из подчиненных. И никто не решался признаться, что уже лег спать. Устинову хватало трех-четырёх часов сна. Министр пребывал в уверенности, что и другим этого достаточно.

Обсуждали создание многоцветной транспортной космической системы по программе «Энергия» — «Буран». Начали после обеда. В полночь министр общего машиностроения Сергей Александрович Афанасьев предложил Устинову продолжить обсуждение на следующий день.

— Устали? — спросил Дмитрий Федорович. — Если кому приспичило или покурить хочется, то потихоньку выходите, а нам не мешайте.

И как ни в чем не бывало продолжал обсуждение до четырех утра.

«Не все выдерживали такую напряженную работу и уходили из команды, — вспоминал его многолетний помощник генерал-полковник Игорь Вячеславович Илларионов. — Такие люди переставали для него существовать, и он не хотел с ними встречаться и разговаривать даже по телефону».

Как выразился генерал армии Махмут Ахметович Гареев (в ту пору заместитель начальника Главного оперативного управления Генштаба), «вся его личная жизнь и личные интересы определялись лишь необходимостью физиологического выживания и поддержания жизненных сил для всеохватывающей и всепоглощающей работы».

Своим помощникам Устинов советовал:

— Надо вести правильный образ жизни и, главное, регулярно пользоваться баней. Баня — это лучшее средство для снятия усталости.

Чем больше Устинов вооружал страну, тем в меньшей безопасности ощущали себя советские люди. И в конце устиновской эпохи всерьез заговорили о возможности новой мировой войны. Задиристость и

воинственность тона министра обороны пугали даже партийных чиновников. Это постоянная тема разговоров работников аппарата ЦК в 1984 году. Появился термин «двоекратия» — Громыко плюс Устинов.

На даче внучка спросила Дмитрия Федоровича:

— А войны с Америкой и Китаем не будет?

Устинов ответил как-то весело:

— Не должно бы!

Осенью 1984 года состоялись совместные военные учения на территории Чехословакии. В них принимали участие Устинов и министр национальной обороны Чехословакии генерал армии Мартин Дзур. Он стал министром обороны еще при Александре Дубчеке, во время Пражской весны. В августе 1968 года генерал приказал армии не оказывать сопротивления вступившим в страну войскам Варшавского договора, поэтому сохранил свой пост, когда других соратников снятого с должности либерального первого секретаря ЦК компартии Чехословакии выбросили из политической жизни.

После маневров советская делегация задержалась, чтобы принять участие в праздновании сорокалетия Словацкого национального восстания. Советских гостей повезли в горы, прием устроили на открытой террасе. Погода была плохая. Устинов сильно простудился. Возможно, заразился от кого-то вирусной инфекцией, которую вначале приняли за обычный грипп. Военачальники братских армий, как это было принято, крепко обнимались и жарко целовались. Тот же недуг поразил и министра обороны Чехословакии генерала Мартина Дзура...

После возвращения с маневров Устинов почувствовал недомогание, у него началась лихорадка, очаг инфекции возник в легких.

Министру обороны предстояло провести большое совещание: подвести итоги боевой и политической подготовки Вооруженных сил СССР в 1984 году и поставить задачи на будущий год. Собрали все руководство вооруженных сил страны — военных округов, групп войск, армий, корпусов. Присутствовал центральный аппарат Министерства обороны и Генерального штаба, а также представители ЦК КПСС, Совета министров, Военно-промышленного комплекса, Министерства иностранных дел и Комитета госбезопасности.

А чувствовал себя министр очень плохо.

«Все присутствующие обратили внимание на состояние Дмитрия Федоровича, — рассказывал заместитель начальника Главного политического управления генерал-полковник Борис Павлович Уткин. — Он был менее энергичен, чем прежде, плохо выглядел. Отнесли это к

озабоченности предстоящим совещанием. Между тем объяснялось это другим — болезнью».

На другой день Устинов должен был произнести большую речь. Министру советовали выступить коротко, а основной доклад поручить первому заму — маршалу Сергею Леонидовичу Соколову. Устинов не соглашался. Начальник Центрального военно-медицинского управления Федор Иванович Коротков распорядился сделать ему какие-то уколы. И он вышел на трибуну.

Минут тридцать Устинов говорил нормально. За его спиной офицер Генштаба по ходу доклада демонстрировал те или иные таблицы, карты, схемы. А потом Устинов побледнел, стал делать ошибки, как-то странно запинаться. Все поняли: с министром что-то неладное. Казалось, он сейчас упадет. Его помощник Илларионов — к президиуму:

— Не видите, что ли? Он сейчас свалится.

Когда Устинов опять запнулся, Соколов подошел к министру:

— Дмитрий Федорович, пора нам перерыв сделать.

Устинов пытался еще что-то говорить, но помощник взял его под руку и помог сесть. После двадцатиминутного перерыва на трибуну поднялся маршал Соколов:

— Министр обороны поручил мне дочитать его доклад.

Вызвали врачей. Чазов забрал Дмитрия Федоровича к себе в Центральную клиническую больницу, откуда он уже не выйдет. Хотя поначалу ничто не предвещало трагического исхода.

Казалось, Устинов обладал отменным здоровьем. Однако смерть жены сильно на него подействовала. Болел он серьезно: две операции по поводу злокачественной опухоли, инфаркт миокарда, урологическая операция. Он продолжал работать в прежнем бешеном темпе, не давая пощады ни себе, ни другим. Надорвался, и страна надорвалась вместе с ним.

Из больницы он позвонил своему первому заместителю в Министерстве обороны маршалу Василию Ивановичу Петрову. Голос был слабый, и Петров не сразу понял, кто с ним говорит.

Устинов огорченно произнес:

— Вы меня не узнаете.

Вот теперь маршал сообразил, что звонит министр:

— Петров, слушаю вас.

— Я должен был лететь во Вьетнам на празднование сорокалетия их армии, — сказал Устинов, — врачи не разрешают. С моей всей группой летите вы! Вопрос согласован с Ле Зуаном и Константином Устиновичем Черненко.

— Я постараюсь с честью эту задачу выполнить, срыва не будет, — обещал маршал Петров и поинтересовался: — Как у вас дела, Дмитрий Федорович?

— Воспалились легкие, но эту болезнь я преодолею, — ответил Устинов тихо.

«Перед заседанием Политбюро, — записал в дневнике председатель Совета министров России Виталий Иванович Воротников, — Черненко информировал, что Устинов несколько дней в больнице. Наступило резкое ухудшение. (А я не знал, что с ним. Рак? Неизвестно.) Все посочувствовали — надо надеяться. Состояние здоровья, особенно руководителей страны, тайна за семью печатями, никакой информации не получишь. Каждый имел в поликлинике определенный код (номер истории болезни). Под этот код шли все процедуры, лекарства. Кто и когда завел такой порядок?»

Устинова положили на третьем этаже в Центральной клинической больнице, где в люксе на четвертом этаже обосновался тяжелобольной генеральный секретарь. Черненко периодически укладывался на больничную койку. Немного подлечат, он выйдет.

Огорченный Константин Устинович пошел навестить Дмитрия Федоровича: что же он так расхворался? Устинов, лежа на больничной койке, утешал генсека:

— Держись, Костя! Ну, ты давай, не поддавайся. Ничего, все пройдет, все нормально. Твоя болезнь обязательно отступит. Нам не пристало сдаваться...

— Ты-то как сам?

— Я пробуду дня три-четыре, оклемаюсь — и на службу, хватит тут лежать. Работы невпроворот, дел уйма.

А через четыре дня его не стало.

Лечение не давало эффекта. Несмотря на проводимую терапию, у Дмитрия Федоровича шел инфекционный процесс вирусного происхождения. Начала увеличиваться аневризма аорты, что грозило разрывом сосуда и мгновенной смертью. Пришлось оперировать. Операция протекала тяжело — массивное кровотечение. Обычное переливание крови не помогало, прибегли к прямому переливанию. Подошла кровь присутствовавшего в операционной анестезиолога, его сразу положили на стол.

Несмотря на усилия медиков, Устинов погиб от нарастающей интоксикации. Заболевший одновременно с ним министр национальной обороны Чехословакии генерал армии Мартин Дзур пережил его на три недели.

«Умер Устинов, — записал в дневнике заместитель заведующего международным отделом ЦК Анатолий Черняев. — Хоронят обыденно. Видно, не хотят “акцентировать”».

Черненко на похороны не пришел, хотя смерть Устинова была для него сильнейшим потрясением. Этот удар был сильнее, чем смерть Брежнева.

— Дмитрий Федорович, я от тебя этого не ожидал, — с горечью произнес он.

Но врачи запретили ему присутствовать на похоронах из-за сильного мороза.

Пока веселый, мажорный, заводной Устинов был рядом, Черненко еще бодрился. Потеряв надежного соратника, он совсем сник. Ему самому жить оставалось считанные недели.

Дмитрий Федорович ушел из жизни тогда, когда настала его очередь встать во главе партии и государства. Если бы странная болезнь не свалила министра обороны, история Советского Союза сложилась бы иначе. В марте 1985 года генеральным секретарем ЦК КПСС стал бы не Михаил Сергеевич Горбачев, а Дмитрий Федорович Устинов — веселый, напористый, властный, абсолютно уверенный в себе и в отличие от коллег по политбюро свободный в проявлении своих чувств и эмоций.

Часть пятая
НОВАЯ ВЛАСТЬ И СТАРЫЕ
ИНСТРУМЕНТЫ

ЯЗОВ. ПОСАДКА НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

28 мая 1987 года спортивный легкомоторный самолет «Сессна-172 Скайхок» восемнадцатилетнего авиалюбителя из Федеративной Республики Германия Матиаса Руста преспокойно долетел до Москвы.

После неудачной попытки приземлиться на брусчатке Красной площади Руст сел на Москворецком мосту и подрулил к Покровскому собору. Система противовоздушной обороны не помешала ему долететь до Кремля.

Бывшему руководителю Москвы Николаю Григорьевичу Егорычеву, который за двадцать лет до этого, летом 1967 года, выразил на пленуме ЦК озабоченность состоянием противовоздушной обороны столицы, позвонил бывший заместитель командующего Московским округом ПВО:

— Как вы были правы, Николай Григорьевич...

Потом выяснилось, что самолет Матиаса Руста был обнаружен дежурной радиолокационной станцией 922-й отдельной радиолокационной роты, находившейся на берегу Финского залива. Информацию передали на командный пункт радиотехнического батальона, командный пункт радиотехнической бригады и разведывательно-информационный центр дивизии противовоздушной обороны в Таллине. А дальше началась цепь ошибок — результат безалаберности и разгильдяйства, которые позволили немцу преспокойно долететь до самой Москвы.

Весть о приземлении немецкого самолета в центре столицы застала генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Сергеевича Горбачева в Берлине на заседании Организации Варшавского договора. Он был потрясен: как это могло произойти? Воспринял громкую историю как личное унижение.

На заседании политбюро Горбачев негодовал: приземление Руста на Красной площади — пощечина стране и армии, сигнал неблагополучия в обеспечении безопасности и безответственности в высшем командном составе.

Он обратился к первому заместителю министра обороны генералу армии Петру Георгиевичу Лушеву:

— Вам об этом доложили?

— Нет. Я об этом узнал после посадки самолета в Москве.

Горбачев не выдержал:

— Узнали от ГАИ?

Генеральный секретарь констатировал:

— Произошло событие, которое по своим политическим последствиям превосходит всё, что было в прошлом... Речь идет об утере веры народа в нашу армию, в то, ради чего он пошел на многие жертвы. И это надолго. Нанесен также удар по политическому руководству страны, его авторитету.

Министром обороны был Сергей Леонидович Соколов. Он родился в Евпатории 1 июля 1911 года. Работать начал упаковщиком на складе райпотребсоюза. В 1932 году его призвали в Красную армию. Окончил бронетанковое училище. Участвовал в боевых действиях против японской императорской армии на озере Хасан в 1938 году, получил медаль «За отвагу».

Войну начал начальником штаба танкового полка. В 1947-м окончил Военную академию Бронетанковых и механизированных войск. В 1951-м — Военную академию Генерального штаба. Командовал войсками Ленинградского военного округа.

В апреле 1967 года, когда министром обороны стал Гречко, Соколова назначили его заместителем. Маршал Василий Петров вспоминал, как на учения в Монголии Соколов приехал в шинели и фуражке, а был тридцатиградусный мороз, но так он все десять дней и проходил. Все удивлялись его богатырскому здоровью.

В 1980 году Соколова отправили в Кабул руководителем Оперативной группы Министерства обороны. За Афганистан он получил «Золотую Звезду» Героя Советского Союза. После смерти Устинова в конце декабря 1982 года его назначили министром.

Назначение Соколова, вспоминал генерал армии Валентин Варенников, «было для нас, военных, такой же неожиданностью, как и в свое время назначение Устинова... Ему шел уже 74-й год. Были кандидатуры помоложе, причем с достоинствами, присущими Соколову. Маршалу Василию Ивановичу Петрову в то время было 67 лет. А маршалу Виктору Георгиевичу Куликову еще меньше — 63 года. Они тоже и знающие, и известные военачальники, и тоже заместители министра обороны... Предпочтения были отданы Соколову, очевидно, потому, что у него все-таки лучше других была выражена способность к “мирному сосуществованию” с любым руководителем страны».

Но Руст поставил точку в его карьере.

Горбачев обратился к министру обороны Соколову:

— Сергей Леонидович, я не сомневаюсь в вашей личной честности. Однако в сложившейся ситуации я на вашем месте подал бы в отставку.

Соколов тут же сказал, что просит принять его отставку. Реакция

Горбачева понятна. Но маршал Соколов в августовском путче 1991 года участия бы не принял...

После перерыва Горбачев зачитал предложения:

— Первое. Принять заявление товарища Соколова об уходе на пенсию. Второе. Утвердить министром обороны товарища Язова. Третье. Товарища Колдунова с поста главнокомандующего войсками ПВО страны освободить.

Члены политбюро согласились. Уволили и командующего войсками ордена Ленина Московского округа противовоздушной обороны маршала авиации Анатолия Устиновича Константинова. Новый командующий округом ПВО генерал-полковник Владимир Георгиевич Царьков говорил: нам нанесено национальное оскорбление, и летный состав настроен в подобной ситуации на самые крайние меры, вплоть до тарана...

Сам маршал Соколов говорил, что хотел бы видеть своим преемником маршала Василия Петрова: прошел по всей служебной лестнице и имеет свое мнение, которое не побоится отстаивать даже в разговоре с генеральным секретарем.

Горбачев предпочел генерала армии Язова, который командовал Дальневосточным военным округом. Там Михаил Сергеевич его и приметил:

— В округе множество проблем, в том числе бытовых. Действовал Язов уверенно, спокойно. Добился оздоровления обстановки. Большой армейский опыт — прошел все должности.

В роли заместителя министра обороны и начальника Управления кадров Язов начал омоложение армии: в отставку ушло 1200 генералов. Но выбор Горбачева оказался неожиданным для многих. Язов не занимал престижных постов — начальника Генштаба, командующего Московским округом или Западной группой войск. У него были другие ценные качества. Дмитрий Тимофеевич был дисциплинированным исполнителем.

«Военно-промышленный курьер»:

«Он полагал, что следует просто честно исполнять приказы руководства — и все будет в порядке. В Москве в тридцатиградусную жару заставлял офицеров носить кители и организовывал облавы на тех, кто позволял себе появиться в городе в рубашках. То есть сосредоточивал свой огромный министерский ресурс порой на мелочах».

«Независимое военное обозрение»:

«Маршал Язов на посту министра в первую очередь интересовался хозяйственными делами. После каждой его поездки в войска уходили шифротелеграммы: “Министр обороны посетил такой-то мотострелковый

полк... Выявлены следующие недостатки... В солдатской казарме завязки на подматрасниках завязаны за каркас кровати, а не за пружины; одеяла не промаркированы; бирки на шинелях неоднобразные; наволочки рваные; длина лицевых полотенец не соответствует норме; территория военного городка захламлена; окна чердаков открыты»».

Жизнь будущего министра обороны складывалась трудно. Отец умер, когда он был совсем маленьким. Отчим не вернулся с фронта. Дмитрий Федорович воевал, дважды был ранен. После войны остался в кадрах. Во время Карибского кризиса (1962 год) его 400-й мотострелковый полк отправили на Кубу — воевать, если американцы захотят свергнуть режим Фиделя Кастро. После Академии Генерального штаба командовал армией, Центральной группой войск — на территории Чехословакии. В 1984 году в звании генерала армии принял Дальневосточный военный округ.

Несчастья словно преследовали Язова. Двухлетняя дочка погибла — упала в котел с кипятком. Потом родились сын и дочь, но умерла жена. Женился во второй раз уже в роли командующего округом. В мае 1991 года они попали в автокатастрофу, жене сильно досталось. В 1994-м умер старший сын. Умерла жена сына, погибли в автокатастрофе внук и зять.

На пленуме ЦК бывшего министра Соколова лишили высокого партийного звания кандидата в члены политбюро, вместо него ввели Язова. Писатель Владимир Васильевич Карпов, дослужившийся до полковника, поздравил Дмитрия Тимофеевича с избранием.

Министр пошутил:

— Догнал тебя.

— И перегнал, — ответил Карпов. — Теперь вы кандидат в члены политбюро! Что-то вас маринуют, не присваивают звания маршала. Вы министр обороны, вам положено, у начальника Генштаба Огаркова даже заместитель Ахромеев был маршалом.

— Сие от меня не зависит, — сказал с улыбкой Язов.

Маршала Соколова перевели в генеральные инспектора Министерства обороны. Остальным, кого сочли виновным в истории с Рустом, повезло меньше. Наказали тридцать четыре генерала и офицера: исключали из партии, увольняли с военной службы, отдавали под суд.

Горбачев жаждал перемен в вооруженных силах. В Москву вызвали командующего войсками Среднеазиатского округа генерала Владимира Николаевича Лобова. На Старой площади с ним утром побеседовал заведующий отделом административных органов ЦК Савинкин. Повел к генеральному секретарю.

Разговаривали около часа. Горбачев пожаловался, что в министерстве и

в Генштабе плохо владеют ситуацией, на последнем заседании Совета обороны даже численность вооруженных сил докладывали разную. Горбачев назначил Лобова первым заместителем начальника Генерального штаба. Поручил разобраться в ситуации и предложить контуры реформы вооруженных сил. Напутствовал:

— Вростаите в Генштаб, вникайте в дела, начальник Генштаба (маршал Ахромеев) болен, вот его и замените.

Сергей Федорович Ахромеев не собирался быть военным. Он родился в мае 1923 года. Рано остался без отца — Федора Ивановича Ахромеева как «кулака» репрессировали в 1929 году и выслали в Среднюю Азию. Уже в перестроечные годы Ахромеев рассказывал журналисту, приехавшему из родной Мордовии:

— Нашу семью раскулачили, и она пропала буквально в течение нескольких месяцев. Большинство погибло.

Какая трагедия стоит за этой историей! Тяжелое детство, репрессированный отец — это не могло не наложить отпечатка на его мироощущение. Наверное, он всю жизнь неосознанно пытался доказать, что не только не имел никаких отношений с раскулаченным отцом, но и что сын кулака может быть отличным офицером.

Жена Сергея Федоровича (они вместе учились в школе) рассказывала, что муж увлекался литературой и намеревался поступить в знаменитый перед войной ИФЛИ — Московский институт истории, философии и литературы имени Н. Г. Чернышевского.

Но пришлось выбрать занятие надежнее литературы или философии. По комсомольской путевке в 1940 году поступил в Высшее военно-морское училище имени М. В. Фрунзе. Летом курсантов отправили на практику в Либаву, там он и встретил войну.

Курсантов-моряков включили в 3-ю бригаду морской пехоты. Старшину второй статьи Ахромеева назначили заместителем командира взвода. С осени 1941-го до января 1942 года воевал на Ленинградском фронте, на знаменитом пятачке под Ораниенбаумом. Был тяжело ранен, обморожен — едва не лишился обеих ног. В госпитале врачи запретили ему курить, и он послушался. Он всегда был дисциплинированным: дал слово — держи.

В 1944 году его послали в Высшую офицерскую школу самоходной артиллерии бронетанковых и моторизованных войск. После войны не демобилизовали, а оставили в кадрах как перспективного офицера. Окончил командный факультет Военной академии бронетанковых войск имени И. В. Сталина, затем Военную академию Генерального штаба с

золотой медалью. Командовал танковой армией.

В марте 1974 года его перевели в Генеральный штаб начальником Главного оперативного управления. Это ключевое подразделение Генерального штаба. Оно разрабатывает планы боевого использования армии и флота. Жена Ахромеева говорила потом журналистам, что каждое утро Сергей Федорович поднимался в пять часов двадцать минут, полтора часа в любую погоду делал зарядку на улице. В семь тридцать уезжал на работу, раньше одиннадцати вечера не возвращался.

В Афганистане руководил боевыми действиями вместе с Соколовым. Тоже получил звание Героя Советского Союза и маршальские погонь. Возглавил Генеральный штаб и стал первым заместителем министра обороны. В отличие от своего предшественника маршала Огаркова Сергей Федорович с министром не пререкался.

В перестройку Михаил Сергеевич Горбачев, министр иностранных дел Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе и секретарь ЦК КПСС Александр Николаевич Яковлев поставили перед собой задачу покончить с холодной войной, помириться со вчерашними врагами, сократить ядерные вооружения и не тратить на армию столько денег.

В 1988 году Ахромеев подал рапорт с просьбой освободить его от обязанностей начальника Генерального штаба. Ему исполнилось шестьдесят пять лет. Его сменил генерал-полковник Михаил Алексеевич Моисеев, который до этого командовал войсками Дальневосточного военного округа; это был человек Язова.

Горбачев не захотел отпускать Ахромеева на пенсию. Взял его к себе в советники, чтобы легче было решать разоруженческие вопросы. Ахромеев должен был договариваться с советскими генералами и одновременно производить впечатление на американцев, которые с почтением относились к маршалу, бывшему начальнику Генерального штаба.

В армии не принимали сокращений вооруженных сил и вооружений и продолжали считать Соединенные Штаты и НАТО врагами. Не понимали, как можно допустить роспуск Варшавского договора и вывод советских войск из Восточной Европы.

Руководство вооруженных сил не принимало ни новой политики Горбачева, ни попыток восстановить подлинные факты истории. Вот характерный пример.

30 января 1945 года немецкий лайнер «Вильгельм Густлофф» покинул рейд Хельской косы. Немцы покидали Восточную Пруссию, убегая от наступающей Красной армии. Лайнер превратили в огромную плавучую казарму. Кого там только не было! Военные моряки — от рядового состава

и унтер-офицеров до офицеров. Подводники, проходившие обучение (в том числе четыре роты учебного дивизиона, где готовили смертников). Вспомогательный состав ВМФ из Союза немецких девушек. Расчеты зенитных установок, спешно смонтированных на судне. Хорватские добровольцы... И вот на это судно, уже забитое до отказа, ринулись тысячи беженцев, в том числе с маленькими детьми.

Лайнер атаковала советская подлодка «С-13», которой командовал капитан 3-го ранга Александр Иванович Маринеско. Он выпустил три торпеды, все три попали в цель. Через сорок минут лайнер затонул. В ледяной воде погибли не меньше пяти тысяч человек — точное число пассажиров не удалось установить.

Маринеско после войны уволили с флота и посадили. Отправили в Ванино — это порт на Дальнем Востоке, где был лагерь. Здесь и держали одного из героев войны... Он умер в 1963 году в полной нищете.

Вернул в историю легендарного подводника Маринеско, который прославился успешными атаками на немецкий флот, очеркист «Известий» Эдвин Луникович Поляновский. Но когда он рассказал в газете о его подвиге, на него обрушилась вся военная машина. Жалобу в ЦК КПСС написал министр обороны маршал Язов. Но, несмотря на его сопротивление, через много лет после смерти Маринеско было присвоено звание Героя Советского Союза.

Мой коллега по «Известиям» Эдвин Поляновский описал историю еще одного героя войны — командира батальона Владимира Алексеевича Сапрыкина, учителя математики по профессии, награжденного орденами Красной Звезды и Александра Невского. В декабре 1943 года его батальон был окружен немецкими танками. Сапрыкин вызвал огонь на себя. Последние слова по радиосвязи: «Прощайте товарищи, умираю за родину!»

3 июня 1944 года ему посмертно присвоили звание Героя Советского Союза. К тридцатилетию победы поставили на родине памятную доску. А через два года последовал указ: отменить награждение «в связи с ошибочным представлением». Оказывается, тяжелораненый комбат попал в плен. Выжил. После войны решил не возвращаться на родину, зная, как Сталин относится к пленным, — не хотел вновь попасть в лагерь, на сей раз советский. Бывший комбат уехал в Канаду, поселился в Торонто.

Узнав об отмене указа, он написал советскому послу в Канаде Александру Николаевичу Яковлеву. Посол, сам фронтовик и инвалид войны, обратился к министру обороны маршалу Дмитрию Федоровичу Устинову. Тот высокомерно ответил:

— У нас в плену героев нет.

Но нашлись люди, думающие иначе. Сапрыкин немцам не служил — он не предатель, не пособник, ничем себя не опорочил. Восстановлением справедливости занялся полковник госбезопасности Петр Михайлович Дунаев. Его вызывал к себе первый заместитель председателя КГБ генерал армии Георгий Карпович Цинев, доверенное лицо Брежнева, вопрошал:

— Это почему же вы карателя защищаете?

Когда руководство Министерства обороны сменилось, обратились к новому министру — маршалу Дмитрию Тимофеевичу Язову. Тот отказал. Прошло некоторое время — еще одно обращение к Язову в поисках справедливости.

Маршал подписал ответ:

«Учитывая то, что Сапрыкин В. А. к настоящему времени умер, Министерство обороны СССР считает, что рассматривать вопрос о восстановлении его в звании Героя нецелесообразно».

Сначала, писал Поляновский, отобрали у героя войны «Золотую Звезду», потому что он оказался жив. А теперь не возвращают, потому что он умер. Причем Сапрыкин тогда еще был жив! И все-таки в декабре 1991 года отменили Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25 августа 1977 года «Об отмене Указа Президиума Верховного Совета СССР от 3 июня 1944 года в части присвоения капитану Сапрыкину В. А. звания Героя Советского Союза». Владимир Сапрыкин полгода не дожидаясь указа...

Военная верхушка по существу оказалась в оппозиции Горбачеву. В Москву прибыл министр обороны США (и будущий вице-президент) Дик Чейни. Маршал Язов пригласил американцев на ужин на подмосковную дачу Министерства обороны.

Чейни, желая сделать хозяевам приятное, произнес тост за президента Горбачева, только что удостоенного Нобелевской премии мира. В комнате воцарилось молчание. Ни один из советских военачальников не поддержал тост.

— У меня было такое чувство, — удивлялся потом Дик Чейни, — словно я сделал что-то непристойное на глазах у всех присутствующих. Ни премия Горбачеву, ни сам Горбачев не вызывали у них никакого энтузиазма.

19 августа 1990 года, ровно за год до путча, у Горбачева на одной из государственных дач в Мухалатке, неподалеку от Фороса, собрались руководитель Казахстана Нурсултан Абишевич Назарбаев, министр обороны Дмитрий Федорович Язов, член Президентского совета Вадим Андреевич Медведев, главный редактор «Правды» Иван Тимофеевич Фролов, председатель Совета национальностей Верховного Совета СССР Рафик Нишанович Нишанов, председатель Верховного Совета

Туркменской ССР Сапармурат Атаевич Ниязов, председатель Совета Союза Верховного Совета СССР Евгений Максимович Примаков, помощник президента Анатолий Сергеевич Черняев. Многие приехали с женами. Примаков, выросший в Тбилиси, был тамадой.

«Атмосфера искренности, приязни, симпатии и уважения друг к другу царила весь вечер на большой веранде над морем, — описывал встречу Черняев. — Шутки, анекдоты, случайные подробности биографий, как кто с кем когда впервые встретился, воспоминания.

Жена Язова рассказала просто романтическую историю: как она его “увидела”, “запомнила”, потом “разыскала” в дальнем гарнизоне, добилась, чтобы они наконец поженились...

А через год, почти день в день, в Форосе я видел старого маршала жалким, ничтожным, проклинающим себя за то, что он “пошел на такое дело”».

КРЮЧКОВ. ГЕНИЙ КАНЦЕЛЯРИИ

Почему председателем КГБ Горбачев сделал именно Крючкова? Ему предлагали кандидатуру генерала Филиппа Денисовича Бобкова, бывшего начальника 5-го управления. Можно предположить, что Михаил Сергеевич выбрал человека из разведки, полагая, что тот меньше руководителей внутренних подразделений КГБ станет противодействовать перестройке.

После смерти Андропова его многолетний помощник Крючков почувствовал себя крайне неуверенно. Он лишился опоры и искал, на кого опереться. Член политбюро Александр Яковлев вспоминал: «Крючков напористо полез ко мне в друзья, буквально подлизывался, постоянно звонил, зазывал в сауну, всячески изображал из себя реформатора». Во всех разговорах давал понять, что он — именно тот человек, который нужен Горбачеву. «Ругал председателя КГБ Чебрикова за консерватизм, — писал Яковлев, — а Бобкова поносил последними словами и представлял человеком, не заслуживающим доверия, душителем инакомыслящих».

Крючков упросил Яковлева познакомить его с Валерием Ивановичем Болдиным, главным помощником Горбачева, «объяснял просьбу тем, что иногда появляются документы, которые можно показать только Горбачеву, в обход председателя КГБ Чебрикова». Крючков добился своего.

Виктор Михайлович Чебриков руководил КГБ шесть лет. Он не терпел нарушений правил и инструкций.

Генерал Николай Михайлович Голушко, работавший у него в секретариате, вспоминал, как председатель КГБ в 1988 году уволил начальника Днепропетровского областного управления генерал-майора Юрия Филипповича Яковенко за то, что тот «ознакомил первого секретаря обкома с записью технического контроля телефонных переговоров одного из объектов разработки органов госбезопасности».

Генерал Виктор Георгиевич Буданов, который руководил службой внутренней безопасности в Управлении внешней контрразведки 1-го Главного управления КГБ, говорил мне:

— У Чебрикова я бывал не раз в связи с тем, что он занимался вопросами безопасности разведки. Я знакомил его с результатами работы. Чебриков — это воспитанный ЦК истукан. Определенное выражение лица, лощеность, шляпа — образ профессионального сотрудника партийного аппарата.

Но надо отдать ему должное: в сомнительных политических играх он

не участвовал. Если бы Горбачев не сменил Чебрикова на Крючкова, августовских событий 1991 года скорее всего не произошло бы.

Чебриков не уважал своего наследника. Перед уходом на пенсию Виктор Михайлович сказал Яковлеву:

— Я знаю, что ты поддержал Крючкова, но запомни: это плохой человек, ты это увидишь.

Уже после провала путча на выходе из Кремлевского дворца съездов прежний председатель КГБ Чебриков догнал Яковлева, похлопал по плечу и сказал:

— Помнишь, что я тебе говорил о Крючкове?

Горбачев знал, каким верным помощником Крючков был для Андропова, и хотел обрести такого же толкового и исполнительного подручного.

Владимир Александрович Крючков родился в Царицыне (ныне Волгоград) 29 февраля 1924 года, поэтому с днем рождения (не в високосный год) его поздравляли то 28 февраля, то 1 марта. На фронт будущий глава госбезопасности не попал, был нужнее в тылу — на комсомольской работе. Из комсомола — в районную прокуратуру. В 1951 году по направлению Сталинградского обкома партии Крючков отправился в Москву учиться в Высшей дипломатической школе. Это была высокая честь и возможность начать новую жизнь, поехать за границу.

Из всего потока один Крючков рискнул взяться за изучение непростого венгерского языка. В конце лета 1955 года молодой дипломат отправился в советское посольство в Будапеште третьим секретарем. Послом был Андропов — счастливый случай для Крючкова. Крючков проработал с Андроповым больше четверти века.

Юрий Владимирович, став председателем КГБ, сделал Крючкова начальником секретариата. Его кабинет находился прямо напротив председательского. Крючков всегда был под рукой, готовый дать справку, напомнить, выполнить любое указание, проследить за движением бумаг, — старательный, надежный, услужливый и безотказный исполнитель. Крючков боготворил начальника, знал наизусть его стихи.

Горбачев верил Крючкову и его информации. Валерий Болдин рассказывал, что с особо важными документами к Горбачеву председатель приезжал сам. Записи разговоров, в том числе телефонных, назывались «материалами технического контроля». После провала ГКЧП новый руководитель президентского аппарата Григорий Иванович Ревенко расскажет помощникам Горбачева, что КГБ прослушивал всех, начиная с самого Михаила Сергеевича, что весь Кремль утыкан «жучками» и

потребуется месяц, чтобы их извлечь.

Окружающих Крючков поражал заботой о собственном здоровье. Каждое утро вставал без четверти шесть, как бы поздно ни лег накануне, час делал зарядку на улице в любую погоду. Жил он на даче в поселке 1-го Главного управления КГБ. Строили загородные домики для приема иностранных гостей, но использовали как дачи руководства разведки. Отпуск брал зимой, поскольку обожал бегать на лыжах. Ходил в парилку, правда, не в русскую баню, а в сауну. Плавал в бассейне.

На посту председателя Крючков оказался в трудном положении. Логика развития событий не только противоречила его личным политическим взглядам, но и прямо вела к разрушению империи КГБ. Власть комитета таяла на глазах.

Глава Комитета госбезопасности был ближе других к Горбачеву. Они разговаривали каждый день, даже если президент уезжал отдыхать.

Когда человек так сильно приближается к первому лицу в государстве, снабжает его секретной информацией, предлагает варианты решений, у него создается обманчивое ощущение, будто он и сам мог бы справиться со всеми этими делами. Тем более раз первое лицо, по его мнению, слабак.

А в руках Владимира Александровича находился вполне исправный и мощный механизм. Численность КГБ составляла почти полмиллиона человек, из них двести двадцать тысяч пограничников, шестьдесят тысяч — войска правительственной связи. Генеральный штаб вооруженных сил страны 3 января 1990 года шифротелеграммой передал из состава воздушно-десантных войск и Главного командования сухопутных войск в подчинение КГБ 103-ю воздушно-десантную дивизию, 75-ю мотострелковую дивизию, 48-ю мотострелковую дивизию специального назначения, 27-й отдельный батальон специального назначения.

Иначе говоря, впервые в советской истории в руках руководителя органов госбезопасности оказалась серьезная военная сила. Предшественники Горбачева вели себя осторожнее!

Крючкова считали бледной тенью своего начальника и покровителя Юрия Андропова. Серая мышь, исполнительный помощник, правитель канцелярии Крючков в особой атмосфере тайной полиции чувствовал себя как рыба в воде. В Крючкове видели незаметного и неамбициозного исполнителя, готового выполнить любой приказ. Мастера на все руки. Таким он и был — до определенного момента.

Сидя на своих досье как Скупой рыцарь на мешках с золотом, Крючков начал мнить себя самостоятельным политиком, одним из вождей. Наступил момент, когда Владимиру Александровичу надоела роль

безмолвного исполнителя. Феноменальная память и фантастическая осведомленность о том, что происходит в стране, подогревали тщательно скрываемое честолюбие.

Горбачев пребывал в блаженной уверенности, что вознесенный на высокий пост председатель КГБ будет вечно хранить ему верность. А Крючков считал, что его заставили слишком долго ждать и что он достоин большей роли.

С ним произошло то, что случается со слугой, который днем разносит туфли для господина, а ночью тайно их примеряет. Из дня в день он докладывал Горбачеву секреты своих досье и постепенно исполнялся презрением к хозяину: тот все заглывал, но ничего не предпринимал. Горбачев слаб. Почему бы в таком случае не заменить его?

29 июля 1991 года Горбачев встретился в своей резиденции Ново-Огарево с президентом РСФСР Борисом Николаевичем Ельциным и президентом Казахстана Нурсултаном Абишевичем Назарбаевым.

«Разговор шел о том, какие шаги следует предпринять после подписания Союзного договора, — вспоминает Горбачев.

Согласились, что надо энергично распорядиться возможностями, создаваемыми договором и для республик, и для Союза...

Возник разговор о кадрах. В первую очередь речь, естественно, пошла о президенте Союза суверенных государств. Ельцин высказался за выдвижение на этот пост Горбачева. В ходе обмена мнениями родилось предложение рекомендовать Назарбаева на пост главы кабинета министров. Он сказал, что готов взять на себя эту ответственность... Конкретно встал вопрос о министре обороны Язове и председателе КГБ Крючкове — их уходе на пенсию.

Ельцин чувствовал себя неудобно: как бы ощущал, что кто-то сидит рядом и подслушивает. А свидетелей в этом случае не должно было быть. Он даже несколько раз выходил на веранду, чтобы оглядеться, настолько не мог сдержать беспокойства.

Сейчас я вижу, что чутье его не обманывало. Плеханов (начальник 9-го управления КГБ) готовил для этой встречи комнату, где я обычно работал над докладами, рядом другую, где можно перекусить и отдохнуть. Так вот, видимо, все было заранее «оборудовано», сделана запись нашего разговора, и, ознакомившись с нею, Крючков получил аргумент, который заставил и остальных окончательно потерять голову. Язов колебался: поддержать или нет Крючкова. Но запись подтолкнула его».

4 августа, в воскресенье, Горбачев улетел в Крым. Его провожало все руководство страны. Вице-президенту Геннадию Ивановичу Янаеву

Михаил Сергеевич сказал: «Ты остаешься на хозяйстве».

Раиса Максимовна Горбачева записала в дневнике: «Отлетали из Внуково-П. В павильоне аэропорта собрались все, кто обычно провожал... Ирина и я обратили внимание: у Янаева на руках экзема».

На следующий день после отъезда Горбачева, 5 августа, Валерий Иванович Болдин (заведующий общим отделом ЦК и глава президентской администрации) и секретарь ЦК Олег Семенович Шенин позвонили Крючкову. С намеком спросили: читал ли председатель КГБ проект Союзного договора и понимает ли он, что будет означать его принятие? Крючков предложил встретиться в неформальной обстановке и обсудить ситуацию.

Он же нашел и место встречи — особняк Комитета госбезопасности «АБЦ» на улице Академика Варги, 1. В служебных документах — «Объект КГБ СССР для обучения иностранцев и приема зарубежных делегаций». Здесь встречались высшие руководители Комитета госбезопасности, когда им хотелось отдохнуть и поговорить в неформальной обстановке. Сауна, бассейн, комнаты отдыха и хорошая кухня с запасом продуктов и спиртного на все вкусы... Объект круглосуточно охранялся прапорщиками КГБ. Право беспрепятственного доступа имели только председатель комитета и его заместители.

В восемь часов вечера на улицу Академика Варги прибыл министр обороны маршал Дмитрий Тимофеевич Язов с одним охранником и без машины сопровождения. С его автомобиля в целях конспирации даже сняли проблесковый маячок.

Затем приехали Крючков на «мерседесе», Болдин, Шенин, а также секретарь ЦК по военно-промышленному комплексу Олег Данилович Бакланов (он же председатель комиссии ЦК по военной политике и заместитель председателя Совета обороны).

В отсутствие Горбачева они чувствовали себя свободно и откровенно говорили о том, что наведение порядка в стране требует жестких мер и нужно их готовить. Разъехались около одиннадцати часов вечера.

На следующий день маршал Язов вызвал к себе командующего воздушно-десантными войсками Павла Сергеевича Грачева (удостоенного в Афганистане «Золотой Звезды» Героя «за умелое выполнение боевых задач при наименьших потерях среди личного состава»). Сказал, что поручает ему совместно поработать с КГБ над важным документом.

На следующий день Грачев подъехал к посту ГАИ на Ленинградском шоссе. Там его ожидала черная «Волга». Два молодых человека предложили пересесть к ним. Генерала доставили в красивый особнячок в

деревне Машкино Химкинского района Московской области. Это был объект 2-го Главного управления (контрразведка) под названием «конспиративная дача № 65».

Там, как это принято у чекистов в работе с доверенными лицами, уже был накрыт стол. Начали с обеда. Один из офицеров КГБ объяснил:

— Павел Сергеевич, нам поручено разработать проект решения политического руководства на случай передачи политической власти от Горбачева другому лидеру нашего государства.

— А кто этот другой?

— Мы сами не знаем.

Они выложили на стол охапку бумаг.

— А это что такое? — спросил Грачев.

— Варианты перехода власти от одного правителя к другому в различных странах.

— Вы там что, тоже работали?

Все заулыбались.

— Павел Сергеевич, если мы будем привлекать войска для усиленной охраны объектов, вы можете расписать, что нужно усиливать в городе Москве?

— Вы же знаете революцию семнадцатого года. Здания правительства, мэрии, банки, вокзалы, телефонные станции, телевизионные помещения... Можно набросать, конечно.

— И состав сил и средств, конечно.

— Тульская воздушно-десантная дивизия готова удерживать любой объект.

Втроем они подготовили обширную записку с указанием, какие потребуются силы. Грачев и предложил вызвать на случай волнений в Москве Тульскую воздушно-десантную дивизию. Отвезли доклад Крючкову, Грачев отдал сокращенную копию министру Язову.

14 августа Крючков собрал свою команду. На сей раз он рассуждал весьма откровенно. Объяснил, что Горбачев не в состоянии адекватно оценивать обстановку, у президента психическое расстройство. Так что, вероятно, придется все-таки вводить чрезвычайное положение.

Крючков сказал своему первому заместителю генерал-полковнику Гению Евгеньевичу Агееву, что создается Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП). Союзный договор 20 августа подписан не будет. Горбачева попросят передать власть ГКЧП. Если откажется, возникнет необходимость изолировать президента.

Крючков поручил Агееву подобрать связистов, которые этим займутся,

— им утром 18 августа лететь в Крым. Агеев отозвал из отпуска начальника Управления правительственной связи КГБ генерал-лейтенанта Анатолия Григорьевича Беду. 17 августа тот сформировал группу из пяти сотрудников во главе со своим первым заместителем генерал-майором Александром Сергеевичем Глуценко.

Крючков пригласил к себе и начальника службы охраны генерала Плеханова, который должен был обеспечить доступ в крымскую резиденцию Горбачева, а при необходимости ее изолировать. Плеханов, в свою очередь, вызвал начальника Специального эксплуатационнотехнического управления при Хозяйственном управлении КГБ генерал-майора Вячеслава Владимировича Генералова и поручил ему всё организовать на месте.

Кроме того, из отпуска отозвали начальника 12-го отдела КГБ Евгения Ивановича Калгина. Крючков пояснил: накануне подписания Союзного договора готовится крупная провокация. Приказал Калгину и Беду организовать прослушивание разговоров, которые ведут по телефонам правительственной связи руководители России.

17 августа Крючков приказал генерал-лейтенанту Евгению Михайловичу Расщепову, начальнику 7-го управления КГБ (наружное наблюдение, обыски, аресты) совместно с Министерством обороны спланировать операцию по задержанию и изоляции президента Российской Федерации Бориса Ельцина.

Фактически путч начался 17 августа 1991 года, в субботу.

У Крюčkова на все том же объекте «АБЦ» собрались министр обороны Язов, глава кабинета министров Валентин Сергеевич Павлов, секретарь ЦК Шенин, заместитель председателя Совета обороны Бакланов, руководитель президентского аппарата Болдин, заместитель председателя КГБ генерал-полковник Виктор Федорович Грушко, замминистра обороны генерал-полковник Владислав Алексеевич Ачалов и еще один заместитель министра обороны — главнокомандующий Сухопутными войсками генерал армии Валентин Варенников.

Сговорились лететь в Форос, чтобы заставить Горбачева ввести чрезвычайное положение. А если откажется, пусть подает в отставку.

И передает свои полномочия другим. В крайнем случае — объявить больным и изолировать в Форосе. Его обязанности примет на себя по конституции вице-президент Янаев. Для руководства страной сформировать Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР.

На следующее утро Язов провел совещание в министерстве со своими

заместителями и начальниками главных управлений. Приказал командующему Московским военным округом генерал-полковнику Николаю Васильевичу Калинину готовиться ввести в Москву 2-ю мотострелковую и 4-ю танковую дивизии; Грачеву — привести в повышенную боевую готовность 106-ю (Тульскую) воздушно-десантную дивизию.

Указом Янаева генерал Калинин был назначен комендантом Москвы. По просьбе КГБ он подписал впрок чистые бланки ордеров на арест. В дни путча он дважды выступит в программе «Время», и его мрачное лицо станет символом «нового порядка».

18 августа около часа дня в Крым вылетели Бакланов, Болдин, Шенин, Варенников; их сопровождали Плеханов, Генералов, сотрудники Управления правительственной связи (чтобы отключить Горбачеву все телефоны) и группа офицеров 18-го отделения службы охраны КГБ, вооруженная автоматами. В Центре правительственной связи в Ялте вместо дежурной телефонистки появился офицер КГБ СССР. У него было указание соединять только самого Генералова. Коммутаторы переключили на ручной режим.

18 августа на военном аэродроме Бельбек прилетевшую из Москвы депутацию — по приказу министра обороны Язова — встретил командующий Черноморским флотом адмирал Михаил Николаевич Хронопул о. На автомашинах двинулись в Форос.

Увидев своего непосредственного начальника генерала Плеханова, охрана президентской дачи беспрепятственно пропустила неожиданных гостей. Плеханов сразу переподчинил охрану президентской дачи Генералову. Тот распорядился отключить все виды связи, перекрыть доступ на президентскую дачу, заблокировать подъезд к резиденции и вертолетную площадку. Из своих людей установил дополнительные посты.

Плеханов и Генералов зашли в комнату начальника личной охраны президента генерала Владимира Тимофеевича Медведева в гостевом доме. Тот был поражен: накануне он разговаривал с Плехановым, и тот сказал, что прилетит 19 августа, а появился днем раньше.

Плеханов приказал Медведеву:

— Доложи, что к Михаилу Сергеевичу приехала группа товарищей. Просят принять.

Горбачев сидел в теплом халате — его прихватил радикулит — и читал газету.

— А зачем они прибыли? — удивился президент.

— Не знаю, — искренне ответил Медведев.

Члены ГКЧП надеялись заставить Горбачева примкнуть к ним и согласиться на введение в стране чрезвычайного положения. Предложили ему подписать соответствующий указ. Сообщили, что намерены арестовать Ельцина, как только он вернется в Москву из Казахстана.

Горбачев не согласился ввести чрезвычайное положение, интуитивно понимая, чем это кончится. В случае успеха это перечеркнуло бы всё сделанное им с 1985 года. А в случае неуспеха... Мы уже знаем, чем закончился путч.

Когда гости из Москвы вышли от Горбачева, Плеханов поинтересовался у Болдина:

— Ну, что там?

— Ничего не подписал, — разочарованно ответил Болдин.

Как только Михаил Сергеевич «дал отлуп», всё посыпалось. ГКЧП по природе своей, по своему составу изначально не способен был «сыграть в Пиночета»! Когда Горбачев отказался подписывать привезенные ему документы, планы заговорщиков рухнули. Они не были готовы действовать самостоятельно и вернулись в Москву в растерянности.

В Москве Янаев поинтересовался:

— Что же все-таки с Михаилом Сергеевичем?

Собравшаяся в Кремле компания не воспринимала вице-президента всерьез, поэтому ответили ему резковато:

— А тебе-то что? Мы же не врачи. Болен. Да и какая теперь разница? Страну нужно спасать.

Болдин внятно объяснил:

— Нам с вами теперь назад дороги нет.

Янаев подписал указ о том, что вступил в должность президента.

Вице-президент Геннадий Иванович Янаев, премьер-министр Валентин Сергеевич Павлов и заместитель председателя Совета обороны Олег Дмитриевич Бакланов подписали «Заявление Советского руководства». Там говорилось, что Горбачев по состоянию здоровья не может исполнять свои обязанности и передает их Янаеву, в отдельных местностях СССР вводится чрезвычайное положение сроком на шесть месяцев и для управления страной создается Государственный комитет по чрезвычайному положению.

С Валдая прилетел председатель Верховного Совета СССР Анатолий Иванович Лукьянов. Он не стал задавать пустые вопросы о самочувствии Горбачева, который искренне считал его своим другом, поинтересовался:

— А у вас есть план действий?

Янаев не горел желанием играть первую скрипку. Предложил

Анатолию Ивановичу:

— Может быть, тебе возглавить комитет? У тебя авторитета больше, а мне надо еще политическую мускулатуру нарастить.

Лукьянов благоразумно отказался. Но почему опытный Анатолий Иванович вообще ввязался в эту историю? Надо понимать, что, как и остальные, боялся: подписание Союзного договора и грядущие политические перемены лишат его должностей.

Совместными усилиями отредактировали и подписали «Обращение к советскому народу», «Обращение к главам государств и правительств и Генеральному секретарю ООН», а также постановление ГКЧП номер один.

Ровно в шесть часов утра в зале коллегии Министерства обороны появился Язов:

— Президент СССР находится в тяжелом состоянии. Управлять страной не может. Обязанности президента временно принял на себя вице-президент Янаев. Завтра, 20 августа, должен быть подписан новый Союзный договор. Но без Горбачева он подписан быть не может. Неподписание договора может вызвать негативные последствия в стране. Поэтому вводится чрезвычайное положение...

Маршал Язов приказал своему заместителю Ачалову силами спецназа воздушно-десантных войск блокировать телецентр «Останкино».

Около семи часов утра по приказу министра обороны 2-я стрелковая (Таманская) и 4-я танковая (Кантемировская) дивизии начали движение к Москве. За два часа до этого министр внутренних дел Борис Карлович Пуго приказал своему первому заместителю генерал-полковнику Ивану Федоровичу Шилову обеспечить машинами ГАИ армейские колонны, входящие в Москву. С помощью автоинспекции к десяти часам утра войска заняли ключевые позиции в городе.

В общей сложности в Москву ввели несколько сотен танков и бронемашин. Еще три парашютно-десантных полка — 15-й (из Тулы), 137-й (из Рязани), 331-й (из Костромы) — двигались в сторону Москвы. Ачалов приказал также перебросить из Одесской области 217-й и 229-й парашютно-десантные полки — они сосредоточились в районах аэродромов «Кубинка» и «Чкаловский».

В 9 часов 28 минут Язов подписал приказ о приведении вооруженных сил в повышенную боевую готовность.

19 августа люди проснулись в стране, где произошел переворот. Валентин Павлов, который все дни путча подстегивал себя изрядными порциями спиртного, открыл заседание кабинета министров ернически:

— Ну что, мужики, будем сажать или будем расстреливать?

Но у ГКЧП ничего не получилось. Заговорщиков не поддержали. Силовики раскололись: одни не проявили ни малейшего рвения, выполняя приказы, другие выжидали, наблюдая за происходящим, третьи вообще выступили против.

Члены ГКЧП недооценили руководителя России Бориса Николаевича Ельцина. Заговорщикам и в голову не приходило, что он станет сопротивляться. Они-то были уверены, что демократы — трусы, хлюпики и разбегутся, озабоченные только тем, как спасти свою шкуру.

Белый дом, резиденцию российской власти, окружили танками Таманской дивизии и бронемашинами Тульской воздушно-десантной дивизии. Российские депутаты в любую минуту ожидали штурма и ареста. Здание, вероятно, было бы в конце концов захвачено, если бы не действия Ельцина. Неожиданно для путчистов он не только не попытался с ними поладить и договориться на их условиях, а, напротив, объявил путчистов преступниками и потребовал сдаться.

Борис Николаевич стал символом законной власти, демократии и мужества. С этой минуты за действиями Ельцина стал следить весь мир. Увидев Ельцина на танке, люди поняли, что заговорщикам можно и нужно сопротивляться. Если президент России их не боится, почему должны бояться другие? И москвичи двинулись к Белому дому. Они провели здесь три дня и три ночи. Уходили. Возвращались. Встречали здесь знакомых и коллег. Они были готовы защитить Ельцина, потому что Ельцин защищал их. И другой защиты и надежды не было.

А Ельцин продолжал смело атаковать ГКЧП, в руках которого были армия, МВД и спецслужбы... Он подписывал один указ за другим, которые мгновенно распространялись по стране. Ельцин объявил членов ГКЧП уголовными преступниками и объяснил, что исполнение их приказов равносильно соучастию в преступлениях. Твердость и откровенность президента России создавали новую реальность. Местные руководители как минимум сохраняли нейтралитет и не спешили исполнять указания путчистов. А Ельцин прямо требовал задержать руководителей переворота.

С военной точки зрения захватить Белый дом было бы, наверное, не так уж сложно. Мешали люди, которые дежурили возле здания день и ночь. Чтобы добраться до Ельцина, их надо было перестрелять — на это ГКЧП не решился.

Командующий десантными войсками генерал Грачев не спешил выполнять приказы министра обороны. Он занял выжидательную позицию, и это было одной из причин провала путча.

Павел Грачев дал интервью о своем участии в событиях августа 1991

года для фильма Александра Борисовича Стефановича «Жаркий август 91 года»:

«Генерал-полковник Ачалов от имени министра обороны Язова отдал мне приказ: в 6 часов утра 20 августа силой задержать или силой захватить все руководство России вместе с Ельциным и в дальнейшем этапировать в то место, которое укажет старший начальник. Естественно, этот приказ слышал весь мой штаб. Я говорю:

— Ну что, командиры. Дошли до того времени, когда есть возможность пролить кровь. Приказано силой захватить здание. Они там вооружены, будут стрелять. И мы будем стрелять. Народу море. К чему это может привести? Общество расколото на две части. Начнется в Москве, а в провинции ждут. Какая ситуация будет в Москве — такая и по всей России. Это гражданская война. И мы с вами зачинщики войны. Что будем делать?

Надо признать, к чести моих заместителей, все в один голос заявили:

— Товарищ командующий, предлагаем этот приказ не выполнять.

— А все готовы потом со мной пойти под суд военного трибунала? Все, как один. Я сказал:

— Спасибо.

Вместо выдвижения мы оставались в моем кабинете».

Командующий военно-воздушными силами маршал Евгений Иванович Шапошников не поднял в воздух военно-транспортную авиацию, чтобы перебросить дополнительные десантные части, сослался на плохую погоду. Шапошников и Грачев договорились не участвовать в действиях ГКЧП.

Первый заместитель министра внутренних дел СССР армейский генерал Борис Всеволодович Громов советовал своему министру отказаться от участия в операции по захвату Белого дома. Борис Пуго улыбнулся и ответил:

— Это приказ, а приказы следует выполнять.

Генерал Громов не выполнил приказа. Позвонил командиру Особой мотострелковой дивизии имени Ф. Э. Дзержинского, предупредил, чтобы тот не выдвигал свои части в центр Москвы.

МВД расколосось.

Когда-то Хрущев, будучи хозяином страны, упразднил союзное Министерство внутренних дел. Никита Сергеевич решил, что вполне достаточно иметь республиканские министерства. А сменивший его Леонид Ильич Брежнев в 1966 году восстановил союзное министерство. При этом во всех республиках МВД остались, а в РСФСР исчезло.

Министерство внутренних дел РСФСР воссоздали только 6 октября 1989 года, когда стала меняться ситуация в стране. И зазвучали

недоуменные вопросы: почему Россия несправедливо обделена структурами управления? В первом ельцинском правительстве министерский портфель получил Виктор Павлович Баранников.

Баранников родился в Приморском крае в 1940 году. Отец погиб, воспитывала его мать. Семья переехала в Елабугу, где после школы Виктор Павлович работал токарем на Елабужском механическом заводе. В 1961 году его взяли в органы внутренних дел и послали в Елабужскую специальную среднюю школу милиции.

В Главном управлении МВД СССР по борьбе с хищениями социалистической собственности Баранников заведовал седьмым (валютным) отделом. В 1988 году его назначили первым заместителем министра внутренних дел Азербайджана. Из-за проблемы Нагорного Карабаха лилась кровь. В Азербайджане Баранников показал себя человеком, способным выйти к разъяренной толпе и ее успокоить...

А его будущий первый заместитель Виктор Федорович Ерин был на той же должности в Армении. Ерин вспоминал: «Я в Армении, Баранников в Азербайджане. Обстановка накаленная. Если я снимаю трубку ВЧ, звоню в Баку, то знаю, что даже в три часа ночи он сидит на рабочем месте! И мы всё обсуждаем».

Со временем Баранников лишится должности, во время октябрьских событий 1993 года окажется в оппозиции к Ельцину, попадет в тюремную камеру. Но в августе Министерство внутренних дел России выступило против ГКЧП.

ИВАНЕНКО. ПРОВАЛ АВГУСТОВСКОГО ПУТЧА

Опыт с восстановлением МВД РСФСР вдохновил российское руководство. Если республика теперь располагает собственными органами внутренних дел, почему бы не обзавестись и КГБ РСФСР? Союзный комитет воспринимался скорее как враждебная сила. Российскому руководству хотелось бы иметь чекистов на своей стороне. Предложение образовать российский Комитет госбезопасности представлялось экзотическим. Но интересным.

Долго искали подходящего человека на пост председателя КГБ РСФСР. Всех устроила кандидатура заместителя начальника Инспекторского управления КГБ СССР полковника Виктора Валентиновича Иваненко.

Считается, что работу госбезопасности контролировали партийные органы. В реальности партаппарат в чекистские дела не влезал. Реальный контроль осуществляло Инспекторское управление. Его создал Андропов, чтобы контролировать аппарат госбезопасности по всей стране. В аппарате почтительно говорили: Инспекторское управление — «мозговой центр Комитета госбезопасности». Двадцать лет управлением руководил генерал-лейтенант Сергей Васильевич Толкунов. Генерал выделялся на фоне других руководителей комитета. Держался в тени, но стал одним из самых влиятельных людей в комитете.

Генерал Толкунов произвел впечатление на весь комитет, когда затеял проверку 3-го Главного управления (военная контрразведка). Это была первая инспекция центрального аппарата КГБ. А 3-й главк многие годы находился внутри комитета на особом положении, потому что военную контрразведку опекал Георгий Карпович Цинев.

С 1974 года 3-м управлением руководил генерал-полковник Николай Алексеевич Душин. Перед этим он четыре года заведовал сектором в отделе административных органов ЦК КПСС.

Виктор Иваненко рассказывал:

— В 1987 году мои коллеги по Инспекторскому управлению собрали материалы о массовых нарушениях законности в органах военной контрразведки. Массу таких примеров набрали по Дальневосточному военному округу. Там процветали конъюнктура, липачество, когда во имя статистики ломали судьбы людей. «Не пойдешь в отпуск, — начальник

оперу говорит, — пока пять профилактик не проведешь. Или не заведешь дело по шпионажу». И опер начинает из пальца высасывать обвинения, фальсифицировать, нажимать на перо. Естественно, выдавали чистую липу. Инспекторское управление выявило в Особом отделе Дальневосточного военного округа случай, когда начальник отдела и старший оперуполномоченный просто выдумали шпионскую группу. Они выписали задание на проведение прослушивания, сами сели под эту технику и разыграли роли. Один изображал завербованного агента, второй — иностранного шпиона. Никто даже не сравнил голоса! И на основании этого завели дело, невиновного привлекли к уголовной ответственности.

Генерал Толкунов пошел к Чебрикову и получил санкцию на проверку органов военной контрразведки. Пересмотрели многие такие дела. Что могли, исправили. На заседании коллегии летом 1987 года начальнику военной контрразведки предъявили обвинения в нарушении законности. Председатель КГБ Чебриков освободил Душина от должности и отправил на пенсию.

Заместителя Толкунова полковника Иваненко привели к Ельцину. Профессиональному волейболисту и сибиряку Ельцину понравилось, что Иваненко играет в волейбол и что он из Тюмени. Но заметил председателю Комитета Верховного Совета России по безопасности Сергею Вадимовичу Степашину:

— Вроде мягковат.

Степашин возразил:

— Борис Николаевич, есть важный аргумент «за» Иваненко.

— Какой?

— Он, во-первых, прошел работу на местах, а во-вторых, знает все территориальные управления России. Это может пригодиться.

И точно — пригодилось. В августе 1991 года...

А за несколько месяцев до путча судьбу Иваненко решил Крючков. Четвертый этаж, где сидел председатель Комитета госбезопасности СССР, считался специальной зоной. Отдельный пост охраны.

— Меня провели в его кабинет, — рассказывал Иваненко. — Владимир Александрович очень вежливый человек. Встал навстречу. Устроились за приставным столиком. Разговаривали. Он пытался меня по-отечески воспитывать.

Полковника сочли компромиссной фигурой, устраивающей обе стороны.

Виктор Иваненко:

— Ельцину нужен был «троянский конь» на Лубянке, чтобы

парализовать работу КГБ против российского руководства. А Крючков хотел иметь своего человека рядом с Ельциным и получать какую-то информацию из его окружения...

15 апреля 1991 года Виктор Валентинович Иваненко стал генералом — в сорок три года. 6 мая Крючков и Ельцин подписали совместный «Протокол о договоренности по вопросу образования Комитета государственной безопасности РСФСР». И приказ о назначении Иваненко тоже подписали они оба.

Республиканский комитет создавался как институт демократического государства, подконтрольный обществу. Председатель КГБ РСФСР считал, что органы госбезопасности должны подчиняться закону, быть открытыми, не исполнять политические заказы.

Генерал Толкунов в 1991 году вышел на пенсию. А выходцы из Инспекторского управления КГБ СССР пытались реализовать его идеи в практике работы Комитета госбезопасности России, сознавая, как опасны вседозволенность и полное отсутствие контроля.

Главная задача, которую на сломе эпох ставили перед собой реформаторы, — сделать ведомство госбезопасности эффективным и безопасным для общества, защищающим и граждан, и государство. Для этого необходим контроль — президентский, парламентский, общественный. Постоянный, повседневный. Не за оперативной работой, разумеется, не за вербовкой агентуры. А прежде всего кадровый.

Иваненко приступил к формированию КГБ РСФСР. Небольшой аппарат российского республиканского комитета разместился в четырех кабинетах на седьмом этаже старого здания. Генерал хотел превратить республиканский Комитет госбезопасности в действующий орган. На Лубянке он был своим. Но постоянно утыкался в невидимую, но весьма ощутимую стену.

От Крючкова слышал одно и то же:

— Подожди, подожди. Вы там освойтесь, вникните...

Я спросил Виктора Иваненко:

— В протоколе, подписанном 6 мая, сказано: «Передать территориальные органы в ведение КГБ РСФСР». Неужели Крючков готов был весь российский аппарат госбезопасности отдать Борису Николаевичу Ельцину?

— Это было наше предложение. Что это за Комитет госбезопасности России, если ему не подчиняются территориальные органы? Крючков был против. Но пошел на компромисс. Видимо, он уже представлял, что впереди чрезвычайные события, и рассчитывал, что российский комитет

так и останется на бумаге.

В июне 1991 года собрали на Лубянке новых начальников отделов контрразведки территориальных органов КГБ России. Попросили выступить председателя КГБ РСФСР Иваненко. Он открытым текстом сказал:

— Ребята, на повестке дня смена общественного строя, готовьтесь.

Его помощник встревожился:

— Виктор Валентинович, вы такую крамолу несли! Да вас за это дело могут снять!

Виктор Иваненко:

— Ничего мне за это не было. Никто не донес, не стукнул. Уже джинн был выпущен из бутылки. Уже произошли события в Восточной Европе. Все видели, как менялся строй в Чехословакии, в ГДР. Как разгоняли министерство госбезопасности ГДР. Мы не хотели этого допустить у нас дома. Доказывали, что органы КГБ играют важную защитную роль. Надо только под контроль их поставить, надо, чтобы они подчинялись закону, а не партийным установкам.

В Инспекторском управлении КГБ СССР на партийном собрании один из офицеров напомнил, что статью шестую (о руководящей роли КПСС) из конституции убрали — в марте 1990 года на третьем Съезде народных депутатов. Почему чекисты должны подчиняться решениям партии? Почему в каждом решении коллегии КГБ ссылка на решения съезда партии, Центрального комитета?..

19 августа 1991 года в седьмом часу утра председателю КГБ России позвонил его заместитель генерал Владимир Андреевич Поделякин:

— Включи телевизор!

Передавали обращение Государственного комитета по чрезвычайному положению. Потом «Лебединое озеро»...

— Первый порыв — ехать на Лубянку, разбираться. А потом что-то меня тормознуло. Думаю: туда можно заехать — и не выехать. Двинусь-ка я лучше в Белый дом.

В восемь часов утра Иваненко вошел в Белый дом, где размещалось российское руководство. В приемной Бурбулиса его помощник на телефонах:

— Виктор Валентинович, что происходит?

Иваненко не колеблясь:

— Авантюра. Авантюра на три дня. Просто решили люди показать силу. Напугать.

Иваненко по АТС-1 набрал номер Крючкова. Удивительно —

телефоны не отключены. Путч, а все телефоны у российского руководства работают. Для чего? Прослушивать? Всех? Не хватит сил на это.

Крючков ответил со второго раза.

— Владимир Александрович, что происходит, почему танки на улицах?

— Надо наводить порядок в стране, — ответил председатель КГБ СССР.

— Владимир Александрович, ведь сейчас народ выйдет на улицы.

Крючков зло рассмеялся:

— За кого? За Горбачева?

— Владимир Александрович, это авантюра.

— История нас рассудит.

И положил трубку. Не стал дальше беседовать.

Иваненко начал обзванивать по широкому кругу всех своих знакомых по комитету. Выяснял, кто что знает. Начальник разведки генерал Леонид Владимирович Шебаршин признался:

— Я сам не понимаю, что происходит. Мне только велели группу быстрого реагирования привести в боевое положение, и всё.

Другие генералы знали планы ГКЧП. Скажем, начальник Московского управления Виталий Михайлович Прилуков. Иваненко набрал его номер. Московское управление — это же российский орган.

— Виталий Михайлович, что происходит?

Прилуков первым делом поинтересовался:

— А вы где находитесь?

— В Белом доме, у Ельцина.

— Понятно, потом поговорим.

Бросил трубку.

Постепенно из разговоров с работниками комитета картина начала проясняться. В город введены войска. Приведены в боевую готовность спецназ КГБ СССР, группы «Альфа» и «Вымпел». Но приказ действовать они не получили. Это была самая важная информация.

Народный депутат СССР и вице-мэр Москвы Сергей Борисович Станкевич вспоминал:

«Тихим ровным голосом Иваненко практически непрерывно вел телефонные переговоры. Когда вставала та или иная оперативная проблема, мы шли к Иваненко. Он быстро определял, на какие структуры или органы надо выйти для решения проблемы, находил там своих знакомых, и вскоре проблема решалась.

Наблюдать за такой работой профессионала, обычно скрытой от глаз

посторонних, было необычайно интересно. Иваненко был удивительно эффективен. Благодаря ему мы точно знали, какие части введены в город, где они размещены и какие им поставлены задачи».

Крючков подписал приказ о приведении в боевую готовность органов и войск КГБ. Распорядился задержать демократически настроенных политиков.

Герой Советского Союза генерал-майор Виктор Федорович Карпухин, командир «Альфы», рассказывал:

«Я получил приказ арестовать Ельцина и доставить на одну из специально оборудованных точек в Завидово... Я не хотел выполнять этот приказ. Докладывал в центр о подготовке к выполнению задания, жаловался на сложность ситуации, объясняя это тем, что могут быть лишние свидетели и невинные жертвы».

Даже чекисты, обученные беспрекословно исполнять приказ начальства, не во всем хотели участвовать.

Коллега Иваненко по Инспекторскому управлению генерал Владимир Кулаков начинал в Воронежском обкоме комсомола, после Высших курсов КГБ в Минске успешно продвигался по служебной лестнице:

— Августовский путч профессионалы в КГБ не поддержали. Да, Крючков участвовал. Но даже не все заместители председателя поддержали его, а только самые близкие люди, которых в органы госбезопасности в свое время направила партия. Было очень много руководителей, которые не просто поддержали Бориса Ельцина, а приняли меры к тому, чтобы не допустить кровопролития.

А в Белом доме у Иваненко родилась идея: направить служебные шифротелеграммы в территориальные органы КГБ и предупредить, чтобы они не участвовали в государственном перевороте, не выполняли указаний ГКЧП и Крючкова.

Иваненко написал:

«В этот критический для нашего общества момент все сотрудники органов безопасности должны проявить выдержку, благоразумие, способность трезво оценивать политическую ситуацию в стране, всемерно содействовать законно избранной народом власти в предотвращении использования военной силы и возможного кровопролития. Уверены, что сотрудники органов КГБ РСФСР решительно откажутся от участия в антиконституционном перевороте. С настоящей телеграммой ознакомить весь личный состав».

Эти слова в случае победы ГКЧП дорого бы обошлись автору. Помощники уговаривали Иваненко:

— Не надо этого писать.

Виктор Валентинович настоял на своем. Телеграмму перепечатали на бланке, поставили гриф «Срочно». Пошли в Шифровальное управление союзного комитета. Но там отказались отправлять шифровку. Тогда Баранников, министр внутренних дел Российской Федерации, предложил:

— Давай по нашим телетайпам отправим — и органам госбезопасности, и внутренних дел. Подпишем эту телеграмму оба.

Телеграмма, отправленная по телетайпам МВД России, дошла до всех. Виктор Иваненко:

— Одни собрали коллектив и зачитали телеграмму. Это смелость надо было иметь — вот получена телеграмма от председателя КГБ России Иваненко. В аппарате шум, гам. Кого слушать — Крючкова или Иваненко? Большинство заняло выжидательную позицию. Некоторые начальники эту телеграмму в стол, и молчок. За что потом поплатились должностями.

Валерий Борисович Ямпольский, председатель КГБ Чувашии, рассказывал мне:

— В тот острый момент царила растерянность. Поскольку я шесть лет работал в Инспекторском управлении и долгое время курировал автономные республики России, мне многие звонили: «Что делать-то?» Телеграмма, подписанная нашим руководителем Иваненко, председателем КГБ РСФСР, сыграла большую роль, оказала сдерживающее влияние на действия органов безопасности по всей России. Подавляющее большинство руководителей территориальных органов не стали предпринимать действия, которые диктовались приказами ГКЧП.

20 августа командир спецназа внешней разведки полковник Борис Петрович Бесков доложил своему непосредственному начальнику генерал-лейтенанту Шебаршину, что проведена рекогносцировка Белого дома. Вывод: попытка штурма — бессмысленная авантюра. Бесков служил в Афганистане, в январе 1991 года принял под командование Особый учебный центр (подчиненный 1-му Главному управлению), неофициальное название — Группа специального назначения «Вымпел».

Виктор Баранников в роли министра внутренних дел РСФСР приказал подчиненным ему частям ОМОНа и курсантам милицейских школ двинуться на помощь Белому дому. Такого никто не ожидал: республиканское министерство вышло из подчинения союзному! Союзный министр Борис Пуго потребовал не пускать в Москву курсантов. Местные УВД следили за передвижением курсантов и сообщали в приемную Пуго. Тот вновь и вновь приказывал: остановить! Но московский главк министерству фактически не подчинялся, а российское МВД твердо

поддерживало Ельцина. Пуго не мог понять, почему огромное министерство не в состоянии исполнить его волю.

Он вызвал к себе первого заместителя министра внутренних дел России Виктора Федоровича Ерина:

— Вы что, не понимаете политического значения момента? Вы же опытный профессионал, о вас хорошее мнение. Мы должны быть убеждены в вашей лояльности.

— Борис Карлович, о какой лояльности здесь можно говорить? Есть правительство, есть Верховный Совет России. Они однозначно обозначили свою позицию. И Министерство внутренних дел будет эту позицию выполнять в соответствии с законами России. У вас не должно быть на этот счет иллюзий.

Вечером 20 августа на заседании ГКЧП его участники пришли к выводу, что события развиваются неудачно. Янаев огорченно признал, что их никто не поддерживает.

Крючков возразил:

— Не всё так плохо.

Геннадий Иванович с удивлением посмотрел на председателя КГБ:

— Мне докладывают так, как есть.

Крючков улыбнулся:

— Вот и неправильно делают. Надо докладывать то, что надо, а не то, что есть...

Но умелец он был только по части докладов начальству.

Проблема ГКЧП состояла еще и в полной бездарности его руководителей. Штаб заговорщиков действовал из рук вон плохо. Если бы в Кремле сидели другие, более решительные люди, они бы ни перед чем не остановились. Может быть, страну к прежнему бы и не вернули, но крови пролили бы немало...

21 августа с утра у Янаева снова собрались участники ГКЧП. Стало ясно, что путч провалился. Язов приказал вывести войска из города. Обреченно сказал:

— Мы проиграли. Умели нашкодить, надо уметь и отвечать. Полечу к Михаилу Сергеевичу виниться.

Члены ГКЧП и председатель Верховного Совета Лукьянов прилетели на поклон к президенту СССР первыми. Но Горбачев с ними разговаривать не стал.

Вячеслав Генералов потом рассказывал следователям, что путчисты выглядели «как нашкодившие пацаны», маршал Язов напоминал «прапорщика в повисшем кителе».

На обратном пути генеральный прокурор России Валентин Георгиевич Степанков предъявил Крючкову ордер:

— Владимир Александрович, вы арестованы.

Крючков обреченно сказал:

— Теперь комитету конец.

В определенном смысле он был прав. Если бы он не устроил эту авантюру, возможно, и СССР бы не распался, и КГБ сохранился как единый организм.

А вот каким Язова в августе 1991-го запомнил помощник президента Анатолий Черняев:

«Маршал, весь потный в своем мундире, сидел, согнувшись, на стуле на нижнем этаже служебного помещения в Форосе... фуражка у ног на полу. И бормотал:

— Старый дурак! Связался с этой шантрапой!

Еще бы! Это потом, после ельцинской амнистии, он строил из себя спасителя отечества. А тогда, видно, скребло на душе: нарушил военную присягу и попрали офицерскую честь».

«Известия» опубликовали стенограммы допросов членов ГКЧП.

— Лучше всего провалиться бы мне сквозь землю, — говорил следователю маршал Язов, — чувствую себя бесконечно несчастным. Хотел бы попросить прощения и у Горбачевой, и у Михаила Сергеевича. Осознаю свою вину перед народом...

Следователь объяснил Язову:

— Вы можете обратиться к Горбачеву.

— В ноябре исполнится пятьдесят лет моего пребывания в вооруженных силах, а я, старый дурак, участвовал в этой аванюре, — сказал бывший министр обороны. — Сейчас я сожалею и осознаю, какой кошмар я вам приготовил. И сейчас сожалею... Хотел бы попросить вас, чтобы меня не предавали суду военного трибунала, а просто отправили на покой. Я осуждаю эту авантюру. И буду осуждать до конца жизни то, что я причинил вам, нашей стране и нашему народу...

Недавний начальник Генштаба Сергей Ахромеев вместе с министром обороны Дмитрием Язовым и заместителем министра по чрезвычайным ситуациям Владиславом Ачаловым изучали план захвата Белого дома, где находилось все российское руководство во главе с Ельциным. Три крупнейших военачальника страны готовили штурм здания, охранявшегося горсткой милиционеров...

Но Сергей Федорович быстро понял, что из этой затеи ничего не выйдет. Когда путч провалился, всех его участников назвали

преступниками. Руководителей ГКЧП арестовали. Вероятно, маршал тоже ждал ареста. Он приезжал в Кремль, сидел в своем кабинете. Но никто к нему не заходил, никто не звонил. Когда встречал знакомых в коридоре, они отводили глаза. Из всех помощников, советников и референтов Горбачева он один поддержал ГКЧП. Ахромеев покончил с собой в своем кремлевском кабинете.

22 августа 1991 года коллегия КГБ СССР полностью открестилась от Крючкова:

«Действия заговорщиков, сорванные решительными выступлениями демократических сил страны, нельзя расценивать иначе как выступление против конституционных властей и правопорядка, защищать которые призваны органы государственной безопасности. Сотрудники КГБ не имеют ничего общего с противозаконными актами группы авантюристов. Они тяжело переживают тот факт, что честь органов госбезопасности замарана участием руководителя КГБ СССР в так называемом Государственном комитете по чрезвычайному положению».

А на площади Дзержинского перед старым зданием КГБ шел митинг. Толпа подступила к дверям здания комитета. Звучали призывы: «Давай вытряхнем их отсюда!»

Чекисты — десятки тысяч хорошо подготовленных и вооруженных людей — испуганно замерли в своих кабинетах, боясь, что толпа ворвется в здание и их всех выгонят, как выгнали сотрудников ЦК КПСС. Но снесли только памятник Дзержинскому и со старого здания комитета сняли памятную доску, посвященную Андропову. Чекисты не посмели выйти из здания и защитить своих кумиров, хотя толпа была совсем небольшой.

Тогда высказывались разные точки зрения на будущность Комитета госбезопасности. Многие предлагали вообще ликвидировать опасное ведомство и создать совершенно новую службу из новых людей и на новых принципах. Кроме того, союзные республики требовали поделить комитет, чтобы создать собственные силовые структуры.

Госбезопасность потеряла то место, ту силу и то влияние, которые она имела в стране с 1917 года. Страх перед ведомством на Лубянке исчез. Это результат не одних только демократических преобразований в обществе. Определяющее значение имела позиция первого человека в стране. Ельцин в определенном смысле был похож на Хрущева: недолюбливал госбезопасность и не доверял ей. Вероятно, на него подействовали те годы, когда он, лидер оппозиции, находился под неусыпным контролем КГБ.

Строго говоря, если бы бывшего партийного работника и министра внутренних дел Вадима Викторовича Бакатина не назначили после путча

председателем КГБ, радикально настроенные российские депутаты могли потребовать вовсе распустить комитет. Появление на Лубянке популярного Бакатина помогло спасти Комитет госбезопасности от полного разгрома.

— Спецслужбы в такой период очень нужны, — говорил Вадим Бакатин. — Все мы наполовину в социализме, наполовину в капитализме. Выгнать старых профессионалов — значит разведку ликвидировать. Только если кому-то идеология мешает служить государству, тогда от него надо избавиться.

Бакатин передал войска КГБ Министерству обороны. Это были те несколько дивизий, которые с дальним прицелом на случай чрезвычайного положения забрал у армии его предшественник Крючков.

Пограничные войска тоже вывели из КГБ. Создали самостоятельный Комитет по охране государственной границы. После распада СССР Ельцин включил пограничников в состав Министерства безопасности Российской Федерации. В 1993 году они опять получили самостоятельность, и была образована Федеральная пограничная служба. А через десять лет, в марте 2003 года, президент Владимир Владимирович Путин включил пограничников в состав Федеральной службы безопасности.

Службу охраны — бывшее 9-е управление, которое заботилось о членах политбюро, подчинили непосредственно Горбачеву. Председатель КГБ уже не мог арестовать президента. При Ельцине появились сразу два ведомства — Служба безопасности президента (ее возглавлял всесильный генерал Александр Васильевич Коржаков) и Главное управление охраны, охранявшее остальных государственных чиновников. Затем обе службы объединили в единую Федеральную службу охраны Российской Федерации.

Управление правительственной связи, 8-е Главное управление (обеспечение безопасности собственных секретных переговоров и расшифровка чужих) и 16-е управление (перехват радио-и телефонных переговоров) тоже изъяли из состава КГБ и объединили в отдельный Комитет правительственной связи при президенте СССР.

Председатель КГБ уже ни у кого не мог отключить связь. И информация, получаемая радиоэлектронной разведкой, пошла президенту напрямую, а не через председателя КГБ. С 1993 года это ведомство называлось ФАПСИ — Федеральное агентство правительственной связи и информации при президенте России.

Президент Путин расформировал агентство. 3-е Главное управление (радиоэлектронная разведка) ФАПСИ поделили Служба внешней разведки и ФСБ. Федеральной службе безопасности достались также войска

радиоэлектронной разведки и 2-е Главное управление (безопасность связи, дешифрование и криптография).

Основная часть наследства ФАПСИ, как ни странно, перешла к Федеральной службе охраны: бывшее 1-е Главное управление (правительственная связь), войска правительственной связи, Главное управление информационных ресурсов (вся информация, которая циркулирует в закрытых сетях органов власти), Главное управление информационных систем (изучение общественного мнения). В составе ФСО образовали Службу специальной связи и информации...

Бакатин упразднил бывшее 5-е управление, которое занималось политическим сыском, слежкой за интеллигенцией, церковью, национальными движениями: «Слежка, или политический сыск, или надзор по политическим мотивам, прекращены полностью, за это я могу ручаться».

Такие слова значили многое. Но Бакатин не задержится на Лубянке.

Последний советский министр обороны маршал Евгений Иванович Шапошников просил передать в министерство 3-е Главное управление КГБ — военную контрразведку. Бакатин согласился было, но в Кремле не захотели, чтобы армейская контрразведка стала карманным ведомством Министерства обороны. Контроль над армией остался в руках начальника госбезопасности.

Но от контроля над милицией органы госбезопасности временно вынуждены были отказаться — настоял ставший очень влиятельным новый министр внутренних дел СССР Виктор Павлович Баранников.

Путч полностью изменил положение КГБ России. Из небольшого подразделения, которое многим на Лубянке казалось лишь вынужденной уступкой общественному мнению, республиканский комитет на глазах превращался в мощную структуру. Без председателя КГБ России Иваненко серьезные решения не принимались.

4 сентября Бакатин издал приказ «О неотложных мерах по обеспечению формирования и деятельности КГБ РСФСР», которым передал российскому комитету все областные и краевые управления КГБ по России, а также комитеты госбезопасности автономных республик. Отныне руководители центрального аппарата могли давать указания российским чекистам, только согласовав их с Иваненко.

За собой Бакатин оставил координацию работы республиканских комитетов. 30 сентября Ельцин подписал указ об укреплении системы госбезопасности. В пункте третьем черным по белому было написано: российский КГБ — преемник союзного комитета на всей территории

РСФСР.

3 декабря 1991 года Комитет государственной безопасности СССР прекратил свое существование. В этот день союзный Верховный Совет принял закон «О реорганизации органов государственной безопасности». Горбачев сразу же его подписал.

Закон упразднял КГБ СССР и предписывал создать на его базе два ведомства — Межреспубликанскую службу безопасности (Бакатин) и Центральную службу разведки СССР (Примаков).

В коллегия Межреспубликанской службы безопасности вошли руководители КГБ союзных республик, с каждой из которых был заключен договор о сотрудничестве. Бакатину предстояло координировать деятельность органов госбезопасности республик.

Межреспубликанская служба безопасности виделась чем-то вроде американского ФБР.

Но союзные законы, как и указы Горбачева, уже не имели практического значения. А через несколько дней — после встречи в Беловежской Пуще президентов России Бориса Николаевича Ельцина, Украины Леонида Макаровича Кравчука и председателя Верховного Совета Белоруссии Станислава Станиславовича Шушкевича — утратили и юридический смысл.

После Беловежской Пуцци ни Шушкевич, ни Кравчук не захотели встречаться с Горбачевым. В Кремль пришел один Ельцин. Горбачев рассказывал своему пресс-секретарю Андрею Серафимовичу Грачеву:

— Ельцин перезвонил и сказал, что опасается за свою безопасность. Боится, что его здесь арестуют. Я ему сказал: «Ты что, с ума сошел?» Он говорит: «Может, не я, а кто-то еще».

Вопрос о том, что Горбачев запросто мог арестовать участников встречи в Беловежской Пуще и объявить их заговорщиками, возникал не раз. Но сам Михаил Сергеевич понимал, что это невозможно политически: его в стране уже никто не поддерживал. Доверие России к Ельцину было в тот момент огромным. Все шаги Горбачева воспринимались как попытка сохранить свое место.

Но российский президент и его окружение тревожились: не попытается ли Горбачев в последний момент сохранить власть силой?

Горбачев пригласил министра обороны СССР маршала Шапошникова для разговора по душам, угостил коньяком, расспросил о семье, а потом завел речь о главном: сохранить единый Советский Союз — нет задачи важнее. Михаил Сергеевич сказал, что мысленно перебрал тысячу вариантов выхода из кризиса, приемлем только один:

— Вы, военные, Министерство обороны, командующие округами, берете власть в свои руки, стабилизируете обстановку, страна успокаивается, потом создаете удобное для вас правительство и уходите в сторону.

— И отправляемся напрямиком в Матросскую Тишину, — продолжил Шапошников.

— Почему? — спросил Горбачев.

— Потому что в августе уже делали такую попытку, и что из нее вышло? А сейчас демократические настроения на подъеме, у Ельцина рейтинг — выше не бывает. Люди выйдут на улицы — что с ними делать? Стрелять в них? Я не стану.

— Ты что, Женя? — удивился Горбачев. — Я тебе ничего такого не предлагаю. Я просто рассуждаю вслух.

На сем разговор окончился.

После этой беседы один из общих знакомых передал маршалу мнение Михаила Сергеевича: «Шапошников — неплохой парень, но для министра обороны слишком интеллигентен». Такие же предложения Шапошникову делали и некоторые другие крупные политики. Маршал решительно отказывался.

— Неужели у вас никогда не возникало желания взять управление страной в свои руки, стать хозяином страны? — спрашивал я потом Шапошникова.

— Никогда! — отрезал маршал. — А зачем? Чтобы пролить кровь?

А как себя поведут недавние сотрудники Горбачева Вадим Бакатин и Евгений Примаков, возглавивший разведку?

9 декабря 1991 года начальника разведки Примакова без объяснения причин попросили приехать из Ясенева на Лубянку. В кабинете Бакатина глава российской госбезопасности Виктор Иваненко передал им обоим пожелание российского правительства проявить благоразумие, то есть не сопротивляться неизбежному распаду Советского Союза и переходу власти к Ельцину. Примаков ответил, что разведка — вне политики.

Какой была реакция на распад Советского Союза военных? Потом многие из них называли происшедшее в Беловежской Пуще предательством. Но почему же в декабре 1991 года они ничего не попытались предпринять?

Я спрашивал генерала армии Андрея Ивановича Николаева, который потом станет первым заместителем начальника Генерального штаба Вооруженных сил России:

— Какими были настроения военных в 1991 году? Могла армия

поднять восстание против того, что происходило?

— Я думаю, что это абсолютный миф. Я командовал тогда армией на Украине — даже темы такой не было для обсуждений.

— А если бы нашелся генерал, который бы воскликнул: «Нет, мы этого не допустим!» — вы бы присоединились к нему?

— А чего не надо было допускать?

— Распада Советского Союза.

— Я служил на территории Украины, а уже 24 августа Украина провозгласила «незалежность». Все командующие округами и армиями присягнули на верность Украине. Кроме меня. Нас приводили к присяге в здании нынешней Верховной рады. Когда большинство генералов и офицеров присягнули на верность Украине, закончились разговоры об СССР.

Значительная часть офицерского состава видела в тот момент в Ельцине человека, который способен поднять вооруженные силы.

В августе 1991 года Ельцин образовал республиканское Министерство обороны. Его возглавил генерал-полковник Константин Иванович Кобец, до избрания народным депутатом РСФСР начальник войск связи вооруженных сил — заместитель начальника Генштаба. 9 сентября должность министра обороны РСФСР была упразднена.

Раздел вооруженных сил после распада единого государства шел трудно. 16 марта 1992 года Ельцин подписал указ о Министерстве обороны и Вооруженных силах Российской Федерации, обязанности министра обороны возложил на себя. 18 мая назначил министром обороны Павла Сергеевича Грачева, который перешел на сторону российской власти в решающие августовские дни девяносто первого. Присвоил ему звание генерала армии.

Ведомство госбезопасности разделили быстрее.

Вместо послесловия.

Силовики исчезают, чтобы появиться ВНОВЬ

После Беловежской Пущи нужда в Межреспубликанской службе безопасности отпала. Каждая республика обзаводилась собственным ведомством госбезопасности.

Ельцин пригласил к себе Бакатина. Желая подсластить пилюлю, предложил последнему председателю КГБ СССР дипломатическую работу:
— Выбирай себе любое посольское место. Кроме Америки.

Знавший себе цену Вадим Викторович ответил, что ему надо разобраться, подумать, неудобно из команды Горбачева сразу перескакивать в команду Ельцина. Борис Николаевич пожал плечами: была бы честь предложена...

Бакатин собрал вещи и покинул Лубянку. Он руководил Комитетом госбезопасности сто семь дней. К облегчению чекистов, правительство отправило его в пятьдесят пять лет на пенсию. Чекисты не оценили того, что в реальности Бакатин спас всё, что мог спасти в тот момент, когда общество требовало снести Лубянку.

Через год Бакатин обратится к Ельцину с просьбой подыскать ему работу. Ответа не последует. Вадим Викторович гордый человек. Не смог переломить себя и попроситься на прием. Ждал, когда позовут. Не позвали. Но насколько я знаю Бакатина, он принадлежит к числу людей, которые стараются не сожалеть о том, что сделано.

А что же станет с аппаратом госбезопасности после всех этих драматических перемен — вот что всех интересовало. Коллеги спешили поздравить Виктора Валентиновича Иваненко. Он мог стать полновластным хозяином Лубянки. Но у Ельцина, оказалось, иные планы.

Ельцин относился к генералу Иваненко, кадровому чекисту, с недоверием. И в окружении президента России были очевидные фавориты, которые в штыки встретили чужака. Интриги раздирали молодую российскую власть. В тот самый момент, когда страна находилась в тяжелейшем положении. И иногда казалось, что всё рушится.

Ельцин раскрыл карты:

— Я принял решение слить органы государственной безопасности с Министерством внутренних дел.

Иваненко как профессиональный чекист реагировал очень болезненно:
— Борис Николаевич, этого нельзя делать. Эти системы должны работать отдельно. Зачем создавать такой неуправляемый конгломерат?

Пытался найти убедительные аргументы:

— Ведь то, что КГБ и МВД традиционно конкурируют между собой, для вас же лучше! Объединение будет означать победу одной группировки над другой.

Ельцин отрезал:

— Я решение принял. Свое решение менять не буду. Вы многого не понимаете. Ну, если вы не хотите соглашаться с этим предложением, то мы поищем другого человека. Всё, разговор окончен!

26 ноября Ельцин подписал указ о преобразовании КГБ РСФСР в Агентство федеральной безопасности. Иваненко достались все наиболее жизнеспособные подразделения союзного КГБ, включая Службу наружного наблюдения и Управление оперативной техники.

А 19 декабря Ельцин подписал указ № 289 «Об образовании Министерства безопасности и внутренних дел» на базе МВД СССР, МВД РСФСР, Межреспубликанской службы безопасности (КГБ СССР) и Агентства федеральной безопасности РСФСР (бывший КГБ РСФСР). Указ означал, что подчиненное Иваненко агентство теряет самостоятельность и включается в состав нового министерства.

Конституционный суд отменил указ Ельцина. Потерпев поражение в суде, Ельцин не отступил. 24 января 1992 года на базе упраздненных АФБ и Межреспубликанской службы безопасности Ельцин образовал Министерство безопасности. Министром сделал Баранникова.

Вячеслав Васильевич Костиков, бывший пресс-секретарь президента, пишет, что Ельцина связывал с Баранниковым весь набор признаков закадычной дружбы: и застолья, и охота, и игра в домино, и совместные поездки на дачу. Виктор Павлович умел всё, чему учит комсомольская школа: выпить и закусить, побалагурить, позабавить начальство анекдотом. Он был доброжелателен, легко подхватывал шутку.

Костиков попросил Баранникова выдать ему пистолет, потому что все другие помощники президента имели оружие с августа 1991 года.

— Зачем тебе пистолет, дорогой? — спросил пресс-секретаря министр безопасности. — Скажи, кто мешает...

И весело рассмеялся.

Если бы Борис Николаевич Ельцин доверил службу госбезопасности не Виктору Павловичу Баранникову, а Виктору Валентиновичу Иваненко, он бы сам избежал многих неприятностей. И страну бы от них избавил.

Российский комитет госбезопасности формировался как принципиально иная структура в соответствии с базовыми принципами создававшейся тогда демократической России.

Иваненко не нашли места в системе государственной власти новой России. После образования Министерства безопасности его отозвали из отпуска. Пригласили к заместителю Баранникова по кадрам. Тот охал и ахал:

— Как же так, молодой генерал, что же с тобой делать?

Виктор Валентинович и без генеральских погон не пропал. Нашел себе применение. Без дела не остался. Но любимой работы лишился.

Важнейшие институты советской системы остались неизменными. Благополучно пережили распад Советского Союза и крах социализма. Жизнь сохранила прежнюю иерархию: значимы только те, кто служит власти. И многие заранее согласны с тем, что аппарат, то есть начальство, высшие чиновники имеют полное право командовать. Готовы терпеть, слушаться. Правильно голосовать. Возмущаться чужими. Восхвалять своих. Как велено...

Суд, прокуратура, ведомство госбезопасности, органы внутренних дел сохранились как инструменты контроля над страной. Некоторое время эти структуры словно пребывали в летаргии, находились в спящем режиме.

Силовики, отодвинутые революционными переменами в сторону, с обидой и раздражением, а то и с плохо скрываемой ненавистью следили за деятельностью молодых реформаторов. Ждали, когда вновь придет их время. Дождались.

Литература

Ленин В. И. Известные документы. 1891–1922 / Сост. Ю. Н. Амиантов и др. М., 1999.

Стенограммы заседаний политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). 1923–1938: В 3 т. М., 2007.

Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. М., 2013. Т. 6. Тайная война: Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны.

Лубянка. ВЧК — ОГПУ — НКВД — НКГБ — МГБ — МВД — КГБ: Справочник (Документы). М., 1997, 2003.

Лубянка. Сталин и ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД: Документы: Январь 1922 — декабрь 1936 / Сост. В. Н. Хаустов и др. М., 2003.

Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938 / Сост. В. Н. Хаустов и др. М., 2004.

Лубянка. Сталин и НКВД — НКГБ — ГУКР «Смерш». 1939–1946 / Сост. В. Н. Хаустов и др. М., 2006.

Лубянка. Сталин и МГБ СССР. Март 1946 — март 1953 / Сост. В. Н. Хаустов и др. М., 2007.

Москва военная. 1941–1945: Мемуары и архивные документы / Сост. М. М. Горинов и др. М., 1995.

«Особая папка» Сталина: Из материалов Секретариата НКВД — МВД СССР. 1944–1953 / Под ред. В. А. Козлова, С. В. Мироненко. М., 1994.

Политбюро и органы государственной безопасности: Сборник документов. М., 2017.

Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953 / Сост. О. В. Хлевнюк и др. М., 2002.

«Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): В 10 т. / Под ред. Г. Н. Севостьянова и др. М., 2001–2008. Т. 1–8.

Советская элита на сталинской голгофе. 1937–1938. Архив Сталина: Документы и комментарии / Сост. В. Н. Хаустов. М., 2011.

РКП(б). Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. Документы и материалы. 1923 / Сост. В. П. Вилкова. М., 2004.

На приеме у Сталина: Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.) / Под ред. А. А. Чернобаева. М., 2008.

Василевский А. М. Дело всей жизни. М., 1978.

- Еременко А. И.* Дневники, записки, воспоминания. 1939–1946. М., 2013.
- Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. М., 2002.
- Маршалы Советского Союза: Личные дела рассказывают.* М., 1996.
- Микоян А. И.* Так было: Размышления о минувшем. М., 1999.
- Млечин Л. М.* Русская армия между Троцким и Сталиным. М., 2002.
- Млечин Л. М.* Иосиф Сталин, его маршалы и генералы. М., 2005.
- Невежин В. А.* Застолья Иосифа Сталина: Большие кремлевские приемы 1930–1940-х гг. М., 2011.
- Петров Н. В.* Первый председатель КГБ Иван Серов. М., 2005.
- Устинов Д. Ф.* Во имя Победы. М., 1988.
- Устинов И. Л.* Крепче стали: Записки ветерана военной контрразведки. М., 2005.
- Шапошников Е. И.* Выбор: Записки главнокомандующего. М., 1993.
- Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. М., 1989.
- Хлевнюк О. В.* Хозяин: Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2012.
- Хрущев Н. С.* Время. Люди. Власть: В 4 кн. М., 1999.
- Язов Д. Т.* Удары судьбы: Воспоминания солдата и маршала. М., 2016.
- Язов Д. Т.* Маршал Соколов. М., 2009.
- Яковлев А. С.* Цель жизни. М., 1987.

Примечания

1

Цитата дана по рабочим тетрадям А. Т. Твардовского (запись от 15 февраля 1966 года). — *Прим. авт.*